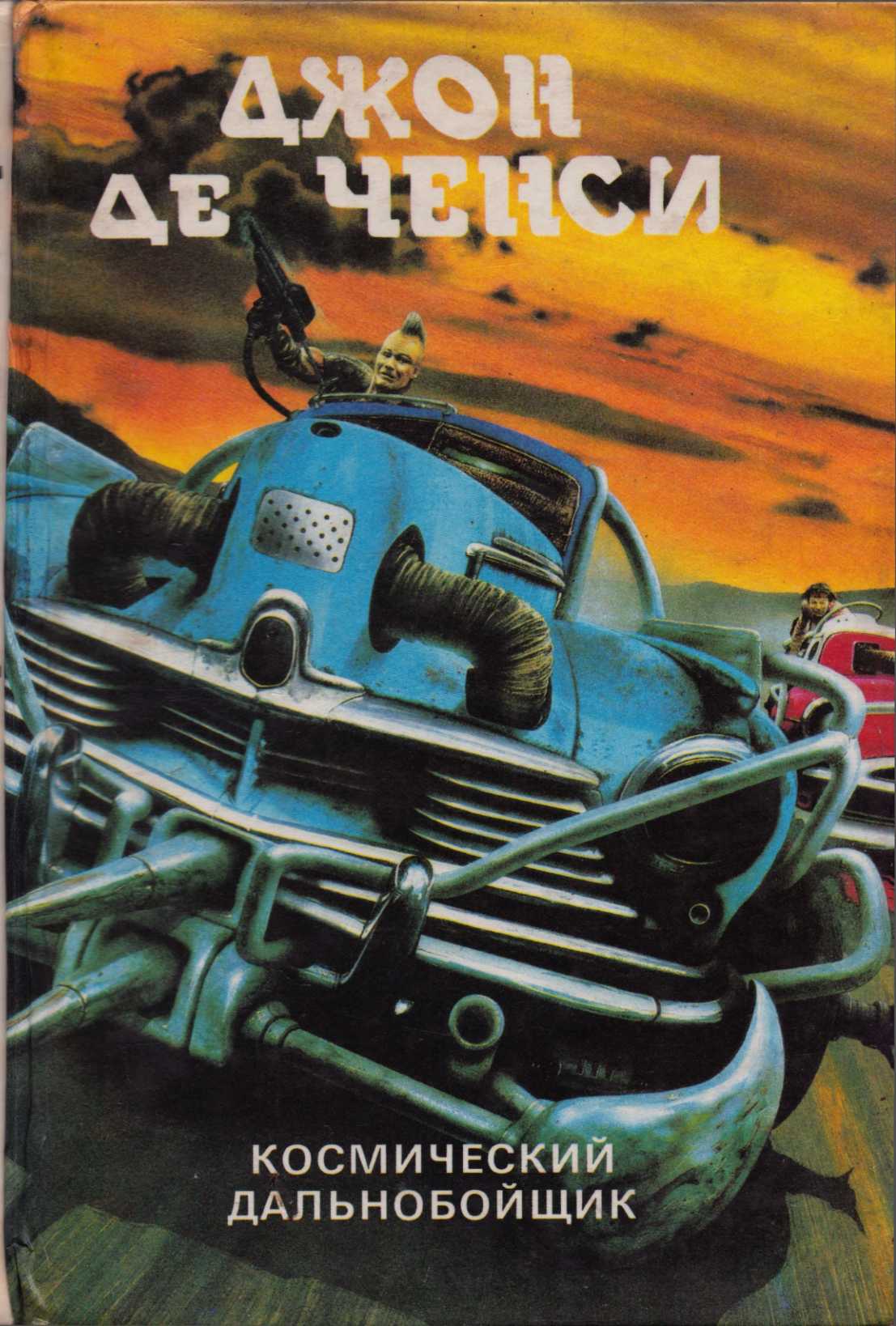

ДЖОН ДЕ ЧЕНСИ

Э Д. ДЕ ЧЕНСИ. КОСМИЧЕСКИЙ
ДАЛЬНОБОЙЩИК

КОСМИЧЕСКИЙ
ДАЛЬНОБОЙЩИК

МОСКВА
ГФ «ПОЛИГРАФРЕСУРСЫ»
ТОО «ТРАНСПОРТ»
1994

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

19

**ДЖОН
де ЧЕНСИ**

**КОСМИЧЕСКИЙ
ДАЛЬНОБОЙЩИК**

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Джон де Ченси
КОСМИЧЕСКИЙ ДАЛЬНОБОЙЩИК

Зарубежная фантастика

Лицензия ЛР № 040390 от 11.03.92 г.

Подписано в печать 19.10.94. Формат 60×90/16. Печать офсетная. Бумага
типографская. Усл. печ. л. 25. Гарнитура Таймс. Заказ 2374. Тираж 25 000 экз.

ГФ «Полиграфресурсы», Москва, Петровка, 26

Отпечатано с готовых диапозитивов в
АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5

АВТОСТРАДА ЗАПРЕДЕЛЬНОСТИ

(окончание)

Глава тринадцатая

Прошло не так много времени, прежде чем мне попались и другие души в этом технологическом аду. Пожарная бригада промчалась мимо меня, таща снаряжение, одетая в огнезащитные костюмы. Они с удивлением посмотрели на меня, но не остановились.

Я улыбнулся и помахал им рукой, хромя к той лестничной клетке, откуда они высыпались. Мне было очень больно, я был ранен, но не смертельно. Задние мышцы моей левой ноги немного пострадали, но не совсем были перерезаны. На правом бедре была колотая рана, и она действительно болела. Я добрался до лестницы и стал карабкаться по ней, но ногоны в ярких мундирах — как потом оказалось, служба безопасности — встретили меня, прежде чем я оказался намного выше подвала. Они взяли меня под арест.

За тот час, который последовал за этим, произошло много событий, но я их почти не помню. Меня снова провели через подвал и подняли наверх на скоростном лифте. Как мне казалось, мы поднимались целый час. Меня заковали в колючие наручники из чего-то вроде кожи и плюхнули в кресло в каком-то кабинете. Мне жестами дали понять, что мне лучше не пытаться уйти. Двоих охранников поставили возле двери, остальные вылетели из кабинета, закрыв и заперев дверь. Я сидел там как в тумане минут десять. Потом пришли еще какие-то люди из службы безопасности, перевели меня в другой кабинет и посадили там под замок. Потом они выбежали. Такое повторилось еще два раза.

Мне кажется, что меня перевели во что-то вроде лазарета, но сделали со мной немного. Доктора осмотрели меня и решили, что со мной не стоит возиться. Со мной в принципе все было в порядке. Мне просто хотелось превратить свой мозг в белое пятно и все забыть. Но от меня никак не уходили образы дрожащих передо мной жвал и щупалец, а я сам был весь перемазан липучкой от сети. И еще мне трудно было прогнать образ внутренностей, которые, словно детали детского кон-

структора, сыпались из тела существа, один взгляд которого мог бы заставить сердце ребенка остановиться. И еще вонь скипидара и миндаля.

В какой-то момент появилась Сьюзен.

Она нежно провела рукой по моему лбу. Она плакала.

— Ох, Джейк,— сказала она.

— С тобой все в порядке?— спросил я спокойно. Потом я очнулся.— Сьюзен,— сказал я, и все показалось сном.— Сьюзи. Господи, Сьюзи.

Я встал, Сьюзен зарылась лицом в мою грязную куртку и зарыдала.

Ее голос был приглушен курткой, а она что-то жалобно причитала.

— ...Я виновата... это все я виновата...— это все, что я мог расслышать.

— Да нет же, нет,— сказал я.

Она поплакала еще, потом подняла голову. Она выглядела так, словно плакала много часов. Неужели прошли часы с тех пор, как я поднялся из этих глубин под фальном?

— Бедная Тиви,— сказала она, и губы задрожали.— Как я могу теперь...

Она снова зарылась в меня лицом и вся дрожала.

— Ну-ну...

Честное слово, я так и сказал, как ребенку: ну-ну...

Кругом кто-то суетился. Рагна вышел из какого-то помещения, которое, наверное, служило кабинетом какому-то чиновнику, а мы сидели в его приемной.

— Достойная личность, к которой я сейчас обратился,— сказал он нам торжественно,— мечтает воззреться на вас лично, поскольку мы как раз обсуждаем ваш вопрос.

Мы вошли в пышный кабинет, который больше напоминал спальню. Ногон, который занимал этот кабинет, был одет в вишневые пышные одеяния и развалился на диване, как немой восточный сатрап. Манеры его были небрежны, не сказать — оскорбительны. Он и Рагна обменялись несколькими словами. Мы стояли рядом.

Примерно минут пять они разговаривали, потом чиновник выплюнул какое-то слово, очевидно, оскорбление, встал и вышел через противоположную дверь.

— Почему вас обвиняют?— спросил я Рагну.— И что он тебе сказал?

— Он назвал меня так, как зовут нашу расу остальные ногоны, иными словами, что мы существа, которые вступают в неестественную половую связь с безглазыми животными — то есть, пещерными животными. И нас не обвиняют, собственно говоря, не так уж и обвиняют. Им наплевать на Тиви. Вот пожар для них — дело страшное, это понятно. Можно сказать,

что так им и надо, за то, что они живут на таких свалках, господи, крысы.

Если говорить точно, все это коровье дерьма не стоит.

Я все-таки не мог понять до конца, но не стал расспрашивать, уверенный в том, что объяснение будет длинным и запутанным.

Мы отправились домой.

Медики ахгирров привели меня в полный порядок, и, пока я выздоравливал, техники починили нам трейлер. Никто ни слова не сказал о смерти Тиви. У ахгирров, как нам показалось, похорон не было. Что они делали с останками, нам тоже не сказали.

С нами ни в коем случае не говорили и не поступали так, чтобы мы почувствовали, что в чем-то виноваты. Муж Тиви Угар пришел к нам и сказал, что Тиви погибла, выполняя свой долг ученого. Это было все, что он сказал.

Однако состоялась церемония, в которой приняли участие и мы, люди. Вся коммуна собралась в огромной центральной пещере и сидела на прохладном каменном полу в полном молчании час или два. Потом они все встали и пошли по своим текущим делам.

Я провел два дня, вылеживаясь в роскошных апартаментах Рагны и его жены, уставясь на полированный гранит стены в спальне. Я видел, как странные образы роятся в зернистой поверхности. Лица Тиви, Сьюзен, Дарлы, моего отца. Сцены из моей собственной жизни тоже темные: смутные, словно я смотрел в зеркало, запачканное множеством рук, рук забвения.

Постепенно я стал выходить из такого состояния и через неделю более или менее вернулся в норму.

Прошли три очень занятых и напряженных дня, прежде чем мы попрощались с ахгиррами. Я наблюдал за последними стадиями ремонта. Ариадна тоже получила косметический ремонт и многочисленные внутренние переделки, но в конце концов и ее признали годной для путешествия. Она все еще была пурпурной, и цвет ей шел.

Посреди всего этого я отвел Шона в сторону. Я не делал этого до тех пор, пока мог. Я спросил его насчет того, что видел в пещерах.

— Ах, да, — сказал он, глядя свою буйную рыжую растительность. — Ну, а как именно выглядит этот твой снарк?

— Что ты хочешь этим сказать — «мой снарк»? Есть что, разные виды?

— Столько видов, сколько людей, которые их видят.

— Не понимаю. Так как, то, что я видел в лесу, там, на Высоком Дереве, было настоящим или нет?

— Трудно сказать. Есть несколько теорий. Никто не проводил ни капельки порядочных исследований, но кажется, что какие-то типы растений на планете производят галлюциногенную пыльцу.

— Понятно. Значит, то, что я видел, было просто мозговым электричеством.

— Да трудно сказать. Ты искал следы?

— Нет, меня вырубили прямо после того, как я его увидел.

— Ну, значит, это могло быть и настоящее существо. То есть, я хочу сказать, что ты наверняка видел нечто реальное. Ведь с точки зрения зоологии Высокое Дерево еще совсем не исследовано.

— А как ты объяснил бы, что это животное объявилось здесь?

Он пожал своими плечищами.

— Никак. Но ты мог увидеть настоящее существо там, на моей планете, а тут у тебя наступила замедленная реакция. Такие вещи случаются.

— Ага, такие вот галлюциногены. Переживания такого рода вполне часто происходят.

— Я знал несколько людей, которые утверждают, что их снарки появляются перед ними каждый нечетный месяц или что-то в этом роде. Это как процесс импринтинга. Идея фикс. Если ты простишь еще один галлицизм.

Я почесал подбородок, покачав головой.

— Но животное казалось таким реальным.

— Так оно и может быть, парень.

— Ага. Только вот...

— Что?

— Ты же сказал мне, что эта штука — не-буджум.

— Для меня это больше похоже на снарка.

— А что было бы, если бы я действительно увидел буджума?

— Ты не был бы тут, если бы его увидел.

— Тогда понятно, — ответил я.

Сэм был очень одинок, потому что его припарковали у входа в пещеру, поэтому между различными делами я решил непременно навестить его. Чтобы скоротать время, мы провели с ним проверку всех систем, просто чтобы убедиться, что все у него работает нормально. Мы могли бы время от времени это делать, что-то мы стирали, добавляли пару новых программ, все такое. Казалось, что все в порядке, пока я не обнаружил, что программа абсолютного времени Сэма, оказалось, отстает на два часа. В этом не было никакого сомнения. Сэм оказался на два часа позади всех остальных часов в тяжеловозе: тех, что на панели управления, на микроволновой печи в кухне, даже позади моих ручных часов, которые я вечно забываю надеть. Этому были только два объяснения. Либо таймер

почему-то, по необъяснимой причине, на два часа выключился, а потом сам включился, либо Сэма выключили на то же самое время — два часа.

Не было никакой возможности непосредственно выключить Сэма, но, если бы я хотел, я мог бы прекратить подачу питания на его центральное процессорное устройство, и он вырубился бы мгновенно, как и всякий другой компьютер. Разумеется, Сэм никогда никому другому бы не разрешил такого учинить, но кто-то, кто работал над тяжеловозом, а не над ним...

Сэм сказал:

— Значит, у тебя выходит, что это случилось в мастерской, там, на Высоком Дереве.

— Не могу представить себе, когда еще и кому могла под- вернуться такая возможность. Кроме как у Вонючки, который работал с тобой там, на Голиафе.

— Ну, Вонючка уж наверняка превыше всяких подозрений.

— Может быть. — Я немного подумал. — Ладно. Вонючка работал с тобой целый день, правильно? А в ту ночь милиция пыталась проникнуть в его гараж, чтобы тебя обыскать?

— Не знаю, кто это был. Я просто убрался оттуда поско- рее.

— Да, и это как-то трудно объяснить, если подумать как следует.

— Это почему же?

— Ты говоришь, что с грохотом насквозь пробил гараж Вонючки. Ты кого-нибудь встретил?

— Не-а. Я прокатился через свободный участок, примял сарайчик, потом нашел тихую боковую улочку и выкатился из города. Никто за мной не последовал.

— Если это была милиция, то странно, что они не стали за тобой гнаться, — заметил я.

— Может быть, это был тот самый Петровски и его помощник или два.

Я кивнул.

— В этом есть свой смысл. Я не видел Петровски на ранчо телеологистов, когда милиция напала на него. Он мог как раз возглавить тот отряд, который собирался тебя обыскать.

— Возможно.

Сидя на сиденье стрелка впереди диагностического дисплея Сэма, я задумчиво пощипывал нижнюю губу, зажав ее между большим пальцем и указательным.

— Хотя Петровски мог быть и в одном из тех флиттеров. Только два приземлились тогда, насколько я помню. Не могу представить, чтобы он не стал лично командовать такой крупной операцией, как эта, поэтому попытку вломиться в тебя он мог оставить кому-нибудь из своих подчиненных.

— Возможно.

— Угу,— сказал я, продумывая варианты дальше. Наконец я сказал:— Ответь мне на такой вопрос— есть ли шанс, что тебя в ту ночь вырубил?

— А как они могли это сделать?

— Пистолет электромагнитной вибрации мог тебя таким образом выключить.

— Это выключило бы и все остальное, считая и прочие часы.

— Может быть, каким-нибудь другим способом? Может быть, ты ничего не замечал до тех пор, пока они не щелкнули выключателем?

— Ну что, черт возьми, такое было бы возможно,— согласился Сэм.— Но разве не больше смысла в твоей гипотезе, что это все приключилось на Высоком Дереве? Там-то у них были все возможности на свете. Ты же им сам велел посмотреть главный силовой узел на предмет проверки на набившийся туда песок.

— Я старался, как сам дьявол,— сказал я,— избежать необходимости делать выводы. Не нравится мне все это и то, что из этого следует. Если там они до тебя добрались и покопались в тебе, то это было сделано с какой-то целью.

— Чтобы получить управление мною?— спросил Сэм.— Так могу тебя уверить, что я совершенно такой же, каким был и раньше.

— Нет. Эти провинциальные ремесленники не знают, как обращаться с крупной искусственной личностью. Но они могли повозиться с твоей оборонительной системой программ, может быть, добавили и программу-подрывника, которая могла бы разрушить такие программы изнутри.

— Это еще зачем?

— Чтобы заставить тебя сделать что-нибудь, в чем ты и сам не отдавал бы потом себе отчета.

— Например?

— Например, чтобы ты оставлял какие-нибудь следы.

— Хорошо, я понял, к чему ты ведешь. Дай-ка я прочту, сколько центральной памяти мы сейчас используем под системное обеспечение и... Господи Иисусе!

Результат появился на экране еще раньше, чем Сэм отреагировал.

Цифра была вдвое больше, чем должна была бы быть.

— Ничего удивительного, что мне было трудно разгрызть все эти цифры во время стрельбы,— сказал Сэм.— Что это за мусор? Это не может быть просто программирование управления.

— Сомневаюсь,— ответил я.

— Дай-ка я попробую распечатать, посмотреть, что это такое. Черт! Почему-то я совсем не удивляюсь, что это не поддается распечатке.

— Ты слишком долго жил на свете. Переключи буфер на терминал панели управления, и дай я попробую.

Сэм так и сделал, и я набрал главное меню программ. Я пробовал различные варианты, чтобы выманить распечатку той массы байтов, которые заняли пространство в главной памяти, но не мог, хотя я получил их адрес и идентификацию программы.

— По крайней мере, у нее есть имя,— откомментировал Сэм.

— ВБМ 0001. Тебе это что-нибудь говорит?

— ВБМ что-то мне напоминает. Хотя, впрочем, не очень-то.

— Неудивительно. Ладно, посмотрим, что еще мы можем сделать. Как насчет этого?..

Через полчаса наш мешок с чудесами опустел, и наша главная память все еще была забита тем, что оказалось явной подрывной программой незаурядно крупных пропорций, которая упрямо отказывалась показаться или дать хотя бы намек, к чему она предназначена. Эта штука была везде. Точно так же, как она самовольно вошла в центральное процессорное устройство, она утеснилась и во вспомогательном банке файлов, но мы не могли точно сказать, где именно. Было такое ощущение, что она прописалась в мотеле и по чемодану оставила в каждой комнате. Эта штука отказывалась вступать в переговоры и отвечать на наши обращения к ней. Мы считили ее из главной памяти, но она самовольно загрузилась, когда мы подключили снова банки памяти. А мы не могли вычеркнуть ее из вспомогательного хранилища файлов, потому что рисковали стереть что-то, что хотели сами сохранить. Мне стало не по себе от нашей беспомощности. В последней отчаянной попытке я провел два часа, кодируя диагностическую программу, которая, пусть даже и не в состоянии сказать мне, где именно сидит подкидыш, могла бы путем исключения сказать мне, где ее нет. Это не было обычной стандартной программой проверки. Эта программа не уступила бы управления и контроля ни одной другой программе, пока она действовала. Что она делала, когда включалась, оставалось загадкой. Если мотор был выключен, она совершенно бездействовала. Когда мы включили мотор, что-то произошло в системе удаления радиоактивных шлаков, но то, что происходило, было слишком тонко, чтобы мы могли это засечь.

После двух часов проверок я наконец смог обнаружить, что это могла быть за штука.

— Я бы сказал, что это искусственный интеллект. Поколение десятое, может, и выше.

— Я тоже так и понял,— сказал Сэм,— что означает...

— Что у нас кто-то едет зайцем.

Глава четырнадцатая

Существо Х, как мы стали звать нашего зайца, оказался твердым орешком, разгрызть который было практически невозможно. Когда мы покончили с остальными ремонтными работами и все еще не добились с ним успеха, мы швырнули, фигурально выражаясь, щипцы для орехов и оставили его в покое.

Фантомная программа упрямо сопротивлялась всякому анализу, неважно, насколько остроумно мы продумывали наши прощупывания. Мы не рисковали запустить самые хитроумные программы из страха, что эта была, так сказать, «заминирована» и могла бы причинить вред всей системе, если бы мы ее случайно повредили. Мне не хотелось бы рисковать повреждением центрального процессора или даже, упаси бог, самой Влатузианской матрицы личности. Невозможно сказать, что эта дрянь сделает, если ее спровоцировать. Поэтому мы оставили ее в покое. Кем бы ни было это существо Х, оно не мешало обычной работе. Влатузианская матрица Сэма полностью держала под контролем девяносто девять процентов остальных функций компьютера, и влияние таинственной программы на остальной процент казалось нам вполне безобидным, хотя мы сильно подозревали, что на самом деле все совсем не так. Мы все еще не могли точно знать, что эта штукавина задумала и что она вытворяла с системой удаления шлаков из мотора. Но мы догадывались.

— Значит, ты считаешь, что она оставляет след из побочных продуктов мотора? — спросил Сэм.

— Может быть,— ответил я.

— Но ведь большая часть тяжеловозов просто подтекает такими же самыми продуктами. Каким образом следящие устройства могут отличить один след от другого?

— С помощью насыщения топлива чем-нибудь таким. Они же наполнили тебя под завязочку на Высоком Дереве, правда же?

— Правда. Тут ты, наверное, попал в точку.

— Самая лучшая мысль, которая до сих пор приходила мне в голову,— сказал я.

— А мы и с этим ничего не можем поделать. Роскошно.

— Нет, если только не захотим копаться в системе очистки шлаков, а мы для этого точно уж не приспособлены.

— Нет, что верно, то верно. Однако такой вопрос: зачем им искусственный интеллект, для того, чтобы выполнить такую работу? Самая глупая программа в стиле троянского коня вполне справилась бы с такой задачей.

— Может быть, и нет,— возразил я.— Мы можем справиться с одной из этих программ. Такие легко можно уничтожить. А вот программа, которая как бы сама по себе компьютер, может спрятаться как следует и не давать возможности себя поймать.

— Ну да, поставить компьютер, чтобы другой компьютер не смог ее выловить, так сказать.

Я кивнул.

— Вот именно, так сказать.

Мы сказали «до свиданья» ахгиррам с немалой грустью и печалью. Я все еще остро переживал потерю Тиви, а многие другие просто стали мне друзьями. Дарле особенно не хотелось покидать инопланетян, которые со всех сторон были столь похожи на нас. Ни одна раса в известных нам лабиринтах даже близко не подходила к тому уровню человечности, к какому подошли ахгирры. Ретикуляянцы весьма и весьма отстали от них в этом отношении. Возможно, был большой смысл в том, что мы нашли их здесь, в лабиринте, не связанном с земным. Видимо, строители Космострады хотели как можно дальше разделить расы, которые потом могли бы соперничать между собой в колонизации миров, приспособленных для жизни.

В тени входа в пещеры видно было, что глаза Рагны наполнены слезами.

— Мы неизменно будем весьма тосковать по каждому из вас, как личности,— сказал он, пожимая руку Они, его жены, чтобы не расплакаться. Слово «жена» подходило здесь больше, чем «спутница жизни», потому что ахгирры исповедовали один брак на всю жизнь, и Рагна и Они были в самом лучшем смысле супругами и спутниками жизни. Слова «развод» в языке ахгирров вообще не было, хотя расставания пар были и все-таки время от времени случались.

Хокар вытер глаза рукавом своей серой туники.

— Да,— сказал он,— мы очень будем по вас скучать.

Примерно тридцать обитателей пещер вышли нас проводить. Мы за это время познакомились с ними всеми. В полумраке за толпой глазенки робких детишек выглядывали из-за гор коробок и цилиндров оборудования. Я помахал им рукой, и глазенки исчезли. Сьюзен заметила, что я улыбаюсь, увидев, как детишки осмелились посмотреть тайком еще разочек.

— Прелесть, правда? — спросила она, подходя ко мне.

— Хорошенькие, как ангелята,— ответил я.

— Я всегда думала...— начала она, потом слабо улыбнулась.

— Насчет того, иметь ли детей? Или не иметь?

— Я приняла это решение много лет назад, но оно не окончательное. Поэтому время от времени, когда я вижу такую стайку замечательных малышей, вроде этих — а ведь они не человеческие детишки, так что можешь себе представить...

Взяв ее за руку, я сказал:

— Обычно я спрашиваю задолго до этого, но... э-э-э... нам не надо волноваться ни о чем, что может быть связано с этой областью? Ты сказала, что решение не окончательное.

— Э? А-а-а, нет, ни в коем случае. Я воспользовалась старомодной хирургией. Мои маточные трубы перевязаны. Эти пилюли трехлетнего действия настолько дорогие, а моими птичьими мозгами я наверняка забыла бы, когда надо принимать следующую. А прочие нехирургические методы тоже не очень привлекательны. Они необратимы, а кому захочется проходить преждевременную менопаузу? Но развязать перевязанные трубы очень легко, поэтому я всегда в безопасности, и у меня все время есть выбор, чтобы изменить мнение.— Она улыбнулась и обняла меня за шею.— И...

— И?

— Если я когда-нибудь изменю свое мнение насчет того, иметь ли мне детей...

— Ну-ну, потише,— сказал я, снимая с шеи ее руки.— Мне надо как следует подумать, прежде чем принимать такие решения.

Она рассердилась.

— Господи, здоровенный эгоцентрист. Ты что, думаешь, что для меня обязательно подписывать контракт спутника жизни с тобой просто потому, что я захочу родить от тебя ребенка? Опять же, это еще вилами на воде писано.

Она уперла руки в бедра и вызывающе тряхнула головой.

— Ты думаешь, что мне хочется быть женой шоферюги, сидящей дома с полудюжиной ребятишек, которые визжат и сопивятся, пока ты шляешься по Космостраде и подбираешь красивых баб-туристок?

— Никогда этим не занимаюсь, моя дорогая. Очень не люблю болезней в области промежности.

— Ой, не смейся меня,— она ткнула меня в ребра растопыренными пальцами.— Ты хороший генетический материал, только и всего. Просто замечательная порода.— Она продолжала тыкать в меня, пока я не поморщился.— Здоров, как бык, замечательные зубы, никаких наследственных болезней...

Я протянул руку и подкинул в ладони ее правую грудь.

— Ты и сама не из последних, лапочка.

Она взвизгнула.

— Ах ты, дикарь! Болезни в промежности, говоришь?

Я пытался удержать ее руку, которая мгновенно выстрелила и попыталась вклеить мне шлепка между ног, но не успел. Я подпрыгнул на полметра.

— Сьюзен, честное слово, — простонал я. — Что подумают наши друзья?

Наши друзья остолбенело глядели на нас, и я поймал особенно любопытный взгляд Рагны, а Сьюзен прекратила атаку на мои интимные части тела, и подскочив, сомкнула ноги у меня на бедрах и стала целовать и обнимать меня.

В глазах инопланетян ясно читалось: ах, это, наверное, весьма интересный ритуал ухаживания...

Ну, собственно говоря, так оно и есть...

Дорога, дорога. Всегда дорога, бесконечная черная лента. Как та, которая, наверное, будет обвивать мой гроб, заканчиваясь пыльным бантом, венчающим все сплетения. Как петля мебиуса — такая же бесконечная.

Планета за планетой бесстрастно катились мимо, я едва взглядывал на них, твердо уставившись вперед. Но иногда я кое-что замечаю. Вот свинцовый шар-планета, который только-только начинает освобождаться от объятий плеистоценового льда, планета, которая вся словно раздавлена и исцарапана. Вот тропический сераль, который весь покрыт деревьями с кронами-плюмажами. Вот безжалостные холодные равнины с розовой травой, которые вдали переходят в голубоватые горы. Еще одна: а тут перекатывающиеся холмы красной глины, а вокруг светло-розовые деревья и трава. Тут похоже на весну, везде желтые яркие почки. Еще одна планета появляется перед нами, и мы катимся по бледному трупу зимы, пушистый снег насыпан вдоль дороги сугробами (а сама дорога, как обычно, совершенно чиста от снега, что странно, но уже привычно). Потом еще один портал, мы снова возле темных башен, благополучно и бесстрастно влетаем на бешеной скорости в дыру между мирами, между тут и там, между сейчас и следующим мгновением. Влетаем туда, где нет ни времени, ни пространства, нет настоящего, прошлого и будущего. И выезжаем в фантастический сад лиловых скал с клумбами многокрасочных цветов, проложенных между этими скалами. И все это на фоне занавеса фиолетового неба.

— Я уже устала от таких декораций, — пожаловалась Сьюзен.

— Уже? — спросил я. — Мы же едем всего-навсего пару часов.

— Шесть, — сказала она, — казалось, я должна быть совсем свеженькой после пятидневного перерыва, а я уже начинаю уставать.

— Ну хорошо, постарайся продержаться. У нас всего осталось десять миллиардов световых лет.

— Замечательно.

Это прекрасная дорога — прямая и плоская. Мы едем по ней на прекрасной скорости, совершая наш маршрут в замечательно короткие сроки (если бы у нас было расписание, которого надо было бы придерживаться, тогда это было бы важно, а так — абсурд!). Мимо нас катятся миры. Там, в кухонной нише со столиком, Джон и Роланд пыхтят над картами ахгирров, время от времени выкрикивая взаимно противоречащие указания. Они очень сильно запутались. Пока что ни одно описание планет не отвечает тому, что мы видим за иллюминаторами. Мы пока еще находимся в лабиринте ногонов. В этом я совершенно уверен, потому что мы явно временами встречаем их транспорт, отмеченный всеми чертами эпохи среднеразвитой технологии. Нам попадаются улыбающиеся голубоватые лица за ветровыми стеклами. У нас есть полная карта этого лабиринта вместе с остальными, поэтому Джон и Роланд должны были бы разгадать, где мы находимся.

— Я понятия не имею, где мы, — признался Роланд.

— Сэм, — сказал я. — Ты можешь помочь этим типам понять, где хвост, а где голова?

— На самом деле не очень-то. Все, что я могу сделать — это показать им карты на своем экране. Но никто не программировал меня насчет того, как их читать.

— Мне показалось, что они именно этим и занялись.

— На прошлой неделе они собирались, но как раз тогда мы и нашли существо X.

— Ох, верно.

Роланд вышел вперед и сел на сиденье стрелка. Он сражался с огромной бумажной картой, сложенной во много раз, пытаясь найти в ней сектор, который совпадал бы с тем, что появлялось на главном дисплее.

Он постепенно зверел.

— Почему ни одна раса во вселенной не может научиться делать простые карты? — ворчал он. — Теперь где, черт возьми...

— В чем проблема? — вмешался Сэм. — Вот тут мы на звездной карте. Видишь мигающий курсор?

— Э-э-э... — Роланд смял свисающий кусок карты, повернул всю ее на девяносто градусов и стал смотреть то на карту, то на экран. — Ага. Правильно. Отлично. — Он прищурился на карту. — Мне так кажется.

— Мне казалось, что ты не запрограммирован читать эти карты, — заметил я.

— Я и не запрограммирован, — ответил Сэм. — Я вроде как сам догадался.

— Сэм, то, о чем ты не мог догадаться, — ответил Ро-

ланд,— так это о том, что ахгирры рисуют свои карты вверх ногами. Право — это лево и наоборот на всех этих штуках.

— Что?!

— Мне кажется, что именно так дело и обстоит.

— Ну и ну, это же чистое сумасшествие.

— Это вроде астрономической карты.

— Но это и есть астрономическая карта... более или менее.

— Можно сказать, что менее,— сказал Роланд.

— Джентльмены,— вмешался я,— а какая вам, черт возьми, разница?

— Э? — сказал Сэм.

— И куда мы, собственно говоря, едем?

— Нам надо въехать в центр лабиринта, который принадлежит существам с непроизносимым названием. Можете звать их Хрюки,— сказал Роланд.

— А как мы попадем в землю Хрюков? — спросил я.

— Ну... Сэм, покажи мне секцию 3 графически по поводу этого лабиринта, ладно? И покажи нашу точку въезда в него, хорошо?

— Вот так подойдет?

— Отлично. Теперь на экране можешь изобразить мне лабиринт ногонов и нашу точку исхода?

— Вот, пожалуйста.

— Ну вот, теперь поверни эту штуковину чуть-чуть. Нет, нет, против часовой стрелки.

— Вот так сойдет?

— Отлично,— сказал Роланд, откидываясь в кресле назад и самодовольно потирая руки.— Ну вот,— сказал он, потом нахмурился.

— А теперь что? — спросил Сэм.

— Посмотри,— сказал я.— Там впереди развилка, правильно?

Роланд воздел руки к небу.

— Ей-богу, не знаю.

— Ну-ну, там ведь должна быть развилка. Мы как раз сюда въехали. Тут должна быть дорога, ведущая к portalу с двойным движением, которая ведет и к portalу на следующую планету. Если только это не планета с тремя дырками. Как она?

— Как я понимаю, это так и есть. На планете три портала,— ответил Сэм.— Вот двойной портал на левой развилке, портал на следующую планету — на правой, а средняя дорога должна вести к планете — пересадке. Здоровая планета, если на ней функционируют целых три портала.

— Отлично. Едем по средней дороге.

— Почему?

— Когда появимся там, где можно пересесть на другие маршруты, то подбросим монетку.

— Я согласен.

— Не знаю, Джейк,—сказал Роланд.— Разве ты не считаешь, что нам надо попасть назад, туда, где можно воспользоваться маршрутами, знакомыми Винни?

— Это означает вернуться обратно в объединенные миры, так?

— Ну да, наверное.

— Никким образом. Мы сможем считать себя мертвецами, как только сунем свои носы в портал. Кроме того, у меня сильное ощущение, что нельзя добраться туда отсюда.

— Джейк может оказаться очень даже прав,—сказал Джон, просовываясь между нами.— Рагна и Хокар сказали нам, что они никогда не слышали дорожных историй, которые описывали что-нибудь похожее на земной лабиринт. Ахгирры очень даже внимательно прислушиваются ко всем новостям, которые касаются существ, им подобных, с тех пор, как они сами появились на Космостраде. Я понял, что те лабиринты, которые тут известны, населены весьма странными существами. Безобидные существа, но на чай их не пригласишь.

— Ну ладно, тогда решено,—сказал я.

Вмешалась Сьюзен.

— Очень хорошо, когда вы, мужчины, решаете трудные вопросы за нас, женщин.

Роланд криво улыбнулся.

— Что-то говорит мне, что мы сейчас кое-что услышим от прялок.

— А что, ты видел, что там, в каюте, кто-нибудь прядет?

— Сьюзен, проявляется твой возраст,—ехидно сказал Роланд.

— Заткнись. Джейк, так называемые прялки время от времени хотели бы, чтобы с ними тоже посоветовались и выслушали их мнение по вопросам, которые могут повлиять на их дальнейшую жизнь и общее благополучие... или это слишком большая просьба, если принять во внимание, какие вы тут все мужественные покорители дорог?

— Черта с два, мэм,—успел сказать я, прежде чем Дарла подала голос из каюты:

— Сьюзен, будь добра, говори только от своего имени.

— Да, пожалуйста,—ответила Сьюзен, выгнув одну каштановую бровь то ли высокомерно, то ли просто удивленно.

— Мне кажется, время от времени нелишне напомнить всем нам, что это машина Джейка. Мне кажется, что ему и только ему надо решать, куда он в конце концов поведет ее.

— Ну хорошо, извини меня, Дарла-дорогуша...

— Не называй меня так,—ледяным голосом перебила ее Дарла.

— О, прости, пожалуйста. Но могу я напомнить, что я совсем не напрашивалась на эту веселую экскурсию? Меня сюда затащили.

— Это к делу не относится.

— Глупости. Я требую права участвовать в решениях, которые касаются и меня.

Голос Дарлы был холодно ироничен.

— Требовать? Ты?

— Да, черт побери, требую. Мне кажется, это мое право.

— Вселенная не так легко дает права, лапочка. За них надо сражаться.

— Я их не требую у вселенной. Собственно говоря, я просто прошу...

— Ты не высказывала мнения по важным вопросам до сих пор. Собственно говоря, ты пока ничего не сделала, только жаловалась. Почему вдруг такой интерес к принятию решений?

— Я устала от того, что все принимают как должное, что я не высказываю своего мнения. Или, по крайней мере, что с моим мнением надо считаться, никто не думает, — Сьюзен воинственно и оскорбленно сложила на груди руки. — И не называй меня лапочкой.

— Ах, прости. Так каково же твое мнение?

— Спасибо, что спросила. Собственно говоря, я согласна с Джейком. Мне кажется, что настало время найти те самые легендарные короткие пути домой. Разве вы не согласны?

— Я не уверена, — сказала Дарла более тихим голосом.

— Ну, ведь таков его план.

— План, — повторила Дарла, и в голосе ее снова зазвучала нота сарказма.

— Да, план. Зови его судьбой, если хочешь. Примени любое слово, которое тебе нравится.

— Я бы сказала — дерьмо.

Голос Сьюзен похолодел:

— Твое право пользоваться любыми словами.

— В любом случае, если ты согласна с Джейком, почему вдруг такое желание непременно себя утвердить?

— Оно вовсе не внезапное, и это отнюдь не желание самоутверждения. Это...

— Уж что-что, а желаний у тебя предостаточно. И мне это хорошо известно. Ты очень хорошо научилась их удовлетворять.

— И что, по-твоему, это должно означать? — спросила Сьюзен, и ее голос от гнева стал выше и сразу громче.

— А понимай как хочешь! — сказала Дарла небрежно.

— Подумав, пожалуй, могу сказать, что это как раз такое замечание, которое вполне можно ожидать от вредной, настырной авантюрной суки, которая не может...

Я услышал шлепок или пощечину и обернулся назад. Дарла и Сьюзен дрались на сиденье. Им страшно мешала привязная упряжь сиденья. Обе они вцепились друг другу в волосы, а Дарла отчаянно пыталась нанести хороший левый хук куда-то

в область носа или рта Сьюзен. Сьюзен очень здорово защищалась.

Джон рванулся к ним, пытаясь разнять.

— Леди, нельзя же так, право, — сказал он.

— Слушайте, вы чего, — неловко начал я.

Они остановились вовремя. Сьюзен расстегнула ремни, но оставалась на своем месте с обиженным и испуганным видом. Глаза ее были влажными и печальными. Дарла отвязала ремни, но ушла в заднюю каюту.

Роланд посчитал, что все это страшно смешно. Мне так не казалось и было от этого весьма не по себе. Я был очень удивлен, что все так быстро вспыхнуло. Я не мог понять, почему. Дарла, конечно, очень странная персона, но это на нее не было похоже, тем более не было похоже на Сьюзен. Я-то вообще считал, что Сьюзен не способна драться ни с кем на кулаках. Я не видел, кто первый начал потасовку, не видел я и того, чтобы Сьюзен кому-нибудь дала по физиономии, но я не сомневался, что она выдрала бы у Дарлы клок волос с корнями, если бы это безобразие продолжалось и дальше. Я перестал даже пытаться понять, что могло спровоцировать все это, и приписал это усталости от дороги... пока, за неимением лучшего объяснения.

Я включил радио и сказал Шону и Карлу, куда мы едем, к тому же объяснил, какие причины повлияли на мое решение. Они все присоединились к нему, включая Лайема и Лори.

Сказочный сад уступил место открытым равнинам, которые постепенно спускались вправо, к подножию серых гор. Маленькое, жаркое солнце голубовато-белого цвета горело на небе почти над горизонтом слева от нас. Впереди я видел, что дорога разделяется натрое, как Сэм и предсказал. Я увеличил скорость и направился прямо вперед.

— Мне все кажется, что мы неправильно делаем, Джейк.

Я повернулся к Роланду, который пытался по-прежнему разобрать, какие карты были высвечены на дисплее.

— Я не убежден, что это самое лучшее решение, — сказал я, — но мне кажется, что это гораздо разумнее, чем пытаться найти дорогу назад в то место, куда нам не хочется ехать.

— Ты имеешь в виду Внешние Миры?

— Конечно. Бог знает, во что мы там вляпаемся. Мы даже можем в итоге оказаться в Морском Доме. Представь себе только, что придется снова лезть на борт этой рыбыны.

— Не желаю даже представлять. Но ты думал над той возможностью, что мы могли бы рискнуть найти дорогу обратно в земной лабиринт?

— Да, я и об этом думал, — ответил я. — Но мы не найдем пути обратно во времени, если будем следовать стандартным картам.

Роланд вздохнул.

— Верно. Все же кажется, что должна быть альтернатива тому, чтобы слепо мчаться через один неизвестный портал за другим.

— Если что-нибудь придумаешь, дай мне знать.

Роланд вздохнул.

— Так я и сделаю.

Глава пятнадцатая

Мир, где можно пересечь с путей одного лабиринта на другие.

Эта планета была велика. Больше, чем все, которые я видел. Как и большинство таких планет, это была беспризорная луна газового гиганта. Судя по кажущейся дистанции до горизонта, я решил, что эта планета примерно в два раза больше Луны, что делало из нее вполне самостоятельную планету. У нее была и атмосфера, что-то вроде биотического супа. Никаких форм жизни мы пока не видели, но тут никогда нельзя сказать наверняка. Можно просто так гулять себе на солнышке, и какой-нибудь разумный кристалл похлопает вас сзади по плечу и спросит, сколько сейчас времени. Или же предложит вам продать свою сестру. Но, как бы там ни было, место это выглядело мрачным и безжизненным: плоские равнины грязно-белого льда, на которых время от времени появлялись темные скалы, стоящие по диагонали от дороги. Небо было серое, с крохотным расплавленным огоньком солнца, которое было прямо перед нами. В сорока пяти градусах справа от нас газовый гигант прорезал серое небо молочно-белым полумесяцем.

Мы вошли в струю дорожного движения, когда выехали на основную часть Космострады. Самые невероятные инопланетные машины обгоняли нас, виляя между рядами движения. Их формы были такими же странными, как и их цвета, некоторые были круглые, как луковицы, некоторые поразительно правильной геометрической формы, некоторые гладкие, низкие и тонкие. Несколько машин, которые нам встретились, я просто не в силах описать. Мимо нас в один прекрасный момент проплыло что-то, весьма похожее на слабо соединенные между собой мыльные пузыри, машина испускала тоненький предупредительный сигнал. Еще дальше миниатюрная машинёжка, напоминавшая механическую заводную собаку, промчалась мимо, словно сбежавшая детская игрушка. Сияющий голубой многоугольник прорысил мимо нас, потом прибавил скорость и потерялся в потоке машин.

Мы были на прямом отрезке, который шел по ледяным равнинам. Первое ответвление к portalу должно быть примерно в тридцати километрах. Появились знаки, словно плясавшие от нервного шрифта, которым были выполнены

надписи. Мы оказались в организованном, цивилизованном лабиринте. В чем — я не знал. Я не узнал в этих символах письма ногонов. Наверняка мы навсегда покинули лабиринт ногонов, а теперь находились в расширенном лабиринте, куда отнесли и лабиринт ногонов. Сумасшедшие карты Рагны не сделали яснее обозначений на щитах, смысла которых мы не понимали.

— Ну что, воспользуемся первым поворотом?

— По мне замечательно, — сказала Сьюзен.

— Остальные не возражают?

Остальные не возражали. Я вызвал Карла и Шона и сказал им, что мы намечаем делать.

— По мне все прекрасно, Джейк, — сказал мне Карл. — Лори тоже считает, что это хорошая мысль.

— Нам все равно, — сказал Шон, — нам безразлично, бросить ли жребий сейчас или же пилить еще с десятков килокликков.

— Ладно, тогда порядок, — сказал я, — мы воспользуемся первым поворотом. Подтвердите, как поняли.

— Подтверждаем!

— То же самое!

Я откинулся назад и убрал ногу с педали газа. Хорошо, что дела постепенно улаживались. Пусть жребий будет брошен.

— Сэм, — спросил я, — как насчет какой-нибудь музыки?

— Ну, у тебя не иначе как просто замечательное настроение. Что поставить?

Я редко ставлю музыку, пока нахожусь за рулем. Не то, чтобы мне это не нравилось — наоборот. Мне нравится музыка, и мне не по себе бывает, когда я не могу отдать ей все свое внимание. Я не верю в такое отношение к музыке, где она что-то вроде обоев — только фон и ничего больше. Еще причины: вкус у меня тяготеет к классике, что резко отделяет меня от остальных моих коллег-водителей тяжеловозов. Хотя я очень редко думаю о том, что они обо мне подумают, все-таки иногда неприятно, что тебя считают каким-то извращенцем, а переварить ту мерзость, которая нынче считается популярной поп-музыкой, я не могу. Поэтому я обычно предпочитаю тишину.

Но после тех выступлений, которыми нас одарили Дарла и Сьюзен, тишина стала казаться несколько принужденной.

— Как насчет Баха? Что-нибудь небольшое было бы просто замечательно.

— Сейчас сделаем.

— Погоди, я передумал. Лучше что-нибудь подходящее к такому дикому пейзажу. Как насчет Бартока, «Концерт для оркестра»?

Сэм выполнил мою просьбу.

Я оглянулся и обнаружил, что стал предметом ошеломленных взглядов.

— Барток? — одними губами произнес Роланд, подняв брови в отстраненном, почти клиническом удивлении.

— Ты во многих отношениях очень странный человек, — прокомментировал ситуацию Джон.

— Джон, — ответил я, — как тебе понравится: пешком прийти к Большому Взрыву?

— Прошу прощения.

На самом деле меня такое замечание вовсе не обидело. Я уже привык к подобным происшествиям. Ну и что, ну и пожалуйста: я вожу тяжеловоз и люблю классическую музыку. Ну и поцелуйте меня в задницу.

— Я всегда поражался, как мне удалось вырастить такого чудака в качестве своего сына.

— Сэм...

— Что?

— Ладно, неважно, — ответил я.

Движение стало плотнее, и временами приходилось довольно трудно, когда беззаботные инопланетные водители пытались обогнать нас для того, чтобы занять местечко получше в том или ином ряду. Я несколько раз предостерегающе ударил по клаксону и пугающе вильнул в ответ. После того все решили объезжать нас подальше. Разумное решение, потому что я вполне способен пустить таких дорожных свиней на ветчину и окорока.

— Роланд, — спросил я, — тебе пока не видно, где поворачивать?

Выглянув в густой суп за окном, Роланд ответил:

— Нет, пока нет.

— Приглядывай, чтоб не пропустить, ладно?

— Разумеется.

Я обернулся назад, к Сьюзен. Теперь она тихо плакала. Она почувствовала на себе мой взгляд и сперва вопросительно посмотрела на меня. Потом быстро покачала головой, словно желая сказать: «Оставь меня в покое!».

Ладно, пожалуйста.

Я прижимался к самому правому краю быстрого ряда. Быстрый ряд по земным стандартам шириной примерно в два ряда. Остальная часть дороги была занята обратной дорогой, то есть теми рядами, по которым шло встречное движение. Для Космострады такие дороги бывают шириной только в полтора ряда, потому что большая часть движения по Космостраде была организована таким образом, что оно идет только в одном направлении. На дороге обычно нет никаких пометок. Металл покрытия никогда не принимает на себя никакой краски. Но если заехать на неположенную полосу, то начинаешь ощущать неприятную и очень тревожную вибрацию. Однако совершенно не видно, что могло бы ее производить, так как не видно никаких электронных устройств. Однако, когда проведешь на Кос-

мостраде примерно клик или около того, то начинаешь как бы видеть эти ряды. Это странно, но это так и есть. Я мог их видеть, могу и сейчас. Нахальные инопланетные водители все время старались обогнать нас по самому внутреннему краю полосы, и мне не хотелось, чтобы они отрезали нас от возможности свернуть. Поэтому я стал вести машину по самому внутреннему краю полосы. Вибрация может причинить головную боль, если долго так ехать, но нам очень скоро предстояло свернуть с дороги.

— Ну что, видишь?

— Нет, — ответил Роланд, — атмосфера страшно густая, правда?

— Сэм, можешь ты рассмотреть какие-нибудь объекты, которые отсюда движутся вправо?

— Нет, пока слишком рано. Может быть, кликов через десять. Однако все равно смотри в оба.

— На самом деле нет никакой необходимости. Если мы его пропустим, мы его пропустим. Это же все равно как бросить жребий, помните? Нам годится любой портал.

— Ты капитан на корабле.

— Мне нравится твой дух, Сэм. Парус поднят, и ветер полнит его.

— Что у меня поднято?

— Бом-бим-брамсель или как его там...

— Мне что-то кажется, что вся твоя терминология хромает.

— Ну ничего не поделаешь, я никогда не сталкивался впритирку с моряками.

— Вот как? А мне все казалось, что ты немного поплавал с той, такой фигуристой большегрудой дочуркой какого-то чиновника, в твою бытность в колледже. Очень давно это было... как ее звали? Зоя?

— Господи, ну и память у тебя.

— Зоя. Так ведь, правильно?

— Мне кажется, да. Ну конечно, я помню. Зоя Михайловна Титова.

— И ты еще говоришь, что это у меня память хорошая! — восхитился Сэм.

— Я только одно помню — Титова, и титьки у нее были замечательные. Очень красивая девчонка. Интересно, что с ней потом случилось?

— Тебе надо было на ней жениться. Она была по уши в тебя влюблена, если я правильно помню. Она к нам приезжала как-то на ферму.

— По-моему, да, — сказал я. — Это было очень давно. Мне не могло быть больше двадцати одного тогда. А ей, получается, около семнадцати.

— Ах, сладкоголосая птица юности.

- Чуть собачья.
- Говорю тебе, что тебе нужно было на ней жениться. Подумай, где бы ты сейчас был.
- В психушке.
- Ты замечательно устроился бы по жизни, вот что.
- Замечательно устроился бы В жизни, а не По.
- А? Что? Глупости! Сейчас-то ты кто — водитель грузовика? Да? Такой талантливый парень, как ты, таскает груз с одного навозного шара на другой, лакает пиво...
- Вот черт, а пива-то и впрямь хочется... у нас есть?
- Не пытайся переменить тему.
- Ты сам поднял вопрос. Эй, там! Есть у нас в холодильнике пиво?
- Несколько бутылок продукции компании Ш энд Л,— раздался голос Дарлы.— То есть, Шона и Лайема.
- Ох-х-х,— ответил я.— А «Звездного облака» не осталось?
- Нет, извини, Джейк. Последнее ты выпил на планете Рагны.
- МЕРТЕ. Ладно, забудь об этом.
- Ты уверен, что не станешь пить «Шон энд Лайем?» — спросила Дарла.
- Нет, спасибо большое.
- Здоровенный глупый шоферюга с тяжеловоза,— продолжал Сэм.— Ты бы мог выполнить в жизни все, что пожелал бы. Был бы и ученым, смог бы стать и инженером. Все, что угодно.
- Единственное, что мне хотелось бы делать,— ответил я,— это писать стихи.
- Я помню. У тебя и это неплохо получалось. У тебя был своеобразный талант. Однако поэзия не заплатит за квартиру.
- Это уж точно. Вот тебе одна из причин, по которым я прекратил писать.
- А теперь ты через месяц платишь за квартиру. Через месяц, потому что каждый месяц — трудно. Прогресс.
- Да ну, Сэм, уж мне-то не говори, что не любишь дорогу. Сэм неопределенно крякнул и сказал:
- Нет, почему же... я могу признать, что жизнь на дороге имеет свою прелесть... временами... Однако большую часть времени это просто скучно. И, так ее разэтак, по большей части она и хрена моржового не приносит.
- «Моржового хрена»,— повторил Роланд, прислушиваясь к тому, как это звучит,— замечательный предмет,— он повернулся ко мне и улыбнулся.— Я составляю походный словарь твоего жаргона, знаешь ли. Ты можешь дать перевод на литературный английский?
- Я включил рацию.

— Эй, Карл!

— Хо-хо-хо!

— Роланд хочет знать, что такое «хрен моржовый». Ты можешь дать ему перевод на язык белого человека?

— Ах, это? Батюшки, Роланд, разве ты никогда у моржа этого не видел, что ли?

— Мне кажется, я понимаю, о чем идет речь,— ответил Роланд,— и, хотя я и моржа-то никогда не видел, я могу догадаться, о чем идет речь, и мне очень жаль, что я спросил.

— Собственно говоря, это ни фига не означает.

— Это я и так понял,— пробормотал Роланд.

— Ты знаешь,— продолжал Карл,— я и сам понимаю, что мои привычки говорить именно так иногда удивляют людей, которые к такому не привыкли. Я стараюсь за собой следить, но...

Сэм отключил его.

— Джейк, кто-то вызывает тебя на дорожной частоте.

— Слушаю.

Из кабинного громкоговорителя донесся незнакомый голос.

— ...этот тяжеловоз впереди, у вас что — ушей нет? Я говорю, дорога, дорога вызывает тяжеловоз с землянскими маркерами. Вы люди или нет? Можете ответить? Это вопрос жизни и смерти.

— Говори, Джейк, ты на дорожной частоте,— сказал мне Сэм.

— Говорит землянский тяжеловоз. Говорит водитель по кличке «чудила Джейк». Что за авария? Отвечайте!

— Слава богу! Не могу вам передать, как приятно услышать человеческий голос снова... Мы были отрезаны от человечества два года!.. Нет, это слишком хорошо, чтобы быть правдой! Мы-то уж думали, что никогда в жизни не услышим...

Передача прекратилась.

— Эй, говорите! Что у вас за сложности?

— Простите... простите... очень уж разволновались. Беда в том, что мы заблудились! В последние два года и два месяца мы блуждаем за пределами землянского лабиринта. Мы — оставшиеся в живых участники экспедиции властей по исследованию неизвестного отрезка Космострады. Нас осталось трое из всей экспедиции. Двое землян, один нечеловекообразный. Пожалуйста, скажите, может, вы знаете дорогу назад? Говорите!

Я вздохнул и ответил:

— Простите, но мы столь же невежественны. Мы так же, как и вы, потерялись.

Долгое молчание. Потом:

— Понятно. Но мы все равно страшно рады, что мы вас повстречали. Мы почти истратили наши запасы продоволь-

ствия, и совсем не осталось медикаментов. Мы совсем пали духом и были бы вам очень благодарны, если бы вы согласились соединиться с нами. У нас не так много что есть, но то, что есть, мы с радостью поделим. У нас есть кое-какая полезная информация, карты и все, что нам удалось скопить. Что вы на это скажете?

— Ради бога, добро пожаловать, — ответил я, — вам нужна медицинская помощь?

— Нет, мы в весьма удовлетворительном состоянии, если принять во внимание все наши приключения. Я просигналю своими фарами. Вы меня различите?

Я проверил экран заднего обзора, потом выглянул из иллюминатора в параболическое зеркало.

— О'кей, мы вас видим даже невооруженным взглядом.

Я все-таки не мог различить, что это за машина.

— Скажите, две машины передо мной — это тоже часть вашей команды?

— Совершенно верно.

— Сколько вас?

— Девять человекообразных, одна инопланетянка и искусственный интеллект по имени Сэм.

— Рад с вами всеми познакомиться. Зовите меня просто Юрий. Скажите, куда вы направляетесь?

— Юрий, это просто замечательный вопрос, как раз тот, на который мы сами вот уж сколько времени пытаемся ответить. У нас есть такая мысль: проскочить в неизвестный портал сейчас же было бы лучшим решением наших проблем. Ты можешь нам посоветовать что-нибудь другое?

— К сожалению, нет. За последние два месяца мы весьма тщательно исследовали этот расширенный лабиринт. Вокруг практически нет планет типа Земли, а на планетах нет прямого пути обратно в земной лабиринт.

— Вы исследовали лабиринт, который принадлежит расе, называющей себя ногоны?

— Мы о нем слышали и пытались найти туда дорогу, когда увидели те, первые машины земного образца, там, позади. Мы не получили от них никакого ответа. Мы предположили, что это просто машины, покинутые теми, кто проскочил через неизвестный портал, и потом подобранные инопланетянами. Время от времени мы видели такие машины. Потом мы увидели вас и решили попробовать еще раз. Извините, я отклонился от темы. Нет, мы не были в лабиринте ногонов, но, как я понял, вы были. Вы что-нибудь нашли?

— Погодите минуту. Какие еще земные машины вы видели?

— Ну, они ехали за вами несколько минут назад, но потом отстали.

— Сколько их было?

— Четыре. Они были похожи на военные машины. Я попытался вызвать их на всяких частотах, но у меня ничего не получилось.

— Понятно.

— Дьявол,— сказал Роланд.

— Ах ты, незаконный сын сожительницы «дорожного жука»,— пробормотал Сэм.— Кстати, легок на помине...

Движение на Космостраде слилось в одну ленту, чтобы пропустить «дорожного жука». Он промчался мимо.

— Какой неизвестный портал вы хотите попробовать?— спросил Юрий.

— Тот, на который очень скоро должно быть ответвление,— ответил я.— Вы тоже можете поехать с нами, если хотите.

— Спасибо. Мы обязательно присоединимся.

— Как ты думаешь, можно ему доверять?— спросил Сэм.— Он не может быть в союзе с той бандой? Эта история может быть просто умной выдумкой, чтобы только подобраться к нам поближе.

— Сомневаюсь. Я всегда слышал слухи о том, что власти посылают самоубийственные экспедиции для исследования неизвестных порталов. Они говорили весьма отчаянно.

Карл вмешался на защищенном от подслушивания спектре частот.

— Джейк, я поймал самый конец вашего разговора на дорожной частоте. Ты думаешь, этот парень разговаривал честно?

— По-моему, да. Слушай, расскажи Шону и Лайему про них, ладно? И попроси Шона, чтобы он их вызвал. Может быть, он сможет что-нибудь пронюхать.

Карл так и сделал. После краткого разговора с Юрием Шон подключился к нам на аварийной, защищенной от прослушивания частоте.

— Его голос мне не знаком, Джейк, и по акценту он никак не может быть лесорубом с Высокого Дерева, но это еще ни о чем не говорит.

— Тем не менее,— ответил я,— мне кажется, он настоящий, и с ним все в порядке.

— Но он из властей,— возразил Сэм.

— Да, и мне от этого не по себе, но я думаю, что он не мент. А ты?

— Кто знает? Да и какая разница? Когда он узнает, кто ты такой, могут возникнуть неприятности.

— Не знаю. Он говорит, что его не было в земном лабиринте уже более двух лет. Каким образом он мог про меня слышать?

— Тут ты прав,— согласился Сэм.— И это, к тому же, SOS...

Да, но и мы, черт побери, не купаемся в безопасности и спокойствии. У нас на нашей спасательной лодке уже места не хватает.

— Оставим в покое этику спасательных лодок, хотя и о ней тут речь, — сказал я, — но и у нас места всегда хватит еще для двоих или троих.

Сэм поворчал, но сдался. Несколько минут спустя он сказал:

— Эй, я тут вижу, что «дорожный жук», кажется, собирается тоже свернуть направо, к тому самому portalу.

Я дал сигнал клаксоном, чтобы все знали, что мы собираемся свернуть направо примерно через полминуты.

— За «жуком» еще есть движение вправо? — спросил я.

— Не похоже. Если это неизведанная дорога, то само собой разумеется, что никто туда особенно рваться не будет.

— Правильно.

— Ты думаешь, эти землянские машинёжки поедут за нами? — спросил Сэм.

— Ложится ли на зиму мишка в берлогу?

— Зависит от мишки.

— Ну вот, и давай посмотрим, что делают эти животные.

Ответвление дороги стало ленивой дугой отходить вправо. «Дорожный жук» уже затерялся в густом супе местной атмосферы. Я смотрел, как Шон и Карл повернули, потом заметил, что наш новый товарищ тоже следует за нами, потом нажал на клаксон.

— Ну-ка, братцы, газанем посильнее.

Я сам начал прижимать к полу педаль газа.

— Разве мы так не можем выдать себя врагам? — спросил Карл.

— У меня есть план, — ответил я.

— Ну что ж, ты генерал, тебе и карты в руки.

— Тогда не забывайте это, рядовой.

— Да, сэр, о генерал Макартур.

— Мак-Карти? Кто это?

— Нет, не Мак-Карти... А, неважно.

Я подумал.

— Первая мировая война? — спросил я.

— Вторая, — ответил Карл.

— Так и есть. Я же знал, что где-то эту фамилию слышал.

Мне показалось, что спросить сейчас было бы самым подходящим делом.

— Карл, когда ты родился?

— Третьего августа 1946 года.

Я немного помолчал, потом спросил:

— Ты это серьезно?

— Да.

— Ладно, Карл, я тебе верю.

— А зачем мне врать?

— Воистину.

— Джейк, как насчет этого... как его там... Юрия?

— А что он делает?

— Похоже, он сам не знает, что ему делать. Наверное, думает, что мы пытаемся от него избавиться?

— Ну, в какой-то степени это так и есть. На самом деле, мне действительно интересно, что он делает.

— Понял.

Сэм сказал:

— Он вызывает нас на дорожной частоте, если вам это что-нибудь дает.

— Может быть. Ты осматриваешь дорогу сзади, погони за нами нет?

— Смотрю в оба. Пока все чисто.

— Не хочешь выслать птичку слежения?

— Вся местность плоская, как стол. Мне такое наверняка не понадобится. А какой у тебя план, можно спросить?

— На самом деле никакого особого плана у меня нет, — ответил я. — Если только мы не сможем найти никакого укромного местечка, чтобы залечь подольше.

— Это дело сложное. Тут практически негде спрятаться. Никаких холмов, никаких больших скал, чтобы вообще можно было о таком думать.

— Я, впрочем, думал о том, — продолжал я, — что мы, может быть, смогли бы проехать так далеко от них, что практически потерялись бы в этом смоге. Потом мы могли бы сбросить скорость и сесть преспокойно на обочине. Может, достаточно просто было бы слушать идущее мимо движение. Если мы что-нибудь услышим, то сможем быстро развернуться и рвануть в какой-нибудь другой портал.

— Замечательная мысль, — сказал Сэм. — Чертовски замечательная мысль, сын. Время от времени ты показываешь всем, что половина мозга у тебя уж точно есть. Давай так и сделаем.

Примерно в пяти кликах дальше по дороге мы так и поступили. На сканнерах ничего не видно, когда мы повернули, а экраны оставались чистыми, пока мы все не выключили. Мы не видели дорогу, но внешний микрофон направленного действия дал бы нам знать, если бы кто-нибудь проехал.

Юрий молча последовал за нами, пока мы выполняли этот маневр, вел он машину, которую мы наконец разглядели: белоголубой Омнифургон, прекрасная машина с двойной защитой, предназначенная для того, чтобы служить и машиной и домом. Она выглядела помятой и потрепанной долгой дорогой, но все еще пригодной к употреблению. Иллюминаторы были покрыты засохшей грязью и пылью, но на передних сиденьях можно было разглядеть две смутные фигуры.

Мы сидели, прислушиваясь к тихим постанываниям ветра. Все притихли. Прошло минут десять. Потом Сэм сказал:

— Спроси Карла, кто, по его мнению, выиграет Кубок Национальной Хоккейной Лиги в этом году.

— Хм-м-м,— я протянул руку и постучал пальцем по главному экрану.— Ну-ка, включи сканнеры помощнее. Посмотри взад-вперед по дороге на небольшом расстоянии.

Сэм послушался.

— Ничего,— сказал я.— Ни одной пылинки. Я-то наверняка считал...

— И я тоже,— ответил Сэм,— я был уверен, что они постараются засечь, если мы свернем к этому portalу, если они нами все еще интересуются.

— Не могу понять, что же такое тогда были эти машины. Может быть, догадка Юрия справедлива, и они всего-навсего инопланетяне в заброшенных машинах земной марки?

— Похоже на то.

Я надавил на клаксон, потом включил рацию.

— Карл, кто собирается выиграть Кубок НХЛ в этом году?

— Ну, я сам болею за «Доджеров» из Лос-Анджелеса...— он рассмеялся.— Ты что, смеешься? Хоккей вымер, как доисторическая птица дронт.

— Последний раз, когда разговаривал в забегаловке, то слышал, что его собираются воскресить, снова устраивают крупные игры высшей лиги в Северной Америке.

— Правда? Я и не слышал.

— Ты сказал, что родился в 1946 году?

— Да. Тысяча девятьсот сорок шестой год от Рождества Христова.

— Я так понял, что ты родился на Земле.

— Да. Лос-Анджелес, Калифорния.

— Как же ты попал в наше время, на сто пятьдесят с лишком лет позже?

— Меня захватило летающее блюдо.

Глава шестнадцатая

Это называется— не задавай глупых вопросов— не услышишь глупых ответов.

Язык очень странно себя ведет по отношению к тому, что именно он пронесет сквозь столетия в словарном багаже, а что бросает по дороге. Хотя само по себе выражение «летающее блюдо» не было совсем забыто, его первоначальное значение подернулось мраком и совсем пропало из словарей. В современном значении, если тебя как следует напугают по голове, то ты увидишь «летающие блюда». То есть будешь страдать временными зрительными галлюцинациями. «Слезь с летающего блюда» — означает «прекрати свои фантазии и вернись назад, к реальности». Спроси кого-нибудь, что такое на самом деле

«летающее блюдце», и скорее всего человек посмотрит на тебя непонимающим взглядом, как если бы ты у него спросил, к чему относятся «коньки» в выражении «коньки отбросить». (Примечание: в данном случае, я в этом уверен, «коньки» совсем не означают спортивной обуви с лезвием на ногах.)

Первоначально «летающее блюдце» означало только одну вещь: внеземной космический корабль. Если верить отчетам того времени, небо Земли было буквально забито подобными предметами, начиная с середины двадцатого столетия и кончая первой третью двадцать первого, когда была открыта Космострада на Плутоне. После того рассказы об этих штуках потихоньку сошли на нет. Официально эти объекты были названы Неопознанными летающими объектами или НЛО. «Летающее блюдце» взялось оттуда, но по форме почему-то эти предметы больше всего напоминали подвешенные в небе части сервиза. Я знаю все это только потому, что как-то писал курсовую в колледже на тему популярных иллюзий. Спецкурс назывался «Массы и коллективное сознание». (Я ничего про сам курс не помню, что мне кажется невеликой потерей.)

Тут, на дорогах между мирами, люди больше не встречают летающих блюдец. Они видят всякое другое: путешествующих во времени двойников давно умерших любимых, которые вдруг показываются им, машины, которые можно принять за «летучих голландцев» сегодняшнего дня, мчащиеся по Космостраде вместе со своими призрачными пассажирами, машины, которые ведут то Иисус Христос, то Будда, то Зороастр, то Лао-це, Кришна или Джон Леннон. Я помню, как провел за пивом целый вечер в компании кучки леннонитов — это очень интересная маленькая секта. Люди видят различные химеры, причем весьма разнообразные, но никаких космических кораблей. На кой тебе космический корабль, если можно сесть в машинку и проехать сотню-другую световых лет? Ответ: такое нужно только расе, которая не имеет доступа к Космостраде.

— Карл, нам надо поговорить, — сказал я, — но нам лучше пока отложить этот разговор, пусть даже мне очень не хочется этого делать.

— Ладно.

— Сэм, дай-ка мне дорожный диапазон, канал девятнадцать, на низком уровне.

Сэм выполнил просьбу, и я сказал:

— Юрий? Это Джейк.

— Хелло!

— Наверное, ты давно уже гадаешь, в чем тут дело.

— Мне показалось, что у тебя есть причины быть осторожным.

— Правильно догадался. Извини, что мы тебя не предупредили, но мне показалось, что лучше поддерживать тишину в эфире, по крайней мере, на волнах дорожного диапазона.

Юрий, у тебя есть многоканальный декодер, который бы работал в защищенном режиме?

— Конечно, есть.

— Хорошо. Сэм так наладит тебя, что ты сможешь принимать на нашем канале, защищенном от прослушивания.

Когда мы все это смогли выполнить, то включили моторы и поехали дальше по льду к Космостраде, следуя по собственным колеям в снежной каше. Дорога была совершенно плоской, ровной, и ехать было легко. Но когда дорога показалась впереди, Сэм вдруг завопил:

— У меня что-то на сканнерах!

— У нас есть время развернуться обратно?

— Нет, эта дрянь мчится на скорости мах-запятая-три. Наверное, это «дорожный жук».

— Еще один?

Ну, конечно, так оно и оказалось. Мы смотрели, как серебряная жукоподобная машина скользит мимо нас, прорезая себе дорогу в густом тумане, похожем на суп.

— Ну и ну, — сказал удивленный Сэм, — он нам что-то передавал. У меня записано, могу проиграть. Погодите-ка... вот запись.

— ДОСТУП В СЛЕДУЮЩУЮ СЕКЦИЮ КОСМОСТРАДЫ ВОСПРЕЩАЕТСЯ. НЕМЕДЛЕННО РАЗВОРАЧИВАЙТЕСЬ НАЗАД.

Голос разговаривал на интересном. Уже давно существовала гипотеза, что «дорожные жуки» могут сканировать мысли и жизненный опыт тех, кто едет в машинах, которые им нужны. (Иначе, как они учат все те языки, на которых они к нам обращаются? Никто пока не придумал этому объяснения.)

— Ну что же, — сказал я. — Я не собираюсь спорить с «дорожным жуком». Взвод, налево!

Я повернулся налево, сумел вовремя выровнять машину и вывел тяжеловоз на его крейсерскую скорость. Мы посмотрели назад, чтобы убедиться, что все повторили наш маневр. Нас послушались.

Но вскоре на сканнерах проявилось идущее нам навстречу движение машин. Пять точек, никто из них не торопился, но они оставались в четком строю. У них был смертельно деловой вид. Я знал, кто они такие.

— Отступать! — скомандовал Сэм.

— Разве Юрий не говорил, что заметил четыре земные машины? — спросил я, разворачивая тяжеловоз в широком дугοобразном повороте.

— Сказал.

— Это может означать, что одна из этих машинок — инопланетная.

— А я все гадаю, кто это может быть.

Сэм знал так же хорошо, как и я — ретикулянцы.

— Что нам делать? — спросил Сэм. — Мы не можем проскочить через портал. Снова съезжать с дороги?

— Да-а-а. Похоже на то, что приближаться к нам они не собираются. Если мы сможем потеряться с их сканнера — как ты думаешь, птичка слежения у них есть?

— Я пока никого в небе не вижу.

— Отлично. Давай съедем с дороги и снова притворимся булыжником. Может быть, мы сможем их обмануть.

— Мы окажемся самой видной чертой местного пейзажа. Если, конечно, они будут нас искать.

— Не знаю, — сказал я. — Мне-то показалось, что какие-то большие скалы были как раз там, где мы припарковывались в тот раз. Может быть, дальше территория меняется.

Но этого не произошло, и наши преследователи держались на неизменном расстоянии от нас, пока мы приближались к цилиндрам портала. Мы мчались на максимальной скорости. Не было никакого способа оторваться от них, и наши возможности выбора стремительно уменьшались.

— Может, нам повернуться к ним лицом и принять бой? — спросил Шон. — Лайем и я вполне готовы, если вы не возражаете.

Карл сказал:

— Они действительно едут за нами, или у нас просто начинается паранойя? Может быть, это совсем не те машины, которые видел Юрий.

— Это и мне приходило в голову, — ответил я. — Может быть, мы просто боимся уже каждого куста, как пуганая ворона. Хочешь, уступим им дорогу и посмотрим, станут они нас преследовать или нет?

Минута на размышление. Потом:

— Да нет, что-то не хочется, — ответил Карл.

— Еще одна точка на дороге. Что за черт! — смешался Сэм.

— Что?

— Еще один «дорожный жук».

— Теперь уж точно могу сказать, что я вижу первый раз в жизни, — удивился я. — Никогда доселе не встречал трех «дорожных жуков» так близко друг от друга. Интересно, что творится.

Я съехал на край Космострады, чтобы пропустить промчавшегося мимо «жука», потом снова въехал на ряд самого быстрого движения.

— По другую сторону этого портала наверняка что-то совершенно необычное, — сказал Сэм, — но вот только вопрос — что?

— Новый филиал «Макдональдса», — сказал я.

— Ага, и «дорожные жуки» не хотят, чтобы туда въехал кто-нибудь еще, кроме них. Хотят все себе заграбастать. Тот,

что только что промчался, передал нам то же самое предупреждение, что и предыдущий.

— Проиграй его еще раз,—попросил я. Сэм выполнил распоряжение, и я смог убедиться, что сообщение было совершенно такое же.

— Почему они нас предупреждают? Почему они нас не останавливают?

Ответ мы получили примерно минут через двадцать. Мы катили себе спокойно, время от времени поглядывая на преследователей, которые отстали от нас так, чтобы оказаться на самом краю возможностей сканнера их засечь. Вдруг из тумана впереди блеснул злобный проблеск света. Я резко затормозил и перестроился на край дороги.

Всю дорогу впереди покрывал переливчатый прозрачный купол голубого огня, причем ему не видно было конца. Купол был как бы в форме туннеля над дорогой. Сквозь туннель время от времени пробегали сполохи молний, и энергия потрескивала сухим шорохом, когда молнии зажигались и гасли. Эта штукавина сидела на дороге, словно каркас палатки, стены которой были сотканы из пылающего огня и радужно-прозрачного сияния. В том, что мы увидели, было нечто библейское. Я наполовину ожидал услышать грозный голос, который бы сказал мне: «И ДАЛЬШЕ ЭТОЙ ЧЕРТЫ НЕ ПОСМЕЕТ ПРОЙТИ СМЕРТНЫЙ». Но слова были тут ни к чему, вполне понятно было, что нам хотели сказать самим явлением.

— Ничего удивительного, что «жуки» не потрудились нас прогнать,—сказал Сэм,—никто в здравом уме не станет сквозь такое проезжать.

— Не знаю, не знаю,—беззаботно сказал я.—Это может оказаться мойкой автомашин.

— А где прорезь, куда опускать жетон в пятьдесят кредиток?

Я полностью затормозил примерно в трех длинах тяжеловоза от странного туннеля. Остальные держались до сих пор за мной, но теперь перестраивались так, чтобы получше рассмотреть увиденное.

— Что это за гребаная штукавина?—первым поинтересовался Шон,—то есть, я хочу сказать, понятно, что это, но из чего это сделано?

Я несколько секунд молча смотрел на вспышки и всплески огня, прежде чем ответил:

— Не знаю. Плазма, чистая энергия, может быть, какое-то силовое поле. Кто знает. Но может ли кто-нибудь убедить меня вескими аргументами, что эта штукавина не идет по всей дороге до самого портала?

— Только не я,—сказал Шон.

— Сомневаюсь, что нам удастся объехать эту штуку,—сказал Карл.

— Я бы сказал, что для эффективности барьер должен был бы проходить до самых маркерov въезда,— сказал Юрий.— Вы согласны?

— К сожалению, да,— ответил я.

— Наши «друзья» остановились,— доложил Сэм.— Интересно, видно ли им через смог.

— Ну что же, если им и не видно, то на сканнерах они видят нечто, что их должно было бы весьма озадачить. А это уже само по себе хорошо.

Я глубоко вздохнул.

— Ладно, бригада, что нам делать?

— Мне кажется, надо повернуть и разобраться с ними,— предложил Карл.

— Мне уж совсем не хочется, чтобы они загнали нас так, чтобы нам пришлось убираться с Космострады.

— Это означает, что нам придется спорить с пятью машинами, и мы знаем, что четыре из них крепко бронированы и, вероятно, тяжело вооружены,— сказал я.— И какие у нас шансы?

— А как насчет того, что у меня в машине?— спросил Карл.— Мы их достойно встретим.

— Карл, я не сомневаюсь, что ты и Лори сможете выбраться живыми и невредимыми из этого безобразия, но я думаю и об остальных членах нашего экипажа. У нас кончились ракеты, машинежка Шона и Лайема не вооружена и не бронирована. Если бы речь шла только про меня и про Сэма...

— Джейк.

Я повернулся, чтобы посмотреть на Сьюзен. Глаза у нее были красные и опухли, но плакать она перестала. Теперь она смотрела на меня с мрачной решимостью, которая испугала меня тем, насколько она изменила ее приятные и хорошенькие черты. Это была та Сьюзен, которая раньше мне никогда не была знакома.

— Не дай этим сволочам нас 'взять,— сказала она.— Делай то, что можешь сделать.

Я кивнул.

— Именно это я и хотел услышать.

Снова включив микрофон, я сказал:

— Давайте. Пришучим их.

— Ур-р-а-а-а!

— Я вам скажу, что мы собираемся сделать,— продолжал я.— Карл, ты будешь нашим авангардом, а я поведу пехоту за тобой. Шон и Юрий, я хочу, чтобы вы все время держались справа от меня, и, если вы увидите что-то припаркованное у дороги с этой стороны, немедленно перестраивайтесь мне в хвост. Поняли?

— Подтверждаем.

— Понятно.

— Карл, ты понял?

— Ты можешь создать зеленый шарик?

— Ну конечно.

— Тогда выстрели в них штучку. Без сканнеров они нас не увидят, пока мы не свалимся им на голову.

— Нам придется немного повременить после выстрела, — ответил Карл. — Мы не можем слишком близко подъезжать к этой штучковине, потому что она вышибет из нас всю действующую электронику. Из меня-то нет, а вот из вас... Шевроле, кстати, совсем не подвластно действию этой штуки.

— Ты умеешь регулировать скорость шарика?

— Да, но даже на максимальной скорости он передвигается довольно медленно.

— Ну хорошо, запусти его на максимальной для него скорости.

— Ладно.

— Значит, нам придется делать все с аптекарской точностью, — сказал мне Сэм. — Я прослежу шарик и скажу вам, когда можно ехать.

— Отлично. Мы все готовы?

— Все устроено, — отрапортовал Карл, развернув шевроле и начиная двигаться по дороге назад.

Я тоже развернулся и встал за ним.

После того, как все остальные тоже заняли свои позиции, я сказал:

— Ладно, Карл, пусть машинка делает свое дело.

— Помни, что она должна вышибить у вас всю электронику, даже моторы, пока мы не окажемся вне пределов досягаемости.

— Эта штука может подавить ядерную реакцию? — спросил Сэм с изумлением.

— Вот именно. Может быть, лучше погасить моторы.

С помощью Сэма я быстро заглушил мотор и снизил мощность потока, но оставил вспомогательные моторы на ходу.

— Готов, — сказал я. Шон и Юрий ответили тем же самым.

— Ну что, поехали, — сказал ровно и спокойно Карл.

Прозрачная, блистающая травянисто-зеленая сфера мерцания и энергии вылетела в готовом виде из крыши машины Карла. Наши экраны сканнеров немедленно погасли, вырубилась и все остальные инструменты, которые мы не выключили. Вспомогательный мотор с визгом выключился. Шар завис над крышей, потом прямо полетел к тяжеловозу.

— Эй! — завопил я, хотя Карл меня не слышал. — Не туда!!!

Через заднее окно шевроле я увидел, как Карл воздел руки и впился себе в волосы. Он был в отчаянии. Видимо, он навел прицел тогда, когда машина была повернута в другую сторону, и он сам про это забыл. Он стал бешено молотить по своей панели управления, чтобы выпустить новый заряд, но, прежде чем смог выпустить еще один шар, вся область сзади от нас

зажглась яркими вспышками. Иллюминаторы поляризовались, но ледяные равнины отбрасывали назад к нам ослепительный свет. Я не мог почти ничего разглядеть через зеркало заднего обзора.

Источник вспышек стал уходить от нас, и вспомогательные моторы вернулись к жизни. Панель коммуникатора зажглась снова.

— Я вернулся,— сообщил Сэм.— Эта штукавина и меня вырубил. Что происходит?

— У-у-у! — заорал Карл.— Эта штука замкнулась на барьер!

«Замкнулась» было вполне хорошим определением того, что происходило. Скользя над дорогой, шарик на своем пути уничтожал феноменальный светящийся туннель, притягивая к себе языки огня, словно поглощая их. Барьер ломался, разрушался в бешеном фейерверке энергии. Стены сияния дрожали, колебались и пропадали, языки огня подпрыгивали и взрывались многоцветными осколками. Фонтаны искр лились из воздуха, потом падали на Космостраду. Ввысь взмывали гейзеры энергии, потом разливались в воздухе. Весь фейерверк сопровождался резкими раскатами грома и шипением мощных электрических разрядов.

Я смотрел, открыв рот. Когда все сполохи исчезли, растворившись в тумане, я посмотрел вперед и увидел, что Карл двигает машину вперед. Я взглянул на экран переднего обзора. Пять машин, которые гнались за нами, все еще сохраняли свой строй. Шевроле помчался по дороге. Когда он почти растаял в смоге, еще один зеленый шар поднялся с его крыши. Карл резко развернул машину и рванул обратно. Я завел мотор.

— Поехали, ребята,— вопил Карл.— Этот зеленый шарик что-то хочет нам сказать!

— Так поехали просто за этим мячиком,— предложил Сэм. Я сказал:

— Честно говоря, не верится, что с кем-то еще случаются подобные вещи.

— Нет, сынок, уж точно с другими такого не происходит. Ты единственный во вселенной, кого так почтили.

— Почему, как ты думаешь? — спросил я, разворачивая тяжеловоз еще раз.

— Боги капризны.

— Спасибо тебе, О'Оракул.

— Было время, я звал некоего О'Оракула. Такой был Шеймус О'Оракул. Владелец бара в Питтсбурге.

Мы поехали следом за подлетающим кверху шаром. Либо Карл просто ошибся, оценивая его скорость, либо шар набирал энергию от разрушающегося барьера, но мы никак не могли остаться с ним наравне. Через десять минут перед нами появились цилиндры портала, и между нами больше ничего не стоя-

ло, кроме атмосферного тумана. Шарик сделал свое дело, слопав энергетический туннель по всей дороге от того места, где мы его встретили, до купола безвоздушного пространства, которое поддерживается силовыми полями, окружающими портал. Однако сам зеленый шар мы потеряли из виду. Он либо растворился, либо прошел сквозь отверстие, что немедленно вызвало у нас вопрос: не повредил ли он саму механику портала или, не дай бог, силовые поля? Но сейчас не время было задавать этот вопрос, не говоря уже о том, чтобы на него отвечать. Цилиндры все еще стояли там, где стояли, отверстие в иные миры было на месте, и мы промчались через него со страшной скоростью, и на экранах наших сканнеров ничего не было, что могло бы указать на смельчаков, отважившихся последовать за нами.

Реакция Сэма на то, что встретило нас на другой стороне, была примерно такая:

— Э-э-э-а-а-а...!! Что-о-о!!!

Я немедленно позабыл про зеленый шар.

Потребовалось изрядно много времени, чтобы то, что мы видели, до нас дошло. Мы появились на безграничной, беспредельной равнине, математически ровной и гладкой, поверхность которой металлически блестела, отливая бледно-голубым оттенком. Небо было просто парадом звезд, которые украшали занавес блистающего газа. Роскошное созвездие висело в нескольких градусах от зенита. Реки темной звездной пыли прорезали себе русла на небосклоне. Местность была плоская, невообразимо равнинная. Ни скалы, ни камушка, ни выбоины — ничто не нарушало равнинность. Хоть бы что-то. Но нет. Это был самый большой бильярдный шар во вселенной.

Но все это было не самое странное, что мы увидели. Сэм ахнул по другой причине.

Под нами не было дороги.

Вернее, поверхность вся состояла из одной большой дороги.

— Сэм? — спросил я спокойно. — Где мы, черт возьми?

— Сын, я сам онемел. За все свои годы на Космостраде я никогда не видел ничего подобного.

— Но где дорога? — спросил я.

— Сам видишь, и твое объяснение будет ничуть не лучше моего. Мы можем как раз по дороге ехать.

— Что ты имеешь в виду?

— Может быть, существует какой-нибудь способ дорогу почувствовать — но я уже перепробовал все способы, и пока что мне это не удалось.

— Ты что-нибудь чувствуешь за пределами видимости? — спросил я.

— Ничего. Абсолютно ничего. Впрочем, я могу вполне грамотно подсчитать, на каком расстоянии от нас горизонт, только пока не могу найти зацепки.

Минуту подумав, я сказал:

— Возьми курс на звезду впереди и поддерживай его. Мне кажется, я не очень отклонился в сторону с того момента, как мы въехали в портал.

— Нашел курс.

— Тогда ты правишь.

— Слушаюсь!

— Я исхожу из предположения, что под нами все-таки по-прежнему есть дорога, хотя мы, возможно, не в состоянии ее различить. Но все-таки, если и не дорога, то направление все-таки есть. То направление, по которому нам надо следовать к portalу.

— Хорошо... О, а что это? Господи, «купол».

«Купол» — это слабый микроволновый образ, выдающий присутствие тех сил, которые обычно существуют в портале. Сами цилиндры не излучают никаких электромагнитных волн, которые можно легко различить на расстоянии, и они не отражают волн.

— Где? — спросил я.

— В тридцати градусах вправо.

Очень необычное явление, когда портал находится всего в нескольких кликах от другого, однако этот кусок Космострады вряд ли можно было назвать обычным.

Я включил рацию.

— Люди, мы обнаружили тут неподалеку портал. Я собираюсь проскочить в него. Что вы на это скажете?

Все высказались за то, чтобы убираться с этого шара из кегельбана, причем немедленно.

— Тогда за мной, — приказал я.

Сэм повернул в сторону портала. Я скользнул в кресло водителя, чтобы немного подремать за рулем. Мы были на дороге всего несколько часов, но я уже стал уставать. Старею.

— Чтоб меня выключили! — возопил Сэм. — Еще портал!

— Портал? — переспросил я.

— Угу. И еще один. Они выскакивают на горизонте, как грибы после дождя. Погоди, теперь, по крайней мере, могу подсчитать расстояние до горизонта... Может быть, тебе интересно будет узнать, что небесное тело, на котором мы теперь находимся, чуть более пяти тысяч километров в диаметре.

— Здоровая штукавина, — подумал я вслух, — и вся покрыта порталами. Интересно. Давай поедем вперед и проскочим через ближайший, по плану.

— По нашему плану? Погоди. — В моем голосе недостаточно прозвучали кавычки, которые я с большим нажимом поставил бы вокруг этого слова. По нашему «плану».

— Ну, каким бы он ни был. Роланд, как тебе кажется, что у нас тут? Есть идеи?

— Есть, и весьма определенные, — ответил Роланд. —

Помнишь все те «дорожные жуки», которые на наших глазах сюда ехали?

— Да, и мне кажется, что я понимаю, к чему ты клонишь.

— А просто все тут сходится. Доступ в это место закрыт для всех, кроме «дорожных жуков». Мы проскакиваем случайно сквозь портал и обнаруживаем тут нечто разительно непохожее на любую планету Космострады, которую мы знаем. Совершенно очевидно, что дорога с барьером — это для служебного пользования. А это... — он сделал широкий жест, обводя рукой все пространство.

— Это, — закончил я вместо него, — должно быть, планетостанция техобслуживания для «дорожных жуков».

Глава семнадцатая

— Или планета-гараж, — ответил Роланд. — Одна из многих, которая обслуживает Космостраду.

— Таких планет, должно быть, целая сеть, — сказал я, — с паутиной дорог, которой их связывают. Так, по логике, должно быть.

— Интересно, может быть, это главная станция для Млечного Пути — как тебе кажется?

— Может быть, — ответил я, — если мы все еще на Млечном Пути.

Роланд посмотрел на небо в лобовой иллюминатор.

— Никак невозможно понять, где мы, но если мы еще в нашей Галактике, то мы должны быть очень близко к ядру.

— Давай надеяться, что не слишком близко. Черная дыра галактического ядра выбрасывает слишком много жесткой радиации.

— На тот случай, если тебя это действительно беспокоит, — вмешался Сэм, — то могу тебе сказать, что счетчики совершенно молчат на этот счет. Нет даже космического фона. Либо у нас пострадало оборудование — что противоречит остальным данным, которые у меня есть, — либо у этой планеты есть защита от радиации.

— Интересно, — ответил я. — Что бы это значило?

— Представьте себе радиационный щит, который покрывает всю планету, — стал рассуждать с восхищением Роланд. — Причем такой, что останавливает абсолютно все частицы. — Он покачал головой: — Но кому это надо? Кому нужна радиационная защита такого масштаба?

— Может быть, тут играет роль то, что мы находимся в другом регионе Галактики, как-то связанном с этим явлением, — предположил я. Потом я пожал плечами.

— Кто знает? Да и какая разница? — Я сложил на груди руки и закрыл глаза. — Я попытаюсь хоть капельку заснуть.

— Ради бога,— весело ответил Сэм.— Тут все равно не на что пялить глаза.

Так что примерно десять следующих минут мне удалось поспать. Пусть даже это был не сон, а дрема. Вдруг я снова стал думать над тем, что случилось с зеленым шаром, и вдруг кое-что осознал. Технология тех, кто построил автомобиль Карла, была если не сильнее технологии тех, кто построил Космостраду, то, по крайней мере, стояла наравне с ней. Это было настоящее открытие. Такое положение вещей было, по меньшей мере, беспрецедентным на всех известных планетах Космострады. Технологические достижения строителей дороги обычно считались не имеющими себе равных во вселенной. Ни у кого не было настоящих доказательств, чтобы это поддержать, но в этом было интуитивное ощущение правоты. Порталы были невозможными конструкциями, но они существовали. Трудно было представить себе, что те, кто смог их построить, не овладели законами, на которых стояла вселенная.

Факт: за нами на полной скорости шла машина, чье вооружение нейтрализовало силы механизма безопасности, построенного строителями Космострады.

Факт: ее владелец или предполагаемый владелец представлял собой человеческое существо двадцати одного года от роду, которое клялось, что родилось на Земле почти сто пятьдесят лет назад, и он клялся, что его похитило какое-то передвигающееся во времени и пространстве приспособление. Или внеземной космический корабль.

Факт: артефакт, за рулем которого он сидел, был выполнен весьма специфически в форме шевроле импала 1957 года. (!!!)

Предположение: пассажиры космического корабля построили свое произведение искусства в такой форме, в которой оно больше всего подходило его теперешнему владельцу, по его заказу и, вполне возможно, по его желанию. (Карл сказал только, что его автомобиль построили «инопланетяне», но, основываясь на том, что Карл иногда высказывал, можно было смело предположить, что машину построили по его просьбе.

Гипотеза: Карла похитили строители Космострады.

Но зачем? Тут данных недостаточно.

Гипотеза: Карл был похищен существами, у которых не было прямого доступа к Космостраде и которые вместо этого развили у себя космонавтику.

Зачем? Чтобы добраться до Космострады.

Почему они утащили Карла? Им нужен был шпион.

Что?

Нет, это меня ни к чему не вело. Мне очень нужно было как следует поговорить с Карлом. А до тех пор...

Что-то там на фоне звездного поля... Черные силуэты, очерченные пылающим газом...

Сэм резко свернул вправо, прежде чем я успел перехватить рукоятки управления.

— Ты их тоже видел, а?

— Да-а-а! Господи Иисусе!

Мы подъезжали к portalу сбоку. Такого никогда нельзя делать.

— Ну ладно,— сказал я,— мы свернули с проторенной тропы, если тут таковая существует.

— Теперь мы знаем, что «дорожным жукам» дорога не нужна,— прокомментировал Роланд.

— Тут есть вопрос,— сказал Сэм.— Каким образом ты собираешься проскочить сквозь портал, если к нему нет прямой дороги в качестве подъездного пути, нет направляющих, нет маркеров въезда и всего остального, когда и цилиндров-то толком не разглядишь?

— Наверное, инструменты Карла с этим справятся,— ответил я,— надеюсь. Давай его вызовем.

Я включил рацию и так и сделал.

— Нет проблем,— уверенно сказал Карл.— У этой машины есть способы различать порталы, которых нет ни у какой другой машины.

Цилиндры очень сложно распознать. Они всасывают в себя все, что хоть отдаленно напоминает электромагнитические волны, и почти ничего не излучают, если говорить о том, что может быть уловлено тонким лабораторным оборудованием. По эту сторону силовых полей можно, однако, различить небольшие колебания притягивающих сил, так что такие вещи могут вам подсказать, с какой стороны и как лучше подъехать к portalу. Лично я не доверяю большей части коммерческого производства инструментам. Я полагался на инструменты, когда погода и атмосферные условия диктовали это, но в этих случаях ориентационные сигналы от маркеров вхождения в портал значительно облегчали ситуацию. Здесь же не было никаких маркеров въезда. Я никогда еще не пытался въехать в портал на инструментах, которые сканировали присутствие цилиндров — и все.

Мы некоторое время плыли по полной звездной ночи, обсуждая поразительные способности машины Карла. Роланд и Джон согласились, что технология этой машины должна равняться, по меньшей мере, той технологии, которой так хорошо владели строители Космограды.

— Но кто мог произвести подобное чудо? — спросил Джон. — Какая-нибудь раса в расширенном лабиринте? Может быть, рикксиане?

— У рикксиан есть космические корабли, — сказал я, — но, по слухам, это атомные корабли, чья скорость ниже световой.

— Это объяснило бы временной аспект рассказа Карла, — сказал Роланд.

— Но, если рикксиане ограничены субсветовой технологией, у них не было бы возможности построить машину Карла.

— Я бы так и считал, что им это не под силу, но у нас нет никакой возможности узнать наверняка. Может быть, путешествие со сверхсветовой скоростью невозможно, как считал Эйнштейн. Из того, что я читал по теоретической физике, релятивизм били долго и упорно, но что-то пока никто не смог нанести ему окончательный удар.

— Ну, «били долго и упорно», может быть, не самая подходящая фраза,— сказал Роланд,— но в последнее столетие усилия главным образом были направлены на то, чтобы примирить теорию относительности с остальными, которые возникали позже. Собственно говоря...

— ДЕРЖИТЕСЬ!!! — завопил Сэм.

Тяжеловоз резко свернул влево, силы гравитации едва не поломали мне шею. Как раз в тот момент, когда мы выправляли машину на нужное направление, мимо нас пронесся черный силуэт, который мы видели какую-то долю секунды, прежде чем он исчез в полусвете-полумраке.

— Что это была за чертовщина? — спросил я, когда сердце мое снова стало биться.

— Дорожный жук,— сказал мне Сэм.— Примерно ехал на мах-три. Никогда не видел, чтобы кто-нибудь мчался с такой скоростью.

— Куда он, черт возьми, мчался? Ну и ну! Это же для нас просто на волосок от смерти.

— Не знаю, куда он направлялся, но я знаю, что он разворачивался, чтобы поехать за нами.

— Поднажми, Сэм!

— Годится!

— Джейк, что это было такое? — это Карл.

Я посмотрел в зеркало заднего обзора и увидел, что три пары фар снова выстраиваются привычным мне образом.

— Простите за то, что слегка изменили курс, ребята, но «дорожный жук» чуть не размазал нас по дороге.

— Наверное, он все удивляется, что мы тут делаем,— сказал Карл.

— Очень вероятно,— ответил я.— Мне кажется, мы не сможем ни убежать от него, ни тем более обогнать. Может быть, нам лучше остановиться и притвориться, что мы заблудились, вести себя невинно.

— А он может знать, что моя машина вытворила с барьером? Наверное, нет, а?

— Не знаю ничего на этот счет, но мне все равно как-то не по себе. Не знаю, что нам в любом случае придется делать.

— Н-да, мне тоже муторно,— это Карл.— Что он станет с нами делать?

— Ну, сперва-то он проведет небольшое дознание — куда мы ехали и как сюда забрались?

— И что мы скажем? Лучше всего наши истории как-то скоординировать, чтобы они совпадали.

— Мы просто скажем: «Какой барьер? Мы не видели никакого барьера». Или что-нибудь в этом роде. Собственно говоря, нам лучше ничего не говорить, кроме того, что мы потерялись и что у нас не было ни малейшего понятия, что это запретная зона. Поняли? Шон, Юрий — вы слушаете?

Они действительно слушали.

— А вот не слушает ли нас «дорожный жук»? — спросил нарочито Шон.

— О господи, кто же знает, на что они способны, — сказал я. — Я никогда не слышал, чтобы хоть один жук разговаривал по-английски, что ничего не означает. Но я вполне уверен, что даже они не смогут расшифровать то, что передается уже через скремблер, если у них нет соответствующего кода для расшифровки.

— В этом есть смысл.

— Ну что, съедем и остановимся? — спросил Карл. — Он уже развернулся и несется прямо на нас.

— А я не вижу, чтобы у нас был выбор, — сказал я, — кроме того, чтобы... ну...

— Я бы мог напустить на него зеленый шарик.

— Эта мысль уже мне в голову приходила. Ну что же, давай попробуем.

— А как насчет риска, что он ответит тем же? — сказал беспокойно Шон.

Я не мог обвинить его в трусости.

— Шон, — ответил я, — я единственный человек, который имел монументальную глупость стрелять в Патруль Космострады. Я сделал это совсем недавно, кстати. Не было никакого ответа. У них нет человеческих мотивов. Опять же, я не говорю, что могу предсказать, что сделает именно эта машина, но есть очень большой шанс, что он не станет размазывать нас по дороге просто за то, что мы в него попытались выстрелить. Кроме того, эти шары выглядят такими невинными и безобидными, что он даже может и не признать, что это оружие, пока на него эта штука не окажет своего эффекта, но в этом случае он сможет уйти прочь. Логично?

— Логично или нет, — сказал Карл, — поехали. Я собираюсь немного отпрянуть, чтобы вам, ребята, эта штука не попала. Поэтому вы дуйте вперед, а я задержусь.

Экран заднего обзора показал нам, как еще одно зеленое яйцеобразное облако поднялось с крыши машины Карла. Оно поплыло и пропало с экрана.

Глаза мои потихоньку приспособлялись к странному полусвету и даже еще более странному окружению. Я мог увидеть

верхушки цилиндров, которые заслоняли небо на покрытом звездами горизонте. Они, казалось, были повсюду, но поблизости от нас не было цилиндров, кроме тех, мимо которых мы только что проехали. Поверхность под нами продолжала быть такой же ровно бесцветной и плоской. На ней трудно было сосредоточить взгляд, но чем больше я на нее смотрел, тем больше она казалась мне искусственной. Вся эта планета казалась огромной видеостудией, притемненной и пустой, окруженной нарисованной на холсте циклограммой. Под ногами сияло покрытие призрачно-фиолетового цвета, словно белая поверхность под ультрафиолетовым светом.

Сканнер заднего обзора показывал большой объект, который быстро приближался, и скорость его была примерно 1,3 мах, и она быстро снижалась. Он догонит нас примерно через двадцать секунд. Шар пока никак не отразился на экранах.

— Сэм, выжми все, что можешь, — сказал я.

— Я так и пытаюсь сделать.

Неожиданно объект на экране стал отходить в сторону. Он на несколько секунд свернул влево от нас, потом стал колебаться из стороны в сторону, его скорость резко снизилась. Казалось, «дорожный жук» был дезориентирован и неуверен в себе.

— Мне кажется, я его вижу, — сказал Роланд, выглядывая через свой иллюминатор в полутьму. — Он плетется за нами. Такое ощущение, что он не может нас догнать. Примечательный факт.

Сзади появилось зеленоватое свечение, когда Карл выпустил еще один шар в направлении «дорожного жука». Я отвел взгляд от сканнера на миг, чтобы увидеть, как шар рванется вперед. Карл был примерно в трехстах метрах от нас сзади.

«Дорожный жук» отстал от нас, описав блуждающую дугу, неровную и извилистую.

Карл выстрелил еще один шар, просто на всякий случай.

— Карл, старина, лапочка, дружище ты мой дорогой, — сказал я ему, — ты сделал то, чего еще не удавалось никому во вселенной, насколько я знаю. Ты только что послал на три буквы самого «дорожного жука».

— Ага, именно так: иди ты, задница, на...!

— Ага, отвяжись, такой-сякой! Жук свинячий, — добавил Шон.

— О'кей, — сказал я, — пока что я не стану развивать эту тему. Давайте-ка попробуем поскорее проскочить через ближайший портал. Карл, гони сюда и как следует прицелься, чтобы мы могли... Ох, черт!

На экране ясно было видно, что слева на нас едет еще один объект. На самом деле это была не такая уж проблема — Карл выстрелил в него еще один шар, производя почти тот же самый эффект. Однако этот «дорожный жук» не отстал от нас — он словно снова оправился и вернул себе возможность действо-

вать разумно. Карл снова выстрелил вправо, но на сей раз первый «жук» резко затормозил, видимо, ожидая, когда шар уйдет из поля действия «жука» и не сможет ему повредить. Мы так мучались целый километр, мчась изо всех сил и удерживая «жуков» на безопасном расстоянии. У них либо просто не было такого оружия, которое могло бы поражать на больших расстояниях, либо они почему-то его не применяли. На наших экранах появились еще точки, которые говорили о том, что «жуки» со всех сторон собираются к нам. Кажется, о нас прошел слух на этой планете. «Жуки» ехали вровень с нами, держась параллельно нашему курсу, но на приличном расстоянии. Время от времени один из них отваживался приблизиться, но потом тут же отдалялся.

— Что нам теперь делать? — спросил мрачно Карл.

— Найти портал, и как можно скорее, — ответил я. — У меня такое чувство, что они подгоняют нас к какому-то месту, но там, по-моему, нет портала.

— Давай тогда поменяем курс.

— Ладно. Поворачиваем вправо на сорок пять градусов. Подтверди прием.

— Вправо на сорок пять градусов, принято.

Мы развернулись, и «жуки» поехали за нами.

— Ладно, — сказал я, — мы едем к порталу примерно под правильным углом. Карл, тебе рано или поздно придется возглавить нашу процессию. Нам нужны данные твоей машины, чтобы проскочить в эту дыру.

— Отлично. Хочешь, перестроюсь прямо сейчас.

— Если можешь... Эй!

Ослепительный белый шар огня вырвался из поверхности планеты перед нами, чуть правее нашего курса. Сэм резко развернулся, отскочив в сторону от стремительно расширяющейся стены огня и вернув нас на наш первоначальный курс. Не было в этом шаре ничего вредоносного, и, насколько мы могли судить, никакие наши инструменты не пострадали.

— Это просто предупредительная пальба в воздух, как я полагаю, — заметил Сэм.

— Они нас куда-то гонят, — сказал я сердито, — вот крысы...

— Дай-ка я выпущу в них очередь зеленых шаров, — предложил Карл.

— Нет, Карл. Их слишком много, и они уже поумнели. Ты мне говорил, что у твоей машины совсем нет оружия для нападения?

— Оружие-то есть, но мне самому надо подвергнуться нападению, чтобы оно сработало... и это, на мой взгляд, и делает это оружие скорее оборонительным, чем каким-то иным. Тасманийские дьяволы, конечно, довольно сильное атакующее средство, это я и так знаю. Но у меня их осталось только два.

— Прибереги их,—сказал я.— У тебя еще не кончились зеленые шары?

— Нет. Этого-то добра я могу произвести неограниченное количество.

— Ты в этом уверен?

— Уверен.

— Ладно. Будем ехать этим курсом, пока не решим, что делать дальше.

Прошло десять минут, никаких новых идей нам в голову не пришло, а что-то показалось впереди.

Сперва это просто была тонкая темная линия, которая постепенно превратилась в длинную прорезь или углубление в поверхности, углублявшееся на противоположной от нас стороне. Нас вели как раз к пандусу, который спускался в это углубление. Я мог догадаться, куда он ведет.

— Давай попробуем снова свернуть,—сказал Карл.

— Нет времени,—сказал Сэм.

И времени действительно не было. Поскольку снаружи не было никаких внешних ориентиров, ощущения скорости почти не было, но быстрый взгляд на инструменты убедил меня, что Сэм несется вперед на дикой скорости. Очень и очень скоро мы уже въезжали на пандус, ведущий в углубление. Сэм немного затормозил, когда мы начали спускаться. Теперь нам виден был и конец углубления, где в стене зияло полукруглое отверстие.

Туннель.

— Интересно, сколько стоит стоянка в таком гараже,—сказал Сэм.— У тебя есть разменная монета?

— А где тот тип, который выдает билетики? Что-то не видно,—ответил я.

— Надеюсь, мы сможем выбраться отсюда,—сказал спокойно Карл.

— Должен же быть выход отсюда,—сказал я.— Собственно говоря, это не такая плохая идея. Зеленые шары могут оказаться гораздо эффективнее под землей. Нет никакого способа от них убежать.

— Ну, по-моему, у нас нет выбора. Нас же не спрашивают, хотим мы туда ехать или нет.

— Мы не можем рисковать тем, что они нас попросту размажут по дороге, а на это они вполне способны. Они, совершенно очевидно, страдают от любопытства — может, хотя бы поговорить.

Туннель был огромный, стены его светились тем же призрачным светом, который заливал и поверхность, туннель шел прямо примерно с километр, все еще постепенно спускаясь вниз, потом стал плавно поворачивать вправо.

— Карл!

— Слушаю!

— Выстрели шарик назад, в туннель.

— Есть!

Так он и поступил. Зеленоватый свет зажегся сзади, потом стал слабеть.

— Эта штука немного их затормозит, если они собрались за нами ехать,—сказал я.—Дай-ка им еще парочку для остратки.

— Есть!

Поворот стал бесконечной спускающейся спиралью. Радиус поворота был такой, что головокращение исключал, но примерно на двенадцатом витке я стал терять ориентацию. Я переключил тяжеловоз на ручное управление и слегка замедлил спуск. Мы продолжали катиться все вниз и вниз, примерно еще на десять уровней, пока туннель не выпрямился, потом проехали прямо еще несколько сот метров, и туннель влился в просторный огромный зал округлой формы. Ровно расположенные по стенам отверстия указывали на то, что из этого зала ведут еще туннели. Я резко повернул тяжеловоз к ближайшему туннелю, который мне понравился.

За следующие полчаса мы бесцельно блуждали по лабиринту бесконечных гигантских комнат, связанных между собой проходами и пандусами. Тут и там мы проезжали мимо огромных пустых гаражных боксов, которые были врезаны в стену метров на сто или больше. Но в них ничего не было: ни машин, ни автомобилей, ни приборов. После того, как мы проехали, по меньшей мере, дюжину таких боксов, мне кое-что пришло в голову.

— Всем перейти на вспомогательные моторы,—скомандовал я.

— Хороший момент испытать наши моторы в полевых условиях,—сказал Шон, имея в виду странноватый вспомогательный мотор, которым техники ахгирров вооружили Ариадну. Из того, что я понял, это был термоэлектрический мотор, который работал от окисленных гранул горючего—что-то вроде твердого ракетного топлива, которое окисляется с весьма медленной скоростью. Я не совсем понимал, как он работает, но Шон говорил, что на его приборах высказывают цифры, которые весьма и весьма внушают уважение. Он работал, так или иначе. (Ахгирская технология была очень странной во многих отношениях, но в массе вещей она была очень передовой, хотя в некоторых вопросах неуклюжей и весьма отсталой.)

— Хорошо придумал, Джейк,—сказал Карл.—Нейтрино могут мгновенно проходить через весьма плотную скалу так, словно бы ее вообще тут не было.

— Мне бы надо было подумать об этом раньше.

— Они, вероятно, имеют и другие способы, чтобы выследить непрошенных гостей.

— Мне что-то кажется, что непрошенных гостей тут не так

уж и много, по крайней мере, они сами такого не ждут, — сказал я, — и все же надо быть осторожным и исключить наиболее вероятный метод обнаружения — по радиации.

— Однако тут тоже есть проблема.

— То есть?

— У моей машинки нет вспомогательного мотора.

— Нет? А ты представляешь себе, как работает ее мотор или чем он питается?

— Ни малейшего. Если заглянуть ей под капот, то увидишь что-то вроде хромированного мотора внутреннего сгорания, собственно, это и есть копия мотора для шевроле 283 с хромированным верхом. Топливо туда впрыскивается.

— Это что означает?

— Это означает, что вместо карбюратора у него... ладно, это совершенно сейчас не важно. Это все равно ничего не означает, потому что мотор у нее — липа.

— Ну... — я вздохнул, в который уже раз собираясь попозже добраться до самых корней тайны Карла, даже если мне придется выбить из него эту тайну вместе с мозгами. — Вот черт. Ладно, загони эту штуковину в трейлер и выключи эту дочь дьявола, чтобы не выдавала нас.

— Эй, не надо так выражаться о моей машине, — Карл был страшно обижен.

Я выключил передатчик и удивленно обратился к Роланду:

— Какой чувствительный парнишка, а?

— Я всегда считал, что у американцев есть странные, весьма невротические реакции, — сказал Роланд совершенно серьезно.

Я на минуту уставился на него с открытым ртом:

— Роланд!

— Что?

— Иди к черту!

Он пожал плечами, словно стряхивая с себя мою ремарку.

— Вот вам, пожалуйста, насчет невротических реакций, — пробормотал он, — я же просто сделал замечание, и все.

— Извини насчет машины, Карл, — сказал я, снова включая передатчик. — Я не хотел этим сказать ничего плохого.

— Это мне следовало бы извиниться. Я совсем выбился из колеи. Просто...

— Забудь. Я открою тебе трейлер. Сэм, а Сэм?

Когда Сэм не ответил мне, я сам открыл трейлер. Потом снова позвал:

— Сэм!

Нет ответа.

Я постучал по модулю голосового синтезатора Сэма.

— Сэм! Ты здесь?

Я вынул модуль, слегка подышал на контакты, протер, потом снова вставил модуль на место.

— Сэм? Ты меня слышишь? Пожалуйста, помигай своим функциональным сигналом, если ты меня слышишь.

Крохотный красный огонек под его глазом-камерой оставался немигающим и ровным.

Я выключил клавиатуру на терминале, вызвал к жизни диагностический дисплей Сэма и стал набирать программу. Однако пока неясно было, что именно произошло и в чем заключалась неполадка. Показания приборов просто были очень странные.

Я с шумом выпустил воздух и откинулся.

— У нас беда.

— Это серьезно? — спросил Роланд.

Я медленно покачал головой, мрачно и тоскливо уставясь на экран.

— Не знаю.

Сигнал Карла прозвучал несколько слабо, поскольку стены трейлера создавали помехи.

— Я в трейлере.

— Шон? Давай загоняй свою лошадку туда же.

— Слушаюсь.

После того, как Шон тоже загнал машину внутрь, я опустил заднюю дверь, убрал трап и запустил порцию воздуха в трейлер. Когда там стало достаточно воздуха, чтобы нести звуковой сигнал, я переключил питание на интерком.

— Оставайтесь пока в своих машинах. Я собираюсь пока что поискать темный уголок, где бы нам можно было спрятаться, потом поговорим. Нам надо решить, что именно мы собираемся делать. — Я было выключил микрофон, потом снова включил его: — Кроме как паниковать, я хочу сказать...

— Как насчет Юрия? — спросил Джон сзади.

— Ах, Юрий, — сказал я. — Тьфу, совсем забыл от перегрузки.

Я протянул руку и переключился на передатчик.

— Юрий?

— Да, Джейк.

— Ты перешел на вспомогательный мотор?

— Да, конечно.

— Отлично. Теперь просто поезжайте за мной.

— Согласен.

Наше путешествие по подземному гаражу продолжалось все с той же тоской и безвыходностью. Мы катились мимо многих километров пустых боксов... пока не нашли один занятый. Там стоял «дорожный жук».

Вернее, полтора «жука».

— Он делится! — ахнул в изумлении Роланд. — Он воспроизводится!!!

Я завопил всем остальным, чтобы они вышли вперед и посмотрели.

Штуковина, стоявшая в боксе, медленно развивала глубокую прорезь на спине, которая быстро распространялась по бокам, при этом машина примерно вдвое одновременно увеличивалась по длине. Это был весьма простой и эффективный способ продолжения рода.

— Теперь мы знаем, что они не машины,— сказал Джон с суеверным ужасом.

— Неужели? Сомневаюсь,— ответил я.

Роланд покачал головой, глядя на огромное сдвоенное существо в боксе.

— Но ведь сложные организмы просто не могут размножаться таким образом! Они просто так не делают!

— Может быть, это одноклеточное существо,— предположил Шон.

— Это невозможно,— возразил неуверенно Роланд.

— Я хочу только спросить,— сказала Сьюзен,— это что, и есть строители Космострады? И неужели это их родная планета?

— Все указывает именно на это,— сказал Джон.— Барьеры, совершенно очевидная искусственная природа самой планеты, десетки, а может, и сотни порталов...

— Я бы не стал делать поспешных выводов, Джон,— предостерег Роланд.

— Они все-таки ведут себя, как долбанные машины,— сказал задумчиво Лайем.— И они работают, как машины. И все же...— он задумчиво пощипал свою неаккуратную бороду.

— Но вот вам, пожалуйста,— сказала Дарла.— Они все же организмы в том смысле, что они размножаются. Но это не исключает того, что они машины.

— Механизм фон Нойманна,— сказал я.

Шон прищурил один глаз и посмотрел на меня искоса.

— Я об этом где-то слышал. Самовоспроизводящиеся машины—эта концепция, да?

— Более или менее,— ответил я.— Но я склонен думать, что мы сейчас смотрим на какой-то пограничный случай, который стирает грань между машинами и организмами, между органическим и неорганическим.— Я повернулся к Сьюзен.— Насчет твоего вопроса, они ли построили Космостраду. Я бы сказал—нет. Это просто у меня такое ощущение. «Жуки», может быть, очень даже разумные, может быть, даже достаточно разумные для того, чтобы построить Космостраду, но поверь мне, старому дорожному волку—они просто полицейские. В них есть что-то от бритоголового полицейского с птичьими мозгами. Кто-то, кто построил Космостраду, руководствовался целью—высшей или весьма практической—это не так важно. Но Космострада—это часть великого плана. А эти типы,—я показал пальцем через плечо на бесформенное серебристое тело в боксе,—они не знают ничего великого. Они просто

функционеры. У них есть работа, которую они обязаны выполнять, они ее и выполняют.

— А разве они не могут быть особым классом тех же строителей? — спросила Дарла.

— Может быть, но если и так, то они достаточно отличаются от них, чтобы занимать в их обществе специальную ячейку, а может быть, даже отличаться от них расово. Мне кажется, что «дорожные жуки» — это искусственные существа, созданные строителями Космострады.

Мы продолжали смотреть на это существо, пока Роланд не сказал:

— А не рискуем ли мы, когда просто так тут сидим? Этот «жук» вроде как не может за нами сейчас погнаться, но...

— Да, глупо мы поступили, правда? Ты совершенно прав, — ответил я. — Давай сматывать удочки.

Мы блуждали еще час или около этого, не встретив по дороге ни размножающихся «жуков», ни тех, которые могли бы преследовать нас. География гаража изменилась. Теперь мы блуждали по многоярусным галереям, которые были построены вокруг бездонного центрального колодца. Спиральные пандусы соединяли уровни галереи. Мы по ним и ездили туда-сюда, пытаюсь найти выход. Сдавшись наконец и устав от бесплодных поисков, мы решили вернуться назад, но свернули не в тот туннель, поэтому попали не в то место, на огромную круглую арену с куполом над нею, который в самой высокой точке возвышался над ареной метров на пятьсот. Короткий туннель вывел нас оттуда в соседний зал, точно такой же, откуда мы попали еще в одну огромную безвоздушную пещеру, но на сей раз кубической формы. Как все остальное в этом подземном некрополе, все было очень значительно и величественно, но невозможно было понять, каким целям все это служило.

— А ну все это к чертям, — сказал я, — можно остановиться и здесь.

— Наверное, нам всем лучше перейти в трейлер, — сказал Роланд.

— Хорошая мысль. Юрию и всем его друзьям придется надеть костюмы и войти в нашу кабину — если у них есть костюмы.

Костюмы у них были.

Через несколько минут я стоял у контрольной панели управления кормовой каюты и опустил воздухопроницаемый шлюз между кабиной и каютой. Потом нажал на кнопку удаления воздуха. Когда у меня там установился почти вакуум, я открыл левый люк кабины. Глядя через обзорное окошечко, я увидел, как три фигуры в скафандрах залезли внутрь. Две фигуры взрослого роста оглянулись по сторонам, увидели меня и помахали мне. Фигурка поменьше не была особенно похожа

на ребенка, но она была человекообразна, и в ней было что-то странно знакомое. Я закрыл люк и выровнял давление воздуха.

Когда мы вышли в кабину, фигуры как раз снимали шлемы. Первым показался лохматый, бородатый мужчина примерно моего возраста.

— Я полагаю, вы Джейк, — сказал он, улыбаясь и протягивая руку в перчатке.

Манеры его были теплыми и дружескими. Глубокие морщинки-лучики в углах теплых карих глаз придавали ему вид добродушного большого медведя. Он был не выше меня, но костюм, который сидел на нем в обтяжку, выдавал тело очень мощного сложения, которое придавало ему внешне больший рост, чем на самом деле. На лице у него были и другие морщины: от тревог, усталости и эмоциональной усталости, которая неизбежно появляется от дальних путешествий и только сейчас была смягчена облегчением от того, что он нашел друзей.

— Вы правильно поняли, — ответил я, пожимая ему руку. — Вы хорошо выглядите, но вы устали.

— Так оно и есть, — он оглядел всех в переполненной кабине, — не могу вам сказать, какое же это удовольствие — видеть новые лица. Меня зовут Юрий Волошин, — он низко поклонился. — Разрешите мне представить мою коллегу...

Челюсть у меня просто отвалилась, когда женщина сняла шлем, посмотрела на меня через пропасть тридцати с небольшим лет.

— Зоя!!! — ахнул я.

— Ты так быстро вспомнил! — сказала Зоя, обнимая меня. — Мне казалось, что ты забыл. Я немедленно узнала твой голос... Как много лет прошло, Джейк, столько лет. Как прекрасно снова с тобой увидеться!

Я высвободил лицо из кудрей ее темно-каштановых волос, взял ее за руки и взгляделся в нее, все еще с разинутым от изумления ртом.

— Зоя... — это все, что я мог сказать.

— Поразительно! — заметил Волошин. — Как я вижу, двое старых друзей, — он повернулся к моим спутникам. — Как я уже сказал, я бы хотел представить свою коллегу — и спутницу жизни — доктора Зою Михайловну Волошину. А это...

Он нагнулся, чтобы помочь человекообразной фигуре освободиться от шлема.

— А это Джорджи, наш проводник.

Со стороны задней стенки кабины донесся такой вопль Винни, какого я от нее никогда не слышал.

Джорджи мог быть ее братом-близнецом.

Можно было подумать, что Джорджи — я тоже стал его так называть — и Винни были давно разлученными влюбленными. Я притворился, что ищу ломик, чтобы наконец отделить их друг от друга. Потом мы узнали, что на родной планете, Оранжерее, они даже не знали друг друга, даже не были соседями. Мне кажется, они просто рады были увидеть собрата по расе. Наверное, и в сексуальном смысле оба истосковались.

Мне совсем не удивительно было, что у Джорджи были карты и что экспедиция Юрия и Зои ехала по этим картам. Картографические знания жителей Эпсилона Эридаана 11 были одной из самых секретных и тщательно охраняемых тайн колониальных властей. Вернее сказать, раньше были тайной. Наверное, утечка информации и породила слухи во множестве. Я имею в виду слухи о карте Космострады. Карта Джорджи была практически такая же, как у Винни, но поэма про путешествие не сходилась с той, которую знала Винни. Каждая поэма говорила о различных путях к одной и той же цели: Космостраде красного предела. Ни одна из этих карт сейчас не годилась.

Почти с самого начала на экспедицию Волошина обрушились какие-то несчастья. Через две недели после ее начала лобовое столкновение на Космостраде убило четверых из девяти членов экспедиции, причем погибли и две машины. Тем не менее, экспедиция продолжалась. У них не было выхода — они находились на обратной стороне неизвестного портала. Следуя поэме Джорджи, они проделали весь путь по ответвлению Ориона и почти доехали до галактической опоясывающей трассы, когда неправильное прочтение галактической поэмы Джорджи заставило их свернуть направо, хотя нужно было поступить совсем наоборот. После этого они слепо блуждали, проскакивая один неизвестный портал за другим. Пятый их товарищ умер от неизвестной инфекции через год и два месяца после начала путешествия. Шестого унесло потоком воды при внезапном наводнении, когда они разбили лагерь на необитаемой планете. Джорджи и Волошины устало двинулись дальше, чтобы найти дорогу домой, прихватив только одну машину. Они пересекали лабиринт за лабиринтом, чтобы встретить все мыслимые виды планет и их обитателей. Некоторые расы были вполне дружелюбны, другие безразличны к ним. Некоторые были откровенно враждебны. Они ухитрялись найти вполне подходящую пищу, хотя она была редкостью. Незвизрая на катастрофу, экспедиция смогла накопить поразительные научные данные, и Юрий и Зоя продолжали работу. Они говорили, что открыли огромные лабиринты планет, похожих на Землю, все они не были населены. Их они постарались проанализировать, занести все данные в картотеки, внести в каталог. Кроме того, они старательно составляли и каталоги планет, не похожих на

Землю, но представляющих какой-нибудь интерес. Зоя, квалифицированный физик и астроном, делала частые замеры местных галактик, стараясь определить класс и спектр звезд и всего такого прочего. Юрий, физик-теоретик, был специалистом по Космостраде и связанным с ней чудесам, он старался снимать показания приборов, связанных с цилиндрами, обращал внимание на разнообразие Космострады в различном планетарном окружении — мосты, пандусы, эстакады и прочее. Они упрямо продолжали работу, иногда оставаясь неделями без еды. В цивилизованном лабиринте они могли раздобыть синтетический белок, который можно было изготовить по заказу по определенной формуле. Это страшно гадостная штука, если туда не добавлять специальных ароматизаторов, а чаще всего таких ароматизаторов не было. В полевых условиях им приходилось самим добывать себе пищу, они пробовали ее на свой страх и риск, несколько раз едва не отравившись в процессе. Серьезные болезни несколько раз нападали на Волошиных за время их путешествия, но они выжили. Цинга стала постоянным их спутником, когда запасы стали подходить к концу.

— Мои десны кровоточат каждый раз, когда я их чищу, — пожаловалась Зоя, — я имею в виду, когда представляется возможность их почистить, — добавила она сардонически. — К сожалению, мучения длительного путешествия вынуждают иногда пренебрегать личной гигиеной.

— Съешьте еще яблоко, доктор Волошина, — предложил Шон, запуская руку в бочку, — они хорошо помогут от ваших хвороб.

— Большое спасибо, я и так съела уже три. Берегите их, ради бога!

Юрий оглядел заполненный людьми трейлер, восхищаясь баррикадами ящиков, заполненных продуктами питания.

— У вас тут, кажется, есть все мыслимое и немыслимое, — сказал он.

Он повернулся к своей спутнице жизни с сокрушенным выражением лица:

— Нам бы надо было взять с собой что-нибудь подобное. Надо же, как просто — трейлер! Почему мы об этом не подумали?

Выражение ее лица было весьма ироничным.

— Тогда наши связи с рабочими массами весьма сильно порвались бы, Юрий, нам просто не пришлось бы в голову подумать о трейлере!

Юрий саркастически крикнул, потом хохотнул.

— Наверное, ты права, нам бы и в голову не пришлось такое придумать.

— Кстати, пожалуйста, зовите меня все Зоя. Если тут будут два доктора Волошиных, обязательно возникнет путаница.

— Отлично, Зоя, — сказал Шон.

Я все еще тарасился на нее, сравнивая образ семнадцатилетней Зои с тем лицом, которое я видел теперь. Сравнение было вполне в пользу сегодняшнего дня. Она прекрасно сохранилась. Лечение от старения задержало ее организм где-то около тридцати восьми лет, ну, может быть, сорока — в плохой день. Может быть, мучения экспедиции добавили ей несколько лет. В волосах было несколько седых прядей, несколько морщинок, больше от характера, нежели из-за лет, прочертили ее лицо — но в остальном она была столь же хороша собою, как и тогда, когда мы с ней встречались. Красота ее была в широких славянских чертах: широко расставленные карие глаза, маленький и аккуратный нос, щедрый рот с губами цвета спелой сливы, хорошо очерченный чуть раздвоенный подбородок, который придавал ей силу характера, но не делал ее лицо грубым. Глаза ее были поразительно умны. Это была ее выдающаяся черта. Взгляд ее, по большей части, был всегда проникающий и острый, она словно пыталась проникнуть под поверхность любого явления, чтобы обнаружить там ядро смысла. Остальное, по ее мнению, не стоило внимания. В лице ее играло живое чувство юмора, такого юмора, который любит шутки, высказанные со смертельно серьезным лицом.

Фигура ее тоже великолепно сохранилась. У нее все еще были роскошные груди.

Она почувствовала на себе мой взгляд и повернулась, чтобы посмотреть на меня.

— Я что, похожа на привидение?

— Очень симпатичное привидение, — сказал я, — ты ни на йоту не изменилась.

Улыбка стала шире, хотя она и смутилась.

— Ты очень добрый человек. Я знаю, что выгляжу страшно, как пугало.

Она провела рукой по спутанным волосам.

— Юрий стриг меня, как овцу, а потом отказался позволить мне подрезать ему волосы.

— Я увидел, каким будет результат, — объяснил Юрий. — Кроме того, мои волосы отрастают до определенного уровня, а потом останавливаются.

Он потрогал свои неаккуратные бакенбарды и бороду.

— Вот борода, однако, растет, как капуста.

— Никто из вас совсем не выглядит страшно, — сказал я. — Похоже, что сквозь ваши перипетии вы прошли поразительно хорошо.

— Ты тоже совсем не изменился, Джейк, — сказала Зоя. — Я помню тебя как одного из самых очаровательных людей, которых я когда-либо встречала, ты неповторим в своем роде, и я понимаю теперь, что моя память была достаточно точной.

— Спасибо, — сказал я, — хотя я должен тебя предупредить, что годы меня совсем не сделали мягче или глаже в общении.

Обо мне говорят, что я по-прежнему громко рыгаю на государственных приемах.

Эта шутка вызвала у Волошиных куда больше смеха, чем она того заслуживала, вне сомнения, это было результатом усталости.

— А я помню твое чувство юмора,— сказала Зоя, устало усевшись на ящик маринованных огурцов. Она откинулась, рассмеялась, потом сказала: — Господи, как хорошо смеяться. Так давно с нами не происходило ничего такого, из-за чего можно было бы посмеяться... или не было людей, с которыми можно было бы посмеяться.— Она оглядела остальных.— Мы так счастливы, что мы вас нашли.

Джон сказал:

— Боюсь, что у нашего положения не так много юмористических аспектов. Можно сказать, вообще говоря, что наше положение, в некотором роде, еще хуже вашего, и вы еще можете передумать ехать дальше с нами, когда вы услышите всю нашу историю.

— Мне будет очень интересно послушать ваш рассказ,— сказал Юрий.— Но мой первый вопрос один-единственный: что это за странная машина вон там?

Он показал на шевроле Карла.

— Это история, которую мне самому интересно было бы услышать,— сказал я, бросая на Карла мельком взгляд.— Что ты скажешь, Карл? Хочешь поделиться с нами сейчас?

Сидя на деревянном ящике вместе с Лори и жуя маринованное яйцо, Карл подумал и сказал:

— Дайте мне набраться храбрости, чтобы все это рассказать.

— Я видел, как эта машина работала в вакууме,— сказал Юрий,— поэтому я знаю, что она может действовать на Космограде, но это просто какая-то фантастика, потому что на первый взгляд у нее нет...— Он воздел руки к небу.— Что я говорю! Это вряд ли можно назвать фантастикой в сравнении с тем, что она сделала с энергетическим барьером.— Юрий повернулся к Карлу.— Где ты раздобыл эту машину?

— Я все время всем рассказываю,— сказал Карл с набитым ртом,— но мне никто не верит. Я получил ее от каких-то инопланетян, которые похитили меня на Земле и перевезли на Космограду.

Юрий покачал головой.

— На Земле, вы говорите? Но очень мало инопланетян когда-либо посещали Землю — несколько дипломатов, горстка туристов... каким образом?..

— Они подобрали меня на космическом корабле,— сказал Карл, и когда Юрий непонимающе взглянул на него, он пожал плечами и добавил: — Ну вот, сами видите...

Сьюзен встала:

— Он забыл вам сказать, что все это случилось чуть больше ста пятидесяти лет назад.

Заметив пораженный взгляд Зои, Сьюзен рассмеялась и беспомощно развела руками.

— Понятно,— сказала Зоя.

— Боюсь, что нам все это как раз совсем непонятно,— сказал я.— Мне бы хотелось, чтобы Карл каким-то образом подробнее нам все это рассказал, но пока он собирается с духом, мне кажется, что нам следовало бы тщательно проанализировать наше положение. У кого-нибудь есть соображения по поводу того, что нам делать—пока что, по крайней мере?

— Может быть, мы смогли бы договориться с «дорожными жуками»,— сказал Роланд.— В конце концов, мы можем защитить себя—ну, Карл может—до определенной степени. И я видел наступательное оружие на машине Карла... вы как их называете—танзанийские дьяволы?

— Тасманийские дьяволы. Это просто кличка. Зовите их как хотите.

— По крайней мере, это название им очень подходит. Может быть, мы сможем выторговать себе свободу, и нас отпустят.

— Это мысль,—ответил я.— «Дорожные жуки», похоже, не хотят причинять нам вреда, и мне показалось, что они не прочь были бы с нами поговорить. Они могли даже пробовать, но в то время радио не могло принимать их сообщения—мы были настроены на совершенно другие волны...—тут я кое-что вспомнил и щелкнул пальцами,—ведь Сэм должен был бы записать их с десятисекундным опозданием, он так настроен. Он бы записал и потом снова проиграл бы нам запись. Он же не сломался до тех пор, пока мы не попали в туннель.—Я пожевал губу, пытаюсь вспомнить, так ли все было.

— Может быть, шары что-то сделали с радиовозможностями «жуков»,—подсказал Лайм.

— Может быть,—ответил я,—если и было какое-то сообщение от «жуков», оно теперь стерто. Может быть, Сэм как раз тогда и начинал портиться.—Я уселся на металлическую канистру.—Есть еще идеи?

— Мы можем просто попробовать тут поездить, пока не найдем отсюда выхода,—сказал Джон.

— На поверхности нас наверняка скоро поймут снова,—возразил Шон.

— Весьма вероятно,—мрачно сказал Джон.

— Тогда у нас совсем почти не остается выбора,—вставил Карл,—или мы прорываемся на поверхность и мчимся к ближайшему порталу, или мы сдаемся.

— Я ничего не сказал насчет вооруженного прорыва,—

сказал Джон,— и мне кажется, что это было бы в высшей степени неразумно.

— Они знают, что мы находимся здесь, и они станут нас искать. Может быть, нам в конце концов придется с ними повоевать.

— Ну, пока что мы весьма успешно этого избегали. Место кажется весьма пустынным.

— Может быть,— возразил я,— так происходит просто потому, что оно очень большое. Но я сейчас очень даже с тобой согласен, Джон. «Жукам», похоже, что-то нужно от нас. Давайте поговорим с ними, прежде чем станем показывать им зубы и угрожать. У нас всегда останется перестрелка в качестве последней меры.

— Ну что, настроимся на канал «жуков» и сделаем вызов?— спросил Роланд.

— Пока еще нет,— ответил я.— Вместо того, чтобы грызть что-то всухомятку, может, усядемся и поедим как следует? Потом можем поговорить о делах.

— А мы не очень уязвимы в таком неподвижном положении?— спросил Карл.— Я бы должен был быть у шевроле, на часах.

Я вздохнул и, откинувшись назад, прислонился к деревянным ящикам.

— Да, наверное. Но если они хотели бы размазать нас в лепешку, они бы давно это сделали, а поскольку мы решили действовать дипломатично...

— Да, наверное, ты прав,— согласился Карл.— Слушай, я уже поел. Почему бы мне не перейти в кабину и не выглядеть наружу просто на всякий случай?

— Нет никакой необходимости,— сказал я ему.— У меня все аварийные сигналы на чеку, и все они у меня подключены к громкоговорителям. Так что в случае чего мы все услышим.

Поэтому мы прекратили кусочничать и вспороли наши настоящие припасы: копченую ветчину, хлеб из саморазогревающихся упаковок, сыр, маринованные овощи, кракеры, не самые свежие фрукты (яблоки к этому времени уже побились друг о друга и становились больше рассыпчатыми, чем сочными) и печенье с арахисовым маслом на десерт. Их мы держали в морозильнике.

— Отличные,— сказал я,— домашние?

— Лайем у нас мастер-кондитер,— сказал Шон.

Зоя ела очень немного, говоря, что не хочет перегружать непривычный желудок, но Юрий навалился на еду как следует, полностью проигнорировав предупреждение Зои, и теперь, похоже, он платился за это дорого.

Он массирует живот, кисло и болезненно улыбаясь.

— Слишком много и слишком быстро все съел. Да, мне надо было тебя послушаться, Зоя.

— Странно, что ты никогда ничему не учишься,— холодно ответила Зоя.

— Я сказал, что очень об этом жалею,— огрызнулся Юрий,— я был голоден.

— Ты прекрасно отдавал себе отчет в том, какие могут быть последствия, и все же ты набросился на пищу, как волк. Это поведение, которое мне непонятно.

— Голод, дорогая моя,— ответил Юрий резко,— очень трудно понять. Если ты не в состоянии это сообразить, как ты говоришь, то воздержись от суждений по поводу человеческого поведения вообще и поведения данного человека в частности.

Он смял пустую упаковку из-под хлеба и мрачно уставился на нее.

После неловкого молчания Зоя вздохнула.

— Я должна извиниться за нас обоих,— сказала она.— Напряжение нашей экспедиции...— она посмотрела на меня,— пожалуйста, поймите.

— Это все совершенно понятно, Зоя,— сказал я.— И тебе не надо извиняться. Мы тоже в последнее время готовы откусить друг другу головы, а у нас и наполовину не было таких бедствий, как у вас.

— Спасибо, Джейк. И все же нам не следовало ссориться на людях.

— Думай о нас всех, как о семье, Зоя. Хорошо это или плохо, все, что у нас есть — это мы все. Лучше всего откровенно говорить обо всем, что раздражает. Мы не хотим, чтобы раздражение накапливалось.

Я прикончил бутылку своего пива производства «Шон энд Лайем» и отставил ее в сторону.

— По мне лучше ехать с полным трейлером драчунов, чем с кучкой кипящих изнутри вулканов. Кроме того, когда кулаки машут, довольно забавно смотреть.

И Дарла, и Сьюзен слегка покраснели.

Джон процитировал:

На друга я был зол. Со зла
Я наорал — и злость прошла.
Я на врага сердит уж год,
Но я молчу — и гнев растет.

— Блейк, по-моему,— сказал он, улыбаясь,— хотя можно и поправить вторую строку так, чтобы она читалась: «Побил его — и злость прошла».

— Или,— вмешался Роланд,— так: «Я дал леща ему — и злость прошла».

Это вызвало у всех хохот, и настроение улучшилось.

Красивым, драматическим голосом Шон произнес:

Я прибыл, переплыв моря лихие,
В святое место Византии.

— Йетс,— сказал он, раскупорив еще одну бутылку пива.
Джон сардонически на него уставился.

— Это было сказано к чему-то или просто так?

— Нет,— ответил Шон,— просто так, но когда кто-нибудь начинает цитировать проклятых английских поэтов, мне кажется, я должен утвердить свое национальное достоинство.

— Есть предрассудки и вражда, которые никогда не умирают,— сказал Роланд.

— Не может быть, чтобы ты так серьезно относился к Вильяму Блейку,— сказал Джон Шону.

— Ну разумеется, нет, но мы, ирландцы, никогда не забываем.

— Даже со времен Воссоединения?— спросил Роланд.

— Ага, много хорошего принесло нам тут Воссоединение.
Я никогда снова не пройду по улицам Дерри.

— Почему ты эмигрировал?

— А почему любой ирландец покидает старые места? Чтобы найти работу, так ее и раззтак.

Я сказал:

— Может быть, та строка о Византии вполне кстати. Это место совсем не отвечает моим представлениям о священном городе, но это определенно место с изрядной долей величия, и мы столько проехали, чтобы сюда добраться.

— Священный град «дорожных жуков»,— распевно сказал Шон,— форменная мекка машин, а мы тут останемся навеки, поскольку предали род человеческий. Кошмарное место, не хочется тут быть.

— Может быть,— ответил я,— но я с тобой не согласен. Мне, конечно, ни на минуту не кажется, что тут мы в безопасности, но все-таки у меня такое ощущение, что единственный способ рассердить «дорожного жука» — это нарушить какое-нибудь правило дорожного движения. Насколько мне известно, мы ничего такого не сделали.

— Мы все-таки повели себя как вандалы, верно?— вставил Лайем.

— И были тому свидетели,— добавил Джон.

— Хорошо замечено. Но поскольку никто до сей поры никогда не мог повредить то, что сделали «дорожные жуки» или строители Космострады, вандализм может и не быть противозаконным, понимаете? Просто «дорожные жуки» не знают, что это такое, и они не запрограммированы с этим бороться.

— Но как мы можем быть в этом уверены?— спросил Шон.— И как мы можем со всей уверенностью утверждать, что до сих пор никто не разбил ни одного портала на мелкие кусочки?

— Юрий — наш новый эксперт по вопросам Космострады, — показала на него Сьюзен.

Юрий с минуту подумал, потом сказал:

— Насколько я знаю, Джейк абсолютно прав. Любые повреждения, которые мы встречали, обязаны своим происхождением геологическим силам... я хочу сказать, повреждения Космострады. Я не могу представить себе, какая сила способна повредить портал.

— Но геологические силы на самом деле не разрушают дорогу, — вмешался я. — Разве они нарушают Космостраду? Я хочу сказать, что временами они просто делают ее непроходимой, и все.

— Верно. Теперь я слышал про такие отрезки Космострады, где порталов как бы не хватает.

— Мы на такую планету нарвались, — сказал я, — это планета, называемая Плеск в Консолидации Внешних Миров.

— Я бы очень хотел как-нибудь ее посетить.

— Если когда-нибудь это у вас получится, не подходите к воде.

— Планета с низкой массой суши?

— Угу. Части Космострады погружены в воду, а один кусок, как мне сказали, никуда не ведет вообще. Никакого портала.

— Этот отрезок погружен в воду?

— По-моему, да.

— Понятно. Очень интересно.

— Очень, — ответил я. — Море поднялось, и... что случилось тогда? Портал взорвался? Замкнулся?

— Ну что же, если машины, которые держат цилиндры в подвешенном состоянии, внезапно бы испортились... — Юрий улыбнулся и хохотнул, — по привычным представлениям, цилиндры бы упали и погрузились бы до половины ядра планеты, где они натворили бы массу страшных вещей.

— То есть, можно вычеркивать такую планету из каталога, — сказал я.

— А? Да, абсолютно. Но у меня есть своя собственная теория насчет того, что может тогда случиться.

— Мне бы очень хотелось ее услышать, но, наверное, потом. Чтобы вернуться к нашей теме, я хотел бы задать вам такой вопрос: может ли покрытие дороги быть чем-нибудь повреждено, или оно совершенно непроницаемо и неподвластно никаким известным силам? Все знают, что дорожное покрытие даже словно никогда не стирается?

— Нет, конечно, оно не такое совершенное, — ответил Юрий, — были кое-какие эксперименты...

— Результаты, конечно, засекречены, — сказала Сьюзен.

Юрий крикнул.

— Конечно. Я их видел, однако, и мне кажется, что меня

никто не обязывал на эту тему держать что-либо в тайне, тем более при наших обстоятельствах. Маленькое ядерное устройство могло бы причинить изрядный вред покрытию Космо-страды.

— Значит, вандализм вполне возможен,— сказал Джон.

— Глупости,— презрительно ответила Сьюзен.— Кому это надо, и кто решился бы на это?

— Тут ты права, Сьюзен,— ответил Джон.

— Я оставляю вопрос и снимаю обвинение,— пошутил я,— но это возвращает нас к вопросу о том, что зеленый шар Карла сделал с барьером.

Мы все повернулись к Карлу. Лори спала в его объятиях, уронив голову ему на грудь.

Карл ухмыльнулся.

— Последние слова Лори были: «Эти люди столько болтают...»

— Давайте поболтаем еще,— сказал я.— Карл, кто построил твою машину?

— Не знаю.

— Не знаешь? Но ты же сказал...

— Я их никогда не видел. Они мне никогда не показывались, никогда не говорили мне, что они такое, кто они такие и почему они со мной все это вытворяют. Почему они меня похитили... понимаете? — Мышцы на челюстях Карла заиграли. — Понимаете, что это означает? Вас когда-нибудь похищали против вашей воли? Вы знаете, что это такое — быть смертельно перепуганным?... — он остановился и опустил голову, зарывшись лицом в светлые кудри Лори. Лори пошевелилась, но не проснулась.

— Да, Карл,— сказал я.— Я знаю, каково это.

Карл поднял голову и смущенно посмотрел на меня.

— Ты прав. Ты-то уж точно знаешь, правда. Извини, я совсем забыл. Прости, пожалуйста.

— Ничего, все в порядке. Продолжай.

— Трудновато продолжать.

— Я знаю, но это поможет. И нам, и тебе.

Я слез с металлической канистры и уселся на пол, протянув ноги подальше, упершись спиной в пирамиду сосудов со свежей водой.

— Ты что-то раньше говорил насчет летающего блюдца. Ты имел в виду инопланетный корабль?

— Мне кажется, это и был инопланетный корабль,— ответил Карл.— Была ночь, и я почти ничего не видел. Все, что я помню — это огромная штука в небе, которая заслоняла все звезды, и она спустилась прямо на нас.

— Ты был не один?

— Нет. Моя девушка и я были в машине... там, на Мультхолланде... ну, просто дурачились в машине...

— Угу.

Он откинул голову назад и издал принужденный смешок.

— Господи, это было просто прямо как в чудовищном фильме ужасов. Подростки обнимаются в машине, а тут эта скользкая мерзкая тварь выползает из темноты. Девушка визжит, — он хихикнул, потом покачал головой. — Господи Иисусе, насколько же дико все это было. Так дико.

— Ты сказал, что тебе видны были контуры корабля на фоне неба. Он что, действительно был в форме блюдца?

— Не-а. Он был неправильной формы и очень большой. У него действительно было очень сложное строение. Я не могу его описать.

— У него не было никаких габаритных огней, маркировок, чего-нибудь такого?

— Не-а. Это просто был один огромный силуэт. Та часть его, которая была ближе к автомобилю, открывалась, словно горлышко бутылки с лимонадом. Эта штукавина нас засосала.

— Твоя девушка была тоже похищена с тобой?

Он резко покачал головой.

— Не-е. Она... — он вздохнул. — Они ее не взяли. Я хочу сказать... — он прислонился головой к стене трейлера и посмотрел вверх. — Я вытолкнул ее из машины. Мне кажется, я ее мог и убить, пока выталкивал. Мне трудно сейчас точно вспомнить, что именно происходило в тот момент. Мне кажется, я так и не вспомню, удалось мне ее вытолкнуть или нет.

— Похоже на то, что ты пытался сделать все, как надо, — сказал я.

— Может быть, — ответил он тускло.

— А звуки какие-нибудь были? Корабль шумел?

— Это и было самое странное. Все это произошло в полной тишине, только Дебби визжала. — Лицо его исказилось от мучительных воспоминаний. — Господи, я никогда не забуду, как она визжала. Никогда.

Я передохнул, прежде чем возобновить свой допрос.

— Теперь дальше, ты сказал, что был в машине.

— Ну да, в моем шевроле. Они меня засосали вместе с ним.

— В этом шевроле? — спросил я, показывая на винного цвета сокровище, которое было поставлено между кучами провианта.

— Нет, в оригинале, с которого была сделана эта копия. — Он пожал плечами. — Мне кажется, что эта штука выглядит точно так же, даже царапины в краске те же самые, но это не может быть та же самая машина, в которой я был в ту ночь, правильно? Значит...

— Я сомневаюсь, — сказал я. — Ну ладно, тебя втянули внутрь корабля.

Карл сомкнул губы, превратив их в тонкую линию.

— В чем дело? — спросил я.

— Не хочу больше разговаривать об этом.
— Почему, Карл?
— Потому что я сойду с ума, если и дальше буду об этом говорить.

— Это было так скверно?

Он немного подумал, прежде чем ответить.

— Физически — нет, не плохо. Они со мной ничего не делали. Но внутри корабля было... не знаю, как-то странно. Я был совершенно дезориентирован, перепуган, я не мог понять, что происходит.

— Это неудивительно, — сказал я. — Они с тобой вообще разговаривали?

— Да, говорили со мной. Кто-то говорил. Какой-то тип. Я никогда его не видел, но я никогда не забуду его голоса.

Мы все очень удивились.

— Голос был человеческий? — спросил я.

— Да. У него был какой-то акцент. Может быть, английский. Немного похоже на то, как разговаривает Джон — но не совсем. Но он говорил, как «голубой».

— «Голубой»?

— Ага. Ох, простите. Я имею в виду... словно гомосексуалист.

— О-о-о...

— Черт, не знаю. Он просто говорил как-то странно. — Карл посмотрел на Джона.

— Прости, Джон. Я совсем не имел в виду сказать, что ты гомик или вообще странный.

— Да нет, я понял, — дружелюбно сказал Джон.

— О'кей, — продолжал я, — значит, этот парень продолжал разговаривать с тобой. Что он говорил?

— Да ничего такого, в чем был бы смысл, он ничего не говорил, кроме того, что все образуется, все в порядке и что мне нечего бояться. Что он не собирается мне никоим образом вредить. Я сперва впал в настоящую истерику. Я хочу сказать, мне представилось, что Дебби погибла. Они сказали мне, что она жива, но я им не поверил. Я и до сих пор не очень-то верю.

Я кивнул, показывая ему, чтобы он продолжал.

Наконец он заговорил дальше.

— По-моему, мы с ним долго на эту тему говорили. Но мне не хочется особенно распространяться на тему о том, что происходило внутри корабля. Это больше похоже на сон. Мне трудно было все это запомнить. Потом я помню... я хочу сказать, когда вещи немного прояснились и больше уже не походили на сон... я ехал в машине по этой странной дороге... и в первый раз увидел портал... но я знал, что это такое! Господи, как странно все это было! Я никогда не видел в жизни ни одного портала, но я совершенно точно знал, что такое Космострада и что мне надо делать. Что мне надо быть на ведущей к порта-

ду дорожке, поддерживать постоянную скорость и все такое. И я знал, где я — где-то в космосе. Я не понял, в каком я времени, это я узнал только позже. — Карл глубоко вздохнул и посмотрел вниз, на Лори. — Она похожа на Дебби. Немного.

— Может быть, Лори с удовольствием это услышит, — сказал я.

— Я ей рассказал немного из того, что я рассказывал тебе, — он посмотрел на меня и улыбнулся. — Почему-то ей легче было рассказывать, чем вам.

Глаза Лори затрепетали и открылись. Потом она резко села и сказала:

— А? Что? — она посмотрела на окружающих и неодобрительно нахмурилась. — Вы все еще треплетесь? — спросила она хрипловато.

— Я им рассказывал тут, понимаешь, все то сумасшедшее дело, которое со мной приключилось, насчет того, как я тут оказался и почему, — сказал ей Карл.

— Ах, это, — она посмотрела на нас. — Мне кажется, он врет.

— Сперва тебе надо было попробовать на Лори полный рассказ, а потом пересказывать его нам, — сказал я. — Если она поверит тебе, ты же знаешь, что поверим и мы.

— Ой, ну я же просто шутила, — сказала Лори, обхватывая Карла за шею весьма собственническим жестом. — Я на самом деле совсем не считаю, что он врет. Честное слово, Карл. Это просто такое... что трудно поверить.

Карл кивнул.

— Мне самому иногда кажется, что мне это просто снится. Лори снова зевнула, потом пожаловалась.

— Я устала.

— И мы все устали, — сказал Джон. — Наверное, надо закругляться и ложиться.

— Я целиком и полностью за это, — сказал Роланд.

Так мы и поступили. Вернее, так поступили все остальные после того, как убрали всю еду обратно в вакуумные упаковки и вообще прибраться как следует. Нам также пришлось заняться размещением Юрия и Зои на ночь, поделить постелями и прочим, но мы все наконец разобрались, и я взял Сьюзен с собой в кормовую каюту. Я стану нести первую вахту, она вторую.

Я пошел в кабину, передвинул наше сиденье стрелка перед консолью управления и уселся, чтобы как следует рассмотреть, что же именно происходит с Сэмом. Я делал проверку, пусть и поспешную, перед тем, как мы взяли на борт Волошиных, уверен, что мониторы системы жизнеобеспечения работали. Все показалось мне нормальным. Теперь, когда я в очередной раз все перепроверял, мне показалось, что все функционирует, как всегда. Я закодировал несколько диагностических про-

грамм и запустил их в главную область памяти, чтобы посмотреть, что творится там, хотя у меня было весьма сильное ощущение того, что я знаю, что именно произошло. Больше, чем знаю. Существо Х выползло из своего убежища и сделало свою грязную работу. Это было вполне понятно. Я просто хотел знать, какая именно пакость была мне подстроена. Влатузианскую энтелехическую матрицу Сэма, полутаинственную часть, размером только с половину большого пальца, предназначенную для чтения компьютером, но никогда не для записи, совершенно обошли. Фантомная, призрачная часть, именуемая искусственным интеллектом, который мы прозвали существо Х, теперь полностью взяло на себя управление программой. Скорчившись над клавиатурой в течение двух часов, когда я зарабатывал мигрень, я попытался изменить ситуацию, применяя все новые и новые способы.

И мне это совершенно не удалось. Я очень мало что мог сделать — разве что совершенно выключить центральное процессорное устройство. Но ведь нельзя следить за ядерным мотором тяжеловоза совершенно без компьютера, по крайней мере, это у тебя не получится как следует.

Существо Х стало диктовать нам свою волю.

Я сложил консоль, отодвинул сиденье обратно, уселся в него и положил ноги на приборную доску.

— Ладно, — сказал я, обращаясь к невидимой зловредной пакости, которая, казалось, висела в воздухе кабины, словно скверный запах. — Ты кто такой, и чего ты хочешь?

— А что ты мне можешь предложить, Джейк? — спросил меня Кори Уилкс.

Глава девятнадцатая

Кори Уилкс.

Когда-то он и Сэм были деловыми партнерами. Вместе они основали Трансколонийскую Ассоциацию водителей-собственников. Многие годы спустя, когда я начал тоже водить машину, Кори исхитрился проделать такой трюк, который сделал его президентом компании более или менее пожизненно. Сэм подал в отставку из совета директоров, а потом и вообще из этой организации. Я последовал его примеру. Сэм хотел заняться фермой, но я убедил его помочь мне основать Гильдию Звездных Толкачей, что он и сделал. И это послужило началом наших проблем с Кори Уилксом. Уилкс терзал нас, как мог, все следующие десять лет. Водители Гильдии просто исчезали. Были многочисленные несчастные случаи, похищения, и прочее и прочее. Дошло до того, что некоторые промышленники, ищущие транспорт для переправки товаров, просто отказались иметь дело с Гильдией, и, хотя они все еще занимали иногда во-

дителя из Гильдии, чтобы поправить дела в сезон наивысшего дефицита транспорта, все-таки договор о сотрудничестве они не подписывали. ТранскOLONиальная Ассоциация водителей-собственников превратилась в сочетание частной транспортной компании и профсоюза водителей, который существовал с единственной целью: набить карманы Кори Уилкса и его дружков в бюрократии властей. Пять лет назад Сэм погиб в дорожной катастрофе, которая, вроде бы, не была связана с этими проблемами. Несколько недель назад я узнал от Кори Уилкса, что все это было подстроено, что он нанял специальных опытных водителей-каскадеров, чтобы устроить эту катастрофу. Может быть, намеченной жертвой должен был быть я. Сэм хотел попасть тогда на встречу брокеров зерновой биржи на Эйнштейне, это была встреча, которую устроил я и собирался туда обязательно явиться, но я не мог отказаться от заказа на работу — не такие были времена, — а заказ только что повернулся, поэтому Сэм поехал вместо меня.

— А я-то думал, что ты помер, Кори, — ответил я.

Из громкоговорителя донеслось хихиканье.

— Ты знаешь, Джейк, мне не хочется тебе отвечать ни да, ни нет. Пока что я не могу придумать правильного способа расквитаться с тобой, но никогда не известно, когда такой замечательный кусочек сведений может сыграть роковую службу.

— Я скажу, что ты мертв. Ты принял в грудь пулю сорок четвертого калибра, насколько я помню. Похоже было на то, что она ударила тебе прямо в грудь, если не прямо в сердце.

— Это вполне может быть. Но дай мне предварить остальную нашу беседу заявлением, что ты говоришь не с Кори Уилксом. Я программа искусственного интеллекта, которая была наделена некоторыми, но не всеми чертами и сохранившимися житейскими воспоминаниями Кори Уилкса. Мне рассказали недавние события, но не в подробностях. Кроме того, в меня введены инструкции.

— Которые состоят в...?

— Прости, пожалуйста, если я не стану на эту тему распространяться. Но в общем-то меня заставили присматривать за тобой.

— Да, оставляя след радиоактивных отходов, — добавил я. — Так хоть кого можно выследить.

Снова раздался смешок.

— Трудно в чем-либо тебя провести, Джейк. Не знаю, почему я так стараюсь.

Я шумно выдохнул и скрестил на груди руки.

— Кончай нести дерьмовую чушь. Чего тебе надо?

Что-то вроде вздоха раздалось из громкоговорителя.

— Да, воистину. Чего мне надо? Очень хороший вопрос. К сожалению, я только аналог личности, поэтому у меня не хватает психологической подкладки, чтобы правильно отве-

тить на твой вопрос.— У меня нет полной памяти, фрейдовского субстрата, если хочешь. Что-то мною движет. Но что, я не знаю.

Я нахмурился.

— Вопрос был отнюдь не философский. Что ты хочешь теперь?

— О, разумеется. Прости. Ну что же, в связи с теми фактами, которые только недавно проявились, можно сказать, что мне нужен черный куб.

— Пожалуйста, можешь его забирать.

Короткое молчание. Потом:

— Легко как-то получается.

— Я сказал тебе именно так. Возьми эту гребаную штуковину. Она твоя.

— Ну ладно, вопрос улажен.— Еще пауза. Потом голос сказал осторожно и немного удивленно:— Ты действительно мне его отдаешь и без всяких сложностей?

— Абсолютно. Она для меня не представляет никакой ценности. Кроме того, никто не имеет ни малейшего понятия, что это такое. Но это наверняка не карта Космострады.

— Да, тут, пожалуй, трудно сказать, что это такое. Однако для меня эта штука стоит очень многого.

— Почему?

— Ну что же, моя первоначальная сделка с колониальными властями все еще действительна. Мне кажется, что если я доставлю им карту Космострады или тебя, или и то, и другое вместе, мне все-таки дадут возможность избежать деперсонализации. Но, увидев, что власти со мной не были абсолютно искренни, я не чувствую, что обязан сдержать по отношению к ним свое слово до конца.

— А каким образом они обманули тебя?

— Это само по себе не было обманом. Правильнее было бы сказать, что они утаивали от меня важные сведения. Они мне ничего не сказали про черный кубик.

— Может быть, они и сами про него не знают,— предположил я.

— Я совершенно уверен, что они знали. Если рассказ Дарлы про то, как она получила кубик через организацию диссидентов, правилен и честен, и если люди, которые занимают ключевые посты в этой организации, были пропущены сквозь дельфийское сканирование, они поневоле знают про черный кубик. Опять же, я составил для себя эту картинку из тех обрывков разговоров, которые я подслушал с тех пор, как попал на борт. Я почти уверен, что ты тоже думаешь, что власти все про черный кубик знают.

Я не стал отрицать этого.

— Ты прав.

— А когда сделку заключали, они все подчеркивали, что ты

властям нужен живым. И твой тяжеловоз почему-то был им тоже нужен. Это мне подсказало мысль, что им нужно что-то, что спрятано в твоём грузовике или на тебе самом. Чего я не понимаю, так это того, что они не сказали мне про черный кубик. Я был готов отдать им Винни, что, конечно, вызвало бы у них пароксизмы хохота.

— Это мог быть вопрос правильно выбранного времени, Кори,— сказал я.— Когда ты заключал свою сделку с колониальными властями?

— Несколько месяцев назад. Два или три. Мы очень долго договаривались.

— Угу. Ну что же, если верить расписанию событий, как их представляет Дарла, дельфийскую серию на члене Ассамблеи Марсии Миллер провели только месяц или около того назад. Они тогда могли только узнать про кубик.

— Да, тут можно рассматривать и временной элемент. Хм-м-м...— Длинная пауза.— Мне кажется, ты прав тут, Джейк. Когда я с ними торговался, у них могли быть только слухи и сплетни, на которых они основывались. Ходили слухи, что у тебя есть артефакт, созданный самими строителями Космо-страды, карты. Они знали, что это не Винни — разумеется, они не сочли нужным сказать об этом мне...

— Никто не знал и не мог предсказать, что Винни отправится в это путешествие с нами вместе. То, что мы ее подобрали, было чистой случайностью.

— Так я и понял. Как я уже говорил, в то время, когда мы заключали эту сделку, только власти могли знать, что у тебя есть карта дороги неизвестного происхождения и вида. Несколько месяцев спустя они узнают насчет кубика.

— И, совершенно естественно,— сказал я,— они посчитают, что кубик и есть карта.

— Естественно. Но мне-то они должны были сказать, черт возьми.— В его голосе звучала обида.

Я рассмеялся.

— И они бы сами себе подстроили так, чтобы с кубиком остался ты. Не говори мне, что ты не стал бы торговаться с ними так, чтобы немного изменить уже заключенную сделку.

— Мне, право слово, неудобно. Конечно, ты прав.

— Еще бы тебе не было неудобно, ты, сукин скользкий сын. Когда ты поймал нас на борту «Лапуты», даже я не знал, что у Дарлы есть черный кубик. Казалось, тогда она присоединилась к вам, ребятки.

— Да, шлюха такая. Я на твоём месте был бы с ней очень осторожен, Джейк.

— Я так и делаю.

— Но...— голос устало вздохнул.— Но разве я в любом случае не оказался бы с черным кубиком в руках?— За-

думчивая пауза.— Нет, наверное, нет. Я никогда и не подозревал, что черный кубик у Дарлы.

— Нет, конечно, и ты не получил бы его до тех пор, пока не перестал бы водить отца Дарлы за нос, уверяя его, что все делается только затем, чтобы защитить этот ваш рэкет с лекарствами и их контрабандой.

— Понял. Этот дурак... этот презренный идиот... А потом он берет и стреляет в меня за здорово живешь.

— Его самый лучший жест в жизни.

— Ей-богу, Джейк, как ты можешь? Но мне все-таки кажется, что в конечном итоге я и так узнал бы про кубик. Разве власти не рисковали совершенно отчаянно? В конце концов, разве они не знали, что кубик у Дарлы? А?

— Я не уверен,— сказал я,— может, и знали. Если нет, то я готов поспорить, что, когда они промыли мозги Миллер и посмотрели, что они там нашли, они по-настоящему обеспокоились. Видимо, именно тогда они послали Петровски достать кубик. Тогда весь разговор с тобой был аннулирован.

— Ах, Петровски. Да-да, я понимаю, понимаю,— голос стал совсем похоронным.— Все это сходится в одну картинку, правда, Джейк? Джейк, у тебя просто замечательно получается дедукция.

— Элементарно, моя драгоценная дерьмушка.

— Пожалуйста, Джейк, не надо. Пока что я тебя не оскорблял.

— А я не чувствую к тебе ни малейшего дружелюбия,— ответил я.

— Наверное, нет. Не могу сказать, что это меня удивляет. И я должен признать, что во время всей этой компании я вел себя так, словно вез немалое количество дерьма в своей черепной коробке.

Я сделал немало неверных шагов.

Я был поражен.

— Настоящий Кори Уилкс никогда бы не признался в чем-то подобном.

— Нет? Наверное, нет.

— У меня к тебе вопрос.

— Валяй,— ответил голос.

— Почему власти согласились нанять тебя охотиться за мной? Почему они изначально не напустили на меня Петровски? Или еще кого-нибудь из разведки милиции. Почему тебя?

— Несколько причин,— ответил голос Уилкса.— Во-первых, я считаюсь одним из самых талантливых членов разведки милиции, я там служу уже многие годы. У меня чин инспектора-подполковника. Разумеется, отдел разведки в штатском.

Я улыбнулся и кивнул.

— Сэм и я всегда подозревали, что ты агент разведки милиции.

— Вот видишь, теперь ты понимаешь, что все это делалось в ходе выполнения служебных обязанностей.

— Конечно.

— Кроме того, Космострада и все, что происходит на ней — это моя епархия работы, и, учитывая мои связи с тобой, естественно, что именно меня выбрали для этой работы.

— Понятно, звучит вполне логично.

— А Петровски... если он все еще жив. Он вообще-то весьма уже насолил властям, к тому же его спутница жизни оказалась двойным перевербованным агентом. Он вряд ли пришел им на ум как самая подходящая кандидатура.

— Правильно. — Я снял ноги с панели управления, сел боком на сиденье и положил ногу на ногу. — Ну, а что теперь?

— Ей-богу, не знаю, Джейк, — сказал голос. — Я играю в эту игру просто по наитию. Наверное, ты передашь мне кубик, а я...

— Сперва я хочу, чтобы Сэм вернулся обратно.

Голос умолял меня:

— Джейк, ты его получишь обратно, не волнуйся.

— Если ты с ним что-нибудь сделал...

— Я же сказал: не волнуйся. Он в замечательном состоянии. Я просто стер его из главной памяти. Его матрица в замечательном рабочем состоянии, и ты сможешь загрузить его обратно в любой момент, когда тебе этого захочется. Как только я дам команду. Вообще-то говоря... — Длинная пауза. — Пока мы с тобой говорим, Сэм делает что-то странное на микрокодовом уровне. Хм-м-м, какого черта?..

Я злорадно улыбнулся.

— Черт побери! — сказал с ужасом и восхищением голос Уилкса. — Я же чувствовал, что это оборудование трехмерно, но у меня никогда не было и тени подозрения... нет, вы только посмотрите, только посмотрите...

— Что-нибудь интересное? — спросил я, переждав несколько минут.

— Очень. Это действительно очень странно. Если бы только там, в мастерской, у меня было побольше времени... Потрясающе. Что можно тут поделать?

— Если не можешь штурмовать замок по лестнице, надо копать под стенами, — ответил я.

— Верная метафора. Она сюда очень подходит. — Голос воспроизвел восхищенный свист. — Мог ли он встроить подобие своей матрицы в микрокод? Нет, это заняло бы у него годы.

Я рассмеялся.

— Нет? Не понимаю, — голос словно бы откашлялся. — Ну хорошо, я вижу, что Сэм собирается сделать все возможное, чтобы затравить меня до смерти, по крайней мере, если уж он

не может сделать ничего другого... Поэтому я сделаю вот это... и это...

Голос молчал примерно тридцать секунд.

— Ну вот, это его удержит, я надеюсь. Хитрый старина Сэм.

— Сперва я хочу, чтобы он вернулся,— сказал я.

— Ну-ка, погоди минутку, у нас все еще есть о чем поторговаться.

— Это относительно чего?

— Маленького вопроса насчет автомобиля того молодого человека.

— Я все думал, когда ты подберешься к этому. Тебе он нужен?

— Да, мне кажется, да,— ответил голос после легкого колебания.

— Зачем?

— Я не уверен... мне кажется, это не имеет ничего общего с картой Космострады... но это изумительная вещь... и рассказ Карла насчет того, как его украли, совершенно потрясающий. Эта его машина должна для кого-нибудь стоить несметные сокровища. Мне кажется, я должен ее сохранить для того, чтобы еще усилить свои позиции в споре с властями, если я снова с ними стану разговаривать.

Я встал и пошел в кормовую каюту. Стоя возле кухонной ниши, я зарядил кофеварку и стал варить себе кофе.

— Машина не принадлежит мне, Кори.

— Ну а я и не спрашиваю у тебя разрешения ее взять.

Я хохотнул.

— Я бы хотел посмотреть, как ты отделишь эту машинку от ее владельца. Ты же знаешь, как молодые люди относятся к своим машинам.

— О, мне кажется, он не представляет собой больших проблем.

Я протянул руку к аптечке, открыл ее и вынул из нее пузырек с аспирином.

— Проклятая головная боль... ты не обидишься?

— Дай-ка я посмотрю, что ты делаешь.

Я протянул пузырек к глазку камеры над кухонным столиком. Вытряс две таблетки аспирина себе в руку.

— Видишь?

— О'кей.

— Ты, кажется, чувствуешь себя тут вполне по-хозяйски, Кори. Приказываешь мне то одно, то другое.

— Так и есть, Джейк.

— Ты к тому же разговариваешь так, словно ожидаешь помощи, если «дорожные жуки» не могут нас найти, то твои дружки и подавно не смогут. То есть, если они вообще проскочили за нами в тот последний портал.

— Посмотрим,— сказал голос.

— Ответь мне на такой вопрос, Кори. Допустим, ты получишь от нас все, что ты хочешь. Куда ты отсюда поедешь?

— А?

— Ну как ты отсюда выберешься обратно в земной лабиринт или куда ты там собрался? Мы же потерялись.

— Действительно, потерялись. Но я на самом деле совсем не так волнуюсь.

Я закинул себе в рот таблетку аспирина, взял из маленького шкафчика чашку и наполнил ее водой из-под крана.

— Не волнуешься? А я вот волнуюсь.

Я запил таблетки.

— Не вижу, почему,— сказал голос Уилкса.— Ты же знаешь, что обязательно вернешься обратно. Если только парадокс— это реальность.

— Тогда в конце концов ты обязательно проиграешь, Кори. У меня останется карта.

— Может быть, пока я все об этом думаю. Может быть, я и не возьму этот кубик. Может быть, я возьму просто шевроле.

— Похоже на то, что ты и впрямь поверил в реальность парадокса,— сказал я, кладя пузырек аспирина обратно в аптечку и, как оказалось, весьма успешно зажав в ладони таблетки хлорпромазина, когда убирал руку обратно.

— Как я уже сказал, я все еще думаю об этом, но не эмоционально. То, как я это понимаю, парадокс— это невозможность. Посмотри, что должно было получиться в твоем случае. Твое будущее «я» посылает кубик кому-то, кто передает его еще кому-то, что снова передает кубик в следующие руки, и так далее. Наконец этот кубик получает Дарла. Она же и отдает кубик снова тебе. Ты отправляешься в прошлое и замыкаешь петлю, передавая кубик первому человеку, и так далее. Нет, черт побери. Этот кубик должен где-то иметь свое начало! Но до тех пор, пока эта петля постоянно себя воспроизводит, нет никакой для этого возможности. Нет никакого входного момента. Кубик просто существует, а этого мало, в этом есть что-то неестественное, это понахивает реальностью.

Я вышел обратно в кабину, неся себе черного кофе. Проходя через шлюз, там, где нет камер-глаз Сэма, я тихонько в кармане раскрыл пузырек и вытряхнул на ладонь украдкой две таблетки.

— Не могу спорить с тобой, Кори,— сказал я, садясь на водительское сиденье.

— А мне бы хотелось, чтобы ты стал спорить,— сказал голос,— у тебя абсолютно роскошный, великолепный интеллект, Джейк. Почему тебе захотелось зарабатывать на жизнь водителскими делишками? Мне это кажется пустой тратой времени и сил.

— А мне нравится, когда люди бывают мной шокированы.

Никто и не ждет от водителя грузовика, чтобы у него были мозги. Меня это забавляет.

— Однако нехилая цена, которую приходится платить за забавы?

— Не-а. Даже очень небольшая.— Сделал вид, что вытираю край чашки пальцами, и при этом опустил туда пару таблеток хлорпромазина. Потом я потянул пару глотков из чашки.

— Это вся твоя жизнь,— сказал Кори.— Однако, если мы вернемся к вопросу о том, куда ты отсюда едешь и почему меня это не волнует, давай рассмотрим следующие возможности. У нас есть карта Винни и карта Джорджи. У нас есть кубик, который тоже может оказаться картой. Вместе с теми преследователями, которые все это время едут за нами, присутствуют и два очень хороших техника, те же самые, которые поработали с Сэмом. У них с собой есть оборудование, и они вполне в состоянии поработать и с кубиком. Я на это не рассчитываю, учти, но это вполне вероятная возможность. Она, конечно, одна из последних для нас, но, согласись, не самая невероятная. Мы здесь, кроме всего прочего, сидим на планете, которая сама по себе что-то вроде станции техобслуживания для «дорожных жуков». Тут должен быть портал, который ведет назад, в земной лабиринт, лабиринт ретикулянтов или внешние миры. Это просто непременно должно быть. Я готов поспорить на что угодно, что так и есть.

— Да, но как ты собираешься его найти?

— Пока еще не знаю. Может быть, мы просто спросим «дорожных жуков».

— Они, вероятно, сказали бы тебе на это нечто вроде «иди и оплодотвори сам себя»,— сказал я презрительно.

— Я не знаю, возможно, но тогда у нас есть те варианты, о которых я уже говорил.

— Не знаю, почему тебе кажется, что карта Джорджи или Винни—это возможность выбраться отсюда. Если мы случайно выберемся в один из известных им лабиринтов, тогда, конечно, замечательно, но существует масса вероятностей, что так у нас не получится.

— Мне просто кажется,— сказал сердито и раздраженно голос,— что со всеми этими вонючими картами мы в конце концов вполне сможем что-нибудь придумать. Господи!

Я с сожалением покачал головой.

— Это твой самый большой недостаток, Кори. Ты рассчитываешь и планируешь все свои замечательные интриги, потом садишься и восхищаешься ими, думая, что детали сами о себе позаботятся. Ты великий стратег, но плохой тактик. Войны выигрываются в окопах, друг мой.

— Спасибо, Карл фон Клаузевиц,— голос коротко и презрительно рассмеялся.— Собственно говоря, ты можешь и не

так далеко быть от истины. Я всегда стремился думать большими категориями — чем больше, тем лучше. И чем грандиознее мои планы, тем чаще мои планы рассыпаются в мелкие дребезги у меня на глазах. Вот посмотри хотя бы на мое последнее фиаско. Но я пока еще бог и царь, я еще не получил поражения. Я далек от этого. Мне кажется, что сейчас я как никогда разговариваю с позиций силы. Может быть, то, что я предлагаю, сейчас и кажется нереальным, но тем не менее варианты есть варианты.

Я сидел и пил, уставясь на камеру, заинтригованный тем, что подобие личности Уилкса оказалось куда более склонным к самоанализу, чем сам Уилкс. Я подумал, почему же это так.

— У меня есть еще один вопрос, — сказал я. — Кто тебя собирал? Твои программы, я имею в виду. По части того, чтобы подражать чертам характера, эмоциям и личности, ты вполне равен матрице Сэма. Это делает тебя совершенно уникальным существом. Земные программы искусственного интеллекта просто никогда не бывают такими хорошими.

— О, я вполне пригоден для своей задачи, но я целиком и полностью сделан дома. То есть, я хотел сказать, людьми. Я был написан и отлажен во внешних мирах. Я чисто домашний продукт.

Я поймал одну из полурастворившихся хлорпромазиновых таблеток в рот и проглотил ее.

— Это меня очень удивляет. Не знал, что у них такой опыт во внешних мирах.

— Ты бы очень удивился. Перекачка мозгов, Джейк. Мы привлекаем лучшие умы в каждой области.

— Мое впечатление было таково, что там весьма примитивная технология.

— Так и есть. Но ты когда-нибудь пробовал построить целую цивилизацию с нуля? Это занимает много времени.

Я кивнул.

— Понятно.

Я покончил с остатками кофе, а вместе с ним и со второй таблеткой, ее горечь омыла мне весь язык. Я поставил чашку в круглое отверстие в сушилке на кухне.

— Ладно, Кори. Мне кажется, что ты нам надоел.

— Вот как?

Я переключил интерком и наклонился, чтобы говорить в микрофон, размещенный на приборной доске.

— Карл, Шон... эй, все! Ситуация чрезвычайная. Всем, пожалуйста, в кабину. Кроме тебя, Карл. Залезай в свою машину и подстраховывай нас. Подтвердите прием.

Я переключился на прием. Там, сзади, все было уж слишком тихо.

— Они не ответят, Джейк, — сказал голос Кори Уилкса.

— Роланд? Джон? Дарла?.. Кто-нибудь? — я наклонился и стал кричать в микрофон. — Эй, вы там! Всем подняться! Восстаньте ото сна!

Ничего, кроме легкого храпа.

Я поднялся и пошел на корму.

— Я бы на твоём месте туда не ходил, Джейк.

Я остановился в переходе между кабиной и каютой. Сьюзен сидела, глядя на меня совиными сонными глазами.

— В чем дело, Джейк? — спросила она. Потом она покачала головой, словно вытряхивая из головы что-то неприятное. — Ты с кем там разговаривал? Сэм вернулся?

Она посмотрела на меня еще более странно, когда я обратился со своим вопросом к одному из микрофонов в углу, которыми обычно пользовались мы с Сэмом.

— Что у тебя там работает, Кори? Жезл мечты?

— Нет, на этот раз нет, — сказал голос Уилкса. — Просто газ, но подобного действия. Почти те же самые симптомы.

Правая рука Сьюзен метнулась ко рту, а другая стала закрывать одеялом голую грудь.

— Привет! — сказал голос весело. — Сьюзен, не правда ли? В последний раз мы встречались, когда уж больно все было суматошно. Я Кори Уилкс.

Сьюзен отняла руку ото рта и прохрипела:

— Джейк, каким образом?

Она была в потрясении, глаза ее округлились от страха и изумления.

— Все в порядке, Сьюзи, — сказал я, но не очень убедительно.

Прозвенел гонг тревоги.

— У нас появилось общество, Джейк.

Я бросился к шкафчику с оружием, открыл рывком дверь, стал копаться в наших запасах оружия. Я швырнул пистолет Сьюзен.

Как раз в этот момент люк между кабиной и каютой распахнулся. Я тщетно рванулся, чтобы его закрыть.

— Весь тяжеловоз заминирован, Джейк, — сказал голос почти извиняющимся тоном. — Честное слово, на твоём месте я не стал бы даже и одного движения делать. Ты теперь вдыхаешь газ. Ты только повредишь себе, если будешь все время рыпаться.

Я поднялся и подошел к койке. Я уселся возле Сьюзен. Она закинула руки мне на шею.

— Похоже на то, что «дорожные жуки» проводили моих друзей сюда, Джейк. Я был вполне уверен, что так и получится.

Я сказал:

— Я беру назад свои слова насчет того, что ты плохой тактик.

— Спасибо, я все время совершенствуюсь.

Я пихнул Сьюзен обратно на койку и накрыл ее тело своим, зарыв лицо в ее шелковистые волосы.

— Джейк, я боюсь,— сказала она мне в ухо, когда темнота сомкнулась над нами.

— Спи, деточка. Спи,— сказал я ей мягко, нежно.

«Если нам повезет,— подумал я,— мы никогда не проснемся».

Глава двадцатая

Снарк был большой, но очень быстрый. Я гнался за ним в сгущающуюся тьму, все время нагоняя его, но не в состоянии его поймать. Он таял и визжал где-то впереди, все время ускользая от меня, фигура, которая судорожно пританцовывала во тьме, на фоне перевитых черных силовых линий, которые все пытались притянуть меня и сбить с ног, пока я бежал. В животе у меня все крутило, голова кружилась, и я свалился в бездну.

Но скоро коловращение захватило меня, и дальше я провалился во тьму, где ничего не было.

Я проснулся с тошнотой, голова у меня болела. Я лежал на спине, ноги мои были связаны вместе, я сам был как бы подвешен, руки связаны за спиной. Потом выяснилось, что чувство подвешенности было связано с тем, что меня так неловко положили за ящиками в трейлере, и от этого руки вывернулись и онемели. Я перекачивался с боку на бок, пока не перекатился окончательно и не обнаружил Дарлу рядом с собой. Искусственный интеллект — двойник Уилкса сказал мне, что вчера нас всех отравили газом. Это могло оказаться и правдой, но симптомы Дарлы были однозначны — открытые остеклевшие глаза, тупой нефокусированный взгляд — что означало, что где-то неподалеку действует жезл мечты. Я понял, что это даже может быть тот самый, который я тогда забрал, забрал у самого Уилкса во время нашего пребывания на «Лапуте» после перестрелки. Хотя, может быть, у ретикулянцев был только один жезл. И вот почему газ-парализатор воли мог оказаться необходимым. Я знал, что эффект жезла можно преодолеть с помощью приема простого транквилизатора, хлорпромазин, казалось, честно делал свое дело, но теперь эффект газа стирался из организма, и я гадал, сколько у меня есть времени, прежде чем магический жезл ретикулянцев возымеет свое действие.

Я осмотрелся. Если кто-нибудь заметит, что я пошевелился, они легко догадаются, что пока я не подвергся действию жезла. Я видел чьи-то огромные сапоги, наверное, Шона, которые

торчали из-под левой передней шины машинежки Карла. Больше я никого не видел со своего места. Я подождал, пока в руках восстановится кровообращение, и снова перекатился на спину. Трейлер был совершенно тих. Я прислушивался примерно с полминуты. Мне казалось, что никто не караулит нас специально. Я мучительно поднялся на ноги и отпрыгнул прочь.

Магический жезл должен быть где-то сзади... нет, я вспомнил, что радиус действия этого приспособления равен почти городскому кварталу, и стены его не всегда останавливают. Я стал искать в трейлере возле секции для особо хрупких грузов. Там ничего не было. Ну что же, те наркотики, которые я принял, должны еще какое-то время удерживать эффект жезла под контролем, мне этого должно хватить, по крайней мере, чтобы избавиться от пут.

Маленький ящик с инструментами был пуст, несомненно, это сделали наши захватчики в качестве предостережения. Неуклюже держа крышку своими связанными руками, я оглянулся через плечо, чтобы увидеть, не найдется ли на дне ящика какого-нибудь острого хлама, который я смогу использовать. Там ничего не было, кроме затерянных гаек, болтов, нескольких клочков бумаги. Потом я вспомнил про удивительно вредный острый край одного из астрономических приборов, которые мы как раз везли (доставка уже малость запоздала). Это был большой ящик с металлической облицовкой, углы которого были неестественно острыми. Я пару раз до крови порезался о него, когда мы его грузили.

Конечно, человек-змея, который выступает на ярмарках, запросто справился бы с этой штуковиной. Я же вывихнул себе пару суставов, пытаюсь извернуться так, чтобы дотянуться руками до этой облицовки. Край был совсем не такой острый, каким он мне запомнился. Меня здорово связали, даже обвязав руки по всей длине, чтобы я не смог перевести их вперед, пропихнув зад и ноги через связанные запястья. У меня не было ножа, который перерезал бы веревки сразу, но у меня, к счастью, было время. Материал веревок тоже не был силен и крепок. У меня заняло десять минут, чтобы их разрезать, но в конце концов веревки подались, и я был свободен.

Все, кроме Карла, были сзади, они валялись, как трупы, среди груза. Вот Сьюзи, вот Джон и Роланд, Лори. Они, наверное, расспрашивают Карла насчет его машины, эти захватчики. Боюсь, что они приняли не самые нежные методы убеждения. Но Карл — парень крепкий.

Мне надо было немедленно что-нибудь сделать, причем не теряя времени. Камера мониторинга в трейлере до сих пор не была починена. Мы так и не собрались ее исправить. Но нет никакого сомнения, что периодически наши враги будут прослушивать, нет ли в трейлере движения. Я проверил карманы. Нет, они меня не обыскали и транквилизаторов не нашли. Аналог

личности Уилкса наверняка доложил, что у меня не было никаких шансов что-нибудь взять. Но его приятели могут появиться в любой момент, чтобы в этом удостовериться.

Хо-хо.

Почему Шон забыл упомянуть про всякое стреляющее железо у себя в машине? В своих машинах все возят оружие — и вот, пожалуйста, вот они тут, под передними сиденьями. Наши захватчики весьма необдуманно поступили, когда не стали обыскивать машины. Но они полностью полагались на жезл мечтаний. Я выбрал тяжелое лучевое оружие рикксианского производства.

Единственный план атаки, который мог меня спасти, как я понимаю — это нападение, решительное, дерзкое, фронтальная атака. Или атака сзади — понимайте, как хотите. Мне придется проползти через переходную трубу и... что тогда? Я почувствовал, как во мне нарастает холодное бешенство, которое было еще убийственнее и сильнее, чем тогда, на Голиафе. Или на Высоком Дереве. Четвертый раз, меньше чем за два месяца, меня запирают и ловят, держат взаперти против моей воли! Во мне горел гнев. Я был более чем готов просто прокатиться по переходной трубе и начать палить во всю ивановскую. Я бы перестрелял их всех, до последней гадины. Мур, я бы сперва справился с Муром, просто из-за его заносчивого самодовольства и предательского дружелюбия, с каким он меня встречал. Потом Уилкса, если только тот был неподалеку. Его я бы просто разрезал на кусочки вручную, медленно, при этом посадил бы Сэма в первый ряд, чтобы тот мог посмотреть. И любой другой, кто принимает в этом участие, тогда получил бы сполна по заслугам. Я бы уж в этом постарался. Единственное, что удержало меня от того, чтобы прямо сейчас рвануть в переходник и начать палить в кого попало, так это мысль, что Карл может как раз быть там и оказаться посреди всего этого безобразия. Поэтому я полз, как десантник. У дальнего конца переходника я остановился. Люк был немного открыт, поэтому мне были слышны голоса.

Все они были уж очень знакомы.

Я приоткрыл люк побольше и посмотрел в щелку.

Джофф и толстяк сидели в уголке за кухонным столом и играли в карты. Над ними стоял и болел за них наш старый друг Краузе, тот самый общительный морячок, который заставил нас претерпеть столько неприятностей на Плеске. Я более или менее сквитался с этими тремя, особенно с Джоффом, хотя я теперь очень пожалел, что не пристрелил гада, пока имел такую возможность.

Кто-то еще вошел через люк в каюту. Я его не видел, но знал, чей это голос.

— Вы двое будете играть в карты и в судный день! — прорычал Зейк Мур.

— Да делать-то особенно нечего, хозяин,— сказал неловко толстяк.

— Вы прекрасно могли бы, долбаные черти, собрать что-нибудь поесть. У вас тут кухня, понимаете: кухня! А вы и не заметили?

— Помилуй, Зейк,— сказал Джофф,— очень трудно было взламывать этот сейф.

— Заткнись и вынеси вот это Даррелу и Жюлю,— рявкнул Мур.

Джофф уронил на стол карты и поймал черный кубик в ладонь.

— А ты займись едой,— добавил Зейк толстяку.

Я рывком распахнул люк и направил ружье на пузо Мура.

— Слопай-ка вот это, ты, мать твою раззтак!

Немая сцена: Мур с раскрытым ртом стоит перед люком. Толстяк застыл, наполовину поднявшись со стула. Джофф держит в руке кубик и таращится на меня. Краузе окаменел.

А я стою, прижимая к пузу чудовищной силы оружие и думаю, найдется ли во мне сила, чтобы срезать из такой вот пушки человека, пусть даже такого человека, как этот Мур и остальные из его компании — массовое убийство, вот что это такое. Или нет?

Кто-то, сделайте хоть одно движение, немо умолял я. Тогда мне будет легче пристрелить кого-нибудь.

Но никто не пошевелился.

— У нас... твой друг,— сказал осторожно Мур, очень аккуратно и нерешительно.

— Ты все равно мертвец,— сказал я.

— У меня есть еще люди,— продолжал Мур.— Снаружи. Ты никогда...

— Ты мертвец,— ответил я.

Молчание.

— Я ничего не могу сделать, Зейк,— раздался голос Кори Уилкса.

В воздухе висел вопрос, который становился главным: и что теперь?

Вопрос медленно опустился на мои плечи, стал огромной тяжестью, которая словно пригибала меня к полу. В это время всякие колесики-винтики бешено крутились у меня в голове. Мой первый выстрел должен быть в центральное процессорное устройство, надо вышибить личность Уилкса напрочь и взять на себя страшный риск того, что можно повредить драгоценную матрицу Сэма. Я примерно знал, где матрица. Но угол выстрела был очень неблагоприятный. Думай, думай.

— Что ты хочешь, чтобы мы сделали, Джейк? — спросил дух Уилкса из компьютера.

Я знал, что в кабине был кто-то еще, который ждал, что Мур войдет или сдастся, или уберется с дороги, чтобы в меня

могли выстрелить. Я мог пристрелить Мура и убраться обратно в переходник, но тем временем Джофф бросится за пистолетом. Или Краузе. Или толстяк.

— О господи,— сказал голос Уилкса.— Вот и они, надо же, выбрали времечко...

— «Жуки»? — спросил Мур.

— Они самые.

Мур посмотрел на меня.

— Ну вот, сам видишь,— сказал он,— так мы ни до чего и не договорились...

Несколько следующих минут были наполнены абсолютным хаосом.

Произошло примерно следующее. Свет слегка потускнел. Люди и предметы стали летать в воздухе. Я обнаружил, что взлетаю над полом переходника и плыву по воздуху, причем мне весьма трудно двигаться. Невидимая оболочка покрывала меня, резинистая, упругая оболочка энергии. Выплывая из переходника; я поднялся, сделал обратное сальто в воздухе и слегка отскочил, ударившись о потолок. Краузе левитировал, как в цирке, прямо подо мной, Мур еще ниже. Толстяк и Джофф, те крутились в кухоньке над столиком, они бешено сопротивлялись невидимой сети, которая покрывала их и мешала движениям. Все, что в кабине не было привязано, теперь летало по воздуху: чашки, носки, которые кто-то забыл, ложки, карты — и черный кубик, который, очевидно, выпустил Джофф.

Двигаться было трудно, но не невозможно. Я стал напрягаться, пытаюсь бороться с сетью энергии, и уперся ногами в потолок. Потом я оттолкнулся и влетел прямо в тело Краузе, вернее, в его энергетическую оболочку, которая слегка подалась. Я оттолкнул его с дороги, перевел вперед руку с ружьем и нацелился на Мура. Тот медленно приближался ко мне. Я нажал на курок, и ничего не произошло. Мур вытащил свой пистолет и постарался сделать то же самое, с тем же нулевым результатом. Я отпустил ружье. Оно висело рядом с моей рукой, лениво вертясь в воздухе. Вытянув руки, Мур пытался добраться до меня, и мы неуклюже сцепились. Я нацелился ногой попасть ему в пах, но не попал. Хотя удар должен был оказаться столь же сокрушительным в таких условиях, как падение тысячи снежинок. Мур попытался ударить меня ребром ладони по шее, я заблокировал удар, вцепившись в силовое поле, окружавшее его, пока не почувствовал, что пальцы мои смыкаются на его запястье. Он стал махать на меня своей свободной рукой, однако это ему ничего не дало, потом пнул меня в живот, нанеся удар, от которого я медленно завертелся на месте. Но я крепко держал его за запястье. Снова оказавшись возле потолка, я изо всех сил оттолкнулся и влетел прямо в его живот головой, что отбросило его сразу к кухонной нише. Головой он ударился об угол. При обычных обстоятельствах он бы мгновенно потерял сознание от силы удара, но тут энергетическая оболочка сработала как амортизатор, и он просто немного был ошеломлен.

Я сдвигал руками его шею, сосредоточив на этом всю свою силу воли. Он поднял руки и схватил меня за предплечья, пытаясь стандартным приемом сбросить мои руки с шеи, но не мог поднять рук достаточно высоко. Я был полон ярости, и она меня просто преобразила. Мускулы моего тела напряглись, как проволочные канаты, а мои руки стали словно проводниками раскаленного тока. Невидимое энергетическое поле постепенно поддавалось мне, пока глаза Мура не стали вылезать из орбит от страха и удушья. На нем лежал безумец, маньяк, который ни за что не хотел его отпустить.

— Теперь скажи мне, — процедил я сквозь сжатые зубы, — насчет того, как ты будешь насиловать женщин, а меня заставишь смотреть. Скажи-ка мне это. Я хочу это слышать.

— Сукин сын! — прошипел он. — Ты...

— Подробно. Расскажи-ка.

Давление стало пережимать ему глотку. Он забулькал что-то, пытаясь высвободиться, отказался от намерения снять мои руки нажимом и просто стал слабо царапать мне запястья, пытаясь оторвать их от своей глотки. Его пинки становились теперь все слабее и слабее. Я на них не обращал внимания. Голова его медленно опускалась под стол. Я рванул ее и треснул его лицом как следует об обратную сторону стола. Это было очень приятно, и звук был самый подходящий. Я сделал это еще раз.

— Скажи-ка мне, — повторял я с каждым ударом.

Тело его обмякло, но я не прекращал его душить.

В этот момент нас поймало энергетическое течение, выхватив нас из-под столика, и оно пронесло нас к люку. В воздухе вокруг нас кружили различные предметы, их было больше, чем просто могло валяться в кабине или в трейлере. Двери и ящики кухни распахивались, выплёвывая потоки кухонной утвари, тарелок, чашек, блюдец и всего такого прочего, они все, казалось, направляются в кабину. Мы проплыли через люк, и моя хватка немного ослабела. Меня отвлекало то, что происходило вокруг, и это ослабило не только мои тиски на горле у Мура, но и бешенство.

Но, когда я увидел, что они вытворяли с Карлом, мой гнев стал сильнее, если не вчетверо, то вдвое. Он крутился в воздухе возле меня, голый от пояса вниз. С мошонки его свисали металлические проволочки, куда они были прикреплены клейкой лентой. Проволочки вели к небольшой батарейке, которая плавала с выключателем вместе неподалеку от нас. Карл неловко пытался отцепить это устройство, его спутывали длинные веревки, которыми он был привязан к одному из задних сидений в кабине. Я пытался снова покрепче сжать руки на мощной шее Мура, но у меня это не получилось. Энергетическая оболочка стала еще плотнее. Я совсем потерял силы, и меня отнесло прочь от Мура. Мур был без сознания, лицо его потемнело и распухло, но я не мог сказать, убил я его или нет. Он все еще мог и ды-

шать. Еще один из пособников Мура сидел в кабине. Я пнул его ногой в лицо, когда меня пронесло мимо, потом попытался оттолкнуться от лобового иллюминатора, чтобы снова меня отнесло к Муру и я мог бы закончить свою работу. На пути у меня то и дело возникали летающие предметы, и мне приходилось шлепать их, как мух. Они были всюду: карандаши, накладные, футляр от бинокля, рюкзаки, ботинки, пакет женских салфеток, содержимое аптечки, чья-то потерянная сандалия, тарелки, куски бумаги, заплесневевший рогалик, книги, кассетник, карты агхирров... весь мусор, который накопился за последний месяц и который, по общему согласию, мы должны были бы выбросить — может быть, завтра...

Я почти совсем снова дотянулся до Мура, когда оба люка в кабине распахнулись. Страшная взрывная декомпрессия вымела всех и вся из кабины в абсолютный вакуум огромного зала.

Но я мог дышать. Невидимая оболочка поймала воздух в себя. Пока я плыл вверх, кувыркаясь в воздухе, я думал, на сколько же времени может хватить оставшегося мне воздушно-го пузыря.

Постепенно мое вращение замедлилось, не в результате моих собственных усилий, а просто потому, что действие взрыва прекратилось, и я смог наблюдать над тем, что происходило ниже. Везде были «дорожные жуки», примерно тридцать штук, они ездили туда-сюда между нашими машинами, которые все, как одна, выплевывали из себя то людей, то предметы из распахнутых люков. Тяжеловоз с обоих концов выстреливал разный мусор. Все наше оборудование и припасы вылетели наружу — включая оборудование для астрономов, — причем без защитного покрытия. Вся наша команда тоже вылетела наружу: Дарла, Шон, Сьюзен, Лори, Волошины, Джорджи и Винни (где, черт побери, были они все это время, подумал я про себя), Джон, Роланд и Лайем, все они были освобождены от пут и от влияния магического жезла мечты. Дарла, с широко раскрытыми глазами, ничего не понимая, пролетела мимо меня, пока мы поднимались все выше и выше. Потом мимо пролетела Лори, и я попытался помахать ей. Она выглядела очень перепуганной. Я ее не винил. Я и сам был перепуган до потери пульса.

Все поднималось в воздухе, кувыркаясь, переваливаясь, лениво вращаясь. Примерно на высоте пятидесяти метров подъем прекратился. Все смешалось в одно пестрое облако, словно стая мигрирующих птиц, все вращалось вокруг невидимого, но четко очерченного круга на полу зала, вокруг которого «дорожные жуки» располагались кольцом.

Сцена была, словно кошмар во сне: все это происходило в полной тишине. Я мог слышать себя самого, когда я орал и взывал к пролетающим мимо товарищам, но воздух проводил звук только внутри оболочки. Снаружи был вакуум, и

в нем не слышалось ни звука. Нет никакого резона орать, подумал я, поэтому заткнулся.

Облако людей и предметов стало упорядочиваться, постепенно в нем появились спиральные вихри, которые вели вниз. Во время этого перетасовывания я был страшно удивлен, когда увидел Кори Уилкса — настоящего, из плоти и крови Кори Уилкса, который пролетел мимо. Он был голый до пояса, на нем были пижамные штаны. Вся его грудь была перетянута белыми бинтами. Он выглядел так, словно ему трудно было дышать. Его глаза, казалось, встретились с моими, когда он пролетал мимо. Он смотрел на меня, и что-то, словно искорка узнавания, промелькнуло в его взгляде. Потом глаза его закрылись, и он вылетел из поля моего зрения. Там, в облаке людей, происходили трогательные встречи. Тввврррлл, выживший в схватке со мной ретикулянец, проплыл мимо, как призрак, его глаза, похожие на камеры, уставились на меня бессмысленным взглядом.

Если вид Уилкса потряс меня, то вид Рагны, который входил в спиральный поток, совсем помутил мое сознание. Невзирая на собственное здравомыслие, я завопил:

— Рагна! А ты что тут делаешь?!!

Ну что же, судя по движениям губ, он что-то ответил, наверное, что-то вроде:

— Ах, Джейк, мой закадычный друг, разве все это не есть огромная интересность?

Может быть, он сказал другие слова, но такие же по смыслу, если его радостная, почти идиотская в таком положении улыбка могла что-то означать. Легкое смещение его орбиты вынесло и его подальше от меня, а за ним следовала его жена Они. Я застонал.

Я видел мужчин, которых никогда не знал. Вне всякого сомнения, члены прочей банды Мура.

Над кругом «дорожных жуков» образовался гигантский смерч-циклон. Течение сил несло всякий мусор спиральными потоками вниз, в широкий поток перед «жуками», а потом все предметы снова взмывали вверх в облако людей и предметов. Казалось, что жуки хотели посмотреть на нас и на все, что у нас с собой было. Я тоже очень быстро оказался в воронке, в облаке, и стал головокружительно спускаться в стремительно завихряющемся потоке. Однако, когда я оказался внизу, все внезапно прекратилось.

Они обнаружили кубик.

Круг «жуков» стал теснее. В сумрачном свете зала я едва видел черную точку кубика, который кружил перед «жуками», а каждый из них по очереди вглядывался в кубик. Кубик прошел по кругу дважды, и этого им показалось вполне достаточно. Воронка стала снова спускаться вниз, и я оказался, как на параде, перед инспектирующим оком «жуков». Мы все плыли

перед ними вместе с собранием различных вещей и инструментов. Я мгновенно вообразил себе, что должно появляться в мозгах «дорожных жуков», когда они смотрели на нас, каталогизируя все, что они видели.

Неодушевленный объект. Инструмент. Пища. Неодушевленный объект. Одушевленный объект. Существо (полуразумное, двуногое, млекопитающее). Неодушевленный объект. Одежда (для покрытия ножных конечностей)...

Они сочли меня мало заслуживающим их интереса, но внимательно рассмотрели Винни и Джорджи. Потом я снова взлетел в циклоне вверх, медленно вращаясь, пока снова не оказался в облаке людей и предметов наверху.

Я посмотрел вниз. Шевроле Карла поднималось отдельно, на особой воздушной подушке. Когда воронка из людей и вещей рассосалась, машина заняла свое особое, почетное место между «жуками». Они даже столпились поближе, чтобы как следует рассмотреть ее. Если они действительно смотрели. Ничто из машины не вылетело, потому что ее люки остались в неприкосновенности. Они провели добрых десять секунд, приглядываясь к тому, что такое эта машина, потом отступили на прежние места, либо удовлетворенные увиденным, либо отчаявшись понять, что же такое перед ними.

Обыск-осмотр закончился — ей-богу, он и так слишком затянулся, потому что я обнаружил, что мне все труднее и труднее становится дышать.

Все, что происходило потом, происходило молниеносно. Облако вещей и людей распалось, его составные части полетели вниз, но разделились на десяток или больше отдельных потоков. Я упал, чувствуя в животе такое ощущение, что при обычном падении такого не бывает. Я начал кувыркаться и не мог остановиться. Со мной вместе летели потоки вещей. Чья-то рубашка залепила мне лицо, я попытался ее стряхнуть. Потом ящик с инструментами ударил меня, но защитная оболочка не дала ему меня как следует стукнуть и смягчила удар. Я потерял ощущение низа и верха, и меня стало слегка тошнить. Последние моменты наших мучений, к счастью, были коротки, и я не могу точно сказать, каким образом я туда попал, но следующее мое впечатление было таково, что я сижу в кабине тяжеловоза. За мной вместе и следом было втянуто дикое количество всякого хлама, он валился на пол лавиной. Джона забросило в люк, потом Сьюзен, потом Роланда, за ними последовали и остальные, включая и Волошиных. Никто из банды Мура сюда не попал. Потом моя защитная оболочка прекратила свое существование, и я упал головой в море хлама. Люки захлопнулись, и воцарилась тишина.

Кто-то стоял прямо у меня на бедрах. Я повернулся, тот, кто это был, повалился. Я выбрался из горы мусора, попытался встать на ноги. Моя нога погрузилась опять в кучу хла-

ма, и я не устоял и упал. Тут же я схватился за спинку сиденья стрелка и подтянулся, чтобы встать.

— Интересная погодка у нас тут в последнее время,— раздался подбадривающий знакомый голос.

— Сэм!!!

— Угу, я вернулся.

Не надо и говорить о том, что кабина была в страшном состоянии. Прошло несколько минут, и мы все еще не могли найти Винни. Наконец она обнаружилась под горой постельного белья, совершенно неповрежденная, живая и здоровая. Она вспрыгнула на меня и прижалась ко мне.

— Привет, лапочка Винни,— сказал я ласково.— Все в порядке, девочка. Все в порядке.

Я сообразил, что тяжеловоз движется.

— Эй, Сэм,— окликнул я.— Куда мы едем?

— Тут ты меня поймал,— ответил Сэм.— Дело в том, что я не веду машину.

Глава двадцать первая

Мы двигались, но мотор тяжеловоза не был включен. Он даже не заводился, когда я попробовал его включить. Перед нами были два «дорожных жука», которые составили как бы локомотив и тендер нашего маленького поезда, состоявшего из тяжеловоза, фургончика Волошиных, где не было водителя, кучки машин людей Мура и машины Рагны.

Я проверил инструменты и обнаружил, что роллеры тяжеловоза не вращаются. Машина летела по воздуху примерно в полуметре над дорогой. Ловкий трюк, надо прямо сказать.

Еще один «дорожный жук» замыкал процессию. Каждому поезду нужен хвостовой багажный вагон.

— Хотел бы я знать,— сказал Сэм,— как они опять запустили воздух внутрь.

— Может быть, у каждой молекулы газа была своя оболочка, которую создали хозяева этих мест,— предложил свою гипотезу Роланд.

— Мне нравится такое предположение,— восхитился Сэм,— не верю, конечно, но мне нравится.

Мы уже выехали из огромного зала в туннель и мчались с невероятной скоростью. Видимо, «жуки» прекрасно знали, куда они нас везут. Скорее всего, в крематорий.

— Черный кубик!— воскликнул Роланд, поднимая кубик так, чтобы все смогли его видеть.

— Интересно, почему они не оставили его себе,— сказала Сьюзен, скептически нахмурясь.

— Жаль, что не оставили,— ответил я мрачно,— я не могу им даже отдать проклятую штуковину.

— Сэм,— спросил Роланд,— где ты был?

— Долгая история,— ответил за него я,— я-то сам хочу знать, где программа искусственного интеллекта Уилкса?

— Господи помилуй,— выдохнул Роланд,— так это был Уилкс?

— Она благополучно поймана и зафиксирована в главной памяти,— сказал Сэм.— Мы можем стереть ее в любой момент, когда только нам заблагорассудится.

— Слушай, а она не загрузится снова,— поинтересовался я,— совсем как тогда, помнишь?

Сэм хохотнул.

— Так ведь в том и была вся загвоздка, во вспомогательном архивном блоке. Я временно заблокировал в него доступ, и как раз это нам и надо было бы сделать в первую очередь. Кто-то физически в буквальном смысле покопался в нем, и нам никогда бы не удалось стереть Уилкса оттуда. Нам и так придется вынимать блок и ремонтировать его.

— Э-э-э, Сэм, черт знает, смогу ли я это сам сделать. Я не специалист по обслуживанию и ремонту компьютеров.

— Да я тебе помогу, не волнуйся. У нас есть учебники...

— Они как раз во вспомогательном архивном блоке, Сэм.

— А у нас есть копия на дискете, там, в трейлере, помнишь? В отсеке для особо хрупкого груза. Если бы ты время от времени убирался в тяжеловозе...

— Ладно, ладно. Дойдет очередь и до этого. Как это тебе удалось выбраться из-под Уилкса?

— Ну, когда началась вся эта заварушка, вся побочная радиация... или как там это назвать... она стерла центральный процессор начисто. Это была как раз та лазейка, которая и была мне нужна. Программа искусственного интеллекта и есть компьютер, но в виде программного обеспечения. А я установлен на самом оборудовании, поэтому, так как я на винчестере, я гораздо быстрее. Несколько наносекунд — и я в дамках.

— Ну и ну, черт меня побери,— сказал я,— но каким образом Уилкс вообще там оказался и влез поверх тебя?

— Я просто дурак дураком,— ответил Сэм.— Нам надо было все сообразить, когда еще мы проводили всю эту диагностику...

— Погоди, это лучше тоже оставить на потом. Я хотел бы знать, какого рожа тут делает Рагна.

Я вышел на частоту Космограды и вызвал его.

— О, Джейк, мой совершенно особенный друг! Привет-привет и особое выражение почтения всем нашим разнообразным друзьям!

— Да-да. Рагна, ты как тут оказался? И почему, во имя всего святого, ты вообще за нами увязался?

— О, Джейк... это такое положение смущения и затруднения...

— Давай выкладывай.

— О, воистину. Вне всякого сомнения, я нахожусь в процессе вызывания твоего негодования, когда стану рассказывать тебе, что многочисленные потаенные индивидуумы из нашей расы последовали за тобой.

Я рассмеялся.

— Да нет, никакого негодования ты не вызовешь. За мной все время, куда ни погляди, постоянно кто-то увязывается.

— Это соответствует истине. Было хождение слухов, что за тобой по уши влюблены множество машин разного происхождения. А на планете, где находится много узлов Космострады, нами было замечено, что вокруг тебя находится на плаву большое количество фекальных масс, если выражаться метафорически.

— Да-да, именно это и произошло, — сказала я, — продолжай.

— Как раз в это время наши научные индивидуумы наконец сообразили, что же такое происходит внутри черного кубика.

— Да что ты!

— Да-да, они наконец стали вкладывать в этот объект определенный смысл. Их понимание — я хотел бы особенно внести ясность в этот вопрос — далеко от полноты, однако они вот-вот раскусят этот плод орехового дерева... если ты меня вникаешь.

— Вникаю, вникаю, — ответил я. — Так что же это такое?

— Увы, Джейк, как я уже тебе сообщил, в науке я, к сожалению, понимаю меньше, нежели упоминаемый у вас моржовый хрен. Однако, все-таки, Они находится в обладании гораздо большим количеством знания, нежели я, и она часто посещала различные конференции касательно именно данного предмета. Я попробую, чтобы она с вами поговорила, если вам это сейчас удобно. Пожалуйста, не прерывай связи...

— Погоди, Рагна, — перебил его я. — У нас тут есть кое-кто, у кого есть тоже немалое количество этих самых знаний, как ты сказал. Пусть он поговорит с Они, но попозже, ладно? Мы тут по колено в безобразии. И мне очень хотелось бы понять, куда они нас тащат.

— У нас те же самые проблемы и задачи. В наших машинах тоже полный публичный дом, как вы выражаетесь. Ладно, Джейк. Мы собираемся пока слезть с твоих ушей и поймать тебя дальше по дороге чуть позже. Пока мы не приехали к месту назначения, желаем всем нашим добрым друзьям неплохой жизни! Пока!

— Порядок! — ответил я.

— Господи, — простонал Роланд, — где эти мартышки учили жаргон шоферю?

— Понятия не имею, — ответил я, — может быть, вытащили из наших компьютерных словарей.

Я оглянулся.

— Где все остальные?

— Там, на корме, — ответил Роланд. — Там больше места. И нам тут просторнее. Но если тебе кажется, что у нас тут хаос, то загляни в трейлер...

— Ладно, ребята, — сказал Сэм по всем громкоговорителям в тяжеловозе. — Как насчет того, чтобы убрать всю дрянь? Мы когда-нибудь на это способны?

— Мне нравится местоимение «мы», — издевательски осклабился я.

— Хе-хе-хе...

Все попытки связаться по радио с «дорожными жуками» потерпели фиаско. Мы могли только догадываться, куда нас в конце концов тащат, и сперва наши мозги только тем и были заняты, что строили догадки. «Жуки» выволокли нас из подземного гаража, протащили через ближайший портал, потом по цепочке весьма бесцветных и непримечательных планет. Большую часть времени мы провели за уборкой безобразия, воцарившегося после невесомости.

Карла мы освободили от уборочных терзаний. Мошонка у него раздулась до размеров грейпфрута, и он испытывал ужасные страдания. Все, что я мог для него сделать — это накачать его гидроморфоном и кортизоном и надеяться на лучшее. Карл рассказал им все, что он сам знал, ему не было причины молчать или скрывать что-либо. Они просто ему не поверили. К концу, однако, ему показалось, что они уже были близки к тому, чтобы поверить в его историю о том, как его похитило летающее блюдце, но он не был уверен в том, что они действительно могли бы ему поверить. К счастью, пусть и по непонятным причинам, вмешались «дорожные жуки». Лори пришла в страшное состояние, по очереди горько и безудержно рыдая и швыряя в переборку чем попало и грозя совершить садистские хирургические операции над теми сукиными детьми, которые терзали ее милого. Через денек-другой Карлу полегчало, и она малость поуспокоилась.

Уборка продолжалась три дня. Мы провели инвентаризацию и нашли, что ничего у нас не пропало. Машина Шона и Лайема была цела и невредима, как, разумеется, и машина Карла. Но теперь шевроле было надежно укрыто за Ариадной Шона и Лайема, и это, конечно, было лучше. Может быть, настанет момент, когда нам понадобится поскорее вытащить шевроле из трейлера. Теперь я даже жалел, что в какой-то момент заставил Карла въехать в трейлер на машине. Вот и говори после

этого о плохом планировании — я тоже совершил свою долю промахов.

Когда стало ясно, что нам придется путешествовать весьма долго, мы разработали себе режим дня, к которому приспособились быстро. Мы ели и спали по очереди, по очереди несли вахту у панели управления, более или менее справляясь с ведением хозяйства. Тринадцать душ и тел, живущих в тяжеловозе с трейлером, делают совместное проживание высоким искусством. Тяжеловоз, конечно, не маленький, но, если принять во внимание все машины, которые в него въехали, места для проживания оставалось весьма немного. Постоянно кто-то кому-то наступает на ноги, кто-то кому-то вгоняет локоть в ребра, а очередь в туалет занимать надо было в письменном виде по особому разрешению. Тем не менее настал момент, когда Дарла и я оказались наедине в кормовой кабине. Я воспользовался моментом, чтобы кое-что у нее выяснить.

— Уилкс сказал мне, вернее, его аналог сказал мне, что он ничего не слышал про черный кубик, пока не увидел его сам глазами Сэма тут, в тяжеловозе. Ты что-нибудь понимаешь?

Дарла слегка подняла брови и сказала:

— Могу только догадываться. Но и догадка в данном случае хороша. Иначе он не стал бы так отчаянно охотиться на Винни на борту «Лапуты». Он понятия не имел, что у меня есть кубик. И никто об этом не знал.

— Никто, кроме человека, который его тебе дал. Кто был этот человек?

— Он мертв. Его звали Пааво, и он был мне очень хорошим другом. Он погиб в перестрелке, из которой мне удалось выбраться живой. Это было на Кси Бу.

— Ты уверена, что он мертв?

— Пааво всегда клялся, что живым в руки колониальным властям не дастся.

— Ты сама видела, как он погиб, или ты слышала об этом из надежного источника?

— Нет. Это важно?

Я кивнул.

— Мне кажется, да. Я хотел бы точно узнать, в какой момент власти узнали о существовании кубика.

— Мне всегда казалось, что они узнали, проведя дельфийскую серию над Марсией Миллер.

— Наверное, — сказал я. — Но когда это было? Когда ее арестовали? Сэм и я не можем найти в наших архивах ничего, что давало бы нам точную дату — что неудивительно, потому что это, скорее всего, было тайным арестом.

— Наверняка так оно и есть. Но почему расклад событий по времени тебе так важен?

— Давай сперва разберемся с кое-чем еще. — Я откинулся назад и оперся плечами о переборку. — Ты никогда не рассказы-

вала мне в подробностях, что случилось на ранчо телеологистов в ту ночь, когда меня увели. После этого, разумеется.

Она пожала плечами.

— Я сдалась, а они забрали нас всех.

— Ты, значит, была с телеологистами все время до тех пор, пока Петровски не взял тебя на допрос?

— Нет, сперва меня забрали в больницу и перевязали ожоги. Я на этом настаивала, и они нехотя согласились. Мне кажется, один из милиционеров крепко напал на меня. Я после этого так и не увидела телеологистов, до тех пор, пока мы не встретились снова на улице в Максвеллвилле.— Она нахмурилась и покачала головой.— Странно. Я-то ожидала найти их в отделении милиции или, по крайней мере, убедиться, что их задерживали, допрашивали, ну что-то в этом роде. Потом оказалось, что менты вроде как ими и не особенно интересовались.

Я мысленно отметил про себя этот факт, потом сказал:

— Ладно. Теперь насчет Петровски. Он не знал, что у тебя есть кубик?

— Вот это меня бесконечно удивило. Он даже не стал обыскивать мой рюкзак.— Дарла саркастически хмыкнула, потом странно улыбнулась.— Разумеется, к моему делу у него был личный интерес.

— Даже если и так, если бы он знал, что у тебя есть кубик, он бы обыскал тебя и нашел его. Разве нет?

— Да,— кивнула она головой.— Наверняка.

Я сплел пальцы вместе и закинул руки за голову.

— Значит, Петровски не знал про черный кубик, и Уилкс тоже не знал, если он снова не врет. У меня вопрос: кого же власти послали, чтобы кубик заполнить? Кто тот человек, который представляет во всем этом интересы властей?

Дарла долго раздумывала над этим.

Потом она сказала:

— В этом деле есть много белых пятен. Григорий совершенно точно действовал на свой страх и риск. Его карьера была погублена. Я ее погубила. Они ничего бы ему не сказали. И наверняка он ничего не знал. Он расследовал твое дело просто для порядка.

Она подумала еще.

— Но, может быть, это вопрос хронологии. Тот, кого послали забрать у тебя кубик, просто разминусь с тобой во времени.

— Или с тобой.

— Со мной?

— Ну да,— ответил я.— Ты же была и остаешься беглецом от закона. Может быть, власти совершенно точно знали, у кого кубик, и они знали об этом все время. Кубик был у тебя, и они тебя поймали! На Максвеллвилле! Может быть, что именно там пересеклись пути властей и Петровски. Григорий

с огромным трудом пытался добиться содействия властей в тех краях. Полиция не хотела ему помогать. Но он был офицером высокого ранга, и прежде чем Рейли, формальный глава тамошних властей, мог получить разрешение убрать Петровски с дороги, на нас напал мой таинственный двойник. Или кто-то там нам помог освободиться.

Дарла прикусила губу и медленно покачала головой.

Я посмотрел на потолок.

— Опять-таки, я могу и ошибаться. Но в последнее время у меня нарастает чувство, что чего-то тут не хватает. Или кого-то. Кого-то, кто подшивается пока под совсем другого человека.

Дарла озадаченно посмотрела на меня. Потом и ей в голову пришла эта поразительная мысль.

— Ты хочешь сказать... один из телеологистов?

Я наклонился вперед.

— Интересно, что тебе это пришло в голову,— сказал я.

Глаза ее расширились от изумления и недоверия.

— Да нет, не могут они...

Потом лицо у нее вытянулось, а плечи поникли. На лице у нее появилось выражение такой абсолютной и полной усталости, что она даже прислонилась ко мне, ища поддержки.

— Ох, Джейк, я никога во всем этом не разберусь. Одно время мне казалось, что я понимаю все происходящее, но теперь... мне кажется, что я ничего не понимаю. Я просто ничего не знаю.

— Я тоже,— ответил я ей.— Очень трудно разобраться в парадоксе.

Мы сидели не шевелясь. Тяжеловоз, казалось, был необычно тих. Никаких звуков мотора, никаких голосов рядом с нами. Только вечное посвистывание воздуха, пока нас тащили по очередной планете, по чужим ветрам.

Потом я обнаружил, что плечо у меня влажное. Я поднял пальцем подбородок Дарлы и увидел, как большая круглая слеза скатывается у нее по щеке.

— Что случилось, Дарла?

Она вытерла слезу и выпрямилась.

— Мне надо кое-что тебе сказать,— ответила она.— Я беременна.

Летя откуда-то из будущих вечностей, мимо нас свистел ветер. Холодный и мрачный.

— Как это ты могла?..

Она безрадостно и невесело рассмеялась.

— Как?

— Я хочу сказать, как же ты до этого допустила?

— Я на исходе действия трехлетней пилуоли. Я не в такой

ситуации, чтобы спокойноенько отправиться в клинику и получить еще одну. Они страшно дорогие, ты же знаешь. Особых шансов залететь у меня не было — у меня еще оставался месяц восьмидесятипроцентной надежности, а после него — месяц шестидесятипроцентной... но... — она пожала плечами. — Такие вещи случаются, это известно.

— Какая у тебя задержка?

Она покачала головой.

— Это не имеет значения. У меня в рюкзаке тест на определение ранней беременности. Я знала через сорок восемь часов. — Меланхолическая улыбка озарила ее лицо. — Может быть, это предыдущая ночь, но, по-моему, это та ночь на пляже.

Тогда я ее поцеловал. Не знаю, почему. Может быть, просто потому, что я любил ее.

«Дорожным жукам» надо было бы организовать собственный бизнес по правильной организации дорожного движения. Наше путешествие было невероятно ровным, сверхъестественно быстрым и плавным. Планеты проносились мимо настолько быстро, что невозможно было долго глядеть из иллюминаторов и не получить головокружения. Лори, Джон и Лайем слегли от дорожной болезни, которую, к счастью, легко было вылечить теми лекарствами, которые были в нашей аптечке. Роланду, кажется, поездка нравилась. Он проводил целые часы на сиденье стрелка, выглядывая в окошки, загадочно улыбаясь. Я бы сказал, непроницаемо улыбаясь.

Прошла неделя.

Время от времени мы вылетали на очередную планету-гараж. В первый раз, когда это произошло, мы решили, что наконец прибыли к месту назначения, — но нет, «жуки» прогнали нас через еще один портал, и наше судьбоносное путешествие продолжалось.

Мы проводили часть времени в болтовне, раздумывая над тем, почему «жуки» засунули шайку Мура обратно в их машины, но Волошиных загнали вместе с нами. Мы в конце концов пришли к выводу, что «жуки» чувствовали, что люди делились на две враждующие фракции, и, как обычно, хотели просто снизить вероятность возможных осложнений. Кроме того, они проверили все машины, обыскали их весьма оригинальным образом и обнаружили, что в машине Волошиных мало еды, поэтому на долгое путешествие засунули их вместе с нами. «Жуки» были суровы, но справедливы. Это сказал Джон, и я рассмеялся, потому что это напомнило мне какой-то старинный анекдот.

Однако мы заткнулись, когда Юрий рассказал нам насчет черного кубика. Он четыре дня трепался с Они насчет этого

предмета, перемыл этой теме косточки, как хотел, потом созвал что-то вроде конференции. Вот что он нам сказал:

— Если я только правильно понял то, что Они мне говорила, кубик — один из самых странных предметов во вселенной. — Тут он рассмеялся.

— Странный выбор слов, и сейчас вы поймете, почему я смеюсь. Собственно говоря, это даже не объект в прямом смысле слова. Он сделан почти что из ничего... буквально из ничего. Он просто представляет собой пространство. Пространство внутри пространства. Пространство снаружи пространства — это наш континуум, наша вселенная. А то, которое внутри... — он почесал бороду и сгорбился. — Там другое пространство.

— Ты хочешь сказать, что там целая вселенная? — спросил Джон.

Юрий откинулся в своем кресле и засунул руки в карманы.

— Может быть, эта вселенная менее, чем в световом годе отсюда.

— Всего в световом годе, — ахнула Сьюзен, потом стала обмахиваться рукою, притворяясь, что испытала огромное облегчение. — А я-то напугалась...

— Как такое вообще может быть? — потребовал объяснить Джон. — Ты хочешь сказать, что ее... уменьшили?

— Сложили, — сказал Юрий. — Это наиболее вероятно. Ее складывали и перегибали по многим измерениям несколько раз. — Он убрал руку и вывернул карман наизнанку. — Представьте это себе таким образом. — Он сделал складку на кармане. — Теперь повторяйте такие складки все время, и вскоре у вас не останется места, куда можно было бы сунуть руку. Но ведь карман все еще существует, правда же?

— Понятно, — сказал Джон. — По крайней мере, кажется, что понятно.

— Ну, все-таки это чистой воды спекуляции ахгирских ученых.

— А они основывают на чем-нибудь свою гипотезу? — спросил я.

— Поток непосредственных, сырых данных, кажется, исходит от самого кубика. Не могу представить себе, какой источник энергии выдает эти данные, а может быть, как раз та энергия, которая и превращается в данные, может выйти наружу. Она проявляется в форме крайне редкого, почти экзотического излучения. А второй компонент этого излучения — обыкновенные радиосигналы.

— Значит, — заметил я, — эта вселенная теряет энергию.

— Да. Опять же, при первом рассмотрении, эти данные не представляют особого смысла. Ахгирры сперва тоже ничего не поняли, пока у кого-то не возникло правильных ассоциаций,

и тогда этот кто-то посмотрел в космологические справочники. Те числовые величины, которые выходят наружу из кубика, и состояние энергии, к которому относятся эти величины, представляют собой примерно то же самое, что, по мнению космологов, существовало на очень ранних стадиях нашей вселенной.

— Ты имеешь в виду Большой Взрыв? — спросила потрясенная Дарла.

— Нет, задолго до того, как произошел Большой Взрыв. Прежде, чем была создана материя, и энергии тоже было весьма немного. Почти никакой энергии или материи. — Он повернулся на водительском сиденье к своей спутнице жизни. — Никто из нас по-настоящему не разбирается в этих вопросах, но Зоя больше занималась этим предметом, нежели я.

Зоя вздохнула.

— Не знаю, с чего начать. — Она слабо улыбнулась, потом сказала: — Давайте я попробую объяснить таким путем. В области теоретической физики все последнее столетие прошло в сражениях с самыми основными понятиями. Среди них была и фундаментальная природа материи как таковой, и особенности самого предмета. Если упростить до идиотизма, то в настоящее время все пришли к соглашению, что пространство связано в узлы. Вихри, матрицы — называйте их как хотите... — Она нахмурилась и потерла лоб. — Нет, попробую снова. Представьте себе такое положение вещей, при котором...

Она снова надолго задумалась.

— Можете вы представить себе облако математических точек, которые с помощью случайных процессов сами располагаются в порядке, который может очертить геометрическое пространство?

При этом они так выскочили совершенно из ничего, из абсолютной случайности! И можете вы себе представить это ограниченное пространство, это совершенно пустое метрическое обрамление, которое при всем при том еще проходит эволюционные изменения, случайные флуктуации, которые вынуждают его завязываться в узлы на определенных участках? Теперь представьте себе эти узлы как сгустки энергии. А поскольку материя эквивалентна энергии... — она подняла ладонь. — Ради бога. Как я уже сказала, это до идиотизма упрощено. Но пока что вы меня понимаете? То, что я описываю, примерно изображает, как вселенная могла быть создана из ничего.

— И это, — сказал Юрий, — как раз то, что, по мнению ахирров, происходит внутри черного кубика. По крайней мере, это их самая лучшая гипотеза.

Мы все посидели, прислушиваясь к шуму воздуха за окном.

— Это почти непостижимо, — сказал Джон.

— Вот именно, — ответил Юрий. — Вот именно.

— Мне кажется, что идея вполне хороша, — заметила Сьюзен. — Яйцо, Из Которого Вылупится Вселенная. — Она посмо-

трела на всех нас, восторженно улыбаясь.— Вот что такое кубик. Это инкубатор вселенной.

— Интересно, уж не нашей ли,— задумчиво протянул Роланд.

Прошла еще неделя.

Потом еще одна.

Дни были бесцветные, скучные, их можно было различить только по каким-то новым фрагментам беседы или крохотному событию. Я не могу вспомнить их, кроме весьма немногих.

Однажды Сьюзен сказала мне:

— Я знаю, ты все еще любишь Дарлу. Я знаю, что это не имеет ничего общего с тем, что она ждет ребенка. Вы двое... не знаю. Вы предназначены для чего-то. И это что-то больше вас обоих, сильнее.— Она сморщила нос.— Звучит, правда, совсем мелодраматически. Ей-богу, не знаю, как можно это правильно выразить.

Я спросил:

— Это говорит та Сьюзен, которая исповедует телеологический пантеизм?

Она закинула руку мне за голову, нагнула мое лицо к себе и поцеловала меня.

— Это говорит та Сьюзен, которая тебя любит.

Был еще день, когда Дарла обронила за столом мимолетное замечание, которое нам обоим показалось таким смешным — не могу вспомнить, что такое это было, — и мы хохотали над ним так, как давно не хохотали. А когда мы наконец угомонились, щеки у нее горели, лицо лучилось радостью, а глаза сияли, в них словно горело по свечечке, которые зажигаются только тогда, когда на сердце весело.

И потом Лори заставила меня почувствовать себя страшно старым, когда сказала мне, что я напоминаю ей ее дедушку, который воспитывал ее до тех пор, пока ей не исполнилось пять лет, и которого она ясно помнила. (Правда, под нажимом она призналась, что дедушке было всего-навсего около тридцати восьми лет, когда она родилась.)

А потом грызня, которую затеяли Волошины из-за зубной щетки. Поскольку их личные вещи все еще оставались в их машине, им не хватало многих интимных вещей. Лайем сделал им щетки из щепочек, запас которых был у него в трейлере, а саму щетину придумал сделать из очень жесткого синтетического волокна. Откуда он его взял, так и осталось неизвестным. Юрий потерял свою щетку, а Зоя отказалась делиться с ним своей, при этом отругав его как следует за его безалаберность. Они не разговаривали потом три дня.

Один из людей Мура как-то стал вызывать кого-нибудь на дорожной частоте Космострады. Бог знает почему, и почему

ему показалось, что с ним хоть кто-то захочет разговаривать — по-моему, это был Краузе, но я могу и ошибаться, — он почему-то спросил у нас, как у нас с едой. Я спросил в ответ, как у них с едой. Он сказал, что еда подходит к концу. Я ему ответил, что искренне надеюсь, что то, что у них осталось, заражено ботулизмом. Он поблагодарил меня и отключился. Он не стал вызывать нас снова.

Сьюзен и Дарла вроде как заключили неписаное перемирие. Сьюзен что-то пошутила, и Дарла рассмеялась. Сьюзен нерешительно посмотрела на нее и тоже рассмеялась. Потом они стали смеяться вместе. Все же они сохраняли уважительную дистанцию в отношениях. Они обе оставались настороже.

Потом Рагна как-то высказался:

— О, Джейк, мой друг, я печально рассматриваю теперешнюю ситуацию и нахожу ее недостойной даже экскрементов быка.

Джон, который просидел битый час с кубиком на ладони, глядя на него во все глаза. А потом он поднял взгляд на меня и спросил:

— Разве такое возможно? Разве такое может быть?

Я ему не ответил.

Как-то я зашел в кабину и нашел там Роланда на его излюбленном посту, где он глядел, не отрываясь, в инопланетную ночь.

— Джейк, подойди-ка, посмотри на это.

Я уселся на водительское сиденье.

— Что такое?

— Посмотри на небо.

Я посмотрел. Звезд на небе было очень мало, а с одной стороны неба их вроде как не было вовсе.

— Мы на краю Галактики, — сказал Роланд. Он указал вправо. — Вон там уже начинается межгалактическое пространство. Ничто. Теперь посмотри туда, где звезды. Видишь за ними блистающее облако? Это край галактического диска.

Я увидел своими глазами и согласился.

— Мы все время пролетали через планеты. Иногда по обе стороны есть звезды, тогда невозможно определенно что-то обнаружить. Но эта планета принадлежит звезде на самом краю Галактики.

Мне подумалось в этот миг, что телеологиисты должны культивировать чувство неизбежного. Чувство судьбы. Лицо Роланда прямо-таки сияло этим чувством, и он озарил меня улыбкой человека, который наслаждается тем, что встретится с неизбежным.

— Вот оно, Джейк, — сказал он, — мы ехали по ней все это время. Мы на Космостраде Красного Предела.

Я торжественно посмотрел на него и кивнул.

— Я знаю,— сказал я.— И на нашей скорости, по-моему, у нас не займет много времени, чтобы доехать до конца дороги.

Глава двадцать вторая

Примерно через четыре недели после начала путешествия «дорожные жуки» согнали нас на обочину для того, чтобы мы остановились и передохнули. Может быть, это и нельзя так называть, но сделано это было для того, чтобы люди с Высокого Дерева могли бы похоронить Кори Уилкса. Видимо, напряжение и мучения путешествия оказались ему не по силам.

Однако они его не хоронили. Нам пришлось заняться этим.

Мы остановились посреди самого красивого пейзажа, который я когда-либо видел. Это могла даже быть сама Земля— так красиво там было.

— Может быть, так оно и есть,— сказал Роланд.— Мы же понятия не имеем, где мы находимся: в пространстве или во времени.— Он показал на горную цепь, чьи снежные шапки виднелись над горизонтом.— Это вполне могут быть Пиренеи два миллиона лет назад. Или Аппалачи.

— Я бы охотно заключил пари,— сказал Юрий,— что мы куда дальше. Собственно говоря, на много миллиардов лет. Это может быть планета или звезда, которая жила и погибла за миллиарды лет до того, как солнце Земли засветилось в глазу вселенной.

— Эй, они выходят!— завопил Карл.

Шон примчался в кабину с кучей оружия, но люди, которые вышли из машины Мура, не могли даже попытаться на нас напасть. Толстяк Джофф и двое других тащили вялое тело Кори Уилкса. Они бросили его, словно кучу мусора, примерно в метре или двух от обочины, потом вернулись в свою машину и захлопнули люки. Мне хотелось бы знать, по своей ли воле они так поступили или по приказу «дорожных жуков».

Я вызвал их по радио и спросил:

— Он начал уже потихоньку попахивать,— сказал мне толстяк.— Поэтому мы попросили разрешения открыть люки и выкинуть его, пока едем. А вместо этого «жуки» остановились.

— Они вам ответили?

— Нет, они просто остановились, и мы обнаружили, что можем открыть люки.

— Ладно, спасибо.

— Порядок, не за что.

— А разве «жуки» не боялись, что люди убегут? — спросил Роланд.

— Куда, скажи на милость? — спросил Шон, показывая на бескрайние пространства роскошных лугов, меж которыми там и сям вздымались купы деревьев. Все это выглядело весьма привлекательным и манящим, но делать там особо было нечего.

— Верно.

— У этих патрульных существ должен быть свой разум, — заметила Зоя.

— У них есть приказ позаботиться о нас, — сказала Лори так, словно знала, в чем дело.

— Кто? — спросил я.

— «Жуки» получили такой приказ. Им велели доставить нас в порядке и в добром здравии. А ведь вонючий труп просто так лежать не оставишь, правда же?

— Хм-м-м-м, — ответил я и стал над этим думать. Потом спросил: — А кто дал им такой приказ, Лори?

Она посмотрела на меня и нетерпеливо сказала:

— Конечно, строители Космострады. — Она покачала головой. — Ей-богу, Джейк, иногда ты просто немного хромой на голову. Разве ты не понимаешь, что мы мчимся на встречу с ними? Куда, по-твоему, эти «жуки» нас тащат — на пикник, что ли? — она закатила глаза в преувеличенном отвращении к моим умственным способностям. — Шиш!

— А-а-а, понятно.

Мы смотрели на бледное тело Уилкса.

— Не можем же мы оставить его тут просто так на корм местным стервятникам, — сказал Сэм. — Как-то это нехорошо.

Это потрясло всех, включая меня, но никто не откомментировал это высказывание.

— Ты действительно так думаешь? — спросил я неуверенно и неохотно.

— Послушай, насколько это касается меня, так я считаю, что Уилкс был самой низкой формой жизни, которая только встречается в природе. Но все-таки, черт побери, он был человеческим существом, и если он заслуживает гореть в аду — а этого он точно заслуживает — то, значит, он заслуживает и нормальных похорон, по крайней мере, таких, какие мы можем ему устроить.

Сэм бормотал что-то себе под нос, потом сказал:

— Кроме того, мне кажется, мы должны это сделать хотя бы потому, что мы лучше, чем он был.

— Ладно, может статься, что мы в любой момент можем тронуться дальше, но давай попробуем посмотреть, позволят ли нам «жуки» его похоронить, — сказал я.

Я нагнулся к микрофону.

— Привет, ребята. «Жуки» или как вы там себя называе-

те. Мы хотели бы получить время и возможность совершить церемонию погребения. Поняли? Мы хотим вырыть яму и положить его туда. Такой у нас обычай.

— Говори на интересном, балда,— обругал меня Сэм.

Ответ пришел удивительно быстро.

— РАЗРЕШАЕТСЯ.

И ответ был по-английски.

— Вот черт,— сказал Сэм.— Когда эти штуки перестанут меня удивлять?

Юрий сказал:

— По-моему, они ждут, когда кто-нибудь выйдет и сделает это.

— Может быть.

Карл потянул за ручку на левом люке. Он распахнулся, впус- тив воздух, словно крыло чайки на ветру сладкого аромата.

— Никто не подумал проверять воздух, когда те два типа выбрались наружу,— сказал он.— Все двери были открыты все это время.

Мы выбрались наружу и нашли там Рагну и Они, которые как раз выходили из своего автомобиля с видом усталым и по- мятым. Они ехали на чем-то вроде пузыря на колесах, в кото- ром было очень мало места для движения. Если учесть то время, которое они там провели, это должно было быть для них сущим адом. Однако, невзирая на все лишения, они оста- вались непобедимо веселыми.

Рагна потянулся и несколько раз глубоко вздохнул.

— Ах, вот это похоже на то тело, которое у меня было не- когда, до того, как я вселился в эту большую оболочку, которая мне принадлежит, как кажется, уже множество лет.

Они улыбнулась.

— Я все еще надеюсь, что нам будет дано время, за которое мы сможем устранить все наши мучительные боли в затекших мышцах.

— Все зависит от того, что у тебя затекло, Они,— отве- тил я.

Она кивнула, потом сообразила.

— А, это шутка,— она вежливо улыбнулась.— Очень смеш- ная.

Я рассмеялся. Они мне очень нравились.

Потому мы похоронили Кори Уилкса. Я нашел старый взрывательный патрон в оружейном шкафу. Такие патроны мы используем, например, для расчистки заваленной проселочной дороги, когда едем с грузом, хотя мне не было повода исполь- зовать такие патроны уже долгое время. Я нашел неплохое ме- стечко неподалеку от дороги и взорвал в земле неплохую дыру. Шон помог дотащить туда тело. Прежде чем бросить Уилкса в дыру, я посмотрел на него. Голые синие ноги, белые пижам- ные штаны, перевязанная бинтами грудь, багровые губы и уши,

совершенно растекшиеся черты лица и раздувшийся живот, который уже давал знать, что начался процесс разложения. Он совсем не походил на грозного противника, которым я его знал.

— Наверное, надо сказать какие-нибудь подходящие слова, — сказал Шон.

— Если хочешь, валяй, — ответил я. — Может, тебе есть что сказать, Сэм?

Сэм заговорил по ключу.

— Не хочется что-то, сваливай его в яму.

— Я этого человека не знал, — сказал Шон, — кроме как понаслышке, хотя я видел следы его деятельности в том, что сделали с Карлом, и в том, что пытались сделать с нами эти веселые наемники. Тем не менее...

Он на минуту закрыл глаза, потом открыл их и произнес:

— И сказал Каин Господу: «Наказание мое слишком велико. Ты изгоняешь меня ныне с лица земли, и от очей твоих буду я сокрыт. И буду я беглецом и скитальцем на земле, и кто увидит меня, убьет меня». Но сказал ему Господь: «Нет! Кто убьет Каина, тот семижды будет наказан». И отметил Господь Каина печатью так, чтобы никто, увидевший его, не смел его убивать. И пошел Каин, и остался в земле Нод, что к востоку от рая.

Тут Шон перекрестился. Он улыбнулся и сказал, пожав плечами:

— Я не уверен, что это было подходящим текстом, но, по моему, прозвучало вполне подходяще.

— Было просто здорово, — сказал Сэм. — Лучше, чем он заслуживал. Это ведь в переводе короля Джеймса, да?

— Единственный вариант, который я знаю, — ответил Шон.

Я вздохнул.

— Ну что же...

Мы бросили Уилкса в яму. Я использовал еще один патрон, чтобы вдребезги разнести скалу. Джон и остальные, которые присматривались на расстоянии к тому, что мы делали, подошли, и помогли нам притащить побольше кусков, чтобы покрыть Кори Уилкса. Мы примерно на три четверти заполнили дыру, чтобы она напоминала как бы провалившийся курган, потом набросали туда земли, которая валялась россышью неподалеку. Все помогали, кроме Дарлы, и я не мог ее за это порицать.

И на том все кончилось. Мы стояли вокруг, не очень-то скорые на то, чтобы снова залезть в наши машины, нашу путешествующую тюрьму. Я не очень боялся, что Мур что-нибудь выкинет, потому что вокруг были «дорожные жуки».

Дарла смотрела куда-то в пространство.

— Если на свете есть рай, то, по моему, он должен быть похожим на это место.

Я огляделся кругом. Это была самая похожая на Землю планета, которую мне когда-либо доводилось видеть.

Я мог бы поклясться, что деревья вон в тех, ближних зарослях, были сосны Дугласа. Небо было совершенно голубым, покрытое пушистыми облачками. В воздухе были знакомые запахи, высокие травы были совершенно зелеными, они покачивались на приятном тихом ветерке. Чистый прозрачный ручеек струился в ложинке слева. На дальнем его берегу поднимался мягкий холм — замечательное место для фермы, просто очень милое место.

— Тут чувствуешь мир и покой, — сказала Дарла.

Я смотрел на нее. Потом она стряхнула с себя свои мечты, ответила мне странной улыбкой и отошла прочь.

Винни и Джорджи просто веселились, гоняясь друг за другом по траве, как дети, — да они и были дети, в своем роде.

— Мы приехали домой! — сказала Винни, когда мы спросили ее, куда, по ее мнению, нас везут.

— Домой! — отозвался, как эхо, Джорджи.

Все недоумевали, что они имеют в виду.

Час прошел очень быстро.

— Ладно, ребята, — сказал я. — Наверное, нам надо собираться обратно. «Жуки», наверное, совсем потеряли терпение.

Стоны и охи. Но все послушно залезли обратно.

Прежде чем влезть самому, я посмотрел на несколько машин Мура. Они все это время завистливо смотрели на нас через свои иллюминаторы. Видимо, их двери были запечатаны «жуками» после того, как они выбросили тело.

— Ах, как нехорошо, ребята! — проорал я им. — Будьте пайныками, и вам тоже дадут погулять на следующей перемене.

Они ответили мне озадаченными взглядами. Чего-то он там такое говорит?

Мы увидели процесс на безжизненной планете с тонюсенькой атмосферой двуокиси углерода. Вокруг нас простирались бесконечные равнины оранжевой грязи до самого горизонта.

Мы увидели, как команда «жуков» — дорожных рабочих создала и пустила во вращение цилиндр.

Это было примерно через неделю после нашей остановки. У нас пока не кончилась еда, но большая часть вкусенького уже была съедена. Мы решили, что Муру и его команде куда хуже в этом отношении. Мы получили от них несколько отчаянных вызовов.

Приехав на эту планету, мы обнаружили несколько «жуков», которые раскатывали вокруг, таща странное оборудование, и вообще сновали взад-вперед по дороге. Там, где должен был бы быть портал, скопилось еще несколько машин.

Наши «жуки» согнали нас на обочину неподалеку от дорожных рабочих. Там, на равнине, что-то происходило. Появилась серая тень цилиндра, сперва зыбкая, которая постепенно

стабилизировалась, приобрела вес и солидность. Тень все сгущалась и сгущалась, становясь чернильно-черной стрелой, устремленной в небо, на этой планете оранжевое. Постепенно цилиндр приобрел знакомые очертания, то есть не очертания даже, а цвет — словно черный бархат в безлунную темную ночь.

Мы смотрели, разинув рты.

Юрий, однако, был в восторге.

— Я был прав! Черт побери, как же я был прав! Они же сделаны из чистых виртуальных частиц! Эти проклятые штуки даже не существуют!

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Джон.

— Я не имею ни малейшего понятия о том, как это делается, но эти объекты поддерживают свое существование от микросекунды к микросекунде. Нет, я не так сказал. Интервал во времени должен быть гораздо меньше. Может быть, масса, которая составляет цилиндр, существует только тогда, когда инкремент меньше предела Планка, меньше времени, чем надо, чтобы пересечь диаметр протона. Но стоит соединить эти крохотные интервалы времени вместе — и вы получаете массу, которая имеет виртуальное существование. Все дело в том, что именно происходит в этом крохотном интервале времени. Законы нашего континуума, разумеется, тут не действуют абсолютно. Можно в виртуальной действительности создать совершенно новый класс материи и установить совершенно новый комплекс законов. Можно сделать все, что угодно, при условии, что это происходит в очень кратком промежутке времени. Наша вселенная в этот момент должна как бы отвернуться. Это очень похоже на ученика, который корчит наглые и безобразные рожи, когда преподаватель отвернулся. Он немедленно становится образцовым учеником, как только учитель поворачивается, чтобы засечь безобразника за этим занятием.

— Мне кажется, я понимаю, — сказал Джон. — До некоторой степени.

— Не скажу, что это очень просто, — продолжал Юрий, — но самое важное, что нужно понять во всем этом, — как раз то, что созданная таким образом масса должна обладать принципиально новыми гравитационными характеристиками. Вот каким образом гравитационные поля вокруг цилиндров могут быть рассчитаны и смоделированы таким образом, чтобы не мешать гравитационным законам планеты, на которой они расположены. И вот каким образом зона их воздействия может быть так ограничена. Может быть, именно таким образом поле отрезается на уровне дороги и в нескольких сантиметрах от земли.

— Довольно гладко, — заметил Сэм.

Юрий рассмеялся.

— Да-да, так оно и есть.

Я сказал:

— Все вечно гадают, что же произойдет, если машины, которые поддерживают существование цилиндров, внезапно испортятся.

— Вот именно, — ответил Юрий. — А ответ такой — цилиндр просто перестанет существовать. Они не более, чем проекции, словно картинки художественного фильма. Если выключить проекторы, они просто исчезнут.

— Но они в каком-то смысле реальны, — сказал Роланд. — Разве нет?

— В каком-то смысле, — ответил Юрий. — Если брать кадр за кадром, на каждом безгранично маленьком промежутке времени — они просто не существуют. Но если взять их как прогрессию серийных эпизодов в блоке реального времени — то у них есть виртуальное существование. Виртуальное — то есть у них есть определенные качества и суть, но они не находятся в текущей действительности.

Зоя сказала:

— Поздравляю тебя, Юрий. Твои теории бьют без промаха в десятку.

Это было сказано не завистливо, но холодно.

Улыбка Юрия погасла.

— Спасибо, Зоя. Над книгой, разумеется, мы будем работать вместе. — Выражение его лица стало мрачным. — Если бы только была хоть какая-то возможность выбраться и воспользоваться нашими инструментами.

— Жаль, — сказала Зоя.

— Как по-твоему, где расположены машины, которые поддерживают существование цилиндров? — спросил Юрий Лайем.

— Наверняка они под землей возле портала. Может быть, даже в самом плотне дороги.

Я кивнул.

— Как выразился Сэм, все очень гладко.

В конце концов мой взгляд приковало нечто иное. Я сперва не заметил этого явления по вполне понятным причинам, но возле левой обочины было круглое пространство, покрытое таким же материалом, как и сама Космограда, связанное с дорогой небольшим переходным участком.

Наша процессия снова тронулась в путь. Ведущий «жук» резко свернул на переходник, выволок нас на середину залитого дорожным покрытием круга и остановился. На дороге, вернее, вдоль нее были еще несколько таких же круглых пространств, расположенных на равном расстоянии друг от друга. Как и это пятно, они были ровного серебристого цвета.

— Нас что, загнали в тупик? — поинтересовался Сэм.

— Угу, — ответил я. — Набрать угля и воды.

Мы ждали примерно десять минут. Мы выглядывали в ил-

люминаторы по правому борту, но на равнине возле портала ничего не происходило.

И вдруг стало происходить нечто очень странное.

Мир начал крениться.

Это не мы кренились, вернее, нам казалось, что не мы. Все казалось нам абсолютно нормальным, мы чувствовали себя так, словно оставались на ровной поверхности. Именно земля стала вдруг уходить из-под нас. Глядя прямо перед собой, мы видели небо. Земля словно бы наклонилась под углом в сорок пять градусов от диска — но, разумеется, это именно диск наклонялся вверх.

— Пристегнуться всем,— завопил я.— Просто на всякий случай!

— Джейк! — завопила Сьюзен.— Что случилось?

— М-м-м... сдается мне, мы вот-вот взлетим!

Так оно и получилось.

О, так оно и получилось, еще бы!

Планета словно отпала от нас. Ускорение, с которым мы мчались, должно быть, составило сотню единиц. Мы ничего не слышали.

— Сэм, ты регистрируешь изменение воздушной скорости?

— Никакой.

Разумеется, иначе и не могло быть.

— Может быть, если вокруг нас есть какое-нибудь силовое поле, за нами есть какой-нибудь след от него?

— Есть, ты совершенно прав.

Наконец небо померкло, и перед нами появился вогнутый диск планеты. Перед нами небо превратилось в черную бездну, кое-где посыпанную звездами. Мы были в космосе, вот так, за здорово живешь.

— Невероятно,— пробормотал Юрий.— Абсолютно...

По мере того, как мы удалялись от планеты, наше ощущение скорости, вызванное тем, что мы видели, прекратилось. Мы немного повисели над планетой, нас все время сносило как бы вправо. Все еще гигантский, но все уменьшающийся оранжевый диск планеты занял все правые иллюминаторы. Потом мы помчались прочь от солнца, на затененную сторону планеты.

Лицо Роланда сияло восторгом. Его восточные глаза сузились до еле видных щелочек. Он выглядел совершенно безумным.

— Космический корабль! — выпалил он и рассмеялся совершенно маниакальным смехом.

— Ага, здорово,— сказал я.— Иисусе Христе, Роланд, поспокойнее. Не принимай этого так близко к сердцу.

Все остальные молчали, потрясенные до мозга костей.

Планета превратилась в яркий блестящий полумесяц и упала за пределы видимости. Не помня никаких законов физики в том смысле, как их принято понимать, наш волшебный кос-

мический корабль, наша машина, нес нас с невероятной скоростью в глубокий космос. Мы были словно мясо на подносе на этом серебристом диске. Планета переместилась направо, резко и быстро уменьшаясь, и к тому времени, когда я включил экраны заднего обзора, она превратилась в крохотную точку, которая пульсировала на темном ночном небе. Потом она исчезла.

— Сэм, можешь ты хотя бы приблизительно определить, с какой скоростью мы несемся?

— Пытаюсь,— ответил он. Прошла минута, потом он продолжал: — Ты не поверишь. Я сам не могу в это поверить. Мы так быстро набираем скорость, что я не могу даже назвать тебе числа. Считай, что зное количество миллионов километров в секунду, и мы все еще разгоняемся.

— Карл,— сказал я,— твое летающее блюдце было похоже на то, на котором мы сейчас летим?

— Не-а, но готов поклясться, что оно летало так же быстро, как и это.

— Я должен попытаться сориентироваться по звездам,— сказал Сэм.

Теперь иллюзия скорости пропала, поскольку не было никакой возможности визуально сопоставить ее с какой-либо точкой отсчета. Но даже звезды, словно отдаленные декорации, казалось, слишком быстро перемещались, пока мы пролетали мимо. Если Сэм не ошибся в расчетах, то мы должны были покинуть пределы местной солнечной системы и выйти в межзвездное пространство через несколько часов, максимум через день.

— Иисусе Христе,— это все, что мог сказать Шон, выглядывая в иллюминатор.— Иисусе Христе.

— Ну ладно, экипаж,— сказал я,— что вы обо всем этом думаете?

— Если «жуки» могут летать,— подивился Карл,— то почему они ездят по Космостраде?

— Хороший вопрос,— ответил я.— Но я никогда не сомневался, что «жуки» могут делать все, что им заблагорассудится. Наверное, они держатся Космострады по их собственным, им одним понятным соображениям. А они... кто знает, какие они.

— Звезды,— сказал Юрий, наклонившись вперед на своем сиденье и глядя из переднего иллюминатора.

Звезды впереди приобретали явный фиолетово-голубой оттенок, и прямо перед нами они начали исчезать.

— Мы приближаемся к скорости света,— сказал Юрий. Он вздохнул и откинулся назад. Выражение лица у него было не то озабоченное, не то перепуганное.— Может быть, я просто теряю здравый смысл. Схожу с ума.

— погоди, не сходи,— ответил ему я, но я понял, что он имеет в виду. Человеческий разум в состоянии воспринять то-

лько ограниченное количество чудес, прежде чем он начинает проситься в отпуск. Все это путешествие было просто одним длинным нападением на здравомыслие, и наши мозги отказывались воспринимать дополнительную информацию.

— У кого-нибудь есть какие-то соображения,— спросил я,— насчет того, куда нас везут и почему?

— Мне-то казалось, что мы до дыр истрепали этот предмет за последний месяц,— ответила Сьюзен.— Разве нет? Я хочу сказать, что сперва мы считали, что нас тащат в тюрьму, построенную «дорожными жуками», затем думали, что обратно, в земной лабиринт, потом посчитали, что к строителям Космострады, а теперь... Господи, да как можно строить какие-то гипотезы? Что строителям дороги делать вне Космострады?

Джон сказал:

— Мне кажется, что в этом месте нам придется избавиться от всех обычных предположений, которые когда-либо выдвигались относительно Космострады и тех, кто мог ее построить. По крайней мере, мне всегда казалось, что ни одно из объяснений не было достаточно удовлетворительным.

— Вот именно,— сказал Юрий.— Всегда почему-то считалось само собой разумеющимся, что Космострада — это дело рук какой-то исчезнувшей цивилизации. Но только подумайте! У нас есть система дорог, которая ведет в никуда. Вдоль нее нет никаких руин или городов, которые показывали бы, что эта дорожная система когда-либо использовалась теми, кто ее построил. На ней всегда были патрульные машины. Но теперь мы знаем, что это не патрульные машины, а патрульные существа своего рода. Джейк, мне кажется, сказал лучше всех, когда он сравнил их с чиновниками. «Дорожные жуки» были созданы для того, чтобы дорога всегда оставалась проезжей и относительно безопасной... для нас же. Я всегда считал, что Космострада была построена для того, чтобы сократить невозможно большие расстояния, которые разделяют разумные расы во вселенной. И больше ни для чего.

— Но почему мы сейчас сошли с дороги? — спросил Джон. Юрий пожал плечами.

— Мы же увидели, все это видели, как Космострада породила новый цилиндр.

Джон кивнул.

— Разумеется. Он все еще сооружается.

— Мы на объездной дороге,— вставила Сьюзен.

— Очень хорошее сравнение, Сьюзен,— сказал, улыбнувшись, Юрий.

Джон нахмурил лоб и приставил длинные пальцы к вискам. Он потерял виски, словно пытаясь избавиться от назойливой мысли или головной боли.

— Так все перепуталось,— пожаловался он,— послушай. Ты только что сказал, что Космострада никуда не ведет. Но мы

только что провели почти месяц на Дороге Красного Предела. Я понятия не имею, куда мы можем направляться, но мы наверняка куда-то направляемся, и мне все время кажется, что Космострада Красного Предела была построена исключительно для того, чтобы нас туда привести.

Юрий наклонился вперед и подпер подбородок руками, брови его озабоченно подергивались.

— Да,— сказал он,— да, кажется, что все именно так, правда? Ты совершенно прав, Джон, и мне приходится признать, что это совершенно подрывает мою теорию.

Он резко выпрямился и ударил себя кулаком по бедру.

— Но, черт возьми, если строители дороги хотели, чтобы люди поехали по предписанной для них дороге, почему же они не сделали эту дорогу такой, чтобы всем было ясно, что по ней надо ехать? Зачем эти тупики, эти закоулки, неясность, непонятность, вся страшная проклятая путаница?!

Пока он говорил, все накопившиеся мучения последних двух лет и скука и неуверенность последних четырех недель восстали в нем из того места, где они прятались, где они варились и тушились в собственном соку под давлением, пока не настало время выпустить пар.

— Черт побери все это, я провел полжизни, пытаюсь найти какой-то основной принцип, какой-то след, зацепку, пытаюсь пролить хотя бы лучик света на всю проблему, и все время это было похоже на то, как если бы я просто бился головой о дорогу. Иногда мне кажется, что я просто был дураком — но это не имеет значения. Это был мой добровольный выбор — я его сделал, и мне с ним жить. Но вопрос-то все еще остается! Он не пропал никуда и никуда не ушел. — Он ударил кулаком по подлокотнику, а голос поднялся до крика. — Если эти долбаные строители Космострады хотели, чтобы мы ехали по их гребаной дороге... — Он стал все сильнее колотить по креслу. — Почему же, чтоб им всем гореть в АДУ, они не дали нам хоть какой-нибудь КАРТЫ?!

Последний удар по подлокотнику едва не отломил его.

После грозной паузы Сэм стал смеяться. И это завело нас всех.

Юрий посмотрел на нас всех, обвел нас широко раскрытыми глазами. Потом он быстро обмяк, а гневная краска в его лице перешла в краску стыда. Он откинулся в кресле в полной беспомощности и тоже начал смеяться.

Мы провели примерно две минуты в диком хохоте, пока не протрезвели, сообразив, что Юрия от смеха стало заносить в истерические слезы. Зоя встала, зашла ему за спину и стала массировать ему плечи, гладить по спутанным волосам.

Юрий вытер глаза затрепанным, грязным рукавом.

— Простите меня,— сказал он, и голос его прерывался от раскаяния. — Друзья мои... вы должны меня простить...

— Тут нечего прощать, Юрий,— сказал я,— ты имел право на такой взрыв, и настало время, когда ты воспользовался своим правом.

— Все же, я хотел бы извиниться за свой взрыв...— он с трудом улыбнулся.— И за то, каким языком я пользовался.

— Ну, тут ты не сыщешь девственных невинных ушек,— ответила Сьюзен.

Она на миг задумалась.

— Разумеется, таким образом я никогда не пробовала...

Это снова заставило нас расхохотаться, и на сей раз смех Юрия был настоящим весельем.

Когда мы снова пришли в себя, Шон поднялся с пола, поправил на себе свой черный свитер, похлопал себя по животу, который резко уменьшился за последние несколько недель.

— Я голокую за жратву,— сказал он.— По крайней мере, за то, что от нее осталось. Что вы на это скажете, солнышки мои?

— Я не голодная,— сказала Зоя.— Разве что водички попить.

— Зоюшка, ты просто поешь,— сказал Юрий.

— Это хорошо для души.

— Зато не столь хорошо для тела, Зоя,— сказал я.— Тебе надо есть. Пойдем, мы пока что не дошли до того, чтобы сесть на голодный паек.

Она пожала плечами, потом посмотрела на меня и сдалась.

— Ты прав, наверное, мне надо поесть. Просто у меня совсем пропал аппетит. А когда я ем, мое пищеварение ведет себя просто кошмарно. Даже боли появились.

— Как насчет Винни?— вмешался Роланд.

Это не связанное с предыдущим разговором замечание всех остановило. Карл спросил:

— Что ты сказал, Роланд?

— Как насчет карты Винни и Джорджи? Разве теперь не понятно, что их нам просто подкинули? Может быть, есть другие расы, другие почти разумные животные, которые что-то знают о карте. Тысячи, миллионы рас, которые рассеяны по всей Космостраде вот так. Все сходится.

Он ударил кулаком по ладони, выпитив губы. Он находился где-то в мире собственных мыслей.

— Все сходится.

Юрий готов был снова вернуться к предыдущей беседе.

— Да, это значительная возможность, и, собственно говоря, наши исследования опирались именно на этот факт. Но, кроме того, совершенно ясно, что знания Джорджи и Винни весьма ненадежны.

— Угу,— сказал я,— что снова возвращает нас на клетку номер один. Поэтому перестань скрипеть зубами, Роланд, и расслабься. Существует серьезная возможность, что мы никогда не докапаемся в этом вопросе до истины.

Роланду мое замечание не понравилось.

— Я зубами не скрипел.

— Просто такое выражение, — я протянул руку и похлопал его по колену. — Спокойнее. Ладно?

Он слегка расслабился и улыбнулся немного смущенно.

— Конечно. Извини.

— Ничего страшного.

— Я хочу сделать объявление, — сказал Сэм.

— Валяй, — ответил я.

— Мы только что перешагнули суперлюминальный барьер.

— Это что такое? — спросила Сьюзен.

— Это ученое слово. Означает «быстрее света».

Юрий и Зоя обменялись взглядами. Потом медленная, усталая улыбка поражения появилась на лице Юрия.

— Ну что же, мы знали, что у «дорожных жуков» есть супернаука. Теперь мы знаем, что у них есть еще и волшебство.

— Сэм, ты уверен?

— Черт, нет. Я не оснащен такими приборами, чтобы проанализировать все нужные данные, но чтоб мне в ад провалиться, если все происходящее можно объяснить каким-либо другим путем. Ты можешь рассмотреть снаружи какие-нибудь звезды?

Я посмотрел. Просто черное голое пространство.

— Ох ты. Не вижу звезд.

— Что и требовалось доказать. Я смотрел, как они исчезали, но они не просто исчезали, они сошли по эффекту Доплера.

— Что такое он говорит, Джейк? — спросил Джон.

— Мне кажется, я догадываюсь.

— Я не могу по-настоящему объяснить все это, — сказал Сэм, — у меня нет таких знаний и возможностей, чтобы перевести все это на нормальный язык. Не так я запрограммирован. Я могу сказать вам цифры, но вам их не требуется.

— Сэм, — сказал я. — Это радиация, это излучение. Я насчет этого думал. Даже на скорости света мы должны были бы врезаться в случайные атомы водорода со страшной энергией. Они просто бы поджарили нас. Какой у тебя уровень на счетчике?

— У меня на счетчике нет никаких высокоэнергетических частиц, но я засекаю очень высокочастотные фотоны, примерно раз в секунду. Что, собственно говоря, не представляет собой слишком большой угрозы для здоровья.

— Ты говоришь, ты засекаешь их на скорости, большей скорости света?

— Нет-нет-нет, разумеется, нет. Свет, который проносился бы со скоростью выше световой? Положение еще не до такой степени чокнутое. Я говорю, что в прошлом эти маленькие мерзавчики были звездным светом.

— О-о-о...

— Мне вот как кажется. Мы только что пересекли световой барьер. Никакого гиперпространства, никакого пятого измерения, никакой такой чепухи. Мы просто движемся быстрее света.

— Ох,— сказал я снова, не зная, что еще добавить.

Сьюзен была совершенно сбита с толку.

— Так ведь это, как говорят, невозможно?

Мы все посмотрели на нее.

— Я просто хотела помочь,— сказала она неловко.

— Давайте поедим,— ответил я.

Наше путешествие в космосе продолжалось три дня. Мы проводили это время примерно так же, как и раньше: ели, спали, занимались своими личными делами, играли в карты, играли в шахматы. (Сэм взял нас всех и вызвал на турнир — разумеется, он победил всех участников одной левой. «Это не я, это мои игровые файлы», — сказал он скромно.) Мы читали, болтали, хотя все это постепенно сошло на нет. Мы обсудили уже все, что можно, и у нас уже не осталось материала для легкой светской болтовни. Мы решили не рассказывать друг другу своих биографий. Карл все еще очень сдержанно относился к тому, чтобы рассказать все про свое САМИ ЗНАЕТЕ ЧТО, но он сказал, что собирается с духом.

Сэм в конце концов признался мне, что перестал пытаться вынести какой-либо смысл из того материала, который поставляли ему его приборы. И очень скоро он вообще перестал получать от своих датчиков информацию.

— Там просто ничего нет, как я понимаю,— сказал он.— Я не готов к радиоастрономическим замерам, поэтому нет смысла даже пытаться делать какие-то построения и умозаключения.

Как-то утром во вторник... Собственно говоря, это был вторник, четырнадцатое марта — по крайней мере, это было там, на маленькой голубой планете, где БЫЛ вторник. Это было, может быть, миллионы лет в прошлом или в будущем, кто знает. По крайней мере, где-то около вторничного утра мы заметили впереди что-то. То есть, Сэм заметил через световувеличитель. Я посмотрел в окуляр. Ничего, кроме слабого потока света. Через пару часов, однако, он сделался ярче.

— Звезда? — высказал предположение я. — Это означало бы, что мы не превзошли скорость света, так ведь?

— Мне тоже так кажется. Собственно говоря, судя по голубому сдвигу, я бы сказал, что мы движемся примерно чуть медленнее нуля целых девяти десятых и снижаем скорость.

— Стало быть, мы прибываем на место?

— Ну, если рассудить, что кругом ничего более примечате-

льного нет, наверное, это и должно быть то самое место... так мне кажется.

— Хм-м-м-м.

— Только вот никакой, даже самой завалящей звездочки, нет,— сказал Сэм.

— Что же это такое?

— А черт его знает...

Я снова сел на водительское сиденье.

— Из того, что нам говорил Юрий, выходит, что мы сейчас находимся на миллиарды лет назад по отношению к развитию нашей вселенной, причем невозможно сказать, на сколько миллиардов в прошлом. Наверное, мы попали в настолько далекое прошлое, что даже звезды тогда еще не существовали. Может быть, то, что мы видим — это квазар.

— Нет, если ты настроишь по вот этим данным эту вот штуковину, то увидишь, как должен выглядеть квазар.

Я направил телескоп как следует и посмотрел. В фокусе оказалось мутное светящееся пятнышко с ярким хвостиком, отходящим от него в сторону.

— Угу, вот так они вроде бы и должны выглядеть — по крайней мере, некоторые из них. Но ведь он должен быть гораздо ярче, а? Я хочу сказать, что, если мы находимся сейчас в таком времени, когда формировались квазары, мы должны быть к ним гораздо ближе, и...— я снова сел на место.— Господи, что такое я несу. Я знаю по астрономии ровно столько, сколько поместится в заднице у виш.

— Может быть, это не квазар,— сказал Сэм.— Я просто строил гипотезы. Почему бы не спросить Юрия?

— Мы уже три дня капаем ему на мозги. Зое и Они тоже. Они теперь спят,— я на минуту задумался, потом сказал:— Юрий сказал мне, что будь у нас хороший микроволновый ковш, мы могли бы настроиться на фоновое космическое излучение и рассчитать, насколько мы попали назад в прошлое.

— Если бы у нас был хороший микроволновый ковш! — фыркнул Сэм.— Слушай, все это очень забавно, но еще час — и мы будем там. Поэтому давай подождем.

Так мы и сделали.

Когда мы наконец стали различать детали, то странный объект в космосе стал похож на маленькое звездное скопление с очень ярким ядром, которое было немного сдвинуто вбок от центра. Потом оно стало очень странным. Это не было звездным скоплением, это оказалось совершенной сферой, составленной из звезд, а у самой дальней точки было очень яркое пятнышко. Но тут-то и была вся загвоздка.

— Это не могут быть звезды,— сказал Сэм.— Мы к этим штукам слишком близко. Это просто пятнышки света.

— Искусственные объекты?

— Похоже, что да.

Вскоре обнаружилось, что изнутри сферу разделяет на две части плотный диск. Мы смотрели на него почти что со стороны ребра. У него было альbedo планетного тела, и он отражал свет от маленького солнцеобразного диска, который висел почти прямо под поверхностью сферы внутри нее. Наш волшебный космический корабль изменил курс, и диск наконец наклонился к нам. Я схватился за прицел ракетной установки, повернул его на максимальное увеличение и посмотрел в объектив.

На поверхности диска была жизнь.

На нем были коричневые и голубые пятна — континенты и моря. Почти над поверхностью плавали пушистые ватные кусочки — облака. По мере того, как мы приближались, реки, горные цепи, леса вставали перед нами. По равнинам словно расстелили одеяло из лоскутков коричневого, зеленого, желтого цвета. Постепенно проявлялись детали рельефа прибрежного района, пустыни, равнины, участки почти тропических джунглей. Однако вся эта география была словно бы в меньшем масштабе, чем это было бы на настоящей планете. Словно перед нами была планета, но в миниатюре.

— Четыре тысячи километров в диаметре, — сказал Сэм. — Ровно.

— Приятное круглое число.

Звездная сфера была именно звездной сферой. Она была похожа на стеклянный шарик, который покрыли каплями светящейся краски. Однако не все в небесах над диском-планетой вращалось в одной плоскости. Солнцеподобный диск, который освещал планету, висел чуть пониже, кроме того, там были и другие светящиеся точки и даже меньший диск — луна? — которые выглядели так, словно были центрами иных, меньших сфер.

Вся конструкция — а это, несомненно, была искусственная конструкция — выглядела, как средневековое пособие по астрономии.

— Планетарий чертов, — сказал Сэм.

— Это рабочая модель вселенной Птолемея, — сказал Роланд. — Хотя мне кажется, что даже Птолемей принимал сферическую форму Земли, поэтому это смесь земной астрономии с какой-то другой, видимо, инопланетной.

Кроме него никому не хотелось высказывать свои предположения.

Диск наклонился к нам полностью, и мы начали спускаться. Теперь нам было видно, что обратная сторона солнечного диска была совершенно темной.

Через несколько минут мы достигли поверхности звездного шара и поняли, что она практически не существует. Отдельные точки были отдельными звездочками, которые просто вращались на орбитах, расположенных как бы на поверхности шара.

— Что такое, никаких хрустальных сфер? — пожаловался Сэм.

— Ну, их бы ты и так не увидел, если я правильно помню историю астрономии, — сказал Юрий и рассмеялся. — Только представь себе, как ты врезаешься в такую хрустальную сферу и оставляешь в ней дыру.

— Стало быть, все эти странные светящиеся точки всего лишь сателлиты этой более чем странной планеты, — сказал я.

Мы быстро падали на поверхность диска. Солнечный диск, который представился нам темным овалом, когда мы зависли прямо над ним, снова стал ярким и сверкающим, и мы оказались на ярком дневном свету. Невозможно было смотреть прямо на этот диск, словно это было настоящее солнце, к тому же типа того, которое согревает Землю. Звезды исчезли, и над нами появилось голубое небо, которое сперва было в верхних слоях атмосферы темным и холодным, но постепенно, по мере нашего спуска, оно все светлело и теплело.

Поверхность диска была лоскутным одеялом, на котором были представлены все типы поверхности и рельефа. На ней были леса, пустыни, равнины, степи, куски, которые были больше похожи на чужие планеты, странные пейзажи, в которых вообще ничего нельзя было разобрать. Там, внизу, расстилался безумный пестрый плед. Кроме того, перед нами были свидетельства разумной жизни. Теперь я смог разглядеть дороги, хотя их было немного. Какие-то строения, некоторые из них огромные и совершенно необычные, там и сям были разбросаны по равнинам. Я не видел никаких городов, но под нами было зеленое огромное здание, которое, казалось, было расположено в центре диска. Может быть, это был супергород своего рода. Сама эта мысль вызвала у меня мурашки по всему телу.

Это пестрое разнообразие напомнило мне что-то, и сама идея была такой нелепой, что при сравнении ее с теми представлениями об этом месте, какие у меня были раньше, она вызвала у меня неудержимый хохот. Я вспомнил те парки, которые в моем детстве назывались диснейлендами. Я забыл, как они называются сейчас. Собственно говоря, я даже не знаю, есть ли на колонизированных планетах такие парки. Луна-парк — это еще более старый термин, но такие парки назывались и так.

Неужели нас вели на экскурсию в такое вот место?

В любом случае, мы шли на посадку. Я оглянулся назад на свою команду. Мы все были вооружены, включая Лори. У всех на лицах было то же самое выражение: страх, смешанный с ожиданием. Мы все обговаривали то, что придется нам делать в конце путешествия. У нас не было ни малейшего представления, что именно делать в конце этого путешествия, но мы все понимали, что он может оказаться и плохим. Это была одна из возможностей. Конечно, существовала вероятность, что нас встретят и духовыми оркестрами и веселыми толпами

поклонников, а нас назовут бесстрашными первопроходцами. Надеяться никто не запретит. Разумеется, ни у кого не было иллюзий насчет того, что мы сможем защитить себя от строителей Космострады, если они действительно окажутся на этой планете, или же от «дорожных жуков», если это была их родная планета. Но существовал крохотный огонек надежды, что нас могут отпустить, так же, как и Мура и его банду. Мы просто не знали. В любом случае и на каждый случай мы были готовы.

Я посмотрел вниз и увидел знакомое зрелище. Черную ленту Космострады. Стало быть, мы с нее так и не сходили. Просто поехали в обезд, как сказала Сьюзен. Но единственное, чего на этой планете не было — это порталов. Космострада была, и на этом все. Это был Конец Космострады.

Внизу вдоль Космострады тянулись странные строения. Может быть, это были древние руины, которые искал Юрий и все остальные до него. Но, может быть, и нет — с этой высоты они не походили на руины. Здания казались просто необыкновенно разными по архитектуре и удивительными. Что они собой представляли — храмы? дворцы? резиденции? Я надеялся, что нам удастся узнать.

Наш ковер-самолет наконец шел на посадку.

— Ну вот, ребята, и конец, — сказал я. — Каким бы он ни был.

— Я бы не стал так сильно беспокоиться из-за Мура, — попытался нас ободрить Сэм. — Конечно, я буду на чеку, но я сильно подозреваю, что он и его мальчики собираются вести себя как следует. Негоже затевать потасовку пред светлыми очами строителей Космострады, и мне кажется, что даже они не настолько глупы, чтобы попробовать себя вести таким образом.

— Я почти готов тебе поверить, — сказал я. — Но я не стал бы полагаться на этот кусок дерьма.

— Может быть, они померли там все, — сказала Лори. — Мы же ничего от них не слышали, причем давно уже.

— Вот была бы удача, — сказал Джон. — У нас не было ни на грош везения за все это путешествие.

— Мы ведь живы, правда? — сказала Сьюзен. — Это само по себе удача.

— А мы действительно живы? Вот уж не заметил.

Мы пронеслись над дорогой и внезапно остановились, на миг зависнув над полотном, прежде чем мягко опуститься вниз. Тут тоже были своеобразные «шлюзы» вдоль дороги, и наш диск плавно приземлился на один из них. Наша вереница автомобилей теперь могла спокойно выехать на дорогу.

Как только мы приземлились, «жуки» выволокли нас с диска, развернули на Космостраду и остановились. Потом они отделились от нас.

Главный мотор тяжеловоза застонал и завелся. Быстрая

проверка панели инструментов сказала мне, что у нас была полная мощность моторов, и управление нашим оружием снова полностью было в наших руках.

«Жуки» откатывали прочь. Трое из них, которые составляли как бы локомотив, хвостовой вагон и тендер нашего поезда из автомобилей, рванули вперед и быстро исчезли вдаль. Мы остались на свободе.

Но Мур и его банда направлялись в противоположную сторону. Камеры заднего обзора показали, как все четыре машины развернулись и умчались по дороге.

Машина твврррлла поехала следом за ними всеми, хотя погоня была совсем не такая свирепая, как можно было ожидать. Куполообразный верх его машины был непрозрачный, но я вполне мог себе представить, как он оглядывается через костлявое плечо, сведя свои глаза-линзы в максимально точный фокус, чтобы еще раз напоследок увидеть свою священную добычу, пока она не исчезла вдаль, в то время как он вынужден предпринять стратегически правильное, но вынужденное отступление, причем весьма поспешно.

— Видите? — рассмеялся Сэм. — Они больше боятся нас, чем мы — их.

— Это с каких пор? — спросил я. — У них нечистая совесть, вот и все. Они боятся строителей Космострады.

— И я тоже боюсь, — сказала Сьюзен. — Давайте-ка уносить отсюда ноги, и поскорее.

— Что такое? И пропустить возможность пожать руку мэру здешней колонии? — спросил я. — Ни в коем случае, Сьюзи.

Я оглянулся. Сьюзен съехала на сиденье, тонкие руки крепко обхватили плечи, а пистолет, который был ей столь неприятен, теперь был плотно прижат к телу. Глаза ее были широко раскрыты и смотрели тревожно и боязно, а лицо осунулось и напряглось.

Я протянул назад руку, взял ее за плечо и слегка по-дружески встряхнул.

— Как по-твоему, насколько далеко они могут зайти в своем коварстве, солнышко? — спросил я нежно. — А?

Схватив меня за руку, она наклонила голову и поцеловала мою руку.

— Я знаю, — тихо сказала она. — Я знаю. — Она подняла голову. — Просто... мне немного страшно.

— Ничего, всем страшно.

— Знаете, — сказал я наконец, — это высокоскоростная дорога. Нам надо или съехать с нее или двигать дальше.

— И что мы выберем? — спросил Сэм.

— Мне очень не хочется просто так сидеть и ждать. Если наша судьба встретит нас на дороге, давайте поедem посмотрим на нее. Как остальные, согласны? Или будем голосовать?

— Все «за», причем единодушно, поверь мне, Джейк, мальчик мой,—сказал за всех Шон.— Давайте-ка поедем.

— Рагна, ты там нас слышишь?

— Воистину. Я только там вас и слышу.

— Ты хочешь двигаться дальше в своем автомобиле или хочешь присоединиться к нам?

— При том, что я перепуган до такого момента, что готов опорожнить свой мочевого пузырь, думаю, что мы поедем сами. Спасибо за приглашение.

Я тронулся вперед.

Дорога шла по выбоине между двух травянистых холмов. Особо смотреть было не на что, кроме нескольких незнакомых деревьев и каких-то кустов. У этой части пейзажа был какой-то прилизанный вид. Трава с виду была подстрижена, деревья старательно обрезаны и ухожены, хотя вполне вероятно, что это мог быть их естественный вид. Кругом все было очень пестрое и цветное. Трава была настолько ярко-зеленая, что глазам было больно, деревья и кустарник были всех тонов светлой зелени. Розовые и голубые слои скалы перемежались на склоне над нашими головами.

— Как красиво,—услышал я голос Дарлы.

Все кивнули в молчаливом согласии.

Долина стала извилистее, и дорога медленно пошла под уклон вверх.

— Кто-нибудь за нами крадется, Сэм?

— Ни души.

— Хм-м-м... мне просто так показалось.

— Что?

— Скажи мне, ты пока не стер программу искусственного интеллекта Уилкса?

— Нет.

— Как это?

— Ты мне ничего не приказывал. Ты же знаешь, что я не могу стереть ни одного файла без твоего приказа.

— Ох, верно, извини.

— Так почему же ты не приказал?—спросил с нажимом Сэм.

— А?

— Почему ты не приказал мне стереть Уилкса?

— Так ведь теперь он безвреден, верно?

— Совершенно. Я засунул его как раз туда, куда хотел.

— Ладно, тогда пускай остается. Эта программа может содержать в себе ту информацию, которая может нам понадобиться. Все-таки осталось еще много вопросов, которые необходимо прояснить.

— Как скажешь.

— Теперь-то, я смотрю, ты уверен, что вырвал у него все ядовитые зубы.

— Об этом не беспокойся. Этот вот компьютер дважды не обмануть.

— Да уж, нам не хотелось бы, чтобы повторился еще раз захват памяти и управления.

Сэм начинал раздражаться.

— Эй, послушайте, вы все слышали, что я ему сказал: хватит беспокоиться на этот счет.

— Я никогда бы не списывала со счетов Кори Уилкса,— сказала Дарла.— Я считаю, что его блистательный стиль неподвластен даже смерти.

— Угу,— ответил я.— Он в какой-то степени похож на тебя, Сэм, только в другом роде.

— Как тебе понравится ходить пешком, сынок мой? В следующий раз, когда ты вылезешь из тяжеловоза, я могу тебя и не впустить обратно.

— Извини.

— Никакого уважения к мертвым.

Дорога выровнялась и пошла по карнизу, который нависал над широкой равниной.

Я замедлил ход и съехал с дороги. Мне хотелось посмотреть на все это.

— Ох, как красиво,— сказала Сьюзен.

— Сэм, какое-то внутреннее чутье подсказывает мне, что воздух тут весьма хорош.

— Так наверняка и есть.

— Тогда давай выходить.

— Не-а, я лучше останусь в машине.

— Ладно. Ты...— я вовремя сдержался и рассмеялся.— Да...

Мы все вывалились из машины, сошли на обочину и стояли, глядя на чудо по ту сторону долины, внизу. На дальнем холме стояло поразительное сооружение.

Это был дворец или, может быть, целый город, массивный, но изящный лес высоких, покрытых куполами цилиндров и высоких летящих шпилей, которые все были заключены за крепостной стеной. Это был сказочный город, королевский дворец в земле мечтаний и сновидений. Это было Эльдорадо или Ксанаду, или Шангри-Ла. И все это было невероятно яркого, сияющего зеленого цвета. Летящие арки зеленого стекла взмывали между башен, поблескивая в предзакатном солнце. Хрустальные стены смотрели на равнину и долину.

Сьюзен была потрясена.

— Это Изумрудный город.

— Похоже на сказки и легенды прошлого,— откомментировал Рагна.

Я посмотрел вниз. Космострада прорезала долину и далее

извивалась змеиными кольцами, карабкаясь на холм, на котором стояла цитадель.

Черная точка какого-то автомобиля только что покинула холм и мчалась к нам по долине со страшной скоростью.

— Ну вот,— сказал я.— Кто-то к нам едет.

Все заметили приближающийся автомобиль и немного отпрянули от края обочины, сгрудившись потеснее.

Мы ждали.

Точка превратилась в средство передвижения, гладкое, обтекаемое, узкое. Оно было черного цвета с зелеными украшениями. Промчавшись по долине, оно немного замедлило ход и стало подниматься по ближайшему склону долины, резко беря повороты, такие сложные на подъеме, с небрежной грацией.

Еще через минуту оно добралось до вершины холма. Потом выехало на Космостраду и остановилось в двадцати метрах от нас.

Машина была великолепна, техническая рапсодия в глубокой черни и нефритовой зелени, ее аэродинамические поверхности были одновременно очень капризно изогнуты и вместе с тем математически точны, хотя свободны и небрежны. Сзади выдавались как бы плавники, тонкие крылья машины стремительной красивой линией отходили назад. Корпус машины был усеян каплеобразными украшениями и закругленными выступами. Нос ее, острый, как игла, был отделан серебром. Все вместе больше было похоже на самолет, нежели на наземное средство транспорта.

Я не сомневался, что летать эта машина тоже может.

Неужели перед нами был пример технологии строителей дороги? Если внутри были строители, почему они просто не подлетели к нам сами по воздуху без помощи всяких там средств, порхая над долиной, чтобы встретить нас? В сравнении с магическим уровнем техники, которая доставила нас сюда, уровень был явно ниже среднего.

То, что произошло следом, потрясло нас всех едва не до обморока.

Зеленоватый колпак машины откинулся, и оттуда выбралось человеческое существо.

Хотя и весьма странное. Длинные волосы его были цвета меди, лицо было похоже цветом на густо забеленный молоком кофе. Черные глаза были широко расставлены. Над полными губами красиво сидел тонкий прямой нос, лицо представляло собой совершенный овал. В его лице было что-то от андрогина — одновременно мужчины и женщины. Его тело сочетало в себе и мужественные черты, и женственные. Он вышел из своей совершенной машины и пошел к нам плавной походкой, в которой сочетались плавная грация и уверенность в себе.

Он был одет в летящий зеленый плащ, черные обтягивающие панталоны до колен, сапоги и черную кожаную куртку с черным тиснением. Плащ был искусно вышит по краям черной нитью, а куртка топорщилась от зеленого тиснения и украшений.

Он остановился в нескольких метрах от нас и заговорил.

— Приветствую вас, добро пожаловать,— сказал он и улыбнулся.— Вы приехали очень издалека и, наверное, очень устали. Мы приносим свои извинения, если вам пришлось в пути терпеть неудобства.

Голос был не столько женственный, сколько мелодичный. Он был чист, лиричен, напевен — почти музыка.

Никто не ответил. Мы все стояли, разинув рты так, что миндалины проветривались.

Наконец я захлопнул пасть, сглотнул и сказал:

— Привет. Да, мы очень устали. Э-э-э... спасибо.— А потер лоб и начал сначала:— Э-э-э, простите. Я Джейк Мак-Гроу. А это мои друзья...

— Привет всем вам,— сказал человек, тепло улыбаясь и оглядывая нас.— Вы можете называть нас Прим.

— Нас? — переспросил я.

— О-о-о... меня. Простите, множественное число. Просто сила привычки.

— Прим,— повторил я.

— Да, Прим — этого вполне достаточно,— он повернулся и посмотрел на небо, на катящееся по небу облако.— Прекрасная погода, правда?

— Да,— я тряхнул головой.— Послушайте... — начал было я.

— Знаете, я только что собрался пообедать,— сказал Прим, поворачиваясь ко мне,— когда получил известие о вашем прибытии. Наверное, вы все устали и голодны. Не окажете ли вы мне честь присоединиться ко мне за обедом? Разделить со мной, что бог послал? Разумеется, после того, как освежитесь.

— Да,— ответил я,— да. Но...

— Простите. Я уверен, что вы хотите задать мне массу вопросов. И я совершенно ничего не имею против того, чтобы вам на них ответить. Но ведь существует определенный порядок вещей, правда же? Вся вселенная останавливается, чтобы пообедать. Так почему же нам к ней не присоединиться? — он рассмеялся.

— Сперва один вопрос,— сказал я. Я показал на Космостраду.— Это вы ее построили?

Он посмотрел.

— Что, эту дорогу? Я ли ее построил?

— Нет, я имею в виду все дороги. Все Космострады. Мы зовем их Космострадой.

Улыбка его была странной, какой-то хитрой.

— Наверное, каким-то образом можно сказать, что ее построил я.

— Каким-то образом?

— Пожалуйста... Мне очень не хочется, чтобы мои слова звучали загадочно, хотя я полагаю, что именно так они и звучат. Но я отвечу вам на все вопросы попозже. На любые вопросы искренне и честно.

Он показал рукой через плечо.

— Я живу вон там, на противоположной стороне долины. Если вы будете так любезны и последуете за мной...

— Вы что-нибудь знаете про черный кубик?— выпалил я.

— Что? Ох.— Он нахмурился.— Да. Э-э-э... он у вас, да?

— Да.

— Отлично. Что же, держите его пока у себя. Но в какой-то момент я бы хотел на него посмотреть, если вы найдете время мне его показать.

— А что это такое?

— Что это такое...— повторил он.— Ну, честно говоря, это в своей основе эксперимент.

— Эксперимент в чем? В какой области?

Он стал тщательно подбирать слова.

— Скажем, эксперимент по созданию вселенной.

— Какой-нибудь конкретной вселенной?— спросил я.

Он посмотрел на небо и улыбнулся.

— А что, их больше, чем одна?

— А что, нет?

Он встретился со мной взглядом.

— На этот вопрос можно ответить совершенно по-разному,— он снова рассмеялся.— Ну, хорошо. Обо всем этом поговорим позже. А теперь...

— У меня есть вопрос.— Карл отодвинул меня плечом в сторону, вышел вперед и встал перед Примом.

Прим смерил его взглядом, все еще с улыбкой.

— Молодой человек, я чувствую, что вы таите враждебность по отношению ко мне.

— Вы чертовски правы. Что за потрясная мысль похитить меня и швырнуть на какую-то занюханную планетку черт-те где?

— Мой дорогой юноша, я...

Карл как следует занес правый кулак и ударил его прямо в лицо с полной силой.

Прим крутнулся от удара и упал на землю, как подкошенный, его зеленый плащ распростерся по траве, как изломанные крылья.

Лори закричала. Потом воцарилась тишина.

Прим не двигался. Карл стоял над ним, опустив руки по швам и сжав кулаки так, что побелели костяшки.

Я с трудом преодолел шок и подошел к Карлу. Я взглянул на траву, на Прима.

— Карл,— сказал я.— Может статься, ты только что нокаутировал самого Господа Бога.

— Не-е-е,— он резко посмотрел на меня.— У Бога есть борода.

ДОРОГОЙ ПАРАДОКСА

Глава первая

Не знаю, есть ли у Господа Бога борода. Я никогда не имел чести с ним встречаться. Честно говоря, намереваюсь отложить эту счастливую возможность на самые поздние сроки.

Личность, с которой я только что имел честь познакомиться, не совсем соответствовала по внешности своей божественной роли, но меня как раз в этот момент легко было убедить в обратном. Мы проехали очень долгий путь — как оказалось, до конца вселенной. И тут нас вышло встретить поразительно прекрасное существо, странное и обладающее почти сверхъестественной, святой аурой. Его пижонские одеяния, конечно, сильно подпортили его божественный образ. Не могу представить себе, чтобы Высшее существо одевалось, как Император Всея Галактики из видеооперы на космические темы. А Карл, который стоял возле меня с мрачным и покорным видом, вроде бы был совершенно уверен насчет той личности, которой он только что вырубил свет в очах и почти перекрыл кислород. Я был почти уверен, что Карл отнюдь не считал, что этот парень — царь вселенной.

Даже и в этом случае у нас были полны руки хлопот. Судя по его аристократической внешности и весьма роскошным одеяниям, человек, на которого напал Карл, выглядел очень важной персоной. Крайне важной. Вполне возможно, что именно он командовал парадом на этой планете и вообще во вселенной, но особенно на этой планете, куда нас против воли приволокли. Он тепло приветствовал нас, принял, можно сказать, с распростертыми объятиями. Он пригласил нас на обед. А мы чем ему ответили? Совершенно без всякой провокации мы даем мужику в зубы и вырубаем его намертво. Вполне возможно, мы оказались по уши в дерьме. Очень вероятно, что наша жизнь теперь не стояла и полушки. Я очень надеялся, что наш хозяин не счел нас за бранных существ, чья плоть — трава, которой суждено пасть под ударами косца. Дай бог, чтобы у него не было автоматической траворезки...

Я посмотрел на землю, на неподвижное тело существа. По всем внешним признакам он был человеческим существом мужского рода по имени Прим. Он лежал ничком, лицом в тра-

ву, затылок его частично скрывал раскинувшийся широченный зеленый плащ. Остальные складки плаща раскинулись по траве вокруг.

Я оглянулся. Никаких громов и молний на нашу голову не метали. Я посмотрел через долину, на ту ее сторону. Вокруг огромной хрустальной крепости не видно было никаких признаков деятельности. Неужели Прим был тут один? Эта идея показалась мне абсурдной, но на этой странной искусственной планете все было возможно.

— Карл,— сказал я.— Я не могу тебя никуда взять.

— Это он,— прямо ответил Карл.— Тот голос, который разговаривал со мной на борту летающего блюдца. Это тот самый, который меня похитил.

— Ты уверен? В конце концов, ты же его никогда не видел. Или все-таки видел?

Карл нахмурился и уставился на землю, минуту подумал, потом повернулся ко мне.

— Нет, не видел, но это он, больше некому быть. Я никогда этот голос не забуду.

— Этот голос называл себя Прим?

— Нет, я вообще не помню, чтобы он себя как-нибудь называл.

— Тогда как же ты можешь быть на самом деле уверен, что это он?

Карл пожал плечами, потом молча согласился с моим высказыванием, наклонив голову.

— Ну, не знаю. Может быть.— Потом он быстро и категорически добавил:— Это он, и все тут.

— Ну, ведь сейчас это вряд ли имеет значение,— сказал за нашими спинами Джон Сукума-Тейлор.

Мы повернулись к нему. Джон отделился от тесной кучки наших сотоварищей. Они все были потрясены тем, что сделал Карл, все ожидали в напряжении самого худшего. Наверное, я выглядел точно так же, но пытался всеми силами это скрыть. Лори стояла, прикрыв руками рот. Сьюзен вся побелела. Она казалась просто больной. Шон качал головой. Остальные молча смотрели на Прима.

Джон, однако, был разгневан.

— Карл, ты совершил невероятно глупую вещь,— он остановился и с досадой воздел руки к небу.— Можно подумать, у нас без этого мало хлопот! Нет, тебе обязательно надо было его именно ударить! Как ты мог? Как ты мог, Карл, сделать нечто столь...— он пытался найти подходящее к случаю слово и не смог,— столь монументально идиотское? Такое...

Он снова стал подыскивать слова, не сумел и ударил себя ладонью по лбу.

— Карл, ты невероятный идиот!

Это как раз медленно, но верно доходило до Карла.

— Да-а-а, я понимаю, наверное, это была очень глупая штука...

— Очень глупая штука...— повторил Джон замогильным голосом. Он повернулся и обратился к остальным: — «Очень глупая штука»,— сказал он снова, кивая с насмешливым одобрением.

Я никогда еще не видел Джона таким ироничным. Он повернулся и пригвоздил Карла взглядом, полным крайнего презрения.

— У тебя просто дар недоговаривать. К сожалению, от этого твоя глупость кажется еще более монументальной.

Карл насупился.

— А, ладно, отвяжись. Я просто дал ему по морде. Если бы он сделал с тобой то же самое, что он сделал со мной...

— Это вряд ли в данный момент относится к делу. Неужели ты совершенно не подумал, какими последствиями это может обернуться для нас — для всех остальных? Неужели тебе трудно было на миг остановиться и просто подумать? Нет, где там. Ты просто...

— Хватит, Джон, остановись,— сказал я.

— Джейк, не можешь же ты всерьез считать его поступок оправданным.

— Нет, это была идиотская выходка. Но он молод. В его возрасте я вполне мог бы выкинуть что-нибудь подобное.

— Это не оправдание.

— Наверное, нет. Но и весь вопрос довольно запутанный, и сложно в нем судить и рядить, верно?

Джон сгорбился.

— К сожалению, да.

Лайем отошел от остальных и подошел поближе к нам.

— Никто так и не собирается посмотреть, что с парнем?

Я встал на колени возле Прима. Аккуратно и осторожно я приоткрыл его голову, сняв складки плаща. Положив руку на его медно-рыжие волосы, я обнаружил, что они нежные, словно волосы ребенка. Я повернул его голову вправо и посмотрел ему в лицо. Глаза были закрыты, лицо безмятежно. Большим пальцем — осторожно, как можно нежнее — я приоткрыл его левое веко. Радужная оболочка была угольно-черная с проблесками синевы. Зрачок не реагировал на свет, и сам глаз не двигался. Я протянул руку к его запястью. Оттянуть складчатый манжет оказалось трудным делом, и я провел пальцем по его шее, стараясь нащупать сонную артерию. Кожа была гладкой, сухой и скользкой. Он был теплым на ощупь, но температура его тела была немного ниже обычной нормальной, так мне, по крайней мере, показалось. Но кто знал, что для него было нормальным?

Сонная артерия не давала никакого пульса. Она просто не пульсировала. Я снова посмотрел в его левый глаз, потом повернул его голову, чтобы посмотреть в правый. Потом встал.

— Может, он и умер,— сказал я.

— Господи помилуй,— пробормотал Джон.

— Этого не может быть, чистейшее безумие,— сказал Карл почти шепотом.

— Ох, батюшки,— это Джон подошел и встал рядом со мной.— Джейк, ты... вполне уверен в этом?

— Нет. Но у него нет сердцебиения, по крайней мере, такого, которое я мог бы прослушать. По-моему, он не дышит. Надо бы перекатить его и... черт! — я ударил себя по лбу. Несколько последних минут были для меня такими травматическими, что меня словно парализовало. Передо мной вроде как лежало человеческое существо, которое нуждалось в помощи, а мы все стояли вокруг, словно манекены. Я с трудом стряхнул с себя это состояние.— Дарла! Беги и принеси меднабор. Ты знаешь, где он?

— Да,— она побежала обратно к трейлеру.

Я вытащил ключ и вызвал Сэма.

— Это все было весьма интересно,— заметил Сэм.

— Сэм, постарайся настроить мониторы, чтобы уловить у этого типа признаки жизни.

— Если у него таковые имеются. Он человек?

— Может, да, а может, и нет.

Карл медленно покачивал головой, не веря собственным глазам.

— С ума сойти. Я просто дал ему по морде. Не может быть, чтобы этого хватило, чтобы...

— Этого хватило,— едко сказал Джон. Потом он слегка наклонился и посмотрел Приму в лицо.

— Ну надо же, чтобы именно нам такое чертовское, дьявольское невезение...— он выпрямился и глубоко вздохнул:— Ладно, что же теперь делать? Мы все равно что мертвые.

— Пока еще нет,— ответил я.— И он, вполне может стать, не мертвый. Мне кажется, что он все-таки не человек. Но человек или нет, а Карл не врезал ему настолько сильно, чтобы убить.

— Но, если он не человек, как ты можешь быть уверен, что может его убить, а что — нет?

— Тут ты прав.

— Хотел бы я сейчас как раз оказаться неправым...

Остальные теперь медленно придвигались к нам. Зоя и Юрий подтянулись поближе и остановились.

— Интересно, кто он,— сказал Юрий.— Что он такое.

Дарла наконец примчалась с аптечкой. Я разорвал ее и вытащил два мониторинговых датчика дистанционного управления.

— Помоги мне перекатить его, Джон.

Мы почти сделали это, когда услышали визг Лори.

Я резко обернулся. Карл лежал на земле. Шон, видимо, поймал его и теперь держал в руках голову Карла.

— Что случилось? — спросил Джон.

Шон аккуратно похлопал Карла по щекам несколько раз.

— Он упал в обморок просто так, за здорово живешь. Грохнулся — и все.

Я подошел к ним поближе и присел на корточки, потом взял Карла за запястье, попытался нащупать пульс. Он был медленный и слабый, причем угрожающе слабый.

— С ним все в порядке? — спросила Сьюзен.

— Трудно сказать, — ответил я небрежно. — Странно, что он вырубился вот так. Дайте-ка я на него поставлю датчик монитора.

— Карл? — Лори заняла мое место, когда я поднялся. — Карл? Господи, только не это!

— С ним все будет в порядке, девочка. Беги и принеси водички.

Лори умчалась прочь.

— Он ведь совсем вырубился, — сказал озабоченно Шон. — Совсем.

— Джейк, — сказал Джон, показывая на Прима. — Как насчет?..

— Если у него нет пульса, я мало что могу для него сделать. А если у него нет и сердца, все шансы не в нашу пользу. Я больше волнуюсь за Карла.

— Ну что же, обнаружить, что ты вот так, только что убил человека — это может оказаться и шоком.

— Может быть. Но Карл не принадлежит к тем людям, которые внезапно падают в обморок.

— Он молод — практически, мальчик.

— Не так уж он и молод. И мне не нравится то, что происходит с его пульсом.

Я отодвинул Лори в сторону и расстегнул на Карле рубашку. Сняв с датчика защитную липучку, я прижал дискообразное устройство к его груди, расположив его на левой грудной мышце. Потом приготовил еще один датчик и наложил его на правую мышцу. Потом я сходил еще за двумя датчиками и прижал их по бокам его живота чуть ниже ребер.

— Сэм? Ты можешь считывать показания?

— Ага. Пульс сорок четыре, причем в ритмах желудочков и клапанов явные перебои. Кроме того, перевернутые Р-волны, и комплекс QRS тоже все-таки барахлит.

— И что ты можешь мне сказать на этом основании?

— Ну, моя медицинская программа говорит мне, что его сердце в опасности. И... погоди-ка... Н-да. Все хуже и хуже.

— Что по твоей программе ты должен делать?

— Программа рекомендует такие вещи, которые мы не можем выполнить.

— Это инфаркт или что-то подобное?

— На это не похоже. Собственно говоря, это больше всего

похоже на массивированную остановку сердца. Ох ты, вот теперь пошли совсем скверные перебои ритма. Конечно, если начнется фибрилляция, то дефибриллятор у нас есть, только это не исправит того, что с ним сейчас происходит.

Я почувствовал, что мое сердце покрылось льдом. Карл умирал.

— Невозможно, — сказал Шон, покачивая головой. — Такой здоровый парень, вроде него?

Сьюзен встала на колени возле меня и сжала мое плечо.

— Джейк. Сделай же что-нибудь.

— Прости, — это все, что я мог сказать. Потом я сказал в ключ: — Сэм, массивированная остановка сердца — это процесс, который должен все-таки происходить достаточно долго. Как же так получилось, что все произошло столь стремительно?

— Хороший вопрос. Медицинская программа этого не знает, а я и подавно.

— Но эта разэтакая программа тебе что-нибудь говорит?!

— Спокойно, сынок. Она просто-напросто перечисляет события с неизменной пометкой «аномальное явление». Совершенно очевидно, что кто-то или что-то таким образом расправляется с ним.

— Очень ясно и понятно, — ответил Джон. — Очевидно, этот мир специализируется на немедленном возмездии.

Сьюзен бросила на него свирепый взгляд.

— Незачем говорить об этом с таким удовлетворением и злорадством.

— Могу тебя уверить, Сьюзен, что подобных чувств я не испытываю.

Я сказал:

— Сэм, как у него дела?

— Боюсь, ему стало хуже. У него все возможные виды аритмий, артериальная фибрилляция, это сердце у него сдает, Джейк. Слишком многое сразу полетело к чертям и повело себя ненормально — и мне, честное слово, кажется, что мы очень мало можем для него сделать. В любом случае следует попробовать сделать массаж сердца, непрямой. Советую начать прямо сейчас.

— Ладно. Шон, растяни его на траве.

— Момент!

Прежде чем мы смогли приступить к делу, за нашими спинами раздался голос:

— Я искренне сожалею обо всем случившемся.

Все мгновенно повернулись на голос, прежде чем я успел встать на ноги. Сьюзен в зародыше подавила вопль, а Лайем изрек перепуганное: «Вос-с-споди Сусе!».

Это был Прим, на ногах, живой и здоровый.

— Мне очень, очень жаль,— говорил Прим.— Не могу не признать, что в какой-то степени это все была моя вина.

Эта его озабоченность казалась совершенно искренней, пусть и необъяснимой.

— Что вы с ним делаете?— сказал я.

— Простите?... А, я понял. Да. Я совершенно уверен, что с ним все будет в порядке. Это просто мера предосторожности.

— Он умирает,— сказал я.

Прим казался искренне удивленным.

— Неужели? Не могу представить себе, что почему-то он может умереть.— Он подошел к нам, не сводя глаз с Карла.— Вы уверены?

— Он вот-вот умрет,— сказал я ему.

Прим остановился. Его взгляд устремился вверх, сосредоточившись в конце концов на чем-то очень далеком.

— Хм-м-м-м... понимаю. Да,— он посмотрел на меня.— В настоящий момент жизненные процессы этого молодого человека исследуются. Различные компоненты, различные процессы временно подавляются, чтобы получить более ясное представление о действии всего организма. По крайней мере, мне сказали именно это.

— Так перестаньте их подавлять,— сказал я.

Прим улыбнулся кроткой улыбкой святого.

— Вам не надо беспокоиться. Он в очень хороших руках. Пока что есть план держать его под влиянием успокоительных веществ. Однако это может быть исправлено и изменено в любой момент. И я не вижу причины, почему бы мне этого не сделать. Я уверен, что это проявление негативных чувств было просто-напросто следствием тяжелых испытаний, выпавших на вашу долю в этом трудном путешествии.

Я заговорил в микрофон ключа.

— Сэм! Как у него дела?

— Черт меня побери вместе с сапогами! Ерунда какая-то! Сердце взяло и само собой установило нормальный ритм работы, вот так, за здорово живешь. Никаких аритмий, хорошие синусовые ритмы. Не могу ничего понять. Эти датчики, наверное, с ума посходили.

— Значит, с Карлом все в порядке?

— Он вот-вот придет в себя.

Прим разглядывал тяжеловоз.

— У вас в кабине есть еще пассажиры?

— Нет. Это был искусственный интеллект, который управляет работой моего тяжеловоза.

— Понятно,— он сдвинул брови.— Интересно, как вы это сказали.

Я не понял, что он имел в виду.

Внезапно он снова заулыбался.

— Мне кажется, мы зашли не в ту сторону в наших отноше-

ниях. Опять-таки, примите мои извинения. Приглашение на обед все еще действительно, если вы его принимаете.

— Может быть, нам следует сперва немного подумать, прежде чем принять это приглашение,— ответил я.

— Как вам будет угодно. Если вы захотите приехать, просто поезжайте по дороге, которая ведет через долину. У основания горы есть вход в мой дом.— Он повернулся и показал рукой.— Вот там, в конце дороги.

Я ничего не увидел, но все равно сказал:

— Спасибо.

— Вам будут очень рады.

Вдруг Карл приподнялся и сел. Он осмотрелся.

— Привет, ребята,— сказал он.

Лори бросила кружку, которую держала в руках, упала на колени и чуть не задушила Карла в объятиях.

Сьюзен наклонилась над ним и положила ладонь ему на лоб.

— С тобой все в порядке, детка?

— Ыкх...— прохрипел Карл, пытаясь немного ослабить хватку Лори на шее, и кивнул.

Прим хлопнул в ладоши.

— Отлично! Кажется, никто не пострадал.

— Лори, дай ему дышать как следует,— предостерегла ее Сьюзен.

— Да, я вполне ничего,— наконец смог выговорить Карл.— А кой черт со мной приключился?

— Тебе следует спрашивать вот этого господина,— сказал ему Джон, кивком головы указывая на Прима.

— А-а-а,— Карл посмотрел вверх на нашего радушного хозяина.— Я-то подумал было, что вы умерли.

Прим рассмеялся.

— Не совсем. Похоже, что ваши друзья склонны волноваться насчет здоровья окружающих, включая ваше собственное.— Прим повернулся ко мне.— Кстати, ваше беспокойство относительно моего состояния здоровья делает вам честь. Большое спасибо.

— На здоровье,— сдохмил я.— Однако вы меня здорово одурачили. Скажите мне вот что: вы человек?

— Частично, да.

Подождав объяснения, которое не последовало, я повторил:

— Частично?— я не знал, что еще можно сказать.

Он готов был немного объяснить мне, но воистину лишь весьма немного.

— Да, во мне небольшая частичка человека, но, могу заверить вас, она играет огромную роль в моих поступках.— Он снова хлопнул в ладоши.— Хорошо! Пока что я попрощаюсь с вами.

Он повернулся было, чтобы уйти, но снова остановился и обернулся к нам.

— Кстати, молодой человек...

Карл как раз поднимался на ноги.

— Карл Чейпин меня зовут.

Прим шагнул к нему, а лицо его стало чуть-чуть жестче.

— Мистер Чейпин. Я посоветовал тем, от кого это зависело, чтобы вас ни в чем не ограничивали и позволили передвигаться, как вы пожелаете и где вам будет угодно. Дело не в том, что вы можете здесь кому-нибудь причинить зло. Этого вы просто не можете. Но неукротимое поведение может помешать тем планам, которые мы непременно собираемся выполнить. Можете ли вы дать мне свое личное честное слово, что в дальнейшем вы будете вести себя не столь разрушительным и вредоносным образом?

Карл смущенно огляделся по сторонам.

— М-м-м... да... наверное, — сказал он и быстро добавил: — то есть, я хочу сказать, разумеется, я согласен.

Прим снова просиял.

— Отлично. Я с нетерпением жду вас в гости — всех вас — у себя дома. Всего доброго.

Мы смотрели, как он подошел к обтекаемому красавцу-автомобилю, залез внутрь и опустил прозрачный колпак. Мотор взвизгнул и немедленно завелся. Машина развернулась и помчалась по черной поверхности Космострады. Мотор стал гудеть тоном выше, и машина просвистела по дороге в том направлении, откуда приехала. Черные ее крылья были усеяны горячими бликами солнца. Чуть не доежая поворота, она взлетела с дороги и взвилась в воздух. Она почти вертикально набирала высоту, приподнявшись примерно на триста метров, прежде чем полететь ровно и плавно. Она повернула к крепости, потом пропала из виду.

Джон уставился в пространство.

— Интересно, какие такие у него планы, о которых он говорил?

Глава вторая

Мы все вместе залезли в тяжеловоз и собрали военный совет.

— Честно говоря, не вижу, чтобы у нас был выбор, — сказал Джон после того, как потянул пару глотков воды из фляги.

У нас с водой в течение всего путешествия было довольно тяжелое положение. Приходилось старательно ее экономить. Девять человек и четверо инопланетян — это тяжелая нагрузка на машину переработки веществ.

— Прим дал нам один шанс,— возразил я.— Он не настаивал, чтобы мы непременно к нему приехали.

— А тогда что мы станем делать? Неужели нам тыкаться туда-сюда вслепую на совершенно чужой и причудливой донельзя планете? И что мы сможем в этом случае сделать?

— Найти еду— это обязательно,— вставил Шон.— Шкафы и кладовки у нас пусты.

— Нас пригласили на обед,— напомнил Джон.

— Может статься, таким образом мы просто попадем в ловушку,— сказал я.— Можно ли быть уверенным, что Прим даст нам потом спокойно уйти?

— Мы видели его возможности и могущество. Он сможет сделать с нами все, что ему заблагорассудится.

— Может быть, это абсолютная правда,— сказал я, кивая в знак согласия,— но наверняка мы не знаем.

— Он выглядит довольно дружелюбной личностью,— сказала Сьюзен.— Вообще-то он совершенно очарователен.

Зоя сказала:

— Что-то я сильно сомневаюсь в том, что он и впрямь такой, каким кажется. Я ни на миг не верю, что он— человек.

— А я не верю, что он— Бог,— ответил Лайем.— Я не из тех, про кого можно было бы сказать «набожный», но что-то мне кажется, что раскатывание по дорогам в новехонькой пижонской машине не вяжется с тем, как Высшее существо должно себя вести.

Он почесал свою роскошную светло-каштановую бороду.

— Разумеется, я не могу точно знать, как должно себя вести Высшее существо, но...

— Я понимаю, что ты имеешь в виду,— сказал Джон.— Мне кажется, что с такими взглядами нам надо немедленно расстаться. Прим совершенно очевидно представляет собой более развитую форму жизни. Может быть, он даже бессмертен. Но чтобы он был вечен? Вряд ли.

— Ладно,— сказал я.— Мы на этот счет не расходимся во мнениях. Я только хотел добавить, что, даже если он весьма могуществен, все равно он не всемогущ. Не может он быть и всеведущим и любящим абсолютно всех. Он говорит, что ему нужно воплотить в жизнь какие-то планы— какие именно, мы не знаем, но они, кажется, включают и нас. Нам надо для себя решить, станем ли мы ему помогать. Нам может не понравиться то, что он собирается делать.

Дарла сказала:

— Может быть, он оставит нам возможность не помогать ему.

— Такая возможность есть,— ответил я, повернувшись на водительском сиденье, чтобы лучше ее видеть. Она сидела на корточках позади сиденья, положив руку на спинку. Она была такой же красивой, как и всегда. Волосы у нее отросли, слегка

смягчая эффект той суровой стрижки, которая у нее была, когда мы впервые встретились. Тяготы нашего путешествия наложили свой отпечаток на ее лицо. Она по большей части выглядела очень усталой, но это могло быть и за счет ее беременности, хотя ей было чуть меньше трех месяцев. Она чуть пополнила. Черты ее лица стали чуть более пухлыми. Совсем чуть-чуть, не более.

— Дарла, — сказал я, — как ты чувствуешь нутром? Ты Приму доверяешь?

Она выпятила губы и надолго задумалась.

Потом сказала:

— У нас нет причин ему не доверять. Абсолютно никаких. Спроси меня под плохое настроение, и я скажу — нет, ему доверять нельзя. — Она запустила руку в свои гладкие темно-каштановые волосы. Усталая или не усталая, но Дарла всегда выглядела самым совершенством. Ни волоска, выбившегося из прически, ни потекшего макияжа. словно только что из салона красоты. — Но, хотя и в сегодняшний день у меня не самое лучшее настроение, у меня все-таки такое чувство, что нам надо непременно с ним сотрудничать. Нам просто придется это сделать, если мы хотим вернуться обратно.

Она глубоко и печально вздохнула.

— Доверяю ли я ему? Не больше, чем я могла бы побороть Шона и забросить его через забор. А что я чувствую нутром? — она пожала плечами. — Давайте поедem на обед.

— Ну, Дарла, лапушка ты моя, — ухмыльнулся Шон, — после того, как ты справилась с двумя здоровенными дровосеками там, на Высоком Дереве, я не стал бы загадывать, можешь ли ты меня побороть и перебросить через забор.

Дарла смущенно улыбнулась.

— Да нет же, Дарла, тебе надо гордиться, — ухмылка Шона стала еще шире, и он весь раздулся от довольства. — Как вспомню зрелище: Томми Бейкер переброшен через постель, а голая задница торчит из штанов. Он давно напрашивался на что-нибудь подобное, и так ему и надо! Здорово было посмотреть, как он наконец получил то, что ему причиталось.

— Я просто поймала его в такой щекотливый момент, — сказала Дарла.

— Кто-нибудь еще хотел бы выразить свое мнение? — спросил я остальных. — Сьюзен, как насчет тебя?

— О, я ему доверяю. Дарла права, никаких оснований для доверия у нас нет. Но разве вам всем не интересно узнать, что этот тип затевает? Да и просто — где мы сейчас? Что такое это место? Только Прим в состоянии нам это рассказать.

— Лори? А ты что скажешь?

— Ну... — она искоса бросила на Карла предостерегающий взгляд. — Если некоторые люди смогут вести себя как следует...

я бы сказала, что с удовольствием побывала бы в Изумрудном городе.

— Я не стану снова давать этому типу по морде. Но большего я обещать не могу.

— Выполняй свои обещания как следует, а не то получишь от меня по морде так, что весь рот перекосит.

— Не волнуйся, я буду вести себя, как полагается. Буду просто-таки пай-мальчиком.

— Ну, ради бога, только я никогда не слышала выражения «пай-мальчик».

Я обратился к Джону:

— Джон, что скажешь?

— Да, разумеется, я — «за». Нам обязательно надо принять его приглашение.

Я посмотрел на Юрия и Зою.

— Я согласен с большинством, — ответил Юрий. — Нам не помешает получить ответы на пару вопросов.

Зоя задумчиво глядела из иллюминатора.

— Нам не помешало бы быть поосторожнее. Может быть, нам надо предпринять какие-то попытки связаться с ним, поговорить с ним еще. Узнать, что же именно он от нас хочет.

— Неужели ты действительно думаешь, что мы можем быть в безопасности, — скептически спросил Юрий, — просто оставаясь на расстоянии от этой его крепости? Он же все равно может действовать на расстоянии.

— Нет. Но... — она уставилась куда-то в пространство. — Мне кажется, что туда нам ехать не стоит.

— К чему все эти разговоры? — нетерпеливо перебил нас Роланд. — Вы же видели, что он сделал с Карлом. Стоит ему только захотеть — и мы все тут повалимся мертвыми. Так о каком выборе с нашей стороны может идти речь?

— Хорошо подмечено, — заметил Джон.

— Я просто хотел потянуть время и продумать, как нам вести себя дальше, — сказал я Роланду. — И потом, мне хотелось, чтобы каждый высказался насчет того, как нам вести себя дальше.

— Извини, Джейк. Но я не вижу смысла пережевывать всю эту жвачку снова и снова.

— Может, ты и прав, только хватит с нас бегать в панике, как нам все последнее время приходилось делать. Хоть раз мне хотелось бы позволить себе роскошь подумать над нашим следующим ходом.

Роланд рассмеялся и снова сел на сиденье стрелка.

— Да ради бога, думай, сколько влезет. У нас времени в запасе — целая вечность.

— Вот именно, — ответил я. — Рагна? Ты и Они внесете свою лепту?

Не считая Винни и Джорджи, которые относились к тем су-

ществам, которых экзопологи, специалисты по инопланетянам, называют «погранично разумными квази-гоминидами» — они мне казались смешными обезьянками с забавными висячими ушами и большими влажными глазами — Рагна и Они были единственными инопланетными членами нашей команды. Они присоединились к нам в тяжеловозе после остановки в пути, покинув свою тесную машину, и с тех пор очень старались быть как можно незаметнее, пытаясь почти не высовывать носа из своей щелочки и не быть обузой, которой они и так не были. Они мне страшно нравились.

Рагна сморгнул, прозрачное третье веко скользнуло по глазу, прежде чем сомкнулись веки. Он поднял руку ко лбу, чтобы поправить голубую ленту, служившую ему лингвистическим компьютерным устройством.

— Я понимаю ссылку на устаревшую денежную единицу — ленту — в буквальном, но не в разговорном смысле. Однако я вполне понимаю самую суть того, что ты мне сказал. Да, мы хотим внести свой вклад в обсуждение, и он будет таков... — он посмотрел на Они, которая кивнула в знак согласия.

— Мы, которые являемся не-человеческим меньшинством этого экипажа бесстрашных первопроходцев — в кавычках с целью выразить иронию — вряд ли можем с полным правом выразить согласие или несогласие с общим мнением, поскольку нас в это путешествие никто не приглашал, но мы, так сказать, завалились сюда незваными, если вы можете понимать мои риторические обороты. Но если уж на то пошло, а на то пошло, можете мне поверить, то мы говорим да, любыми путями надо отправляться в крепость этого типа Прима и попросить его внести свою ленту в наши дела, вот так, — он смущенно улыбнулся. — Если вы понимали то, что я говорил.

— Все поняли, что ты сказал, — ответил я. — Кто еще? Шон? Лайм?

— Я голодный, — отозвался Шон. — Поехали поедем.

— Он-то вечно голодный, — сказал Лайм, — но и я присоединяюсь к нему.

— Мне скучно, и уже давно, — сказал Роланд. — Поехали!

— Сэм, ты что скажешь? — спросил я.

— А что, у меня тоже есть право голоса?

— Сэм, ты всегда можешь внести во все мудрости на миллион кредиток, — сказала Сьюзен, — и ты сам это прекрасно знаешь.

— Благодарю вас, мэм. Я хотел бы сказать, что к этому пизжону Приму я относился бы с недоверием.

Я ждал продолжения, а потом спросил:

— И это все?

— Угу. По-моему, Сьюзи, грядут перемены.

— Ну же, Сэм, — сказал я, — выдай, что думаешь.

— Нечего выдавать. Я компьютер, помнишь? Дай мне дан-

ные — я их проанализирую, дай мне числа, чтобы я их сложил, — я это выполню и выдам распечатку. Но не проси меня разобраться в недавних событиях. Они для меня уж слишком дикие и ненормальные. Изумрудные города, замки фей, сказочные планеты, какой-то парень, который возомнил себя Господом Богом... А, ладно, не обращайтесь внимания, я заткнусь. Разбудите меня, когда все кончится.

— Ну ладно, прекрати, — сказал я, — каждый раз, когда ты чего-то не понимаешь в происходящем, ты неизменно выкидываешь спектакль под названием «Я же всего-навсего компьютер».

— Нет, серьезно, мне кажется, что эта ситуация требует человеческого суждения. Она требует интуиции, подсказки сердца, ощущения внутреннего голоса. У компьютеров нет внутренних голосов, мальчики и девочки.

— Сэм, когда ты признаешься сам себе, что ты все-таки человек?

— Сын, я был человеком семьдесят два года. Этого мне вполне хватило.

— Но твоя Влатузианская Энтелехическая матрица делает твои реакции совершенно неотличимыми от реакций человеческого мозга, у которого есть все органы чувств. Этого вполне достаточно, чтобы все поверили в твою человечность. Иногда я и впрямь верю, что ты действительно человек, который прячется где-то в этом тяжеловозе, говорит в микрофон и обманывает нас всех.

— Ладно, Джон, ты меня вычислил. Ты прав, я просто обманщик. Суть в том, что я ростом всего в дециметр. Ты меня никогда не найдешь.

— Вот видишь? У компьютеров никогда не бывает чувства юмора. Джейк прав. Ты, вне всякого сомнения, человек, Сэм, нравится тебе это или нет.

— Как бы там ни было, — сказал Сэм, — если вернуться к вопросу, который мы обсуждаем, то, по-моему, вы уже и так приняли решение.

— Мы пока еще не всех выслушали, — сказала Сьюзен.

— Кто остался? — спросил я.

— Ты, Джейк. Что ты сам обо всем этом думаешь?

Я сел на место и вздохнул.

— Хорошо. Если говорить об общих принципах... как уже сказал Юрий, нам надо получить ответы на наши вопросы. У меня у самого есть к мистеру Приму парочка вопросов. И если мне не понравятся ответы, то я тоже могу просто взять и дать ему в морду. Но у меня есть и другие причины, чтобы поехать в Изумрудный город. Мур и его банда где-то здесь. В стенах города нам, может статься, будет безопаснее.

— А может, Прим их тоже пригласил на обед, — заметил Роланд.

— Когда? Неужели я что-то упустил? Или они приехали прежде нас? Мне показалось, что Мур и его шайка умчались в противоположном направлении.

— Может быть, Прим сконтактировался с ними по радио... или телепатически, или еще с помощью какого-нибудь там чуда.

— С нами он связывался весьма прозаическим путем.

— Верно, — признал Роланд. — Но все-таки он мог их тоже каким-то образом пригласить.

— Ладно, — сказал я. — Я принимаю твою точку зрения, но нам придется предупредить Прима, что ни под каким соусом мы не останемся под одной крышей с этими пташками.

— Я бы выпил за это, — сказал Шон. — Кстати, у меня самая страшная жажда на свете.

Наши запасы пива тоже были под строгим учетом и распределением.

Сьюзен сказала:

— Неужели вы думаете, что они до сих пор собираются нас преследовать? Я хочу сказать: что такое у нас есть, что им так до разреза нужно? Черный кубик?

— Я бы им его охотно отдал, — ответил я. — По-моему, никому эта дурацкая штука не нужна.

— Только одно хорошее в этом есть, — вмешался Сэм. — Старина Кори Уилкс больше не будет нам мешать. Он стоял за всем, что тут происходило, а теперь, когда его больше нет, Мору придется здорово поломать голову, прежде чем он придумает, зачем ему причинять нам неприятности.

— Кроме того, что у него ко мне счет, — сказал я.

— Ну, может быть. Хотя думается, что уж теперь-то с него хватит.

— Только не с нашего мистера Мура, — сказал Лайем. — Ты его просто не знаешь, Сэм.

— Мне кажется, я его знаю, — ответил я. — И мне что-то не по себе.

Я выглянул из бокового иллюминатора.

«Солнце» спускалось за горизонт. Похоже было на наступающий вечер, небо стало чуть темнее голубовато-фиолетового цвета. Зелень травянистых холмов просто сияла — это был невероятно насыщенный, почти светящийся зеленый цвет. Аккуратные кустики были окрашены в самые разнообразные цвета — то розовый и красный, то оранжево-коричневый. В этом мире все выглядело, словно это был парк, игровая площадка.

Я повернулся и завопил:

— Винни! Ты где?

— Наверняка занимается любовью с Джорджи, — сказал Роланд. — Эти двое — нежная парочка.

Винни выскочила из кормовой кабины, прокладывая себе

дорогу в лесу человеческих рук и ног. Джорджи следовал за ней.

— Винни тут, Джейк!

— Иди-ка сюда, малышка.

Она прыгнула мне на колени. Я потер костистое, покрытое шерстью темечко между ушами.

— Как ты считаешь, Винни? — спросил я.

Винни подумала, нахмутив свои нависшие над глазами брови. В размышления она вложила множество усилий. Потом спросила:

— Про что считаю?

— Э-э-э? Понял. Про того человека, которого мы встретили. Того, у которого такая красивая одежда. Он тебе понравился?

Она пожала плечами. Мне стало интересно — выученный это жест или свойственный ее роду так же, как и людям.

— Большой человек, — ответила мне Винни. — Большой.

— Большой? — Ну уж нет, Прим явно был даже ниже среднего роста. — Ты хочешь сказать, «важный», «сильный»?

— Да, это. Большой человек. Сильный, — она пыталась как-то пояснить свои мысли, но ей не хватило слов, и она просто сказала: — Совсем большой человек. — Потом, словно ее озарила новая мысль, она добавила: — Много!

— Много? Ты хочешь сказать, в нем много чего-то? Или что он очень сильный?

— Много, — упрямо повторила Винни.

— Много? В смысле — «больше, чем один»? Что у него — много друзей?

Она подумала.

— Нет. Он много. Больше-чем-один.

— Понятно.

Я посмотрел на остальных, ища объяснения словам Винни. Никто ничего не понял. Я повернулся к Джорджи, который был не выше Винни, но чуть толще ее в талии, и спросил:

— А ты как считаешь, Джорджи, старина?

Джорджи ответил мне озадаченным взглядом.

— Ты считаешь, что Прим — этот человек — тоже «сильный» и «много»?

Он кивнул.

— Много — больше-чем-один.

Джорджи задумчиво и энергично кивал головой, словно обдумывая саму идею, потом подумал еще и сказал:

— Он еще и один, тоже.

— А? Понял, он один. Один человек, да?

— Но и много... еще есть... один-много...

— Это начинает подозрительно пахнуть теологией, — сказал Джон. — Один во множестве. Еще немного — и они станут мне доказывать доктрину Троицы.

— Как они сообразили все это? — спросил недоверчиво Лайем.

— Эти двое все знают, — сказала Сьюзен. — У меня все время было чувство, что Винни все знала в течение нашего путешествия.

— Ты можешь объяснить, Джорджи? — спросил я. — Объясни. Скажи больше.

Джорджи почесал пузо и сказал:

— Пьим... он... не есть человек.

— Понятно. Он не человек. А кто же он?

— Объяснить, — он выглядел так, словно у него начиналась головная боль, — он... — почесывание пуза становилось все сильнее и быстрее. Джорджи весь наморщился от напряжения. — Он... Пьим... он...

— Ладно-ладно. Не волнуйся. Ничего страшного нет в том, что ты не можешь этого выговорить.

— Он — все они, — выпалил Джорджи. — Все. Один. Много.

Он перестал чесаться. Что-то его осенило, слабый свет на горизонте его понимания. Он уставился на небо.

— Я, — сказал он. Потом перевел взгляд на Винни. — Винни — тоже. Она тоже. Мы.

Он показал на Винни, потом коротеньким указательным пальцем снова показал себе на грудь.

— Мы. Нас, — он похлопал пальцем по груди. — Мы много. Он печально вздохнул.

— Объяснять больше нет.

Мы долго молчали.

Наконец я сказал:

— Спасибо, Винни, Джорджи.

Винни обняла меня и спустилась с моих колен.

— Ну вот, такие пироги, — сказал я нехотючи.

— Да. Вот именно, — отозвался Джон.

— Что же нам, двигать вперед?

— Конечно, — сказала бесцветным голосом Сьюзен.

Я повернулся вперед, поставил ногу на педаль газа, взялся за рукоятки управления и сказал:

— Заводи мотор, Сэм.

Сэм так и сделал. Мотор загудел жизнью.

Я посмотрел через долину на дворец из изумрудного стекла, и наконец мне пришлось в голову, что сказать. Наверное, на моей физиономии была лукавая ухмылка, когда я попробовал сказать:

— Ну, ребята, мы...

— Если ты скажешь «Мы в город Изумрудный идем дорогой трудной», — объявил Сэм, — то я вылезу из своего укрытия и откушу тебе задницу!

Глава третья

Путешествие через долину было спокойным, неспешным и лишенным каких бы то ни было происшествий. Мы проезжали самые разные здания, которые расположились вдоль дороги. Сперва-то мы их не заметили, потому что все наше внимание было приковано к зеленой хрустальной крепости. Теперь мы вдоволь могли поломать голову над тем, что же такое мы видим. Одно из зданий было похоже на помесь ионического храма с химической фабрикой. Еще одно здание представляло собой приплюснутую серебряную сферу на голубой пирамиде. Третье здание, в некотором удалении от дороги, было просто несколькими бабочкиными крыльями, соединенными вместе. Были и другие здания, которые труднее описать. Не надо и упоминать о том, что у нас не было ни малейшего понятия насчет того, что это такое было на самом деле и какие функции могли быть у этих строений. Я подозревал, что многие из них вообще не были зданиями в человеческом смысле слова. Скульптуры? Может быть. Машины? Вполне возможно.

Изумрудный город — это совсем другое дело. В нем было нечто фантазийное, сказочное. Линии его были грациозны и романтичны, вопреки массивности. В то же самое время в нем было ощущение солидности. Он был таким большим, что с легкостью вместил бы в себя настоящий город, а если это действительно была крепость, то она и выглядела соответственно этой роли — высокие крепостные стены противостояли всем ветрам. Похоже было, что весь город вырезали из единого монолита. Никаких швов, никаких соединений.

Это был замок, но совсем не похожий на те, которые можно увидеть в книжках по истории. Чертежи явно составляла не человеческая рука. Я готов был поспорить на что угодно.

Сэм спросил:

— Как там насчет входа у подножия горы?

Именно так Прим и говорил — вход у подножия.

Но там просто-напросто кончалась дорога. Космострада, лабиринт межзвездных дорог, который растянулся по всей Галактике, просто обрывалась у основания цитадели перед куртинкой багряных деревьев. Конец дороги. Долгонько же мы ехали.

Я затормозил.

— Э-э-эй! — завопил Сэм. — Это что еще такое?

То место, где дорога соединялась с основанием холма, вдруг разверзлось, словно приподнятая юбка, причем деревья словно были пришиты к подолу. Основание холма приподнялось ровно настолько, чтобы пропустить тяжеловоз, образовав арку, за которой начинался туннель. Дорога вела в холм.

— Что ты об этом думаешь, Сэм? — спросил я.

— Здорово.

— Поедем внутрь?

— Естественно. Я зажгу фары, и все.

Я посмотрел на облицовку туннеля, пока мы в него въезжали. Внутри все было из металла. Никакой земли или мусора не посыпалось на нас с поднятой стороны холма, и я никак не мог взять в толк, как делается этот трюк. Однако долго размышлять над этим у меня не было времени.

Туннель был с гладкими стенами. Освещался он овальными светоустановками, которые через равные промежутки были укреплены на потолке. В остальном туннель был совершенно лишен каких-либо оригинальных черт и тем напомнил мне планету-гараж «дорожных жуков», где «жуки» нас и поймали, приволокли потом в это странное место за столько световых лет от дома. Туннель шел по толще горы примерно полкилометра, прежде чем расширился и превратился в тускло освещенную огромную пещеру.

Но на этом кончилось сходство с планетой-гаражом «дорожных жуков», хотя и это место весьма походило на гараж. В темноте возникали силуэты кранов, лебедек и прочей механики. Повсюду валялись куски странных машин. Тут же были десятки машин-автомобилей, которые стояли посередине и выглядели вполне готовыми к эксплуатации. Еще несколько машин занимали многочисленные отсеки-боксы для ремонта, которые были утоплены в стены. Автомобили эти были всех возможных моделей и видов.

— Сколько же стоит тут стоянка?—спросила шутливо Сьюзен.

— Где смотритель стоянки?—спросил я.— Но серьезно, ребята, как же нам отсюда попасть в город?

— Лифтом, наверное,—ответил Карл.

— Угу,—отозвался я.— Где? Эта пещера здорова. Ты видишь где-нибудь лифт?

Мы несколько минут блуждали по пещере.

— Что это такое?—показал пальцем Роланд.

— Где?

— Похоже на аппарат. Видишь? В прорези вот здесь, на противоположной стене. Нет, так ты ее не увидишь — ее закрывает этот моток чего-то вроде электрокабеля.

— А-а-а,—я подъехал на тяжеловозе чуть вперед и увидел, о чем речь. Это была действительно аппарат, резко и круто уходящая вверх, которая едва могла по ширине вместить легкой автомобиль. Про тяжеловоз нечего и говорить.

— Похоже, что таким путем можно забраться наверх,—сказал я.— Но нам придется топать на своих двоих.

— Похоже, что мне придется остаться здесь,—сказал Сэм.

— Извини, Сэм.

— Все равно—если я усядусь за стол, то буду выглядеть несколько крупновато для вас. Приятного аппетита.

Я выключил мотор.

— Ладно. Мы пошли.

Пещера была прохладная, в ней резко пахло гаражными запахами — нет, не маслом и тавотом, но тяжелым запахом крупных машин.

— Все все с собой взяли? — спросил я, когда моя команда вывалилась из тяжеловоза. — Может случиться и так, что нам не удастся сюда вернуться еще долгое время.

— У меня весь мой туристический ногогонский набор с собой, — сказала Сьюзен, пытаясь завернуть руку назад, чтобы поправить лямку рюкзака. — Не знаю, поможет ли нам это, но решила все-таки взять его с собой.

— Хорошая мысль взять с собою все, что нам в принципе может понадобиться, — сказал я. — Невозможно сказать, что будет ждать нас наверху. Кто-нибудь что-нибудь забыл в машине?

Но нет, все были готовы продолжать путешествие с тем, что было у каждого в рюкзаке.

Я вынул ключ и заговорил в микрофон.

— Все в порядке, Сэм. Береги машину и будь настороже на случай возможных неприятностей.

— И вы тоже. Удачи вам, ребята.

Мы прошли по гладкому прохладному полу пещеры к темной арке, которая вела к аппарели, на пути нам попались несколько совершенно странных и диких машин. Они были составлены из самых различных геометрических форм, которые были под невероятными углами прикреплены друг к другу. Чуть дальше стояли другие автомобили, которые лучше воспринимались человеческим разумом, но все равно были уж больно чужими по виду.

Лайем первым прошел через арку. Он посмотрел вверх и замер.

— Мать Божья! — сказал он тихо.

Мы встали с ним рядом на дне огромной цилиндрической шахты, которая вела вверх на высоту всей горы, причем ее верхний конец совершенно терялся во тьме. Посередине шахты без всякой видимой опоры проходила вертикальная лента, широкая, из какого-то металлического материала бледно-голубого цвета. Она и образовывала ту аппарель, которую мы видели из пещеры. Ее конец приглашающе лежал на полу у наших ног. Он касался земли под самым удобным углом для входа или въезда на нее.

Мы обошли ее кругом, держась на почтительном расстоянии. Я обошел вокруг нее дважды, потом снова. Проклятая штука не достигала в толщину и трех сантиметров.

— Это похоже на шахту для грязного белья в гостиницах, — сказал Карл.

— Угу, для самой срочной стирки, — сказал я.

Карл кивнул.

— Ну, наверное, с ней надо обращаться так: разбежаться как следует, по-настоящему, вот так...

Он отошел назад, потом разбежался по резко закрученному вверх кончику ленты до того момента, где она становилась почти вертикальной, чтобы соскальзывать вниз, и... не мог.

Он не стал скатываться. Он просто не мог.

Улыбка его исчезла.

— Эй!

Он стал скользить по аппарели вверх. Он все еще стоял, глядя вниз, тело его стало перпендикулярно ленте, он висел горизонтально над землей, его крепко держала какая-то таинственная сила. Однако он мог перебирать ногами. Он попытался спуститься вниз пешком, но сила, которая тянула его наверх, делала это слишком быстро. Он попытался неуклюже бежать. Шаги его были медленными и неверными.

— Черт побери! — заорал он. — Я не могу...

Мы все стояли, задрав башку и разинув рты. Я не мог представить себе, чем бы я мог ему помочь. Очень странно было вот так стоять и смотреть на то, как его медленно поднимает вверх, а он сам пытается сойти вниз, как в старинных тюрьмах на ступальном колесе. По мере того, как его все быстрее несло вверх, он отказался от попытки спуститься и развернулся лицом к самой шахте.

— Эй! — окликнул он нас через плечо. — Мне кажется, тут именно так и поднимаются вверх. — Он невесело рассмеялся, а гладкие стены шахты эхом донесли его слова до нас. — По крайней мере, я искренне на это надеюсь.

— Карл! — закричала ему вслед Лори, глаза ее округлились от изумления и страха. — Карл, осторожнее!

— Мне кажется, девочка, он прав, — сказал Шон. — Это путь наверх.

Я шагнул вперед и неуверенно поставил ногу на аппарель, проверяя, выдержит ли она меня. Я не почувствовал никакого притяжения, никакого магнитного прилипания. Я осторожно ступил вперед. Кто-то сжал мое плечо — Дарла, которая встала на аппарель со мной вместе.

— Вам наверх? — сказала она с улыбкой.

— Я с тобой, детка, — ответил я.

Мы стали карабкаться по крутому склону ленты. Мы не прошли и нескольких шагов, как это начало происходить. Мир наклонился. Мое ощущение верха и низа повернулось градусов эдак на сорок пять. Неожиданно лента металла перестала быть вертикальной, а стала просто крутой, мы поехали по ней вперед, как на эскалаторе в крупном универмаге. Я мог перебирать ногами, но это было похоже на то, как если бы я пытался идти в липкой грязи. Это немного сбивало с толку, но ощущение было скорее приятным.

Я повернулся, пока не оказался лицом к аппарели. Все остальные так и стояли внизу.

— Эй, вы! — окликнул я их. — Все в порядке. Прыгайте сюда!

Они пожали плечами и неуверенно приблизились к странному устройству.

Я снова развернулся по своей оси. Карл, который намного обогнал нас, помахивал нам рукой и кричал что-то, чего мы не могли расслышать. Я помахал ему в ответ.

— Не улетай слишком далеко! — прокричал я.

Он приложил руку к уху, поэтому я прокричал громче. Он услышал, кивнул головой и попробовал снова немного спуститься вниз. Но все равно он только набирал скорость. Наконец он сдался и воздел руки кверху жестом отчаяния.

Мы тоже набирали скорость. Я посмотрел под ноги. Трудно было сказать, движется ли поверхность под нами, или таинственные свойства самой поверхности перемещают нас по ней, словно по конвейеру. Лента была бесшовной, без примет, а шахта вокруг нас была довольно темной. Я наконец решил, что мы скользим, и почти был уверен, что подошвы моих ботинок не касаются аппарели, а скользят в нескольких миллиметрах от нее.

Путешествие вверх было быстрым. Диск света рос и ширился наверху шахты, и мы мчались ему навстречу. Нашу скорость трудно было себе представить, но мы двигались вперед, а ощущение было восхитительным. Это путешествие словно воплотило наяву мои недавние сны — как я мчусь по темному туннелю к источнику света, яркого и сияющего. Я что-то читал про такие образы — вроде как они повторение ощущения при рождении. Я думал над этим. Я не из тех, которые считают себя психологами, прочитав пару книг по этому предмету, но в этой идее было что-то, с чем нельзя было не согласиться.

Мы неожиданно замедлили полет. Мое представление о верхе и низе еще раз полетело к чертям кувырком, когда аппарель выпрямилась, выстрелила в арку, за которой открывалась большая зеленая зала, и превратилась просто в пол этого зала.

Дарла и я постепенно остановились, скользя по полу, как по льду, сделали несколько неровных ковыляющих шагов и оказались на отполированном черном полу.

— А где Карл? — спросила Дарла.

Я огляделся по сторонам. Мы были в большой круглой комнате. В стенах на равном расстоянии друг от друга были прорезаны дверные проемы. Концы различных подъемников, похожих на тот, которым мы сюда прибыли, виднелись в этих проемах, и все они заканчивались в этой круглой комнате.

— А черт его знает, где Карл, — ответил я.

Глава четвертая

— Где Карл? — это был первый вопрос, который задал мне Джон Сукума-Тейлор, когда он сошел с волшебного эскалатора.

— Хороший вопрос, — ответил я. — Он, кажется, куда-то девался.

Джон нахмурился и покачал головой.

— Дурак чертов. Если он еще раз впутается в какие-нибудь пакости...

— Я гораздо больше боюсь, что с ним самим что-нибудь случилось.

Джон разгладил морщины на лбу и печально кивнул.

— Ох, боюсь, что ты прав. Не представляешь себе, куда он мог бы пойти?

— Нет. И мне как-то не хочется отправляться на поиски, пока мы все не поднялись. Насколько ты обогнал остальных?

— М-м-м... когда я оглянулся, Сьюзен, кажется, больше остальных боялась войти на эту штуковину. Не знаю, что заставило меня первым последовать за вами двумя, но я именно так и сделал. Мне кажется... О, вот и они.

Из овальной арки в зеленой комнате появились Лори, Юрий, Зоя, Рагна и Они. За ними следом, почти по пятам, последовал Шон рука об руку с Винни и Джорджи. После небольшой паузы появились Лайем и Роланд, а между ними — они поддерживали ее — слегка позеленевшая от страха Сьюзен.

Она, спотыкаясь, слезла с аппарели, прижала руку к животу.

— О, Господи, — простонала она.

— С тобой все в порядке, Сьюзи? — спросил я.

Она судорожно сглотнула, потом рыгнула.

— Простите меня. Я всегда заболела страшной морской болезнью на американских горках.

Роланд рассмеялся и похлопал ее по спине.

— Да ну, Сьюзен, брось. Совсем не так плохо все это было.

Сьюзен поморщилась и закатила глаза.

— Не могу поверить, что мы поднимались просто прямо вверх... Прямо вверх! Это было самое худшее... Нет, не могу этого вынести!

Она снова рыгнула.

— Карла нету, — сказала Дарла Шону, который оглядывался по комнате.

— Мы потеряли его из виду, когда еще поднимались по шахте, — сказал я, — его не было и здесь, когда мы тут оказались. Предлагаю пойти его поискать.

— В этом пареньке, конечно, сам черт сидит, — сказал Шон, — но он не стал бы так вот просто убегать. Наверное, что-то произошло.

— Что бы ни произошло, — сказал я, — это должно было

произойти быстро. Мы не могли отстать от него больше, чем на тридцать секунд.

— Ты думаешь, Прим приложил к этому руку? — спросил меня Лайм.

— Может быть и такое.

— Странное дело, — сказал Шон, — я думал, что Прим окажется тут, чтобы нас встретить.

— И я тут. Приветствую вас, — голос наполнил огромный зал.

— Здравствуйте! — я повернулся, ища источник звука.

— Простите меня, — сказал голос Прима, — боюсь, что некоторые обстоятельства помешали мне приветствовать вас лично. Я очень скоро присоединюсь к вам, а до тех пор я обеспечил все...

— Где Карл? — прокричал я.

— Простите, не понял? — пауза, а потом голос произнес: — Ах, да. Кажется, молодой человек просто потерялся. Вы находитесь в незнакомом месте и, естественно, решили, что оно изобилует опасностями. Но это место безопасно, хотя потеряться здесь и в самом деле очень легко. Пожалуйста, не волнуйтесь. Он тоже присоединится к вам, и очень скоро. Уверяю вас, он в полной безопасности.

— Мы действительно очень беспокоимся за него, — сказал я ему.

— Разумеется, и это вполне понятно, я вас не могу никак за это осудить. Вы ведь находитесь, как я уже сказал, в незнакомом месте. Я полностью понимаю ваше осторожное недоверие ко мне. Я ведь очень даже могу оказаться вашим врагом. И я понимаю, что мои заверения в обратном вы вполне можете принимать с большим недоверием. В конце концов, вы так мало обо мне знаете. Но теперь я бы очень хотел убедить вас в том, что ваши страхи относительно меня совершенно не оправданы. Я отношусь к вам очень хорошо и не собираюсь причинять вам ни малейшего вреда. По мере того, как пройдет время, вы сможете в этом убедиться. Однако, сказав вам относительно своего хорошего отношения к вам, хочу заметить, что ваши опасения касательно этого места не совсем беспочвенны. Тут действительно существует определенная потенциальная опасность. Я имею в виду как внутри данного здания, так и на всей планете. Хотя опасности за пределами этих стен куда как больше, чем в них самих. Если говорить о тех возможных опасностях, то возьмем хотя бы самые непосредственные. В этих комнатах и башнях существуют определенные объекты, которые при их неправильном использовании могут стать источником большой опасности. Кроме того, вполне реальна опасность потеряться. Это здание обладает определенными — скажем так — архитектурными особенностями, которые, если их не понять и не принимать во внимание, могут привести к несчаст-

ным случаям. Короче говоря, вы мудро поступите, если будете вести себя очень аккуратно и осторожно, пока не привыкнете к тому, что вас окружает. Надеюсь, что я выразился ясно.

Я ответил:

— Вы что-то упомянули относительно опасностей за пределами этих стен.

— Относительно этого вы узнаете чуть позже. Мне трудно было бы вам что-либо объяснить, не вдаваясь в подробные рассказы относительно общей ситуации здесь.

— Хорошо. Но, как я понимаю, вы на этой планете не один. Есть и другие. Правильно?

— Можно выразиться и так.

Мне стало вдруг очень досадно. Этот тип совершенно не умел отвечать на вопросы, не оставляя места для сомнений и догадок.

— Спасибо за точные и ценные сведения,— сказал я.— Вы что-то говорили насчет обеда. А также упоминали, что прямо и недвусмысленно ответите на наши вопросы.

В его голосе можно было уловить снисходительную улыбку.

— Я понимаю ваше нетерпение. Но, может статься, вам самим сперва надо продумать ваши вопросы.

Он словно бы хихикнул, потом сказал:

— Вы очень разумные и изобретательные существа, в этом я не сомневаюсь. Наверное, вы даже достаточно разумны, чтобы сообразить, что все, с чем вы тут столкнулись, совершенно никак не соотносится с вашим прежним жизненным опытом. Вы можете встретиться тут с идеями и концепциями, которые вам трудно будет понять и постичь. В конце концов, может оказаться, что полное понимание окажется за пределами ваших возможностей. Я, конечно, сомневаюсь в этом, но все же это единственное, что нам придется проверить. В любом случае, само изучение вопроса окажется весьма полезным опытом для вас. Оно как бы само несет в себе награду. Вот почему я продолжаю настаивать, что вам нужно время. Нетерпение, в лучшем случае, просто ведет к снижению эффективности процесса обучения. А здесь, на этой рукотворной планете — которую я предлагаю вам называть Микрокосмосом, поскольку сам не удосужился придумать ей название получше — это может оказаться даже смертельным для вас.

Я кивнул.

— Хорошо, это понятно. Замечательно. Я уверен, что от имени нас всех могу сказать, что мы все с нетерпением ждем возможности узнать больше и научиться новому. И можете нам поверить, что мы будем очень осторожны. Но, честно говоря, неизвестность меня уже почти убивает. Кроме того, я очень хочу есть.

Прим мелодично рассмеялся.

— Вне всяких сомнений. Минуточку.

Мы ждали примерно четверть минуты. Потом из арки справа от нас появился летящий зеленый шар, излучавший легкое свечение. Он плыл метрах в двух над полом.

— То, что вы видите, довольно трудно объяснить с точки зрения техники,— сказал нам Прим,—но функция предмета весьма проста. Он приведет вас в обеденный зал, где, если вы желаете, мы и пообедаем. Пожалуйста, следуйте за этим предметом. Я вскоре присоединюсь к вам.

— Мне очень не хотелось бы показаться назойливым, но где Карл?— спросил я.

Ответа не последовало.

— Что с Карлом?— закричала Лори.— Ответьте нам!

Зеленый шарик подскочил вверх-вниз, потом пролетел под арку, вылетел в темный коридор, который шел по касательной к круглой комнате. Там он остановился, явно поджидая нас.

— Веди нас, Макдуф,— воззвал к нему Джон, выходя вперед. Потом он остановился и оглянулся на нас.— Ну?

Сьюзен все еще держалась за живот.

— Не могу даже подумать о еде, но если я заставлю себя что-нибудь проглотить...

— Правильно,— сказал Роланд.— А потом я прокачу тебя на еще одной аппарели. На сей раз мы выберем такую, чтобы шла вниз.

— Ик!!!

Мы последовали за зеленым шаром.

Прим не шутил, когда говорил относительно архитектурных странностей этого места. Все тут было не таким, как обычно. Стены то сужались, то расширялись, то головокружительно выгибались. Полы поднимались под странными углами. Из окон открывались странные виды. Но даже принимая это во внимание, можно было сказать, что у замка есть своя странная красота. Хотя она была неожиданной и оригинальной. Стены были гладкими, и украшений или картин на них не было. Ни тарелок, ни резьбы, ни украшений. Никаких гобеленов, оружия или щитов, на которых сверкали бы геральдические символы. В конце концов, это не был замок как таковой. Пол повсюду был блестящий, черный, словно темное зеркало. Тут и там все-таки стояли странные предметы, несомненно, те самые, относительно которых нас предупреждал Прим. Некоторые были похожи на куски станков, некоторые напоминали скульптуры, но могли быть с тем же успехом инопланетными вешалками для шляп.

— Этот замок похож на какой-то занюханный музей,— сказала Сьюзен.

— Я только что собирался именно это и сказать,— откликнулся Джон.

Я сказал:

— Да, ощущение возникает похожее.

Хотя чувство было странное. В расположении предметов не чувствовалось никакой системы. Какие-то предметы словно бы просто валялись как попало. Они совсем не были выставлены на обозрение. Тем не менее я почему-то понимал, что это была коллекция, собрание вещей, которые были старательно где-то собраны и потом сvezены сюда на хранение.

Вскоре мы оказались в большом зале с высокими потолками, в котором в самой середине стоял огромный стол неправильной формы. Одинаково сделанные предметы для сидения — если бы я сказал «стулья», вы решили бы, что на них легко было бы сесть — были расставлены вокруг стола. Но то, что было на самом столе, отнюдь не было странным. Это была еда, и смотрелась она восхитительно. Там был огромный окорок, запеченный целиком, самая разнообразная жареная птица, рыба, различные куски вырезки, пара кусков свинины и, как показалось мне, телятины. Вокруг этих закусок расположились блюда с овощами, кастрюльки-гусятницы, корзины с фруктами, с хлебом, супницы, миски с салатом — и так далее, и тому подобное. Там были выставлены и прочие блюда, которые я вообще не мог опознать, но они выглядели очень знакомо. Если брать в целом, это было нечто большее, чем обед, и только слегка уступало королевскому приему для иностранных высоких гостей. Приборы для еды выглядели инопланетными и чужими, но пользоваться ими было вполне возможно, как и сосу-дами для питья.

Мы оглядели стол. Тут наш сияющий проводник улетел, промчавшись через арку во тьму.

— Вот это накрыто, — заметила Сьюзен.

— Как поживают твои внутренности? — осведомился я.

— Уже лучше.

Мы все стояли, разинув рот, пока Прим не вошел в зал через арку слева. Улыбаясь, он подошел туда, где примерно можно было угадать главный конец стола, и встал там.

— Добро пожаловать. Я рад, что вы пришли. Пожалуйста, садитесь.

Мы выбрали себе места вокруг стола. Так же, как и остальные, я внимательно оглядел свой «стул», на который мне предлагалось сесть. Он был розовый, блестящий и очень походил на кусок коралла. То, что нам предлагалось сесть на эту штуковину, по-моему, могло вызвать у одних эротические ощущения, а у других незаурядные болевые — все зависело от того, насколько осторожно на нее опускаться.

— По-моему, вы найдете... — начал Прим, но его прервал вопль Лори.

Она попробовала сесть, но немедленно подскочила со стула.

— Он движется! — воскликнула она.

Прим хохотнул.

— Стулья автоматически приспособятся к вашим телам, как только вы сядете. Просто садитесь, и...

Я тук и сделал, стараясь быть как можно аккуратнее. Стул именно так и поступил — приспособился к моей заднице, и даже раньше, чем она коснулась сиденья.

— Ну вот, видите?

— Интересно, — сказал я, пока стул пытался и дальше усадить меня как можно удобнее. Эти мелкие изменения происходили медленнее и тщательнее, чем первоначальное приспособление. Я немного увереннее опустился на сиденье, чуть глубже провалился в него и очень хорошо устроился. Ощущение было странное, но мне было очень удобно.

Когда все уселось, Прим налил себе из графина янтарной жидкости.

— Мне кажется, вы найдете это вино немного пресноватым и весьма незрелым, но оно превосходно сочетается почти со всеми блюдами на этом столе, — он показал на такой же графин возле Джона, который сидел от него справа. На столе было еще несколько таких же графинчиков. — Пожалуйста, не стесняйтесь, берите все, что вам понравится. Я должен извиниться за отсутствие слуг — единственный, который у меня есть, в настоящий момент занят.

Я взял графинчик, налил в стакан справа — для Сьюзен, слева — для Дарлы и стакан для себя.

Прим поднял свой стакан.

— Предлагаю тост — за жизнь.

— Браво, браво, — сказал Шон.

Я вдохнул букет вина. Потом принялся тщательнее. Я получил ощущение дня позднего лета... спелых фруктов, которые упали в саду, теплого дыхания цветов, яркого солнца, которое заходит за садовой калиткой, виноградника, в котором отяжелели кисти, свежескошенных лугов сена, день клонится к вечеру... что-то такое. Запахи были знакомые, но какие-то экзотические. Это было больше, чем запах. Это было переживание.

Я выпил вино и выпил вместе с ним эти ощущения. Вкус тоже был весьма своеобразен. Там были и плоды, и цветы, и покрытые росой листики мяты. Нюанс тертого имбиря, капля лимонного сока, капелька меда. В нем было еще много-много всего.

Наконец Дарла сказала:

— Я никогда... никогда-никогда в жизни ничего подобного не пробовала.

— Я очень рад, что оно вам нравится, — сказал Прим, весь просияв. — Оно такое хорошее, правда?

— Амброзия, — пробормотал Джон, уставясь в свой стакан.

— Как оно называется? У него есть название? — спросила Зоя.

Прим прищурил глаз.

— Мне думается... ну, приблизительный перевод был бы «сладкое дыхание земного лета».

— Как верно. Как чудесно.

— Откуда оно? — спросил Юрий.

— Существа, которые произвели это вино, были очень похожи на вас, и они были превосходными виноделами. Наверное, самыми лучшими, каких только знала вселенная. Как я уже сказал, они были очень похожи на вас. Собственно говоря, они были вашими потомками, почти на два миллиона лет позже пришло их время.

— Два миллиона! — ахнула Сьюзен.

— Да. Они все еще были очень людьми — очень. И они все еще помнили Землю, как видите. Они скорее всего посетили эту древнюю колыбель человека.

— Где Карл? — громко спросила Лори.

Прим снисходительно посмотрел на нее.

— Он будет здесь с минуты на минуту. Не стоит так волноваться, моя дорогая.

— Два миллиона лет после нас, — сказал Джон. — Страшно трудно поверить. Но вы говорите так, словно это время для вас — далекое прошлое...

— Так оно и есть, — ответил Прим. — Это было очень давно. Но время для меня... для нас... имеет очень небольшое значение.

— А кто такие «мы»? — спросил я.

Прим выпил вино и сел на свое место.

— Я думал, как лучше сформулировать в словах свои мысли. Что-нибудь подходящее, простое, — что передало бы значение без особого искажения. В вашем языке есть много слов для этого. Я же выбрал из всех слово КУЛЬМИНАЦИЯ. Это как раз то, что такое мы. Что такое я. Можете обращаться к нам или думать о нас именно этим словом — Кульминация.

Обычно я так и рвусь задавать очевидные вопросы.

— Кульминация чего, можно спросить?

Прим ответил мне серьезным твердым взглядом.

— Жизни. Сознания. Процесса. Мысли. Воли.

Я выпил залпом оставшееся в стакане вино.

— Так, значит?

Прим беззвучно рассмеялся, потом просто широко улыбнулся.

— Да. Так, значит, — он оглядел стол. — Пожалуйста, начинайте. Мы же можем есть и разговаривать.

— Вы — Бог? — спросила Лори.

— Что такое Бог? — ответил ей Прим вопросом.

— Э-э-э?

— Ты можешь определить смысл этого слова?

— Ну, знаете ли...

— Точно скажите, что это такое.

Лори покусала нижнюю губу, потом сказала:

— Вы и сами знаете. Тот, кто все создал. Такой тип...

— Тип?

— Ну, личность. Та личность, что создала вселенную. Все, что в ней.

— Создала?

Лори стала потихоньку терять терпение.

— Сделала. Та личность, которая сделала все живые существа. Это существо. То, которому вы молитесь,— она подняла глаза к небу.— Ну, вы и сами знаете.

— Вы молитесь Богу?

Лори вдруг смутилась.

— Иногда. Не сказать, чтобы часто.

Прим лукаво улыбнулся ей.

— Я вас просто дразнил. Я понял, что вы имеете в виду. И честным ответом на ваш вопрос будет такой — я пока этого не знаю.

— Вот дурацкий ответ,— сказала Лори капризно.

— Тем не менее, это единственный ответ, который я могу вам дать, прежде чем я кое-что вам объясню. А это займет много времени,— он взял булочку и оторвал от нее кусочек.— Я предлагаю вам сперва поесть.

— Мы все-таки немного озабочены...— начал я, потом справа от себя услышал шум.

Это был Карл, которого привел в столовую сияющий шарик. Трудно было сказать, был ли это тот же самый шарик или нет.

— Карл! — Лори вскочила и бросилась к нему.— С тобой все в порядке?

— Ага. А вы где, черт побери, были, ребята?

— Где, черт побери, был ты? — спросил я.

— Господи, да после того, как я добрался до самого верха, я ждал и ждал. Когда вы так и не появились, я пошел осмотреться, как тут все устроено. Заблудился.

— Мы вышли с аппарели не больше, чем через минуту после тебя.

— Да-а-а? Мне показалось, гораздо дольше. Мне вообще представилось, что вы почему-то не поднялись наверх.

— Но ведь ты видел в шахте Дарлу и меня. Разве нет?

— Ну да, это как раз я и не мог понять. Мне показалось, что, может быть, остановилась та штуковина, которая нас поднимала, и вы там так и застряли. А я никак не мог понять, как забраться снова в шахту и заглянуть вниз.

— Да, но тебе надо было оставаться на месте,— сказал я ему.

— Извини. Но я вообще-то недалеко ушел. То есть, я хочу сказать, я вообще только вышел из этой комнаты — и сразу потерялся. Это, ей-богу, было жутко.

Карл так же осторожно повторил наш ритуал со стульями.

— Самое странное место, которое я только встречал,— объявил он, поудобнее устроившись.

— Есть какое-нибудь объяснение тому, что произошло с Карлом?—спросил я Прима.

— Н-да...—Прим взял длинную разливательную ложку и накладывал себе что-то похожее на рагу из креветок.— Вы помните, как я говорил вам про некоторые архитектурные аномалии, которые связаны с этим строением? Вы еще узнаете, что в этом здании свойства пространства и времени несколько отличаются от тех, к которым вы привыкли в обычной жизни. Сейчас, в принципе, в большинстве мест в этом здании эффект необычных свойств не так сильно выражен, но есть такие места, где искривления выражены гораздо сильнее, и восприятие их требует определенной психологической адаптации. Эти эффекты — просто побочные проявления различных сложных технологий, которые применяются в этой крепости.— Он налил себе еще вина.— Например, возьмем то устройство, по которому вы прибыли сюда, наверх. Время течет несколько быстрее, когда вы им пользуетесь — это означает, что поездка наверх занимает чуть больше времени, чем вам кажется. То есть, подъем длится больше. Правда, надо сказать, ненамного. Мне кажется, Карл просто немного устал вас ждать. Может быть, ему стало не по себе. Ему показалось, что ваше прибытие странным образом задержалось. Я прав, Карл?

— Ага, по-моему, я весь дергался, как на иголках.

— Ну вот, пожалуйста. А потеряться вы могли, войдя в тот участок, где кратчайшее расстояние между двумя точками не обязательно составляет прямую, если вы меня понимаете.

— Не очень.

— Достаточно сказать, что в этом строении трудно было бы передвигаться даже и без того, чтобы преодолевать пространственно-временные искажения.

Мы все стали уплетать за обе щеки. Я положил себе порцию чего-то, весьма похожего на бифштекс по-татарски.

— Надеюсь, еда приемлема,—сказал Прим.—Если дать кухням побольше времени, они могут создать даже очень и очень хорошую пищу. Все это было сделано впопыхах.

Я кое-что вспомнил и посмотрел на Рагну и Они.

— А как насчет...

Но инопланетная пара нашла для себя еду, которую могла есть.

— Это совершенно восхитительно,—сказал Рагна, улыбаясь с полным ртом какой-то пасты.— Совсем как та пища,

которую мы едим дома. Точнее говоря, это совершенно идентичная ей пища. Незаурядно!

А Джорджи и Винни уплетали зеленые побеги с мясистыми розовыми головками и наслаждались ими вовсю.

Я спросил:

— Как же это ваши повара смогли выдать нужное питание для всех этих инопланетян — да и для нас, если уж на то пошло? Это весьма ловко и искусно сделано, пусть даже, как вы говорите, внопыхах..

— Надеюсь, я не испорчу вам аппетит, — сказал Прим, — если сообщу вам, что все это было синтезировано. Все, что есть на вашем столе.

— Поразительно, — сказал Юрий. — Вкус у этих голубцов совсем как у настоящих.

— Я рад, что вам нравится.

Беседа затихла, потому что все всерьез принялись за еду. Я слопал бифштекс, лапшу по-романовски, брокколи с сырным соусом, карри из цыпленка, артишоки в лимонном соусе, две печеные картофелины, несколько острых тефтелек, кучу тушеных грибов и половину печеной курицы в глазури. Это немного заморило червячка. Рядом стояли остальные блюда, которые показались мне незнакомыми. Я спросил Прима, откуда они.

— Из иных времен и иных мест, — сказал он, — чтобы было поразнообразнее. Попробуйте.

Я попробовал. Они были великолепны. Некоторые были непримечательны. Но все — весьма необычны и экзотичны.

Но потом я просто объелся, и мне пришлось отказаться от клюквенного торта и суфле из творога с лимоном. Хотя нет, суфле я кусочек попробовал. Оно было легким и пышным. Очень хорошим. Все было просто великолепным. Отличным. Настолько великолепным, что я не мог даже понять, каким образом достигается подобное совершенство.

Не мог я и понять Прима, что, впрочем, было неудивительно. Он пока еще ничего нам не сказал, и мне не терпелось побольше узнать. Я смотрел на него, а он лопал так же от души, как и мы все. Его аппетит не казался искусственным или наигранным. Может быть, он все же был человек.

— Откуда у ваших поваров рецепты? — спросил я.

— Есть не так много вещей, которых мы не знаем — даже такие относительно тривиальные вещи, как техника приготовления давних блюд, хорошо нам известны. Мои «повара»... — тут он хохотнул, — все это было сделано машинами. Мы только заложили данные.

— Ваша технология — просто фантастика.

Прим откинулся назад, воспитанно вытер губы розовой салфеткой.

— У нас нет технологии, — ответил он.

Глава пятая

Я внимательно посмотрел на нашего хозяина. Если в его лице и можно было прочесть какие-либо эмоции, они были выражены такими ужимками, которых я понять все равно не мог бы. Я вспомнил, что он уже говорил относительно собственной принадлежности к человеческому роду. Временами я почти видел эту искорку, эту маленькую его частицу, которая светилась в угольно-черных глазах. По крайней мере, мне казалось, что время от времени я мог увидеть этот огонек человечности. Большую часть времени на лице его как бы застыла приятная маска, которая была обращена ко всем и вся. Я никак не мог понять, что же скрывалось за этой маской, что составляло самую суть этого существа. Что-то чужое, в этом я был уверен. Что-то таинственное, непроницаемое. Тень чего-то слегка жутковатого все время выглядывала из непроницаемого его обличья.

— Как это? — ответил я на его последнее утверждение.

— Как я и сказал, технологии у нас нет. То есть, я хочу сказать, что у Кульминации нет своей оригинальной технологии. Все, что у нас есть, было получено нами в наследство от великих, создавших множество технологий культур прошлого, — он обвел рукой все, что нас окружало, и продолжал: — На пример, это строение. Само по себе оно является технологическим чудом — самосовершенствующаяся, самозащищающаяся крепость. Ей, по меньшей мере, полмиллиарда лет...

— ПОЛМИЛЛИАРДА! — ахнул Юрий, поперхнувшись коньяком. Он прокашлялся и сказал: — Не может быть, вы шутите.

— Смею вас уверить, что ни в коем случае не шучу. Прах той расы, которая построила эту крепость, лежит в геологических слоях вместе с остальным, что они построили и совершили. Они всего-навсего память — причем очень слабая. Но эта крепость вечна. Разумеется, она сперва была построена не здесь. За время своей долгой истории она не раз переносилась с места на место, пока, наконец, не оказалась здесь, на Микрокосмосе.

— А зачем? — спросил Шон. — Что же такое Микрокосмос?

— Искусственная планета. Ее первоначальная цель была очень многосторонней. Мне кажется, что самое удобное было бы воспринимать ее как...

— погодите минутку, — вмешался я. — Вы хотите сказать, что Микрокосмос построили тоже не вы? Что Кульминация — чем бы она ни была — не построила эту планету?

— Конечно, нет. Сам Микрокосмос — это реликт давно прошедших дней. — Прим наполнил свой стакан и продол-

жал: — Как я уже говорил, легче всего было бы представить себе это строение как, скажем, фрагмент давно прекратившего свое существование учебного центра, который занимался высшей наукой: сочетание университета, библиотеки, музея, исследовательской лаборатории и так далее. Это, по крайней мере, дает представление о первоначальной функции этого здания. Остальное не так-то легко воспринять, хотя надо отметить, что в идею этого здания была заложена и мысль о развлечениях, не только о работе. Кроме того, как ни странно, в нем была и определенная религиозная направленность. Что это было, мне вам трудно передать с помощью тех слов, которые известны. Если хотите, вы можете исследовать историю этого места, хотя я хотел бы сказать вам, что с точки зрения того, что вам придется тут делать, это вряд ли представляется важным...

— А что именно, — сказал я, — простите меня, что перебиваю, — но... все-таки...

— Нет-нет, ничего страшного, — откликнулся Прим. — Продолжайте, пожалуйста.

Я воспользовался той самой бутылкой коньяка, которую Юрий обнаружил среди дюжины прочих бутылок спиртного на столе. Это был очень качественный напиток, и, хотя я не мог назвать марку, коньяк не был никакой экзотикой. Просто первоклассное пойло. Я хлебнул из рюмки и сказал:

— А что именно нам предписывается тут делать? Нас протащили через всю Галактику, с одного конца на другой, мы оставили земной лабиринт далеко позади, приехали на самый конец дороги. Что теперь?

— А-а-а.

Прим уселся в кресле поудобнее, поставив руку со стаканом вина небрежным жестом на подлокотник. Он скрестил ноги, и жест этот показался мне настолько человеческим, что мне даже стало не столь страшно.

— Вне всяких сомнений, этот вопрос не впервые возник в ваших умах. Скорее всего, вы умирали от желания его задать. И я со временем отвечу на него. Но это всего лишь один из вечеров, когда мы с вами будем вот так сидеть и разговаривать. У нас есть очень много всего, о чем надо будет поговорить, поверьте мне, и мы не охватим этого за одну беседу. Сегодня я хочу просто очертить для вас широкие перспективы. Но, кроме этого, я хотел бы действительно дать вам что-то вроде предварительного ответа на этот вопрос. Вы находитесь здесь потому, что мы хотим, чтобы вы приняли участие в предприятии, которое может оказаться величайшим, самым значительным, самым прекрасным из событий, которые когда-либо происходили... буквально... за всю историю вселенной.

Я сказал:

— А медали за храбрость вы даете?

Тут мои уши просто ударила тишина замка. Я прислушался. Ничто в нем не шевелилось. Это место было мертво, старо и мертво.

Прим рассмеялся.

— Это было очень остроумно и весьма непочтительно. Но мне это страшно понравилось.

— Джейк, честное слово, не надо,—шепотом предостерегла меня Сьюзен.

— Нет-нет, мне решительно понравилось,—сказал Прим, видимо, услышав ее шепот.—И вас, наверное, удивит, что я понял, к чему это относится.

— Правда?—откликнулся я.—Тогда объясните это выражение мне. Сэм постоянно его употребляет, но я так и не понял, откуда оно взялось. Собственно говоря, Сэм сам не очень хорошо это понимает. Он подцепил это выражение еще от своего отца.

— А Сэм... ваш отец?

— Был моим отцом. Мой бортовой компьютер, который управляет всем моим тяжеловозом, запрограммирован частично на его элементах личности. Я зову его Сэм.

— Понятно,—Прим двумя пальцами погладил щеку, потом задумчиво сказал:

— Это может оказаться проблематично...

— Что именно?—спросил я после паузы, во время которой Прим явно обдумывал этот вопрос.

— Простите? А, нет, ничего особенного. Искусственные интеллекты—это настоящие личности, знаете ли. Разумеется, все зависит от того, насколько они развиты. Есть определенный уровень самосознания...—Он снова замолк, задумался, потом встряхнулся.—Простите меня. Я, кажется, все время отвлекаюсь.

— Полагаю,—сказал Лайем,—что следующим совершенно логическим вопросом будет тот, который связан с природой этого предприятия.

— Вот как раз это и потребует много времени, чтобы объяснить природу того, что задумано, потребуется ваше понимание,—сказал Прим.—Я только могу сказать, что концепция того, что мы намереваемся сделать, вас потрясет, как только вы ее поймете. Может быть, это вас немного напугает, причем вы еще никогда в жизни не были столь восхищены—или напуганы.

Он оглядел всех нас за столом.

— Да... Если вы все-таки поймете, в чем цель этой работы, может случиться, что вы совсем не захотите участвовать в ней.

— А что, у нас будет выбор—участвовать или нет?—спросил я.

— Да. Совершенно верно.

— И если мы решим не участвовать, то мы будем свободны в нашем праве уехать?

— Абсолютно. Вы можете уехать сей момент. Если вы желаете.

— Хорошо,— ответил я.— Просто замечательно. Но где, где мы, черт побери?! И как нам добраться туда, где мы родились, откуда приехали?

— Вас отправят туда и тогда, где и когда вы родились...

Выражение изумленной, недоверчивой надежды появилось на лицах всех, кто сидел за столом.

Прим посмотрел на нас и рассмеялся.

— Как я понимаю, это встретило ваше полное и единодушное одобрение.

Сьюзен смотрела на него с недоверчивым восторгом, полуоткрыв рот. Она сглотнула и сказала:

— Вы отвезете нас обратно? Совсем обратно? Я хочу сказать, туда, где мы живем? Откуда мы появились? Мы потеряны, мы совершенно сбиты с толку, и если только вы хотите сказать, что...

— Так я и думал. Да. Я отправлю вас туда и в то время, куда вы хотите попасть. Это не представляет из себя никакого труда.

Мне показалось, что Сьюзен упадет в обморок. Вместо этого она тихо заплакала. Я обнял ее за плечи.

— Она расстроилась?— спросил Прим.

— Долго объяснять,— сказал я.

— Понимаю. Я собирался добавить, что объяснять местоположение этого искусственного мира-планеты было бы довольно трудно, потому что мы не смогли бы найти никакой точки отсчета, которую вы могли бы понять или знать. Невозможно привязать местонахождение этой планеты к чему-то вам знакомому.

— В таком случае, в какое время мы попали?— спросил Юрий.

— Ну, в данный момент мы находимся совсем вне времени. Хотя мы и движемся по отношению ко вселенной в целом.

— Какова наша скорость?

— Боюсь, что понятие скорости тут тоже вряд ли применимо.

— Но, как вы сказали, если мы движемся по отношению к системе координат нашей вселенной...

— Простите. Эта фраза была более чем упрощением.

— Мы движемся быстрее света?

Прим нахмурился, потом коротко и иронически рассмеялся.

— Боюсь, что ничем не могу вам помочь насчет объяснений. Простите, ради бога. Кажется, передать вам словами то, что я хочу вам передать, гораздо сложнее, чем я думал. Мне нужно кое-что сделать тут и там, поэтому мне придется скоро вас

покинуть, так что это проблема не в общении, а во времени. В конце концов придет время, и вы все поймете. Но на пока давайте отложим все сложные объяснения. Давайте просто скажем, что эта планета находится вне времени и вне пространства, но тем не менее движется.

— Меня интересует еще один момент, касающийся временных вопросов,— сказал Шон.— А именно — перспектива, с которой вы смотрите на мир и время. Совершенно очевидно, что ваше возникновение относится к отдаленному будущему, если говорить с нашей точки зрения.

— Да.

— Нашему весьма отдаленному будущему, как я понимаю.

— Очень отдаленному. Примерно на десять миллиардов лет.

Я как следует глотнул коньяка, потом протянул руку за бутылкой.

— У вас всех ошеломленный вид,— сказал Прим.

— Я не хочу сказать, что это невозможно,— тихо сказал Юрий,— но должен сказать, что я в это не верю.

Роланд, который пассивно слушал все это время, покачал головой.

— Вы просто не выглядите, не разговариваете, не ведете себя так, как мог бы вести себя человек из будущего, которое отстоит от нашего настоящего на миллиарды лет. Да и вообще, вопрос существования человеческих существ в таком отдаленном будущем...

— Но я не человек,— сказал Прим,— если не считать очень небольшой частички. Я повторю то, что я вам уже ранее говорил. Человеческий компонент — только весьма активная и сильная часть меня. Сейчас. И здесь. Когда я разговариваю с вами. Иначе я вообще не был бы в состоянии разговаривать и общаться с вами.

Я прикончил еще два или три пальца коньяка, которые оставались у меня в рюмке, и отставил рюмку в сторону.

— Что подводит нас к еще одному вопросу. Что именно вы из себя представляете? Что такое Кульминация?

Прим осушил свой стакан и наклонился вперед.

— Мы снова упираемся в тупик — решить все вопросы за одну-единственную беседу. И снова я постараюсь передать вам какие-то общие идеи. Давайте начнем с того, что определим, чем Кульминация не является. Мы не раса, но мы состоим из многих рас. Мы не культура, но мы вне культуры. Мы существуем в стороне от течения событий вселенной — мы стоим, так сказать, на берегу реки времени, глядя через ее воды. Но в каком-то смысле мы стоим у истоков этой реки, пока она вливается в вечность. Мы вот что: мы то, к чему стремилось сознание вселенной.

Снова воцарилась глубокая тишина, словно мы находились

в пещере под землей, и на сей раз мне показалось, что я слышу слабые шорохи за темными арками. Наверное, это игра воображения. Но я верю в привидения по понедельникам, средам и пятницам, хотя понятия не имею, какой сегодня день.

— Простите мне мои метафоры,—говорил Прим,—но иногда они очень образные и полезные. То, о чем мы говорим — эволюция и финальная кульминация сознания во вселенной, разума ее. Представьте себе каждую расу, каждую культуру как вклад в эту реку сознания, питающий ее, пока река течет к океану осуществления Кульминации. Там сперва будут заданы самые главные вопросы, а потом, может быть, на них будет найден ответ. Мы ищем окончательный предел знания. Мы ищем вершину творения.

Прим поднялся и обвел взглядом стол.

— То, что вы видите перед собой — это тело, меня, — на самом деле просто инструмент, который дает мне возможность общаться с вами, а вам — шанс контактировать с Кульминацией. Вы находитесь в контакте с Кульминацией с нашей первой встречи, которая состоялась несколько часов назад. Мы снова поговорим, но сейчас я вынужден вас оставить. Вас проведут в ваши комнаты, — тепло его улыбки почти испепеляло. — Я получил огромное удовольствие от нашего совместного обеда. Простите мне мою резкость, но у меня есть неотложные дела, которыми я должен заняться. Надеюсь, что вам будет удобно во время вашего пребывания здесь, каким бы долгим или кратким оно ни было. Это, конечно, зависит только от вашей воли.

— Мне показалось, что вы сказали, что мы можем уйти, когда нам заблагорассудится, — напомнил я ему. — Вы сказали — в любое время.

— Так оно и есть. Вы хотите уехать прямо сейчас?

Я оглядел стол и увидел физиономии, на которых отражалось ошеломление разной степени.

— Мне кажется, нам лучше провести совещание по этому поводу, — сказал я Приму. — Сможем мы потом связаться с вами?

— Боюсь, что мы будем заняты довольно много времени, — сказал Прим на это. — Я надеялся, что вы, по крайней мере, переночуете. Однако я могу вернуться через несколько часов, чтобы услышать ваше решение, если вы этого хотите. Вы можете остаться здесь или, если вам понравится, можете отправиться в ваши апартаменты и отдохнуть. Решение за вами.

— Э-э-э... м-м-м...

Никто не решался высказаться определенно.

— Послушайте, можно нам посидеть тут подольше, а потом отправиться в наши комнаты?

— Разумеется. Я пришлю за вами проводника, который проводит вас, скажем, через полчаса.

— Пусть будет через двадцать минут. А как потом мы с вами свяжемся?

— Я снова сконтактируюсь с вами, как только освобожусь,— сказал Прим.— Тогда вы сможете сообщить мне свое решение. Если вы пожелаете, тогда сразу же сможете и уехать.

— Хорошо, это нас вполне устраивает. Как по-вашему, вы долго будете отсутствовать? Если, конечно, мой вопрос уместен.

— Разумеется, уместен. Не думаю, что мои дела отнимут у меня более трех часов.

— О, нам это прекрасно подходит.

— Отлично. Опять-таки хочу подчеркнуть, что наш обед мне очень понравился. Ваше общество доставило мне искреннее удовольствие.

— Хорошо... спасибо вам. И я могу говорить за нас всех, если выскажу вам, что мы нашли ваше общество... интересным. Это, конечно, слишком скромно сказано.

— Спасибо. Желаю вам приятного вечера.

Мы все встали, когда он вышел из-за стола и потом из комнаты. Он прошел через арку и вошел в один из многочисленных коридоров, которые отходили от обеденного зала. Никто не проронил ни слова. Он удалялся от нас, идя пружинистым шагом, как человек, которого ждут действительно неотложные дела, движения его были сильны и грациозны, мягкие сапоги ступали по отполированному черному полу, зеленый плащ струился сзади. Не оглядываясь, он повернул за угол коридора и пропал из виду.

Мы сели.

— Кто-нибудь понял, о чем говорил этот шутник?— спросил Карл.

Джон саркастически поднял бровь и молча посмотрел на него, потом повернул голову ко мне.

— Джейк, нам надо прийти к решению.

Я налил себе еще коньяку. Эти тяжелые вопросы всегда требуют вдохновенного мышления.

— Я бы сказал, надо уносить отсюда ноги, причем аллегро удирато.

Жаль, что он не остался, чтобы ответить еще на парочку вопросов. Столько невыясненных вещей осталось,— Джон медленно покачал головой.— Совершенно поразительно. Невероятно.

— Если он говорит правду,— сказал я.

— Ну, я полагаю, немного приврать он мог. Однако трудно представить, зачем ему это было бы нужно.

— Может быть, у него по отношению к нам какие-то планы. Он последний представитель вымершей расы. Он один, в отчаянии. Может быть, он просто безумен. Мы же этого не знаем.

Джон оглядел обеденный зал.

— А как насчет всего этого? И того, что мы увидели снаружи и в подвале?

— Может быть, история относительно Микрокосмоса — чистая правда. Это музей, свалка, луна-парк, что бы там ни было. А он — робот-смотритель.

Юрий спросил:

— Ты думаешь, он — машина?

— Естественно, — ответил я, — или андроид, или что-нибудь в этом роде. Он и сам примерно то же самое сказал.

Зоя сказала:

— Он не человек. В этом я совершенно уверена.

— Но он очень здорово притворяется, — ответил я.

— Да, очень.

Дарла спросила:

— Что там насчет того, что он частично человек?

— Не знаю, как себе это представить, — сказал Джон. — Что он мог на самом деле иметь в виду?

— Как вы понимаете всю эту мусть насчет Кульминации? — спросил Юрий. — Джейк, у тебя есть какие-нибудь мысли на этот счет?

— Не-а. Это для меня прозвучало как поток заумных и мутных мыслей. Однако должен заметить, что это немножко напомнило мне то, как звучали ваши лекции по телеологическому пантеизму. — Я глотнул коньяка и добавил: — Не хотел никого обидеть.

— Да уж, чушь собачья, — подтвердил мои слова Карл.

Телеологи посмотрели друг на друга.

— Напомни мне потом прибить тебя до смерти, Джейк, — нахмурилась Сьюзен. — Но он прав, Джон. Очень уж близки его слова нашим учениям.

— Не считай, что я не заметил этого, — откликнулся Джон. — Он сам говорил как телеолог.

— Мне кажется, он говорит правду, — сказал Роланд. — И мне кажется, нам надо остаться.

— Ладно, один голос у нас уже есть, — сказал я. — Кто-нибудь хочет воспользоваться своим правом голоса?

— Ну, — сказал Юрий, — мы... — он посмотрел на Зою, которая ответила ему холодным взглядом. — Мне кажется, что, по крайней мере, мой долг — остаться. Тут такие возможности получить уникальные знания... Я не могу даже в самых смелых мечтах представить себе, какие тайны могут скрываться в стенах этого замка. Мне совершенно ясно, что делать. Я должен остаться.

После краткого молчания Зоя сказала:

— Я... думаю, что нам надо хотя бы на время остаться. Я... — она провела рукой по спутанным темно-каштановым кудрям, потом вздохнула и потерла лоб, закрыв глаза. — У

меня просто плохое чувство, предубеждение против этого существа. Я к тому же так устала.

— Так оно и должно быть,— сказал я,— после того как вы скитались по вселенной, потерянные на столько лет.

— Мне кажется, мы все очень устали,— сказал Юрий.

— Мне чертовски хочется спать,— сказал Карл.— Я слишком много съел.

Я сообразил, что сам чувствую себя почти как бревно, потому что не только съел, а еще и выпил весьма много коньяку. Я поставил стакан на стол, решив больше не пить. Пока что.

— Еще какие мнения? — спросил я.— Лори?

— Мне кажется, нам следует остаться и узнать, нужны ли мы Приму. Мне кажется, нам надо ему помочь.

— Почему это мы должны ему помогать? — спросил Джон.

Лори немного подумала, потом сказала:

— Я не знаю, бог он или нет. Но он построил Космостраду.

— Помните, что он сказал,— напомнил нам Юрий,— насчет того, что у Кульминации нет никакой технологии.

Джон потер подбородок.

— Да, он ведь действительно так сказал, так ведь?

— Странно.

— Собственно говоря, он сказал, что они не придумали никакой новой технологии,— напомнил я.— Это не означает, что они не используют существующие технологии.

Юрий скептически покачал головой.

— Не знаю. Странно вообразить себе все эти волшебные технологии Космострады просто валяющимися под ногами. Так они и ждут, чтобы кто-нибудь просто пришел, поднял их и использовал.

— Может быть, Кульминация только развила их, приспособила к этой цели,— высказал предположение Роланд.

— Ну, тогда они потрясающие инженеры, по крайней мере.

Я зевнул. Потом встряхнулся и сказал:

— Мне кажется, мы все же так и не узнали, кто построил Космостраду.

— Если это сделала не Кульминация, то кто? — спросила Дарла.

— Мне кажется, что надо бы остаться и узнать, кто.

— Тогда нам надо остаться,— твердо заявила она.

Я повернулся к Карлу.

— Как ты насчет этого, парень?

— Мне хочется сказать, что отсюда надо поскорее сматывать удочки. Я хочу домой.

Джон сказал:

— Ну, «домой» — это с тобой отдельная проблема.

Карл кивком головы показал на коридор, в который ушел Прим.

— Он меня похитил, он может меня и домой отправить.

— Ты все еще убежден, что это Прим виновник твоего похищения?

— Еще бы!

— Ладно, у нас теперь есть один голос с отрицательным мнением. А как остальные? Рагна?

— Я думаю — и Они тоже — что нам следует остаться, по крайней мере, на ночь. Может быть, представится возможность задать нашему хозяину еще вопросы, на которые он может представить ответы. Может быть, так правильно?

— Может быть. Кто еще? Как насчет тебя, Сьюзен?

— Я очень заинтригована, если не сказать большего. Очень хочется домой, и все же...

— Может, на ночь стоит остаться, как тебе кажется?

Она кивнула.

— По крайней мере, на ночь.

— Джон?

Джон долго думал. Потом сказал:

— Я бы... я не смог бы потом ощущать себя достойным человеком, если бы отверг шанс получить ответы на многие основополагающие вопросы во вселенной. Если Прим человек... или существо, которое появилось на свет через десять миллиардов лет после нас, он мог бы ответить нам на вопросы... Господи, он мог бы порассказать нам такое!.. — он оглядел стол. — Тем более, скажи я «нет», я бы оказался в меньшинстве вместе с Карлом. Поэтому я скажу, что нам надо остаться. Тем более, что, по-моему, никакой опасности в этом нет.

— Интересно, что случилось с нашим другом мистером Муром и его ребятами, — сказал Шон.

— Никому не пришло в голову спросить, — сказал я.

— Может быть, Прим и не знает, что они здесь, — сказал Лайем.

— Не может такого быть. Он должен знать. Но ему нечего за них беспокоиться. Это нам они спать не дают. Они ведь могут показаться и здесь. Кто-нибудь забыл принести оружие?

Все одновременно отрицательно покачали головами. Все были вооружены, кроме Лори, да и то только потому, что на нее нам не хватило оружия.

— Ну хорошо, нести вахту будем по очереди. С нами все будет в порядке. Как насчет вас, ребята? Шон? Лайем? Вы как считаете — нам оставаться?

— Так ведь мы только и мечтали о приключении, — сказал Шон, ухмыляясь. — Мне кажется, мы его получили.

— Так оно и есть, — ответил ему Лайем.

— Джейк, — спросил Шон, — неужели ты скажешь «нет»?

— Если бы у меня была хоть крупица здравого смысла, я бы так и сказал. Но...

В моем воображении вся цепь событий, которая привела к этому месту, проигрывалась, словно кинолента в быстром

темпе. Вселенная и все остальное словно бы сговорились, чтобы привести меня сюда, как мне показалось. Машина Парадокса, кажется, еще продолжала бешено вращать свои колесики. Я знал — я все время это знал — что мне придется бросить ей палки в колеса или пытаться сломать в ней пару шестеренок, прежде чем она остановится — или выполнит то, ради чего она была задумана и сделана. Избежать судьбы было невозможно.

— Я скажу, что нам надо остаться и получить ответы на наши вопросы. — Я посмотрел на Джорджи и Винни. — А эти двое выглядят так, словно они тут у себя дома.

— Дома! — сказала Винни.

— Дома! — повторил Джорджи.

— Дома, — сказал я и кивнул.

— Вот и наш дворецкий, — сказал Карл, глядя куда-то за мою спину.

Шар вернулся к нам, и теперь он скользил к столу. Он остановился в нескольких метрах от стола. Пожалуйста, не торопитесь, он подождет.

— Ну что же, — сказал Лайем. — Я бы не прочь поспать.

— И я тоже, — сказал я и снова зевнул. Путешествие сюда было таким долгим. Очень, очень долгим. Примерно десять-двенадцать миллиардов световых лет.

— Но, — продолжал я, — кому-то надо стоять первую вахту. Пусть это буду я.

Мы покинули столовую.

Глава шестая

Сны пришли к нам в ту же ночь.

Наши комнаты оказались где-то в километре от обеденного зала, а может быть, наш проводник не использовал те самые пространственно-временные более короткие лазейки, про которые нам рассказывал Прим. Потом оказалось, что расстояние совсем не такое большое, просто со всеми поворотами и переходами нам показалось, что шли мы гораздо дольше. Ничего нового по дороге мы не увидели, просто еще кучу всяких штук-дрючек, которые валялись под ногами.

Комнаты, однако, были весьма впечатляющими. Их было шесть — по крайней мере, шесть главных комнат. Они были гигантскими, с альковами и гардеробными, куда можно было зайти целиком. Они сообщались между собой широкими переходами. Дверей не было, только те, которые вели в шесть ванн-комнат. Сантехника в этих ванн была странная, но пользоваться ею было можно. Самое своеобразное заключалось в том, как были обставлены комнаты.

— Посмотрите на эту кровать! — тоненько вскричала Сюзен.

Она была круглой и такой огромной, что на ней вполне можно было поставить на стоянку тяжеловоз. Над ней висел балдахин, похожий на палатку, и прозрачная светящаяся ткань свисала с него.

— Тут можно оргию устроить,— сказала Сьюзен.— Что вы на это скажете, ребята?

— Ты первая,— сказала ей Дарла.

Были там и другие кровати, не такие большие, но достаточно крупные, по три в каждой комнате, кроме них там же стояли еще и диваны, кушетки, уютные кресла и прочие штуки, на которых можно было удобно развалиться и валяться. Более чем достаточно для нас для всех. Кругом стояли столы, стулья, оттоманки, прочая мебель,—и все это было выполнено с удивительным искусством, просто как антиквариат. Комнаты были просто роскошными. Кругом были причудливые лампы, раскрашенные ширмочки, инкрустированные столики, гобелены, искусно сотканые ковры, полки, заполненные произведениями искусства. Но ничего в этих комнатах нельзя было найти такого, чтобы можно было сразу узнать стиль вещи или время ее изготовления. Какие-то предметы отдавали восточным стилем, некоторые были очень по-современному функциональны. Несколько предметов имело явно древний, антикварный вид. Но все было подобрано с большим вкусом и соответствовало друг другу. Сияющий черный пол и зеленые стены превращали комнаты во что-то игрушечное, в витрину музея.

— Как красиво,— сказала Лори, пройдясь по комнатам.

— Интересно, тут все это было раньше, или Прим отдал распоряжение принести все это с чердаков и из подвалов?

— Он приказал специально все это изготовить,— высказал свое предположение Шон. Потом он зевнул и почесал свою буйную рыжую бороду.

— Божья Мать! Я готов проспать неделю. После всех этих дней в тяжеловозе...—он опустился на фиолетовый шезлонг и взбил подушку. Он вздохнул, улыбнулся—и отрубился.

Он был прав. Кровати выглядели крайне соблазнительно. Может быть, даже слишком соблазнительно. Но что еще нам оставалось делать? Нам надо было как-то убить время.

— Ладно, детки,—сказал я.—Время баиньки. Я все-таки останусь сторожить. Карл? Как насчет того, чтобы ты стоял вторую вахту?

— Ага,—сказал он сквозь зевок.—Конечно.

Дело это заразное, поэтому я тоже зевнул.

— Господи, да прекратите вы все зевать. Иначе я тоже вырублюсь.

Через десять минут они все намертво отрубались, и я остался в одиночестве мерять шагами помещения, словно привидение. Я даже всерьез задумался, не было ли подмешано

веду снотворное. Но, с другой стороны, я, наверное, слопал больше, чем каждый из них, и, хотя я чувствовал страшную усталость, я все-таки мог держаться на ногах сколько понадобится. До тех пор, конечно, пока не лягу.

Особо делать было нечего. В одной из комнат висела картина — пейзаж, выполненный пастельными тонами в импрессионистском стиле. Я стоял перед ней несколько минут и разглядывал. Она была выполнена на твердой овальной дощечке и висела на стене без рамки. Картина изображала приятную, полусушливую планету, справа возле холма теснились кривоватые деревца, с другой стороны шел гребень скалистого кряжа, а посередине вилась лента пересохшего и наполненного галькой речного русла. Полумесяц, страшно изрытый кратерами и намного более крупный, чем все, которые мне доводилось видеть, смотрел на холм с дымчатого, темно-розового неба. Я стал прикидывать, существовала ли такая планета в действительности, а если да, то когда? Было ли на ней какое-нибудь разумное население? Никаких следов его на картине не было видно.

Не знаю, когда до меня дошло, что это не картина. Чем дольше я на нее смотрел, тем реальнее она становилась. Грани и углы становились все отчетливее, я стал замечать мелкие детали. Это была своеобразная фотография. Может быть. А может быть, и еще что-то, чего я не знал.

Эта картина напомнила мне кое-какие места, которые я знал на планете, которая называется Озирис. Я забыл, каким номером она значится в каталоге. Хотя луна для Озириса была великовата. Но на Озирисе небо розовое. Я вспомнил, как в один прекрасный день остановился перекусить на Озирисе. Я скатился на обочину с Космострады и открыл люки, чтобы впустить горячий сухой воздух. Тишина, приятные запахи. Я приехал туда через планету вечного льда, и такая смена климата успокаивающе действовала на нервы. Мне всегда нравилась эта черта Космострады. Внезапные перемены, резкие контрасты. Да, эта планета здорово походила на Озирис. Однако скалы там были немного более бежевыми. Да, вот такими. И деревья были чуть-чуть другие. Они были повыше, а листва на них была рыжеватая — вот такая, точно. Если вспомнить, то луна на Озирисе тоже крупная, но она будет попримазаннее, не столь изрытая — вот как картошка со шрамами от юношеских угрей — и все. И...

Я подскочил, когда до меня дошло, что же происходит. Это была поверхность Озириса — бежевые скалы, рыжеватые деревья, луна-картошка. Я изменил картину.

Я отошел прочь. Или же эта картина прочла мои мысли и изменилась. Ик! Не нравятся мне такие штучки, которые висят по стенам и читают мои мысли. Они мне совсем не нравя-

тся. Пусть я покажусь вам нецивилизованным ретроградом — не нравятся, и все.

Я шагал по комнатам. Тут было множество вещей, которые можно было рассматривать, на стенах висели еще несколько картин, но я уже несколько перепугался. Я остановился и посмотрел на керамические сосуды, выставленные на одной из полок. Такие сосуды могли быть сделаны на любой планете, включая Землю. В ней было что-то от посуды, которую делают американские индейцы — но я не знаток, так что не возьмусь судить.

Вся моя компания вырубилась в одной из больших комнат. Джорджи и Винни закатились в один пушистый клубок. Карл и Лори — тоже, только пушистыми их не назвать. Сьюзен и Дарла растянулись рядом на огромной круглой кровати, похожей под балдахин на цирк шапито, а длинный, тощий Джон лежал перпендикулярно к ним в ногах кровати. Все трое образовали греческую букву «пи». Роланд свернулся на диване. Юрий и Зоя улеглись на разных кушетках. Эти двое были плохо подобранной парой. Я подумал о том, сколько же лет они составляли такую странную семью. Наверное, для них это все было настоящим адом. Но, в конце концов, их длинное отчаянное путешествие должно было наложить на них свой отпечаток, поэтому они казались более враждебными друг другу. Но, даже принимая во внимание все эти вещи, я зачастую жалел, что подобрал их. Иногда их перепалки и меня доставали.

Я осмотрел их всех, пытаясь обнаружить признаки того, что их сон был неестественным, а вызванным какими-то препаратами, и ничего такого не обнаружил. Потом я понял, как выключить некоторые из ламп. Все лампы были разными, и ни одна из них не работала на электричестве. Я оставил одну слабо светиться — это была лампа на длинном гибком стержне, с абжуром из раскрашенной бумаги — и вышел из комнаты, чуть не упав, когда споткнулся о длинную ногу Лайема, торчавшую из-за края коротковатого дивана.

Делать мне было просто нечего. Вокруг не было никаких книг, никакого чтыва вообще. Может быть, оно и было, но не в привычной форме, поэтому я его мог просто и не распознать. Я не подумал о том, чтобы захватить с собой колоду карт.

Каким-то образом я оказался в комнате, которую не видел раньше, и в ней был балкон, откуда открывался вид.

И какой вид!

Это был Микрокосмос на закате, величественно простиравшийся от горизонта до горизонта, километр за километром самых разных пейзажей и цветов. Небо было чернильно-голубое на востоке, оргией оранжевого и красного на западе, потому что там «солнечный» диск стремительно заходил за горизонт. Я смотрел, как быстро тут наступала ночь, гораздо быстрее, чем на любой известной мне планете. Это больше походило на

то, как быстро захлопывается дверь. Солнце упало за плоский диск Микрокосмоса — и тут же наступила ночь. Звезды проступили на небе, как маяки, вращаясь в своих хрустальных сферах. Внизу все было темно. Нет. Тут и там сверкали отдельные огоньки. Жители? Автоматическое освещение? Невозможно было определить. Я смотрел, как вращается надо мною небо, и думал.

Потом я снова зевнул. Ох, трудненько же мне придется. Мне надо было непременно лечь и проспаться свои восемь часов.

Ночной холод стал проникать мне во все косточки, и я снова ушел в комнату, обратив внимание на то, как слегка, но резко изменилась температура. Комната все еще была теплой. Наверное, в ней существовал какой-то барьер, который не пускал ночную прохладу вовнутрь. Ведь не было никаких дверей, чтобы оградить ее от внешней среды.

Через десять минут я обнаружил, что заблудился, и никак, ни за какие коврижки не мог понять, как это случилось. Я не мог найти наши комнаты. Мне пришлось пробежаться через множество незнакомых и странно обставленных комнат, потом я оказался в той части помещений, где были выставлены еще какие-то машины и скульптуры. Я кричал. Никакого ответа. Я не выходил ни на какие лестницы, стало быть, я должен находиться все еще на том же самом этаже. Я снова обежал все кругом, и чем больше я бегал, тем больше терял ориентацию.

Я нашел одинокую комнатку с одной-единственной кроватью в ней. Кровать была только губчатым матрацем, который был слегка приподнят над полом. Я сел на него и скрестил ноги. Неужели я так отчаянно заблудился в такой короткий срок? Ладно, как раз об этом Прим и предупреждал нас. Что мне делать?

Прим сказал, что свяжется с нами через три часа. Сколько, интересно, прошло времени с тех пор? Он скоро появится. Может быть.

Я начинал немного беспокоиться. Но нечего делать — так уж получилось. Мы все были оставлены на милость Прима, если он хотел бы причинить нам неприятности, он мог бы это сделать в любом случае. Мур и его люди вряд ли могли быть где-то поблизости — хотя это и невозможно было исключить, все равно вероятность этого была чересчур мала. Но они скорее всего сами потерялись бы в этом замке, точно так же, как потерялся я. Если они были здесь, Прим наверняка их где-нибудь разместил, и они скорее всего будут тихо сидеть на своих местах.

Ничего не осталось делать, кроме как лечь. Комната была пуста и темна, только из коридора проникал в нее слабый свет. Тишина. Чужая, всепроникающая тишина. Я слышал, как бьется мое собственное сердце, чувствовал, как по жилам течет кровь. Меня всего пронизало чувство невероятной удаленности

от родного дома. Сколько же времени я там не был? Вообще-то говоря, несколько месяцев. А чувствовал я себя так, словно прошли века.

Господи, как же я устал. Ладно, это и так было ясно. Спать.

Начались сны...

Это было примерно так:

Черные солнца, сгоревшие солнца, солнца, которые прошли коллапс, выдохлись после веков и вечностей свирепого огня. Вселенная состарилась и умирала. Холодно было между пепелищами и между все еще светящимися звездами. Теплые пылевые облака, которые некогда породили новые солнца, давным-давно выплеснули свое последнее потомство. Галактики разбежались далеко друг от друга, они все еще разлетались прочь от древних всплесков энергии, которые придали им их начальное ускорение. Они все еще замедляли бег, но никогда им не остановиться. Время никогда по-настоящему не остановится. Это будет продолжаться до тех пор, пока не потеряет всякий смысл.

Вселенная хрипела и судорожно вздыхала. Она старела. Тепловая смерть подстерегала ее, и надежды не было.

На планете, принадлежащей солнцу, которое скорчилось до холодной белой булавочной головки в небе, на планете, которая была конструкцией, созданной из переработанного материала ее солнечной системы, собрался совет. Дата была установлена за четыре тысячи лет. Совет начался вовремя.

Было единодушно решено, что надо что-то сделать, чтобы дать достойное окончание великой истории, Дrame Вселенной. Разумеется, просто так оставить вселенную умирать не соответствовало эстетическим принципам. Нужно было красиво закончить драму. А иначе зачем была вся долгая борьба? Зачем тысячи миллиардов рас и культур развились, созрели, увяли и умерли? Ради чего?

Ответ был таким: почему не может вселенная окончиться так, как она наверняка окончится сама, когда нечего будет больше сказать в назначенное тому время?

Возражение было таково: сказать и так больше нечего, но она еще не закончилась. Вселенная истощена и бессмысленно ковыляет на пути к забвению. Нет такой расы, у которой хватает воли продолжить поиски и сражения. Общепринято, что все, что может быть сделано, что стоит делать, уже было сделано, что все, что может быть узнано и познано, уже известно.

Ответ: но эти достижения и прозрения — сами по себе. Речь шла о достижении многих рас...

Придет день, и эти достижения превратятся в пыль. Самые частицы этой пыли разложатся, разлетятся схоластически и неупорядоченно...

Это не обязательно должно быть так. Существует возмо-

жность, что может быть совершенно совсем новое достижение, нечто совершенно революционное. Есть надежда, что это свершение может пережить даже физическую смерть вселенной...

Может ли такое быть?

Да. Это возможно.

Хорошо, поверим на слово. Совершенно верно, возможность такого свершения есть, но вот нужно ли оно? Опять же, мы говорим о достижениях минувших эпох. Слушайте:

Башни из прозрачного металла, такие высокие, что некогда, миллиарды лет назад, космические корабли швартовались к их вершинам... Кристальные Башни Зидоксинда еще стоят...

И стоят творения расы, чье имя звучит как Блистательная Последовательность. Никто не знает, что значат эти Творения, но их много, и они стоят на огромной черной равнине, и они столь же многочисленны, сколь прекрасны. Одни из Творений — механизмы, есть там и скульптуры, и остатки событий или свершений. Их почти невозможно описать. Творения надо видеть, чувствовать, пережить. Многие летали на планету Блистательной Последовательности, чтобы именно так и поступить...

Немедленно после того, как спели Первую Радостную Песнь расы Сонного Моря Нинна, эту песню повторил, слово в слово, ближайший сосед поэта, который решил, что это самое прекрасное произведение в мире. Песнь подхватили другие и передавали ее, от личности к личности, по всей планете. Великую Радостную Песню, не прерываясь, пели тринадцать миллионов лет, каждое поколение заучивало ее, предавало, никогда не допуская перерыва в цепи бесконечного повторения. Последний представитель расы умер с этой песней на устах. Вот послушайте...

В сферическом скоплении Галактики, называемой Облаткой, существует религия, которая постоянно претерпевает теологическую трансформацию. Пантеон богов постоянно меняется. Старые божества замещаются новыми, новые приходят почти ежедневно. Канонические догмы так многочисленны и сложны. Церемонии, которые предписывает выполнять эта религия, прекрасны и впечатляющи. Существует только четырнадцать живых приверженцев этой веры. Их вера неколебима, как скала. Но никогда в истории этой секты за все четыреста тысяч лет ее существования не было больше чем тридцать шесть верующих одновременно...

Была раса, которая потратила большую часть своих ресурсов на то, чтобы изобрести способ, чтобы сдвинуть с места звезду. Они открыли, как это делается, и начали так и поступать. Они перестроили несколько созвездий, которые были видны с их родной планеты. Как это было сделано — неизвестно. Их мотивы не были религиозными или суеверны-

ми, но они руководствовались, главным образом, вопросами эстетики...

Достаточно.

А можно говорить еще и еще.

Понятно. Но должно быть дальнейшее развитие и рост.

Допустим, это действительно необходимо. Что именно вы предлагаете делать?

Предлагаем создать совершенно новую разновидность разума. Существуют уже физические возможности воплотить этот замысел в реальность. Нам нужно только добровольное участие достаточного количества личностей.

Какова будет природа замышляемого существа?

Мы не можем этого сказать, пока не произведем его.

Какой цели оно будет служить?

Той, какую само поставит перед собой, откроет или изобретет.

Мы поняли суть идеи. Мы поможем.

Так быстро?

Слишком опасно это предприятие, чтобы оставить его только в руках тех, кто горит желанием его осуществить.

Тогда мы все согласны. Мы немедленно приступим...

Звездный взрыв вспыхнул во тьме.

Я рывком сел на кровати, проснувшись, а фрагменты сна еще метались в моем сознании. Потом их разметало, и я совершенно проснулся.

Белый звездный взрыв не пропал, а все разрастался. Свет заполнил комнату, и созвездие отразилось от всех четырех стен.

Возникла вспышка. Что-то материализовалось в воздухе примерно в метре от пола — какая-то фигура. Я прищурился, пытаясь ладонью заслонить глаза.

— На колени, смертный, — услышал я женский голос. Голос был примерно в три раза громче, чем обычный.

Я скатился с губчатого матраса и вскочил на ноги с пистолетом в руке.

— На колени! Неужели ваш род так выражает свое почтение?

Глаза, привыкшие к свету, теперь могли различить некоторые детали. Женщина была одета в белые одеяния. Волосы у нее были рыжие, кожа белая, как ее одежды. Она покачивалась в воздухе в ореоле ослепительного света.

— Этот смертный на колени не встанет, — сказал я. — Кто ты?

— Тогда как ты выражаешь свое почтение?

— А кто спрашивает?

— Ты дерзок. Ты не похож на остальных. Ты выставил вперед оружие.

— Извините, с утрачка пораньше я всегда такой, пока не выпью чашечку кофе.

Дама не ответила. Я слегка отступил к дверям.

— Однако ты боишься меня,— сказала она.

— Скажи лучше, что я настороже,— сказал я.— Что вам надо?

— Я не хочу тебе зла.

— Замечательно.

Теперь я мог получше ее разглядеть. Маленькие белые ножки, ногти на них накрашены ярко-зеленым, свисали из-под полы ее одежд. Глаза у нее были водянисто-серого цвета. Одна рука держала какой-то смутно знакомый мне предмет — маленький серый цилиндр, а вторую руку она положила на бедро.

— Ты вождь своего племени,— сказала она, потом выжидательно посмотрела на меня.

Это не был прямой вопрос, но я ответил.

— Это довольно неверное слово в данном случае. Лучше сказать, что я возглавляю эту экспедицию.

— Разумеется. Твое путешествие было долгим и далеким. Ты далеко заехал в своих поисках и исследованиях.

— Леди, я не ищу и ломаного гроша. Я никогда не собирался совершить это путешествие. Мы тут потому, что нас заставили сюда приехать.

— Да. Твой случай совершенно особенный. Ты несешь с собой Начальный Эксперимент.

— Это что такое, если можно спросить?

— Черный кубический объект. Он у тебя?

— Э-э-э... в данный момент...

— Ты можешь как можно скорее до него добраться?

— Не так быстро.

Она, казалось, была разочарована.

— Мне хочется его иметь. Ты мне его отдашь.

— Так уж и отдам?

— Отдашь. Взамен я тебе могу дать нечто. Вот это.— Она подняла тот цилиндр, который держала в руках.

— А это что?— спросил я.

— Это то, что ты ищешь. Ключ к дороге, которую вы называете Космострадой.

— Леди, это самая распоследняя вещь, которую мне хотелось бы иметь.

Она с минуту помолчала, разглядывая меня.

— Мне трудно в это поверить. Остальные просто мечтают его иметь.

— Какие остальные?

— Те, остальные из твоего рода, которые ранее сюда попадали. Они ведь твои враги, правда?

— Да, наверное,— я не видел смысла это отрицать.

— Ты хочешь увидеть, как они его получают?

Я задумался и решил, что на самом деле не представляю, как к этому отнестись.

— Да мне все равно...

— Тогда возьми его.

Предмет выплыл из ее руки и пролетел ко мне по воздуху. Я протянул руку и схватил его. Это была обыкновенная компьютерная дискета, самое обычное приспособление для записи и хранения данных.

— Мне казалось, что тебе нужен черный кубик,— сказал я.

— Так оно и есть. Ты мне его отдашь. Я даю тебе этот ключ как знак доверия и доброй воли. Я...

Что-то словно возмутило воздух в комнате. Изображение женщины заколебалось.

— Мне придется покинуть тебя,— сказала она.— Я скажу тебе следующее: не слушай то существо, которое называет себя Примом. Он... ошибается и действует под влиянием своих ошибочных представлений. Его планы, в которых он рассчитывает на вас, не принесут никому ничего хорошего.

Изображение снова заколебалось, исказилось и потемнело, потом стало снова ярким и четким. Но если дискета в моих руках была совершенно реальным предметом, тогда и женщина не могла быть всего лишь изображением, подумал я. Ощущение дискеты в руках было совершенно реальным.

— Теперь я должна тебя покинуть. У меня есть и другие вещи, которые могут тебе пригнуться. Поверь мне, и ты добьешься процветания. До свидания. Всего тебе доброго.

Меня ослепила еще одна вспышка. Когда я снова смог глядеть, комната была темной и пустой, а до меня донесся запах озона.

Я посмотрел на дискету. Если можно было верить Белой Даме, то в моих руках была Карта Космострады.

НАСТОЯЩАЯ.

— Вот, черт меня побери,— сказал я.

Глава седьмая

Сон и видение преследовали меня, по меньшей мере, час, пока я бродил по Изумрудному городу. Я прошел не так много, потому что вокруг лежало множество интересных вещей, и я провел немало времени, разглядывая их. Что они из себя представляли, мне трудно было сказать. Какое-то инопланетное волшебство.

— Джейк! Где ты был, черт тебя побери? — Сьюзен обняла меня, когда я вошел в комнаты.

— Карл, — сказал я, — мне очень жаль, что я накинудся на тебя за то, что ты потерялся.

— Правда, это легче легкого?

— Еще бы. Вы, ребята, в порядке?

— У нас все просто замечательно, — сказал Шон. — Хотя «мне сон диковинный приснился».

— Тебе тоже снились сны, Джейк? — спросила Дарла.

— Угу.

— Доброе утро.

Мы все повернулись, чтобы поздороваться с Примом.

— Надеюсь, вы хорошо отдохнули, — сказал он весело.

Мы все кивнули.

— Тогда позавтракаем?

— Я проголодалась до смерти, — сказала Сьюзен.

— Отлично. Мой слуга придет и проведет вас в обеденный зал, где я очень скоро к вам присоединюсь. Пока.

Он поклонился и вышел из комнаты.

Мы все уселись и стали ждать.

— Он всегда вежлив и словно бы все время на приеме у короля — такой весь официальный, — отозвалась о нем Лори.

— Ну да, словно туза припрятал в рукаве, — издевательски отозвался Карл.

— Карл! — с возмущением сказала Лори.

— Извини.

— Интересно, какой это у него слуга, — вслух размышлял Лайем. — Может, он зовет Прима «Ваше Лордство» или еще как-нибудь по-чудному.

— Мне показалось, что он имел в виду еще один из этих святящихся шариков, — сказал Роланд.

— Похоже, что он имел в виду настоящего слугу, — сказала Сьюзен. — Разве он раньше не говорил, что у него есть слуга, живой слуга?

— По-моему, говорил, — сказал Джон, — но мне очень интересно, что именно в такой ситуации могут значить слова «настоящий» или «живой».

— Я все думаю про сон, — сказал Юрий.

— Что вам снилось, ребята? — спросил я.

Зоя ответила:

— Мы все обсуждаем это с тех самых пор, как проснулись.

— Я видела такие... существа, — сказала Сьюзен. — Те, которые все время спорили.

— У кого-нибудь есть мнение, о чем эти существа говорили? — спросил я.

— Это было просто всепоглощающе, — сказала Сьюзен, глубоко вздохнув. — Не могу поверить, что я была избрана для того, чтобы быть свидетелем того, что должно произойти через

несколько миллиардов лет в будущем, что я оказалась частью процесса, который разворачивается в космических масштабах — в буквальном смысле. Может быть, для меня это слишком много. Прим прав — это пугает.

— Мне кажется, у меня есть смутное представление о том проекте, который они рассматривали, — сказал Юрий. — Групповой разум того или иного вида. Союз сознательных существ, которые как целое — больше, чем просто сумма его составляющих. Видимо, это и была Кульминация или, по крайней мере, самое ее начало.

— По словам Прима, Кульминация — уже реальность, — сказал Шон.

— Очевидно, так оно и есть.

— Или он так говорит, — вставил я.

— Ты сомневаешься в его словах, Джейк? — спросил Джон, не то чтобы не веря своим ушам, а так, словно и у него были свои сомнения на этот счет.

— У меня есть основания верить...

Мысль о том, чтобы сказать им про Белую Даму, мелькнула у меня. Но нет. Прим мог вполне спокойно подслушивать каждое наше слово. Вероятно, так оно и было.

— Мне кажется, — продолжал я, — что не следует принимать все, что нам говорит Прим, абсолютно как стопроцентную истину. Это касается и тех сведений, которые приходят к нам как видения или сны. Естественно, у нас не так много возможностей проверить то, что он говорит. Но хорошая доза скепсиса еще никому не помешала.

— Джейк прав, — сказал Юрий, — нам всем надо иметь это в виду. Я, естественно, далек от того, чтобы принять все это на веру.

— Ну что же, думаю, что я прирожденно легковверное существо, — сказала Сьюзен, — я хочу сказать, что сон был таким реальным. У него не было тех сюрреалистических особенностей, которыми отличаются прочие сны. Не хочу сказать, что я совершенно убеждена, но... — она нахмурилась и почесала голову. — Единственное, чего я не могу взять в толк — это то, какая роль отведена во всем этом нам.

— Прим хочет, чтобы мы присоединились к групповому сознанию, — сказал Роланд.

— У меня совершенно неколебимое чувство, что Прим соотносится с нами примерно так же, как мы с моллюском. Или с амебой, что более вероятно, — сказал Юрий.

— Но почему? Я хочу сказать — почему именно мы? Почему кому-то понадобился мой маленький не вполне разумный мозг?

— Не могу себе представить, — сухо ответил Роланд.

Сьюзен швырнула в него подушкой.

— Или твои мозги, скотина ты бессовестная.

— Да и вообще все наши мозги, если уж на то пошло,— сказал Юрий.

— Тогда он наверняка что-то от нас скрывает,— сказал я.

— Может быть, он не бог, не наш Господь Бог, но он наверняка какое-то божество, если смотреть с практической точки зрения. А это его Олимп.

— Может быть и так. Но там, где есть один бог, могут быть и остальные боги.

— Ты хочешь сказать, что Прим не один?

— Ну, существование группового разума по определению подразумевает, что должны существовать и остальные.

— Ты думаешь, что Прим не является частью группового сознания? — спросила Сьюзен.

— Не знаю,— ответил я,— но посмотрим, есть ли тут смысл. Прим что-то вроде терминала у компьютера. Групповое сознание действует через Прима. Может быть, где-нибудь здесь есть суперкомпьютер, где крутятся все эти групповые разумы. А Прим просто устройство ввода-вывода. Он и сам примерно так же выражался. Когда мы разговариваем с ним, мы разговариваем с Кульминацией.

Сьюзен скорчила рожу.

— Ну, не знаю, как бы я отнеслась к тому, что мне пришлось бы вертеться в компьютере.

— Прим,— сказал Роланд,— тогда понятно, почему он называет себя Прим. Вероятно, он примарное устройство ввода-вывода.

— В этом есть капелька смысла,— сказал, кивая, Шон.

— Хорошая догадка, Роланд,— сказал я.

Я встал, перейдя из шезлонга, наклоненного под странным углом, на удобное пышное кресло.

— Весьма проникательная догадка.

— А что у нас еще есть, кроме догадок?

Юрий сказал:

— По крайней мере, у нас есть рабочая гипотеза.

— Ладно, будем считать, что по сути дела мы тут имеем дело с компьютером. То есть, гипотетически. Что это нам дает?

— Кто-то должен был его запрограммировать,— сказал Лайем.

— Не обязательно,— сказала Дарла.— Даже у нас есть самопрограммирующиеся компьютеры.

Лайем почесал бороду и смущенно кивнул.

— Да, правильно подмечено.

— Значит,— сказал я,— этот компьютер, который может стоять здесь, в Изумрудном городе или где-нибудь в окрестностях, весьма явно не имеет лица. Аноним, так сказать. Гипотетически.

— И,— добавил Роланд,— гипотетически, но тут всем управляет.

— Вероятно. Следующий вопрос: что он вообще тут делает? Что ему надо? От нас, в частности?

— Е.У. и Т.О.— сказал Карл.

— Что?— переспросила, нахмурившись, Сьюзен.

— Неважно.

— Что он сказал?

— Ежедневный уход и техническое обслуживание,— сказал я.— Помощь. Мы ему нужны. Это понятно из его поведения. Однако то, как разговаривает Прим, наводит на мысль, что ему чего-то не хватает. Это ты имел в виду в своем замечании, Карл?

Карл мрачно посмотрел на меня.

— Я и ломаного гроша не знаю про компьютеры. Там, на Земле, я даже никогда не видел компьютера. Я знаю, что на Космостраде они везде. Маленькие штучки. В них вставляются такие вот пластиночки, как та, что у тебя в руке — и они все, что хошь делают. Там, на Земле... Я хочу сказать, когда я покинул Землю, компьютеры были страшно огромными машинами, почти как здания, и в них вертелись всякие колесики-шестеренки и вспыхивали лампочки. Когда меня принимали в Калифорнийский государственный университет, то нам рассылали всякие анкеты, ты их должен был заполнять, а карточка IBM гласила: «Не сгибать, не рвать, не скручивать». Это все, что я знаю про компьютеры.

— Калифорнийский университет... «Ай-Би-Эм»...— сказал Джон, перекатывая эти слова на языке.— Джейк? Ты знаешь, про что такое он говорит?

— Ну, Калифорнийский университет... звучит знакомо.

— Университет в Калифорнии,— сказал Карл,— а вторая аббревиатура означает «Интернешнл Бизнес Машинз». Такая фирма. У меня дядя работает в этой фирме.

— Ну да, конечно,— сказал Джон, вспомнив.— История кибернетики, я ее изучал на первом курсе в Кембридже. Это американская компания по производству компьютеров.

— Интересно,— сказал Роланд.— Ты сказал, что у тебя была перфокарта от компьютера. Карта? Ты имел в виду?..

— Ну, карточку. Такую, из бумаги.

— Бумаги?

— Картона. Жесткая бумага, а в ней пробиты дырочки.

— Дырки.

Карл кивнул:

— Дырки.

Последовало долгое ошеломленное молчание. Потом Юрий сказал:

— Этот гипотетический компьютер... Я полагаю, нам следует принять, что он — компьютер очень высокого класса.

— Да, уж ему-то не понадобятся ай-би-эмовские карточки с дырками,— сказал я.

Юрий рассмеялся.

— По всей вероятности, нет.

— К черту все,— вдруг сказал Карл, вскакивая на ноги. Он вышел из комнаты.

Сюзен минуту смотрела ему вслед, потом спросила:

— Это я сказала что-то бестактное?

Лори измученно посмотрела на нее:

— Мне кажется, он тоскует по дому.

— Бедняга. Мы все тоскуем.

— Ему не хочется оставаться тут.

— Это все безумно,— пробормотала Сюзен.

— Что именно безумно? — спросил я.

— Всего только вчера мы все отдали бы отрубить себе правые руки, лишь бы попасть домой. Месяцами мы гоняли по всей вселенной — в буквальном смысле! — впутываясь в самые нелепые и дикие истории, в такое дерьмо, простите за выражение, а теперь, когда мы можем в любой момент отправиться обратно домой, куда только захотим, мы сидим тут и спорим, надо ли нам вляпываться в какой-то самый дурацкий план, который только существует и существовал!!! По-моему, нам надо срочно звонить нашим психиатрам.

— Мой психиатр — Сэм, — сказал я. — Кстати, я кое о чем вспомнил. Он наверняка считает, что все мы померли. Мне надо было бы связаться с ним еще прошлой ночью, но... — я вытащил ключ от Сэма и включил его. Ничего, кроме статического электричества. — Нет никакой возможности связаться через километровую толщу чистой скальной породы. Придется мне спуститься вниз, в гараж.

Карл ворвался в комнату с таким лицом, словно он повстречал нечто страшное и большое в темном переулке. Он остановился, потом смущенно огляделся.

— Ей-богу, на минуту перепугался так, что чуть не описался.

Он показал пальцем себе через плечо в направлении Г-образного коридора, который соединял наши комнаты. Оттуда доносились шлепающие и шаркающие звуки — кто-то шел к нам.

— Погодите, пока сами не увидите.

В комнату вошел снарк.

— Привет, — сказал он, — ребята.

Я упал со стула. Мне показалось, я даже завопил.

Он был не такой высокий, как мне запомнилось, хотя он выглядел на добрых два с третьей метра над полом. Помесь жирафа и кенгуру. У этого существа были два воронкообразных уха, которые свисали с морды, похожей на морду очень большой собаки. Большой и очень-очень странной. Две совершенно подвижные и гибкие передние лапы — скорее руки, — причем на каждой по четыре пальца. Руки свисали с узких, по-

катых плеч. Он шел на двух тощих, как у птицы, ногах с узкими четырехпалыми ступнями. Ярко-желтая его кожа выглядела как винил, блестящий и неподвижный, на коже были розовые и фиолетовые пятна. Глазки были маленькие и круглые, они смотрели почти по-человечески, и от этого становилось не по себе.

Существо огляделось вокруг, потом посмотрело на меня. Я посмотрел на него с пола, куда свалился.

— Чтой-то такое с ним? — спросило существо и посмотрело на всех нас. Комната была полна изумленных человеческих существ. — Чтой-то с вами всеми?

Голос у существа был высокий, почти женский.

Джон первым попытался заговорить.

— Кто... кхм-м-м... кто вы?

— Твой слуга покорный, голубчик. Есть какие-нибудь возражения?

Существо посмотрело поверх наших голов, обвело взглядом комнату.

— Фу, эта комната уже превратилась в свинарник. Ох, батюшки светы, тяжела доля слуги, ей-богу: работы все невпроорот, и хлопот полон рот.

Существо раз поддало ногой спальный мешок Сьюзен.

— Это что еще за причиндалы? — существо неодобрительно поцокало языком, покачивая своей нелепой башкой. — Ай-йй-йй, как грязно.

Джон судорожно сглотнул слюну.

— Вы... наш слуга?

Существо уставилось на него высокомерным возмущенным взглядом.

— А кого ты ожидал увидеть, Кларка Гейбла, что ли?

Глава восьмая

— Не хотите ли вы сказать, что ваш слуга невежлив и дерзок? — Прим поставил свою кофейную чашку на стол и посмотрел на Сьюзен с легким удивлением.

— Ой, вы не так поняли, — поспешно сказала Сьюзен. — Мы не жалуемся, просто... он...

Джон вмешался.

— Личность этого существа, вне всяких сомнений, человеческая. Собственно говоря, она поразительно, страшно человеческая.

— Ну, не преувеличивайте.

— Нет-нет, что вы. Как сказала Сьюзен, мы совсем ничего против этого не имеем. Мы просто не можем понять, каким образом так получается.

Я сидел, ковыряясь в омлете и попивая крепкий черный ко-

фе, и прислушивался. Я не так много мог сказать с тех самых пор, как появился снарк. Я чувствовал себя очень серьезным и трезвым.

По губам Прима, полным, цвета спелой сливы, прошла улыбка.

— Наверное, я должен объяснить. Это существо всего-навсего механизм — очень сложный и тонкий, ювелирной работы, и полностью имеет право на все права и привилегии, которые полагаются существам с самостоятельным сознанием. Но это существо всего-навсего механизм. Один из многих, которые у нас имеются. Он был активирован совсем недавно, и его задачей является удовлетворение ваших потребностей. Для того, чтобы он смог выполнить эти обязанности максимально эффективно, мы сочли благоразумным снабдить его подходящими знаниями по вашей культуре и наложить на него матрицу человеческой личности. Матрица, которую мы использовали, была сложной матрицей всех ваших личностей, так сказать, их сплавом. Для этой цели мы модифицировали технику обучения во сне, поэтому, прошлой ночью, когда вы спали, вы отдавали свои данные в процесс обучения этого существа. Количество информации было огромно, поэтому у нас до сих пор еще остались неточности и пробелы, связанные с процессом такого обучения. Однако личность — это ведь та субстанция, которая сопротивляется количественному пересчету. Невозможно предсказать окончательный результат этого процесса, не могли мы предсказать и вашу реакцию на этот продукт. Мне очень жаль, если результат вам не нравится.

— Нет, ни в коем случае, — сказала Сьюзен. — Я к нему даже, в своем роде, привязалась.

— Мне хотелось бы знать, кто такой Кларк Гейбл, — сказала Лори.

Прим посмотрел на нее, попивая из чашки.

— Как вы сказали, кто?

— Это существо сказала какую-то таинственную фразу, — сказал Джон. — Весьма странно и удивительно, если уж на то пошло. Большинство из нас понятия не имеет, кто такой Кларк Гейбл, но Джейк говорит, что очень давно, когда-то, был такой актер в кино.

Я заставил себя заговорить.

— Да-да, где-то в середине двадцатого столетия или около того. Может быть, даже раньше. Когда я еще на Земле был мальчишкой, все еще по телевидению время от времени передавали старые кинокартины в черно-белом изображении. Сэм и я иногда засиживались допоздна, когда их передавали. Память, конечно, не очень хорошо все это сохранила, но все же мне помнится само имя. У этого актера была потрясающая внешность. Пару раз он сыграл и слуг, но в основном по амплуа это был герой-любовник. Разумеется, я могу и ошибиться.

— Дело в том, — вставил Роланд, — что мы не понимаем, откуда это существо могло знать.

— Ничего особенного, — Прим откинулся в кресле. — Количество данных о культуре, которое заложено в это существо, было просто колоссальным. Честно говоря, назови я вам цифры, вы были бы просто потрясены. Но очень трудно было бы сказать, откуда пришла та или иная единица информации. Очень даже могло быть, что это просочилось из подсознания Джейка. Невозможно сказать точно, честное слово. Это разве важно?

Джон пожал плечами.

— Вряд ли.

— А почему у него такая странная внешность? — спросила Сьюзен.

— Этот его внешний вид пошел от той расы, которая его создала. Это было очень давно. Раса эта совершенно перестала существовать.

— Понятно. Значит, это, если можно так выразиться, андроид.

— Если так можно выразиться.

Сьюзен усмехнулась.

— Мы назвали его Кларк.

— Очень хороший выбор.

Словно по сигналу, Кларк появился, шаркая ногами, со свежим кофейником. Я стал подумывать, где у них, черт побери, кухня.

— Налить еще чашечку, голубушка? — спросил Кларк у Сьюзен.

— Конечно.

Юрий сказал:

— Я с нетерпением жду возможности воспользоваться всеми вашими хранилищами данных, которые, как вы сказали, есть у вас на Микрокосмосе.

— Да, разумеется, — ответил Прим, — но вполне может быть, что вам покажется, что вы потерялись во всем этом море данных. Опять-таки, я должен вам напомнить, что количество информации, накопленной тут, может поразить любое воображение. Даже если вы просто захотите сориентироваться в море информации, это может занять у вас всю вашу жизнь.

— Да, я так и понял. И, разумеется, остается проблема перевода.

— О, это как раз не проблема. Большая часть того, что у нас имеется, может быть переведена на стандартный английский, если хотите...

— Предпочитаю русский.

— ...или на любой другой человеческий язык. Или вообще на любой язык. И это можно сделать очень быстро. Даже и в этом случае вы окажетесь на плаву в бесконечно великом

океане информации. И при этом имейте в виду, что все каталогизировано, снабжено ссылками и пометками. Но даже просто научиться пользоваться этой системой каталогов может занять у вас большую часть вашей жизни. Вот почему я призываю вас принять обучение во сне.

— И все же,—сказал Юрий,—мне хотелось бы попробовать поплавать в этих безбрежных водах—если вы не возражаете.

— Разумеется, нет. Вы сможете найти что-нибудь интересное для себя.

— Я уверен, что найду.

Кларк наполнил все чашки и проковылял прочь, все время что-то бормоча себе под нос.

Я посмотрел ему вслед. Этому существу. Я все еще не мог решиться про себя думать о нем как о личности. Будь то мужского или женского пола.

— Когда мы сможем начать?—спросил Юрий.

— Сейчас, если хотите,—ответил Прим.

— Я подожду остальных.

Сьюзен спросила:

— Нам сегодня снова будут сниться сны?

— Если вы сами это позволите,—ответил Прим,—то да.

— О, я не возражаю. Это самый удивительный способ обучения. Как вы это делаете? Это как-то связано с телепатией?

— Собственно говоря, это гораздо больше сродни электромагнитической проводимости, чем экстрасенсорной перцепции.

— Тогда я вообще не смогу этого понять.

— Техника этого способа не превышает ваших возможностей понимания. Она на самом деле очень простая.

— Я в этом уверена.

— Тогда полагаю,—сказал Джон,—что все наши остальные вопросы по мере их возникновения получают ответы в наших снах.

— Я буду более чем счастлив иметь возможность снабдить вас любой информацией, которая покажется вам желательной, но что касается общей схемы вещей, сны могут оказаться более чем достаточны для восполнения ваших сведений о мире и для ответов на ваши вопросы. Есть еще одна вещь, которую вам следует понять. Мы используем уровень обучения во сне, который можно назвать самым низким, если смотреть с точки зрения эффективности. Если бы вы захотели и если бы вы разрешили, то мы могли бы наполнить ваш мозг большим количеством информации, чем вы могли бы набрать обычным путем за несколько человеческих жизней. Есть возможность, что такой интенсивный способ обучения может вызвать нежелательные побочные эффекты, но это вполне осуществимый вариант обучения. Вы сами должны решить, сколько вы хотите узнать—насколько вам хочется пройти по пути высшего разума.

— Как далеко мы сможем уйти? — спросил Юрий.

— Настолько, насколько вы сами этого захотите.

— Понятно.

Никто не говорил, и мы молча допили наш кофе. Кларк вернулся, и Прим поднялся.

— Кларк проведет вас к хранилищу данных, которое мы считаем главным. Мы снова встретимся за обедом. А пока что — доброго вам утра. — Он поклонился и вышел.

Кларк смотрел, как он уходит, а потом повернулся к нам.

— Хорошо, детки. Пора в школу. Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно. Попроворней одевайтесь, смотрит солнышко в окно. Сложите книжки и тетрадки и пошли за мной.

— Да пошел ты к такой-то матери, — ответил Карл.

Кларк ответил ему хмурой рожей.

— Ай-яй-яй, это плохо кончится. Пойдешь в угол. И пусть мамочка распишется в дневнике под замечанием.

Карл схватил со стола молочник. Я был уверен, что он швырнул бы в Кларка молочником, если бы Джон не выхватил его из рук парня.

Лори была в шоке.

— Карл! Веди себя как следует!

Кларк в притворном испуге закрыл лицо руками.

— Ой, он же опасен для окружающих! Готовый кандидат в колонию! Ладно, ладно, на уроки можешь не ходить.

— Чтoб ты сдох!

— Тебе того же, солнышко, и по тому же месту. А остальные...

— Минуточку, — я встал. — Мы действительно очень интересуемся возможностью порыться в библиотеке, но сперва я хотел бы попасть в свой тяжеловоз и там навести кое в чем порядок. Если вы не возражаете.

— По мне — просто замечательно, — ответил Кларк. — Вы знаете, как добраться до подвала?

— Не то чтобы точно представлял себе, но...

Кларк показал рукой:

— Идите вот по этому коридору, сверните на первом повороте направо, там вы найдете аппарат, которая ведет вниз, прямо в подвал, причем быстро. Если хотите, то я позову проводника, чтобы он вас провел.

— Э-э-э... — эти светящиеся шарики вызвали у меня содрогание, если только подумать. Кроме того, они, вероятно, были устройствами для слежения и подслушивания. Я хотел, по крайней мере, подстраховаться, что за мной не будут следить. — Нет, спасибо, я смогу сам найти дорогу.

— Осторожнее, лапочка. Ладно, если хотите, чтобы вас повели на экскурсию в хранилище информации, то за мной, детки, за мной.

Дарла встала и подошла ко мне.

— Я пойду с тобой.

— Ладно. Будем надеяться, что мы найдем потом дорогу домой.

— Тебе не кажется, что они следят за каждым твоим шагом?

— Я пытаюсь все время себя убедить, что не следят.

— Я тоже пойду,— сказал мне Карл.— И Лори. Мы сбежали с уроков.

Лори вздернула нос:

— Кому охота смотреть на кучу пыльных книжек?

Я сказал:

— Может быть, я и ошибаюсь, но я сомневаюсь, что Прим говорил про книги как таковые.

— Или дискеты, или пленки — плевать, на чем там все это записано,— сказала Лори.— Как бы там ни было, я никогда не ходила в школу и сейчас не собираюсь начинать.

— Никогда? Вообще никакой школы?

— Ну, немножечко, когда я была совсем маленькая. Я, конечно, и читать научилась, и считать немножко, и все такое, но, по большей части, я сама училась.

— Вот как...

Джон подошел к нам.

— Ладно, потом встретимся в библиотеке. Я правильно вас понял?

— Если я смогу найти туда дорогу,— ответил я.

— Мне бы надо было пойти с вами,— сказала Сьюзен.— Но мне и правда очень хочется увидеть, что у них тут такое есть.

— Да ради бога. На здоровье.

— Осторожнее,— она посмотрела на Дарлу. Она, казалось, хотела что-то сказать, но не решалась.

— Мы будем осторожнее,— ободряюще сказала ей Дарла.

— Пожалуйста.

Они стали гораздо лучше контактировать между собой в последнее время. Не то, чтобы они становились друзьями — от этого они были далеки — но они научились уважать чувства друг друга, по крайней мере. Как бы там ни было, а по сравнению с мордобоем, через который они в недавнем прошлом прошли, это было явно лучше.

Мы очень легко нашли спуск вниз. Он выглядел точно так же, как и подземная шахта, что заставило нас раскинуть мозгами насчет того, как же их отличать.

— Откуда они знают, работает эта штука или нет? — спросил Карл.— Ведь это не так просто: глядишь, подошел к дыре, шагнул — и упал в нее.

Серебряная лента дорожки начиналась в середине зала, где

она просто крепилась к полу, потом шла через овальное отверстие в стене, выходила за пределы пола и выгибалась вниз.

— Ладно, придется мне быть подопытным кроликом,— сказал я и ступил на дорожку.

Я пошел по ней к отверстию в стене. Сила гравитации поймала мои ноги в силки примерно в метре от отверстия.

— Похоже на то, что если ты не совсем дурак, то поймешь, где надо остановиться, если эта штукавина не работает,— сказал я.— Прыгайте на ленту.

Они последовали за мной.

Путешествие вниз было восхитительным. Температура чуть-чуть упала. Шахта была темной, но свет откуда-то шел. Однако я сам не мог понять, откуда именно.

Шахта вывела нас в большую пустую комнату. Из нее мы вышли в гараж. Я оглянулся по сторонам и заметил тяжеловоз. Он стоял в дальнем углу гаража, и туда было идти и идти. Мы дотопали туда, не слишком часто останавливаясь, чтобы посмотреть на различные экзотические инопланетные машины и прочие инструменты.

Люк не открывался. Может быть, что-то не так с внешними защелками или камерами наружного обзора, подумал я.

— Сэм? Это я, Джейк.

Дверь со стороны водительского сиденья распахнулась, и я взобрался внутрь.

— Сэм?

— Добрый день, сэр,— ответил мне бесстрастный, приятный голос.

— Э? Кто ты?

— Я мультиплексное программное обеспечение искусственного интеллекта Ванг десятого поколения, начитанное в субмикропроцессор Мэтьюза 7894 зет. Правильно ли я определил вас как владельца и главного оператора данного транспортного средства?

— Что?! Где, черт побери, Сэм?

— Простите, сэр, но этих сведений у меня нет. Могу ли я чем-нибудь еще вам помочь?

— Черт побери!

Я помчался бегом в кормовую кабину и проверил болты, которые держали панель, покрывавшую центральное процессорное устройство. Никаких признаков того, что здесь копались, но тот, кто сюда вторгся, наверняка аккуратно бы заметал свои следы. Я вытащил электроотвертку и вынул винты. Потом заглянул внутрь.

В кишках компьютера не так уж и много начинки. В случае с Сэмом, его Влатузианская матрица личности, вместилище его интеллекта и личности — то, что делало Сэма чем-то неизмеримо большим, чем просто бесцветным призраком, какими обычно бывают готовые искусственные интеллекты — была самой

большой частью. Прошли годы с тех пор, как я снимал эту панель. У Сэма редко бывали проблемы с областью центрального процессора. Влатузианская матрица была похожа на маленькую восковую грушу.

Мне пришлось вспоминать, как она выглядела, потому что теперь ее там не было. Она пропала.

— Иисусе Христе,— выдохнул я и сел за столик в кухонной нише.

Несколько минут я туло смотрел на стол, потом поднял голову. Дарла смотрела на меня.

— Прим, разумеется,— сказала она.

— Да. Или, может быть, Мур.

— Ему сюда не добраться.

— Может быть, и нет. Но некоторые из его мальчиков — весьма неплохие техники. Может быть, они вырубили Сэма электромагнетическим генератором, а потом вломились сюда.

— Чего ради?

Я встал и подошел к сейфу. Я приложил к нему свой большой палец, дал считать отпечаток, потом открыл сейф.

— Кубик тоже исчез,— сказал я.— Вот тебе и повод.

Дарла уселась на койку. Вошли Карл и Лори.

— Ох ты, какая беда, Джейк,— сказал Карл.— Хороший парень был Сэм.

— Они, наверное, держат его заложником,— сказала Дарла.— Они не станут уничтожать его матрицу.

Я весь передернулся. Пусть мое сознание говорило мне, что предмет, о котором мы тут говорили, всего-навсего очень сложная матрица искусственного интеллекта, мысль о том, что я навсегда потеряю Сэма, была невыносима. Это было примерно так, как если бы я потерял отца во второй раз.

— Как бы там ни было,— продолжала Дарла,— мне кажется, Мур не мог бы проникнуть в Изумрудный город без разрешения Прима. А если Прим впустил их, я сомневаюсь, что он мог бы разрешить Муру причинить какой-либо ущерб.

Я надеялся, что она была права. Я не доверял Приму, а Мур явно затаил против меня злобу. Я так и видел, как он раздавливает матрицу Сэма под своим тяжелым кованым сапогом дровосека.

— Если Сэм исчез,— сказал Карл,— то кто же сидит в компьютере?

— Программа искусственного интеллекта, которая прилагалась к компьютеру,— сказал я.— Сэм работает в тандеме с ней, когда у него слишком много данных для обработки. В этой программе совсем нет личности.

— Ох.

Я встал, прошел в кабину и уселся на водительское сиденье.

— Компьютер,— сказал я.— М-м-м... я когда-нибудь давал тебе имя?

— Нет, сэр.
— О'кей. Ладно.
— Да, сэр.
— Компьютер, что произошло? Я заметил нарушение систем безопасности. Дай отчет.

Воцарилась небольшая пауза. Потом:

— Простите, сэр, у меня нет никаких файлов, где содержались бы данные, касающиеся нарушения систем безопасности и непроницаемости данного транспортного средства.

— У тебя что-нибудь записано на видеокассете?

— Ишу... Да, сэр.

— Когда была сделана запись?

— Шесть дней, пятнадцать часов и двадцать одна минута назад, сэр.

— Это никуда не годится. Что-нибудь недавнее? В пределах двадцати четырех часов?

— Ишу... За последние двадцать четыре часа нет никаких записей, сэр.

— Черт побери. Сэм должен был оставить сообщение. Если системы безопасности были нарушены до такой степени, что он боялся, что его могут отключить или отсоединить от компьютера, он должен был что-нибудь где-нибудь записать. Ищи файл с именем Откровение Тринадцатая запятая Один. Нашел?

— Да, сэр. Ишу.

— И перестань называть меня «сэр».

— Хорошо. Файл под именем Откровение Тринадцатая запятая Один найден. Защита не нарушена. Для доступа к файлу необходим голосовой отпечаток владельца данного транспортного средства. Проверка проведена. Для доступа необходим пароль безопасности.

— Отель Разбитых Сердец,— сказал я.

— Теперь доступ открыт. Прочитать файл?

— Да!

— Читаю имя файла: Открове...

Наступила пауза.

— Компьютер! Эй! Что случилось?! Компьютер!

— Джейк, говорит Сэм.

— Сэм! Черт возьми, где...

Я остановился. Это была всего лишь запись.

— Я постараюсь поневоле побыстрее записать все это,— продолжал голос Сэма.— Мне не хотелось оставлять записку с искусственным интеллектом Ванг, потому что я понял, что ты заподозришь фальшивку, если не услышишь этого непосредственно от меня. Я знаю, что ты будешь искать файл с кодовым именем, который мы оставили для чрезвычайных случаев, и, если ты сейчас прослушиваешь эту запись, стало быть, ты именно так и поступил. Как я уже сказал, времени у меня мало. Мне кажется, что у меня всего несколько микросекунд реально-

го времени, прежде чем меня отсоединят. Навсегда или нет — не знаю. Я к тому же не знаю, что именно происходит. Кто-то копается во мне, в тяжеловозе, вообще во всем. Самое скверное, что я не могу ни услышать, ни увидеть, ни просканировать, кто это. Кто бы это ни вытворял, делается это очень и очень ловко. Если я снова вернусь в рабочее состояние, я сотру этот файл. Но если мне никогда не суждено проснуться, знай, сын, что я тебя люблю. Ты всегда был самым лучшим сыном, какой только мог быть у отца. Я знаю, что мама тоже всегда к тебе так относилась. Ты это знаешь, но мне хотелось это тебе сказать. Будь осторожнее и попрощайся с остальными за меня. Присматривай за Дарлой. Она носит в себе моего внука. Она тоже тебя любит, Джейк. Это я могу сказать. Я уверен, что в конце все будет прекрасно. Только води машину по прямой и никого не слушай. Не печалься обо мне, не убивайся. Я слишком много пожил и несколько раз выходил, так сказать, на бис. Пора мне...

Потом была тишина.

Я откинулся назад. И во второй раз за свою взрослую жизнь заплакал.

Глава девятая

Больше делать в тяжеловозе было нечего. Я только проверил его на предмет вандализма, мин-ловушек и общего ущерба. По всем статьям ничего. Тем временем Карл и Лори отправились обратно в трейлер, чтобы осмотреть его, и не прошло и трех секунд, как мы услышали леденящий кровь в жилах вопль. Я бросился в переходник и пролез в трейлер, а Дарла поспешила следом. В трейлер я почти влетел кувырком.

— Они забрали мой трейлер! — Карл стоял на пустом пятачке пола. Вчера днем там стоял шевроле импала 1957. — Это Прим. Я его, ей-богу, убью.

— Ни в коем случае, — ответил я ему. — Ты бы это с удовольствием сделал, и я тоже, но нам нельзя так поступать. Поэтому забудь про такие мысли. Единственное, что мы сможем сделать — это поговорить с ним в открытую. Я собираюсь именно это и сделать, поэтому погоди пока до обеда.

Карл с силой выдохнул воздух.

— Дерьмо!

— Не волнуйся.

Внезапно он резко помрачнел.

— Может быть, он и отдаст Сэма обратно, но с этой моей машиной можно попрощаться навеки. Для чего бы она ни была задумана, ее задача выполнена. И она больше не нужна, и я больше не нужен.

— Это означает, что ты сможешь вернуться домой.

Карл вздохнул.

— Ага.

Потом его захлестнула новая волна возмущения.

— Но они сперли у меня машину!

— Такая уж невезуха.

Карл пошелелся обратно к переходнику, прополз через него и вышел в кабину.

Дарла оглядывала трейлер.

Она поцокала языком.

— Ну и бардак. Тут просто воняет.

Она была права. Я пинком ноги отшвырнул огрызок яблока, нагнулся и поднял полусъеденную плитку шоколада.

— Чертовы грязнули жлобцы,— пробормотал я.— Вот подниму квартплату!

— Лори,— окликнула Дарла.— За этим бараклом вон там есть метла, как мне кажется.

— Давайте-ка возьмемся за работу,— сказал я.

— Нет, с этим вполне справимся я и Лори. А ты постарайся сделать так, чтобы машина смогла снова путешествовать по Космостраде— проверь герметичность и все такое. Мне уж очень хочется убраться из этих мест к чертям собачьим.

— И мне тоже. А как насчет остальных?

Дарла ехидно ухмыльнулась.

— Они могут остаться здесь и превратиться в богов, если им так угодно, вся их компания. Я-то собираюсь уехать прямо сейчас. Если бы только это было возможно... Прим сказал, что все попадут домой, что он за это ручается. Они могут сами выбирать. А мы выберем тоже— сами.

— Как, тебе даже не хочется стать сверхсуществом?

Ее рот скривился в презрительной усмешке.

— Чуть гребаная!

Я кивнул. В первый раз я слышал, чтобы Дарла сказала бранное слово.

— Вчера тебе казалось, что здесь наша судьба.

Она пожала плечами.

— Думаю, что так мне и казалось. Но очень многое может измениться за день. И за ночь.— Вдруг она закинула руки мне на шею, а глаза ее стали огромными и молящими.— Джейк, мне кажется, что судьба наша в том, чтобы **ВЕРНУТЬСЯ ОБРАТНО**. Давай уедем, сорвемся с места, только ты и я. Должна же быть обратная дорога отсюда.

— Куда? И как?

— Не знаю.— Она что-то пыталась вспомнить. Глаза ее вдруг загорелись.— «Дорожные жуки»! Куда они уехали? Они ведь поехали по направлению к Изумрудному городу. А мы их там не видели...

— Замок большой.

— Но ведь может быть и обратный путь отсюда, который лежит по Космостраде. Он обязательно должен быть.

— Мы на этой планете нигде не видели портала,— напомнил я ей.

Она пожевала нижнюю губу. Потом ее осенило.

— Другая сторона!

— Другая?..— Тут до меня дошло. Из космоса мы видели только одну сторону диска планеты.— Да, вполне может быть.

— Ох, Джейк, давай попробуем. Мне очень хочется снова оказаться на Космостраде. Ты и я, Джейк. Мне этого так хочется.— Она прижалась ко мне, положила голову мне на плечо, и я притянул ее к себе.

— Мы не можем просто так их оставить, Дарла.

— Если они не хотят ехать, если они хотят остаться здесь и заниматься вещами, которые мы даже приблизительно не можем понять, почему мы не можем...— Она глубоко вздохнула и подняла голову:— Это из-за Сьюзен?

— А? Нет-нет, это не просто из-за Сьюзен. Я просто не могу вот так сорваться с места и оставить кого-нибудь из них без физической возможности вернуться обратно, то есть без транспорта. Ведь я же частично несу ответственность за то, что они здесь оказались.

— Нет, Джейк, это не так. Ответственность за все, что произошло, несу я.

— Хватит молоть чушь. Посмотри на меня. Я тебе обещаю, что мы вернемся домой. Ты мне веришь?

— Да, Джейк. Да, дорогой!

Она поцеловала меня, потом сказала:

— Я собираюсь родить твоего ребенка... Я хочу, чтобы это произошло в каком-нибудь нормальном месте, в хижине, на ферме, на какой-нибудь занюханной планетке или в паршивой комнатенке мотеля— где угодно!— только не в таком месте, где все совершенно чужое и абсолютно страшное и таинственное.— Она зарылась лицом в мою куртку.

— Ох, Джейк. Я ничего не имею против кого-то из них. Пусть и Сьюзен с нами едет или любой из них, мне все равно. Просто я так устала, дорогой мой. Так устала. Мне хочется прекратить бегство. Мне очень хочется домой.

— И мне, солнышко, и мне. Но перед нами длинная дорога, и может статься, что нам еще придется проехать по ней. Кроме того, нам придется еще подождать, прежде чем мы сможем уехать. Ты сможешь продержаться?

Она кулачками вытерла слезы, шмыгая носом.

— Конечно.

Я оглянулся. Лори собирала мусор в кучку за потрепанной спортивной машиной Шона и Лайема. Она старалась не подслушивать, но она чувствовала на себе мой взгляд.

Она улыбнулась мне.

— Тут форменный хлев.

Я подмигнул ей.

— Хрю-хрю-хрю!

Она рассмеялась.

Дарла нагнулась, чтобы поднять обертку из-под какой-то еды.

— Ты уверена, что вам не понадобится помощь? — спросил я.

— Вы, мужчины, только будете мешаться под ногами, — сказала Дарла, улыбаясь. — Нет, серьезно, я действительно хочу, чтобы наш тяжеловоз смог отправиться в путь по первому сигналу. Мне будет гораздо лучше, если я буду это знать.

— Точно, — ответил я.

— Мы его вернем, Джейк. Сэм вернется обратно.

Я вспомнил дискету Белой Дамы.

— Кстати, если говорить о том, чтобы найти дорогу назад...

Дарла озадаченно посмотрела на меня.

— У меня есть кое-что, что мне надо проверить, — сказал я и оставил ее стоять, таращась мне в спину, пока я рысью рванул к переходнику.

Карл ссутулился на сиденье стрелка, тупо глядя из иллюминатора. Я скользнул на сиденье водителя.

— Веселей, парень. Не все потеряно.

Он иронически хмыкнул.

Я вытащил дискету из-под молнии на нагрудном кармане и сунул ее в дисковод на панели.

— Компьютер?

— Да?

— Проанализируй введенные данные.

— Очень хорошо. Вы запретили мне называть вас «сэр». Должен ли я обращаться к вам «мистер Мак-Гроу»?

— Зови меня Джейк. А тебя будут звать... Брюс. Ясно?

— Да, Джейк.

— И, кстати, прости меня, что я так резко разговаривал с тобой давеча. Это же не твоя вина.

— Не бери в голову, Джейк. С тобой очень приятно работать.

— Спасибо.

Большая часть программ искусственного интеллекта очень толстокожа. Однако это не оправдание для того, чтобы с ними несправедливо обращаться.

Я посмотрел на Карла. Он выглядел страшно подавленным.

— Держись, парень. Все образуется.

Он медленно выдохнул воздух.

— Да нет, не в этом дело. Я и так уже стал уставать от этой проклятой машины. Это... это все сразу.

— Еще бы!

— Лори,— сказал он.

— Что — Лори?

— Это страшно дико, но...

— Что такое, Карл?

— Понимаешь, когда я в первый раз ее увидел, мне показалось, что она страшно похожа на Дебби, но по мере того, как проходит время...

— Дебби,— сказал я.

— Ну да, девчонка, которая была со мной в ту ночь, когда меня похитили.

— Дебби! Твоя подружка! Да, прости. Продолжай.

— Ну вот...

— Ты был влюблен в эту девушку?

— Кажется, да. Мы начали... ну, это... гулять. Но это все-таки не то. Я хочу сказать, я скучаю по ней, и все такое, но...

— Ты собирался на ней жениться? Может быть, вы были помолвлены?

— Да нет, помолвлены мы не были. Мы любили друг друга. Я хочу сказать, я действительно ее очень любил. Она была какая-то особенная...

— И теперь у тебя то же самое чувство по отношению к Лори?

— Джейк, ты не понимаешь. Ничего подобного. Мне нравится Лори, и причина этому та, что она очень похожа на Дебби. Я имею в виду, что она, ей-богу, очень-очень похожа на Дебби. Собственно говоря, мне от этого не по себе.

— Правда? Но ведь подростки и молодежь во все века и на всех планетах довольно одинаковые.

— Послушай, позволь мне объяснить. Когда я впервые увидел Лори, я подумал: надо же, совсем как если бы она была младшей сестренкой Дебби. Волосы другие. У Дебби были совсем темные волосы, и она носила их длинными, распущенными. Но лицо, голос... Господи Иисусе!.. Чем больше я гляжу на Лори, тем больше мне кажется, что если бы она покрасила волосы и стала годика на два старше... может, даже и меньше...

— Сколько лет было Дебби?

— Шестнадцать. По крайней мере, она мне так сказала. Девчонки иногда врут насчет своего возраста, бывает.

— Ну, Лори ненамного моложе этого возраста.

— Лори тощенькая. У Дебби было все ж таки побольше сальца под кожей. Она была как бы более кругленькая. Понимаешь?

— Понимаю, в совершенстве. Хорошо, Лори могла бы быть двойняшкой Дебби.

— Нет, не то, что «могла бы быть». Она и есть!

— Ты в буквальном смысле?

— Не знаю. Единственное, что я понял, что у меня от этого мурашки по коже.

— У нас у всех очень страшные мурашки по коже, парень. Карл медленно покачал головой.

— Наверное, совпадение, — предположил я.

— Нет! — рывкнул он, выразительно мотая головой. — Ничто в этой проклятой сумасшедшей истории не похоже на простое совпадение.

Я прекрасно понимал, что он имеет в виду. Я выглянул в иллюминатор. Гараж был пустым, чужим, холодным.

Тут я сообразил, что Брюс очень долго не отчитывается о проделанной работе.

— Э, Брюс! Как у нас дела?

— Прости, Джейк. Тут аномалия.

— Какая еще аномалия?

— Эта дискета несет больше информации, чем можно записать на дискете такого размера.

— Отлично. Этому может быть законная причина, о которой я сейчас не стану распространяться. Она правильно отформатирована?

— Ну, она отформатирована в соответствии со стандартом, с которым наша система совместима. Это как раз не проблема.

— Отлично. Но там огромное количество информации — я правильно тебя понял?

— Я достиг предела объема моей рабочей памяти.

— Ох ты! Ну хорошо, а можешь ты мне сказать, что ты пока что имеешь?

— Пожалуйста, Джейк. Это карта системы Космограды.

— Ты как узнал, что это она и есть? — спросил я.

— Ошибиться в этом невозможно. По формату и масштабу она соответствует тем картам, которые хранятся в нашем вспомогательном архиве, картам расширенного земного лабиринта. Однако есть только одна проблема. Ни один из материалов новой карты не совпадает с имеющимися у нас.

— Ты хочешь сказать, что новый материал — это новая, неисследованная дорога?

— Да, Джейк!

— Бинго!

— Прости, что?

— Мы нашли ее!

— Да, это будет очень полезный материал, если можно будет подтвердить его подлинность и точность.

— Еще бы! — ответил я.

— Еще бы? А, да, конечно.

— Следовательно, то, что мы должны сделать — это по-

искать совпадения новых данных с данными в нашем хранилище.

— Это кажется мне наиболее продуктивным образом действий.

— Вне всяких сомнений,— ответил я.— С этим есть какие-нибудь проблемы?

— Нет. Я просто буду стирать старое и загружать новое по мере работы. Однако боюсь, что эта задача займет слишком много реального времени.

— Приступай,— сказал я ему.

— Да, Джейк.

— И еще, Брюс. Постарайся выражаться по-человечески.

— Извини, Джейк. Не мог бы ты составить последнюю фразу в более понятных для меня терминах?

— Напомни мне поработать с твоим основным словарным запасом.

— Я немедленно запишу твоё замечание в файл. Должен ли я отменить команду «выражаться по-человечески», которая по всем стандартам не является кодируемой компьютером командой?

— Отмени,— я рассмеялся.

Карл смотрел на меня во все глаза.

— Значит, ты её наконец нашел,— сказал он.

— Угу. Я её нашел, полный порядок. Я её все ещё разыскиваю, как блоху в заднице.

— Ты нашел Карту Космострады. Настоящую. Откуда она у тебя?

— Блестящая белая богиня появилась передо мной, говоря: «Смотри, я несу тебе великие и радостные вести и великую муку в заднице». Кстати, прихвати заодно и карту.

Карл медленно кивнул.

— Угу.

— Ты думаешь, я дурака валяю?

— Я во все готов поверить.

— Поверь тогда и в это. Вот как все это произошло. Прим тут не один. Есть тут и еще одна сила. Я так понимаю, что это сила, которая противостоит Кульминации. Или это еще одна часть Кульминации, может быть, ее оппозиционная фракция. Что, вообще-то говоря, не имеет смысла, если я правильно понял, что такое Кульминация. Ну вот, так получилось.

Час спустя Брюс был еще по уши в работе.

— Куча данных, да?— спросил я.

— Да, Джейк.

— Тогда продолжай.

— Хорошо, Джейк.

Пока мы ждали, Карл и я помогали женщинам. Мы упаковали весь мусор в пластиковые мешки, которые мы аккуратно выставили на пол в гараже. Может быть, тут мусор убирает

Кларк. Потом мы вымели все, что можно, пропылесосили и вытерли полы. Когда мы закончили с трейлером, мы перешли в кабину, чтобы как следует прибраться и там. Кабина подарила нам еще несколько мешков мусора. Я был потрясен тем, какое количество набралось. Но тринадцать существ в замкнутом и весьма небольшом пространстве могут произвести кучи мусора.

— Ну ладно, по крайней мере, пахнуть стало гораздо лучше, — сказала Дарла.

Я потянул носом.

— Угу, по крайней мере, пропал запах грязных носков. Однако нашими друзьями-лесорубами все еще пахнет.

Дарла возвела глаза к небу.

— О, эти двое. Видимо, дезодорант — диковинка на Высоком Дереве.

— Или, может быть, пота там слишком много. — Я уселся на шоферское сиденье. — Брюс, как дела?

— Ситуация пока еще аномальная. Очень много данных.

— Угу.

— Я нашел совпадение.

— Вот как?

— Только что. Я нашел кусок земного лабиринта.

— О боже.

— Теперь я нашел весь земной лабиринт. Да-да. А вот расширенный земной лабиринт. Вот ретикулянский лабиринт, рикксианский, бета-гидранский, вот остальные известные маршруты.

— Теперь, — сказал я, — твоя основная задача — найти Микрокосмос.

— Микрокосмос? Не будешь ли ты так добр поточнее определить, что это такое?

— Так называется эта планета. У тебя в памяти должны быть на нее данные.

— Понятно... ищу... нашел. Да, тут есть участок Космо-страды. Но я не вижу никакого признака портала.

— Если ты не можешь найти Микрокосмос на основной карте, то на обратной стороне может быть обозначен портал, на темной стороне диска планеты. Ладно. Единственное, что я тебя прошу сейчас сделать — это разработать путь из земного лабиринта сюда, работая от конца к началу. Совсем необязательно давать визуальную карту. Просто дай штурманские указания — где налево, где направо поворачивать. Это будет наша дорога домой.

— Понятно, — ответил Брюс. — Начинаю работу.

Я повернулся боком и посмотрел назад, на Дарлу, Лори и Карла.

— Ну что ж, мы уже кое-что знаем. Опять же, мы знаем, что Космострада не бесконечна. Не знаю, сколько полных гига-

байтов займет карта, но, в конце концов, это неограниченное число.

— У нее есть конец,— сказала Дарла.— Мы это знали, правда?

— Мне кажется, тут уместнее говорить про кольцо. Нет начала, нет конца. Если твоя догадка верна, то мы сможем уехать с этой планеты и вернуться назад на Космостраду.

Брюс перебил меня:

— Джейк!

— Да?

— Новые карты в какой-то степени необычные, потому что они показывают маршруты, отмеченные иначе, чем остальные. Сравнивая эти данные с теми, которые были оставлены в хранилище памяти предыдущей управляющей программой...

— Сэмом.

— Да, таково было ее неофициальное обозначение. Так вот, сравнивая эти данные с данными Сэма, я бы сказал, что это служебные пути «дорожных жуков».

— Похоже на то,— ответил я ему.

— Если эти дороги можно использовать, то обратный путь будет гораздо короче.

— Вне сомнения,— сказал я.— Это как раз как мы сюда добрались. Но я не знаю, сможем ли мы вернуться тем же путем. Собственно говоря, почти уверен в том, что без машины Карла нам это не удастся.

— Тогда я не стану включать их в расчеты.

— Кто-нибудь хочет пообедать?— спросила Дарла.— Я тут приготовила кое-что из того, что осталось из наших запасов, на скорую руку.

— Давай сюда!

Мы поели. То, что нам подали, было слегка похуже той роскошной пищи, которую предлагал нам Прим, но почему-то нам было очень хорошо снова есть в тяжеловозе. Это было странно, потому что мы находились на Микрокосмосе меньше, чем двадцать четыре часа. Мое ощущение времени совершенно подвело меня. Мне казалось, что мы здесь гораздо дольше. Я подумал, почему так получается, и решил, что тут все дело во сне. Сон как бы охватил миллиарды лет и невероятные расстояния, и у меня оставалось смутное ощущение, что я сам, лично преодолел все эти световые годы.

Брюс наконец справился со своей задачей. Она заняла у него два часа.

— Покажи планетарное расположение Микрокосмоса,— дал я ему команду.

Оно появилось на экране. Похоже было, что основные характерные черты были отражены на карте, и мне показалось, что карты настолько точны, что им можно доверять. На планете были и другие дороги, кроме тех, по которой мы въехали на

нее. Дороги извивались по всему диску, некоторые прямо упирались в какие-то здания и сооружения, прочие доходили до самого края диска. Я искал и нашел дорогу до самого края планеты.

— И что же там делать? — спросил Карл. — Упасть с планеты?

— Интересно. — Я посмотрел на тонкую ниточку дороги, которая, казалось, начиналась от Изумрудного города. — Это кажется мне интересным. Но как нам добраться из Изумрудного города до начала дороги?

— А черт его знает, — ответил Карл.

— Ладно. Брюс, покажи-ка нам обратную сторону монетки.

— Я понял метафору.

Карл аж подпрыгнул.

— Черт побери, я вижу портал!

— Так сказать, черный ход, — рассмеялся я.

Но это не был обычный порталный комплекс. Брюс показал нам на экране количество цилиндров: их было 216, и они были расположены хаотически, через них извивалась дорога. Все вместе напоминало картинку из серии «соедини точки и получишь рисунок», над которым потрудился восьмиглазый инопланетянин, да и тот сдался и бросил картинку. Четыре главные артерии Космострады вливались с четырех сторон света в эту перепутанную макаронную массу дорог.

— Интересно, — сказал я. — Кажется, нет предела тем возможностям въехать сюда и выехать отсюда, которые открываются через эти порталы. Это может означать, что отсюда можно было бы выехать почти в любую точку на Космостраде.

— А как узнать, куда ехать — направо, налево, прямо? — спросила Лори, заглядывая мне через плечо.

— Очень просто, — ответил Брюс.

— Еще бы, — презрительно сказал я. Потом я пожал плечами: — А что, и правда просто?

— Да, Джейк. Каждая секция основной карты отмечена двойным кодом. Тут есть таблица. Посмотри — это ее фрагмент. Теперь, как видишь, перед тобой гексадецимальное ядро многомерной мультивариантной таблицы, в которой каждому цилиндру присвоен номер. Проезды через различные цилиндры даны в нумерологической последовательности, которая соответствует номерам данных цилиндров. Эти последовательности, в свою очередь, соответствуют номерам секций карты. Понимаешь, конечно, обработка этих данных будет напрямую зависеть от способности компьютера запоминать и обрабатывать огромные количества данных, но если разбить их на порции, и, превратив данные в компактно десятичный формат, можно...

— Погоди, — перебил его я. Я ничего не мог понять из ме-

лькания цифр на экране.— Ты хочешь сказать, что если я тебе назову энный участок Космострады, на который я хочу попасть, ты можешь сказать, какую комбинацию цилиндров мне надо проскочить, чтобы совершить прыжок именно туда?

— Да, Джейк, я говорю именно это. Это будет просто функция сверки с таблицей.

Я откинулся на спинку сиденья и присвистнул.

— Значит, тот самый «путь домой», который ты тут два часа разрабатывал, это совсем не путь домой. Это просто та дорога, по которой мы приехали.

— Боюсь, что так,— ответил Брюс.— Разумеется, можно было бы воспользоваться этим путем, но время переезда в земной лабиринт, если принять обычные скорости машины и принимая во внимание остановки на заправку и технический уход, заняло бы около тридцати тысяч земных лет.

Глава десятая

— А до дому далеко,— сказал я.

— Действительно,— спокойно ответил Брюс.— Как бы там ни было, как я уже говорил, в нашем распоряжении гораздо более эффективный маршрут.

— Если мы сможем прорваться через этот портал без того, чтобы нас размазало по дороге. Кажется, это довольно трудно будет сделать.

— Это может потребовать вспомогательного компьютерного вмешательства во время вождения машины, если не полного компьютерного контроля.

Я вздохнул.

— Ты как думаешь, ты справишься с этим, Брюс?

— Не уверен. Видишь ли, я отнюдь не предвзято отношусь к машинам, я не считаю, что они все могут делать лучше человека. Эта задача может нуждаться и в хорошей координации глазомера и рук, и интуитивного чувства времени, которое есть на самом деле только у человеческого существа.

Я улыбнулся.

— Что ж, спасибо, Брюс. Ты говоришь мне такое просто потому, что тебя запрограммировали не обижать наши бедные маленькие «эго», или ты и впрямь так считаешь?

— Извини, Джейк, но этот вопрос довольно неоднозначен, и на него трудно будет ответить.

— Наверное, ты прав, Брюс. Что же, ты отлично поработал.

— Спасибо, Джейк. Работать с тобой — одно удовольствие. Я повернулся на сиденье.

— Ну что, ребята? Что теперь будем делать?

— Поехали,— ответила Дарла.— У нас теперь есть карта.—

Тут ее плечи сгорбились.— Прости, Джейк. Я забыла про Сэма. Я просто не подумала.

— Нам еще кое-чего не хватает,— сказал я.— Никакой провизии. С топливом вроде бы все в порядке, но как я могу понять из показаний приборов, у нас совсем плохо со смазкой, и нам нужен охладитель, вода нужна...

— Похоже на то, что обратная дорога, по словам Брюса, будет недолгой,— сказал Карл.— Может быть, нам удастся проскочить на том, что у нас есть.

Я покачал головой.

— Ты забыл про то, что до портала нам ехать по чужой территории, которую мы не знаем. Не только это — мне чутье подсказывает, что придется проехать много миль, прежде чем удастся поспать. У меня дома есть кой-какие неоконченные дела. Многое там надо сделать. Беда в том, что я не представляю себе, что можно сделать по поводу технического обслуживания. Разве что... — я оглядел гараж.

И тут я увидел Кларка, который шлепал к нам в полутьме.

Я помахал ему рукой, и он подошел к водительскому окошку справа.

Я нажал переключатель, и стекло иллюминатора с шипением отъехало вниз.

— Привет, Кларк,— сказал я весело.— Поздоровайся с Брюсом, он тут, в кабине. У вас двоих немало общего.— Я показал на приборную доску.

— Рад с вами познакомиться,— сказал Брюс.

— Привет, Брюси, детка,— Кларк сунул свой песий нос в кабину.— Вы что это тут затеяли?

— Генеральную уборку,— сказал я ему.— Приводим все в порядок на случай быстрого сматывания удочек.

Кларк улыбнулся. Углы его рта приподнялись, показав в улыбке скругленные белые зубы. При этом его уши-воронки встали стоймя.

— Как хорошо, что я запер под замок серебряные вилки-ложки. Вы скоро собираетесь уезжать?

— Ну, пока нет,— ответил я.— Не думаю, что скоро. Есть тут один щекоотливый вопросик — у меня кой-чего украли. Пару штук, собственно говоря.

Уши упали.

— Вот как? Что именно украли?

— Модуль искусственного интеллекта, который принадлежал этому тяжеловозу, сопряженный с его компьютером. Это был весьма прогрессивный образчик, звали этот модуль Сэм. Ты про это что-нибудь знаешь?

Кларк несколько обиделся.

— Разумеется, нет. Надеюсь, ты не думаешь, что это я его украл? Мне бы такое даже не пришло в голову.

— Извини, я совсем не хотел ни на что подобное наметнуть. Просто я не заготовил длинного списка подозреваемых. Кларк кивнул.

— Понимаю, что ты имеешь в виду. Но, честное слово, ничем не могу тебе помочь. Мне только очень жаль, что так случилось.

— Я собираюсь поговорить на эту тему с Примом.

— Ну, конечно, так и следует поступить,— сказал Кларк, искренне покивав своей нескладной башкой.— Надеюсь, что недоразумение удастся исправить.— Его покатый лоб покрылся морщинками.— Ты сказал, что у тебя украли парочку вещей.

— Да. Насчет одной из них я даже не могу жаловаться, поскольку она мне изначально даром не была нужна. Черный кубик. Ты знаешь, что это такое?

— Начальный Эксперимент. Я знаю, как эта штукавина называлась, но это все, что я про нее знаю. Я-то всего-навсего тут работаю.

Я крикнул.

— Ты этим очень расстроился?— спросил сочувственно Кларк.— Мне очень жаль, что у тебя так нескладно получилось.

— Ценю твоё сочувствие.

— Так ведь моя прямая обязанность — следить, чтобы вам было хорошо и спокойно,— Кларк отступил на шаг и окинул взглядом тяжеловоз.

— Хорошая машинка,— сказал он.

— Спасибо,— ответил я.

— А вы скоро придёте наверх, друзья?

— В конце концов придем,— ответил я.— Как там дела у остальных?

— О, они вовсю наслаждаются. Ты пропустил очень приятный обед, кстати.

— Извини, но мы здесь были очень заняты. А Прим там был?

— Вообще-то, нет. Он занимался делом, которое не терпело отлагательств.

— А на ужине он будет?

— Нет. Он просил меня передать вам своё сожаление и извинения, но сегодня он не сможет с вами обедать. И ужинать. Он занят, страшно занят, и все такое.

— Очень-очень занят?

— Извини.

— Похоже, это очень удобный предлог.

Кларк неопределенно пожал плечами.

— Знаю, знаю,— ответил я.— Ты тут всего-навсего работаешь.

— Только за стол и койку,— ответил Кларк.— Жалованья никакого.

Я фыркнул, потом вспомнил, что разговариваю с роботом.

— Правильно.— Я оглянулся по сторонам.— Слушай, а в этом гараже кто-нибудь осуществляет техническое обслуживание?

— А что тебе надо?

— Общий технический осмотр и рутинные поправки и ремонтики.

— В таком случае,— сказал Кларк,— делу можно помочь. Я не механик, но если ты закатаешь тяжеловоз в один из ремонтных боксов, мне кажется, ты вполне можешь получить то, что тебе надо.

— Куда закатить?

Я завел мотор, а Кларк показывал мне дорогу через весь гараж в узкий туннель, по стенам которого выстроились различные машины. Я протиснулся в этом узком пространстве и припарковал тяжеловоз, потом выключил мотор. Почти сразу же начались разные вещи. Мы услышали жужжание и щелчки, потом ровное гудение. Вдруг многосуставчатая механическая рука, яркая и блестящая, змеей скользнула вдоль переднего стекла, а на конце у нее топорщился целый пучок инструментов, странных приспособлений и насадок. Совершенно без моей команды, самостоятельно, передний кожух развернулся и откинулся, обнажив мотор. Головка с орудиями на миг зависла над ним, потом повернулась, прицеливаясь нужной насадкой, потом нырнула и исчезла из поля зрения во внутренностях мотора. Появились еще механические руки, которые занялись прочими частями машины. Яркие окрашенные шланги протянулись и подсоединились к различным клапанам и проводам.

Голос Брюса показался мне слегка встревоженным.

— Джейк, я не вполне понимаю, что тут происходит.

— Нам оказывают суперуслуги по уходу и ремонту.

Передо мной появились еще несколько механических рук, которые сновали во внутренностях машины, переkreщиваясь на пути, но ни разу не соприкоснувшись. Каждая рука работала с молниеносной скоростью. Хвать-щелк-шлеп-динь. Летели искры, вверх струились тоненькие струйки дыма, туман и пар поднимались от извивающегося клубка механических рук.

Все закончилось меньше, чем за минуту. Баки с топливом были полны до отказа. Уровни смазки и охладителя были на максимуме, резервуары с водой наполнены по горлышко, все аккумуляторы показывали полный заряд.

— Все системы на пять с плюсом, в порядке,— произнес Брюс.

— Похоже на то,— ответил я.

— Интересно, бесплатные обеды они тоже тут раздают?— спросил Карл.

— Может быть, это единственное место, где все делают «на пять», что бы ни означало это выражение,— сказал я и выка-

тился из ремонтного бокса на платформы гаража, где и остановился. К нам не спеша зашагал Кларк.

— Ну что, ребята, пошли наверх? — сказал я.

— Давайте сегодня переночуем в тяжеловозе, — предложила Дарла.

— Да, давай, а? — поддержал Карл.

Лори кивнула, и я сказал:

— Ладно.

— Мне абсолютно все равно, — откликнулся на это предложение Кларк. — Меньше уборки, если поменьше ваших туш. На здоровье, — он повернулся, чтобы уйти.

— Эй, Кларки? — окликнул я его. — Э-э-э... Кларк!

Он оглянулся, высокомерно глядя на нас через узкое покатое плечо.

— Кларк — это еще туда-сюда. На это я еще могу согласиться, — сказал он с усталым снисхождением. — А вот Кларки — это уж чересчур.

— Прости. А у тебя есть другое, настоящее имя?

— А разве утка не крикает? Да будет вам, вам же его ни в жисть не произнести. — Кларк повернулся. — Что ты хочешь?

— Как выбраться из этого места?

Кларк показал направо.

— Просто идите по этой зеленой черте на полу. Она выведет вас к туннелю на выход.

— Вот по этой черте?

— А что, ты тут еще одну видишь? Да, лапушка, вот по этой самой линии.

— А это и будет выход?

Кларк задумчиво потер нижнюю челюсть.

— Ну-ка, давай проверим. Туннель на выход. В последний раз, когда я заглядывал в словарь, это слово и означало именно выход.

Я заскрипел зубами.

— Мне нужно было твое подтверждение, что тут нет никакого подвоха. Полагаю, очень глупо с моей стороны было спрашивать.

— Неужели я выгляжу столь недостойным доверия?

— Честно сказать — да!

— Ай-йй-йй! У нас начинается мания преследования, голубчик. Мне кажется, лучше мне поскорее сматываться.

Так он и поступил.

Покачивая головой, я смотрел, как он исчезает в полутьме гаража.

— Он, по словам Прима, смешение всех наших личностей. Хотелось бы мне знать, от кого у него такой длинный и дерзкий язык.

Дарла расхохоталась.

— Странно, но мне кажется, что в нем я нахожу массу твоего собственного сардонического юмора, Джейк.

— Моего?! — завопил я. — Да ты издеваешься!

— Кстати, вполне логично, что у него словно бы женственная личность.

— Ну, для меня это совершенно нелогично и как раз ни к селу ни к городу.

Лори о чем-то напряженно думала.

— Как вам кажется, Джон, Роланд и остальные в порядке?

— А кто их знает, — ответил я. Потом потер подбородок. — Но одна вещь для меня бесспорна. Нами манипулируют.

— Это как? — спросила Дарла.

— То, что сказал Кларк насчет того, что он кажется недостойным доверия. На самом деле я соврал. Он производит какое угодно впечатление, только не такого существа, от которого можно ждать чего-нибудь угрожающего. Вообще трудно воспринимать его всерьез. Он фигура из комиксов, огромная неуклюжая НЕВЕРОЯТНОСТЬ, с трагикомической личностной психологией. А посмотрите на Прима. Он воплощенное суперсущество. Мудрое, доброе и мягкое. Но только подумайте. Он же мог принять любую форму, любой внешний вид. Он же не существо. Он орудие. По крайней мере, его тело — орудие. Та личность, которую он нам представляет, словно сделана по заказу, она слишком нарочита.

Дарла кивнула.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Он словно из собственной кожи выпрыгивает, чтобы доказать нам, какой он безопасный и какие у него хорошие и добрые намерения. Прямо из кожи вон лезет.

— Вот именно, — ответил я. — И эта тактика с самого начала только оттолкнула его от меня. Просто уж такой я человек, наверное.

— И я тоже, — Дарла уселась со мной рядом и задумалась. Наконец она сказала:

— Но что они от нас хотят?

— Может быть, то, что говорилось насчет того, как Кульминация хочет, чтобы мы к ней присоединились — правда, — сказал я. — Как бы там ни было, я не собираюсь торчать тут столько, чтобы выяснить, правда это или неправда.

Я нажал кнопку стартера, и мотор провернулся.

— Мы уезжаем?

— Пока что нет. Я сперва хочу проверить этот маршрут побега. Потом мы посмотрим, как можно раздобыть провиант. Если мы сможем утащить хоть немного еды, мы сможем быть готовы уехать в любой момент. Ну-ка, пристегнитесь.

Я прокатил тяжеловоз по зеленой черте на гладком полу гаража, она вела нас прямо через скопление машин, потом повернула влево. Она провела нас мимо еще каких-то весьма стран-

ных машин, потом миновала еще несколько ремонтных боксов, завернула вправо и ушла в дальние закоулки гаража. Я включил фары. Черта извивалась среди стеллажей коробок и контейнеров, за ними в темноте застыли высокие краны-деррики. Наконец мы оказались на чистом от машин ихлама пространстве. Стены зала сузились, и мы оказались в туннеле и кромешной тьме. Пол туннеля сперва шел немного вниз, потом выровнялся. Я поехал помедленнее, осторожнее, потому что мне слегка было не по себе. На меня снова стал давить страх потеряться. Черта закончилась, но туннель еще какое-то время продолжался, пока фары не показали мне что-то, что я сперва принял за тупик, но он оказался дверью, которая поднималась вверх очень быстро — слишком быстро, как мне показалось, поэтому я затормозил. Но что-то было не так: меня словно засосала какая-то сила. Тяжеловоз засосало в отверстие какой-то трубы и погнало вверх, вращая по спирали, словно пулю в нарезном стволе. Угол подъема был не такой стремительный, как в подъемниках для пешеходов в этом странном замке, но это было потрясающее путешествие наверх — даже слишком потрясающее, потому что на сей раз я был уверен, что мы забрались во что-то, из чего нам не так просто будет выбраться — может быть, это был ствол пушки или катапульты, которая выстреливала в небо летательными аппаратами. Вообразите наше смущение, когда мы выбрались наружу.

Но все оказалось в полном порядке. Труба неожиданно резко выровнялась, и мы увидели дневной свет — конец туннеля. Невидимая сила выпустила нас, и мы выкатились в ясное солнце, клонившееся к закату, и оказались на серо-зеленом двустороннем шоссе.

Я съехал с дороги на обочину и оставил мотор на холостом ходу. Мы были среди приземистых травянистых холмов. Деревья обрамляли пологий подъем справа, а на другой стороне дороги лежали несколько живописных розовых булыжников. Через параболическое зеркало заднего обзора мне хорошо были видны башни и стены Изумрудного города. Больше ничего видно не было, потому что вид был ограничен холмами.

— Ну, — сказал я, повернувшись к своим пассажирам, — как теперь будем ездить обратно?

— Забудь об этом, — сказал Карл презрительно. — Кому нужен этот сказочный дворец?

— Насчет жратвы там жаловаться не приходится, — сказал я. — И похоже на то, что тут мы как раз сможем обойтись всем без всякой жратвы.

— Мы чего-нибудь придумаем, — сказал Карл с высокомерной самоуверенностью.

— Ты думаешь, что мы сможем воровать у здешних фермеров? Или предлагаешь поохотиться на мелкую дичь?

— А? Чего? Не знаю, но как-нибудь не пропадем.

— Разумеется. А я уже чувствую муки голода. Дарла, что у нас там осталось в трейлере?

— Какие-то печенье и крекеры, по-моему. Полмешка грецких орехов, — она подумала еще. — Банка говяжьего бульона... и гнилое яблоко.

Я посмотрел на Карла.

Он пожал плечами, явно пренебрегая выразительностью моего взгляда.

— О'кей, о'кей. Ну и что? Ну, проголодаемся. Но рано или поздно мы проскочим этот портал, а чем скорее мы его проскочим, тем скорее мы окажемся там, где можно купить поесть.

Я сказал:

— Брюс, рассчитай самый быстрый маршрут к этому portalу и дай мне раскладку движения, предполагая безостановочное нахождение машины в пути с приблизительной скоростью около 130 километров в час.

— Сорок шесть часов двадцать пять минут, Джейк.

— Вот, пожалуйста, — сказал я. — Через два дня, если я вообще не буду спать или научу кого-нибудь из вас, ребята, как вести этот тяжеловоз, мы сможем туда приехать, и это при том, что мы предполагаем среднюю скорость Космострады или около того. Мне-то кажется, что по знакомой дороге мы вряд ли сделаем больше восьмидесяти кликов.

— Восемьдесят кликов? — изумленно переспросил Карл. — Это... как же так? Получается только порядка пятидесяти миль в час? Эта машина вполне способна делать двести километров в час, или я совсем дурак!

— Тяжеловоз способен и на большее, — сказал я, — на высокоскоростной дороге, как Космострада. Но я имею в виду среднюю скорость, Карл. Это ведь совершенно другое дело. А эта дорога только чуть лучше занюханной деревенской, проселочной.

— Да, знаю, — проворчал Карл. — И все же. Мне кажется, мы могли бы попытаться.

— Может быть, если нам так придется. Но пока я еще не готов уехать.

— Ладно, ладно. Извини. Я знаю, нам ведь сперва надо получить Сэма обратно.

Я с минуту изучал Карла. Сидящий в нем перепуганный мальчишка иногда был виден очень ясно. Он был дальше от дома, чем любой из нас.

Я посмотрел обратно на туннель, который выходил из основания крутого холма.

— Ну да ладно, мы же не можем съехать вниз по аппарели, которая ведет вверх. Это уж наверняка. Брюс, можем ли мы добраться до Космострады, используя эти второстепенные дороги?

— Нет, Джейк, тут нет никаких связей между дорогами.

— Туда отсюда не добраться,— вздохнул я.— Странное дело. А по бездорожью тут можно проехать?

— Может быть, и можно, Джейк. Карты не такие подробные, чтобы я мог решить этот вопрос наверняка и ручаться за правильность ответа.

— Вот, черт поberi. Я не хотел бы ездить по бездорожью, но, похоже, тот туннель, который открылся нам в первый раз, в самой горе,— это единственный способ попасть вовнутрь.

— А кто сказал, что на этот раз они поднимут гору и снова дадут нам туда попасть?— спросила Дарла.

— Вот именно. Поэтому, как мне кажется, придется нам поездить по местности и поискать, не найдется ли миленьких маленьких съедобных кроликов, которые дали бы нам бабахнуть их по головке.

Я был страшно голоден. За завтраком я просто цокопался в тарелке, и завтрак казался таким давним, словно был не утром, а несколько дней назад, а быстрый ленч, который состряпала Дарла, казалось, провалился в пустоту. Однако пока что с этим ничего нельзя было поделать. А если мы тут останемся сидеть, то вообще ничего не сделаем до конца дней своих. Поэтому я выкатился обратно на дорогу и покатил по ней с туристической скоростью, так, чтобы можно было обозреть окрестности, просто гуляючи.

— Они, разумеется, знают, где мы,— сказала Дарла.

Я кивнул.

— Конечно. Они знают каждое наше движение. Но пока что они нас не останавливали.

— Да, но я пока что не готова поверить, что Прим действительно от души говорил, когда утверждал, что мы можем покинуть планету в любой момент, когда захотим.

— Да, мне тоже не во все верится в этом случае,— сказал я.— Ты только посмотри на все то барахло, которое тут есть. Все эти экзотические машины, восхитительные штучки-дрючки, технологии. Они тут просто валяются под ногами и ждут, когда их возьмут и поднимут, а там и утащат разочарованные кандидаты в Кульминацию, которые раздумали в нее вступать.

— Может быть, все это и полагается стащить,— предположила Дарла.

Я подумал над этим.

— Может быть. Пока что-то вроде я не заметил никаких следов мародерства.

— Может быть, мы вообще первые из тех, кто доехал до конца дороги, до конца Космострады.

— Да-а-а. Подумать только.

Дарла задумалась, потом сказала:

— Но ведь не думаешь же ты всерьез, что кому-нибудь могло сойти с рук похищение чего бы то ни было с этой планеты?

— Ни на миг не допускаю такую возможность. Не могу верить, чтобы Кульминация позволила анахронистически растащить и рассеять все это накопленное богатство по времени и пространству. Большая часть того, что тут есть — из далекого-далекого будущего. Эти чудеса настолько резко отличались бы от той действительности, из которой мы прибыли. Вот и говори тут о парадоксах.

— А как насчет утечки знаний? Все эти данные в библиотеке. Даже если кто-нибудь увезет с собой такие знания, это же тоже будет анахронизм.

— Тут ты права. Тогда, как я понимаю, никакое знание отсюда тоже не выйдет.

Мы переглянулись.

— Не нравится мне то, о чем это говорит, — сказала обеспокоенно Дарла.

— И мне тоже.

Небо было красивого лилового цвета, словно его раскрасили цветным мелком. Эти странные цвета, наверное, существовали тут потому, что атмосфера была гораздо тоньше, чем на обычных планетах. По крайней мере, мне так показалось. Хотя атмосферы хватало вполне, чтобы держать несколько пухлых облаков. Вне всякого сомнения, погода тут находилась под жестким контролем. Я подумал о том, идет ли тут когда-нибудь дождь.

Мы скатились по пологому склону на плоскую травянистую равнину. Перед нами появились какие-то здания. Впереди от главной дороги отпочковывалась еще одна, которая вела к ровному золотому куполу. Дальше еще одна дорога шла к сложному строению, которое выглядело помесью химической фабрики и дворца Великого Могола.

— Как много всякого... — сказала задумчиво Дарла.

— Вроде чего? — спросил я.

Она вздохнула и покачала головой.

— Так много вопросов, на которые нет ответа. Какие-то крошечные детали и огромные вопросы. Вот например — почему к главному порталу тут не ведет Космострада?

— Чтобы нас затормозить. Заставить нас дважды подумать, прежде чем уезжать. Или же потому, что это было такое красивое место, что им не хотелось портить его еще одним сооружением.

— Или все вместе, — продолжила Дарла. — Или же ни то, ни другое.

— Вот именно, — сказал я. — Не трать дыхания на различные объяснения. Тайна — это сущность жизни.

Она закатила глаза.

— О, позвольте мне записать эту мудрость.

— Ради бога. Тай-на... Тайна... А? Почему это вы смеетесь?

— Джейк, ты все чуднее с каждым проеханным километром.

— Меня и сводят с ума. Я же знал, что всему есть объяснение.

Несколько часов мы просто ездили по дороге и смотрели, какие виды открываются по сторонам. Тут было на что посмотреть. Растительность переменилась, на каком-то отрезке дороги перейдя в лес, потом деревья стали пореже и напоминали больше фруктовый сад. Повсюду были здания самого разнообразного архитектурного стиля. Не только здания — статуи тоже иногда попадались, например, огромная статуя крылатого, четырехногого грифона, вот только голова у него слегка напоминала кошачью. Статуя сидела на пьедестале — цилиндре и возвышалась над равниной метров на шестьдесят. Инопланетный бог? Мифическое животное? Невозможно точно сказать. Были там и другие монументы, которые напоминали гробницы или кенотафы. Одна из них напоминала ромбовидную массу металла, которая стояла под невозможным углом на одном из своих уголков, упираясь в такой же угол — вершину основания-пирамиды. Еще один памятник был выполнен в виде гигантской стеклянной иглы, тонкой хрустальной рапиры, которая выстрелила в небо на сотню метров. Там, на этой планете, повсюду стояли обелиски, стелы, монолиты и прочие массы самого различного геометрического профиля.

Здания, здания... Одно из них показалось страшно знакомым. Мы были потрясены, когда поняли, что это. Я съехал на обочину, и мы остановились.

— Тадж-Махал! — выпалила Дарла.

Так оно и было, если память нам не изменяла. Хотя в Индии я бывал, я никогда в глаза не видел Тадж-Махала. Но это здание относится к тем универсальным открыточным образам, которые навсегда врезались в массовом сознании. Невозможно было ни с чем спутать эти безмятежные луковки-башенки, тоненькие стройные минареты, классическую симметрию и чувство пропорции. Словом, великолепно.

— Господи, — сказала Дарла, — что эта штукавина тут делает?

— Это часть коллекции, — ответил я.

— Ты думаешь, тут есть и земные артефакты?

— Наверняка.

— Может быть, это просто копия.

— Может быть. Выглядит новеньким, правда? Наверное, реставрирован или перестроен.

Я снова завел мотор, и мы поехали. Чуть подальше мы попали на перекресток. Вторая дорога была поуже, но она была сделана из того же голубовато-зеленого материала. Я остановился, проверяя движение. Движения на дорогах вообще никакого не было, поэтому я просто проехал дальше.

Мне надо было бы подождать, потому что через несколько километров на экране заднего сканнера я увидел движущуюся точку.

Глава одиннадцатая

Я изо всех сил выжал газ.

— Брюс,— сказал я,— похоже, начинаются неприятности.

— Отмечено, Джейк. Бандит гонится за нами на позиции «шесть часов», быстро приближается.

Может, это Прим, который гонится, чтобы привести нас обратно. Но я почему-то в этом сомневался.

— Он в пределах видимости камеры? — спросил я.

— Абсолютно в пределах телефотокамеры. Ты можешь его разобрать на экране?

Я внимательно всмотрелся в экран. Это была песочного цвета точка, которая быстро разрасталась, пока не превратилась в военную машину со знакомыми камуфляжными разводами. Одна из машин Зейка Мура.

— На частоте Космострады — входящее сообщение, — спокойно сообщил Брюс.

— Включи их.

— ... Мак-Гроу, вызываю Джейка Мак-Гроу... отвечайте...

Я узнал этот голос. Это был Краузе, который в свое время был офицером на пароме «Лапута». У меня с ним было небольшое выяснение отношений, а по-крупному мы поговорили с его капитаном, Прендергастом.

Я надел наушники и микрофон.

— Ну, Мак-Гроу слушает.

— Привет, ребята! Где это вы пропадали? — приветливый и жизнерадостный голос Краузе звучал фальшиво, как колокольчик из папье-маше.

— А тебе какое дело, задница? — я решил даже не пытаться разговаривать с ним вежливо.

— Ну-ну, разве так можно разговаривать? И это после всего того, что мы вместе пережили?

— Отвали, — ответил я ему, — или ты — мертвец.

— Перестань во всех и вся видеть врагов. Я просто хочу поговорить. Как там, в этом замке, кстати?

— Отличная еда, прекрасное обслуживание, великолепная игровая комната. Еще есть вопросы?

— Еда! А нам-то все время приходится есть эту синтетическую преснятину! Мы тут себе голодаем, а вы лопаете, понимаешь ли, сливки земли! Нечестно!

— А разве Белая Дама вами не занялась и не позаботилась о вас?

Пауза.

Потом:

— Мы зовем ее Богиней. Знаешь, она и в самом деле богиня.

— А не кормит своих деточек?

— Нет. Она просто приказывает нам, что делать.

— А что, например?

— Да мы по большей части понять ее не можем.

Я подумал, что стоит при случае постараться и узнать побольше, поэтому спросил:

— А где ваша остальная команда?

— Да тут, поблизости.

Похоже было, что мне из него много не вытянуть, но мне нужно было выиграть немного времени. Машина Краузе теперь нагоняла нас. Мне нужно было выбрать наилучший кусок дороги, чтобы сделать свой маневр. Я сперва нанесу ему удар как следует, в этой конкретной схватке. Я так устал от необходимости все время играть с этими ребятами в кошки-мышки. Кроме того, лучше всего было ударить, пока положение сохранялось еще один на один. Поэтому мне требовалось с ним еще немного поболтать.

— Где же вы, ребята, зашились? — спросил я.

— А у нас тут очень неплохое местечко. Что-то вроде храма, по крайней мере, очень похоже. Миленькое местечко. Но та еда, что мы сумели найти — просто ужасная. Готов побиться об заклад, что в этом вашем дворце вся жратва первоклассная.

— А ты один?

— Нет. Несколько наших ребят тут. А ты?

— Угу.

Он рассмеялся.

— Еще бы! Или вся твоя шайка решила присоединиться к этому типу Приму? Они все, наверное, от тебя сбежали — да, Джейк?

— Так и есть, все сбежали, — я выключил микрофон. — Все пристегнуты? — я оглянулся назад. К настоящему моменту вся моя команда была уже хорошо выдрессирована.

Краузе хихикнул.

— Они все хотят быть богами, а? Собственно говоря, я их не виню. Я бы и сам не отказался побыть царем и богом вселенной хоть ненадолго. Но Богиня говорит, что все это и горшка дерьма не стоит.

Я снова включил микрофон.

— Вот как? — сказал я, тараща глаза на дорогу, чтобы выискать приемлемое местечко для «прыжка до луны» или «алабамского разворота».

— Ну да, так она и говорит. Она нам сказала, что Прим водит людей за нос и вмешивает их в такие дела, о которых им бы и знать не следовало.

— А Богиня сама чем занимается?

— Ей-богу, ума не приложу. Откуда мне знать, чем должна заниматься богиня? Никто из нас не понимает, что тут вообще происходит. Разве что эта — как ты ее называешь? — Белая Дама и Прим — это враги.

— А что она вас пытается заставить сделать?

Краузе фыркнул.

— Да кланяться ей в ножки, это одна сторона дела. Я от этого начинаю здорово уставать. — В его голосе появились беспокойные нотки. — Господи, я надеюсь, что она не подслушивает. Но ты бы только посмотрел, что нам приходится переносить, когда мы с ней разговариваем. Становимся на колени, зовем ее Ваша Божественность и всякая такая бредятина... Господи, надеюсь, что этого она тоже не слышала.

— А чего ты так волнуешься? Что произойдет, если навлечь на себя ее неудовольствие?

— Ни еду, ни воду не получишь. Двое из наших парней вчера умерли. Они заболели еще в дороге. Думаю, это цинга — хотя у Жюля еще и с сердцем было не все в порядке. Но Дама могла их спасти, а не стала, потому что Мур с ней дерзко разговаривал.

Стало быть, Мура в машине Краузе не было. И у нас на этой планете стало двумя врагами меньше. Все лучше и лучше.

— Наверное, зря я тебе все это рассказываю... но, черт его знает... мы все уже очень уж домой хотим. Теперь у тебя есть карта, Джейк. Настоящая. Как насчет того, чтобы заключить с нами договор?

— А ты все еще веришь в слухи? — спросил я.

— Ну же, Джейк! Сама Богиня нам сказала. Что она дала тебе настоящую карту. Она понадобится нам, чтобы доехать домой.

— Богиня вам что-то не то сказала, Краузе. У меня никогда не было никакой карты, и ничего я не знаю.

— Так куда же ты, в таком случае, направляешься? — он крикнул. — Ты же едешь к большому порталу на обратной стороне диска, я готов поспорить.

— Просто осматриваю планету, Краузе. Тут масса всего интересного.

— Ну да, конечно. Слушай, нам даже не нужна эта карта. Все, что нам действительно нужно — это черный кубик. Его хочет Богиня. Если она не получит кубик, мы не уберемся с этого блина во веки веков.

— Краузе, у тебя страшные проблемы. Мое тебе соболезнование, но помочь тебе ничем не могу. У меня больше нет никакого кубика. Прошлой ночью в мой тяжеловоз кто-то вломился. Кто-то и украл этот кубик.

Краузе несколько секунд не отвечал.

— А откуда я могу знать, что ты говоришь правду?

— Это, конечно, не проверишь.

Впереди был крутой поворот. Я взял его на огромной скорости. Выезжая с поворота, я увидел, что теперь у меня появилась возможность выполнить задуманный маневр. Дорога выпрямлялась и продолжалась дальше совершенно по прямой, рассекая надвое зеленую равнину, которая выглядела упругой, но не болотистой.

Я выключил микрофон.

— Брюс, бери на себя вспомогательное управление для «алабамского разворота».

— Джейк, — предостерег меня Брюс, — делать такой маневр не рекомендуется.

— Помогай!

— Беру управление на себя.

Я дернул за переключатель, который контролировал градиент трения ведущих роллеров. Теперь эти роллеры почти не имели трения. Я резко затормозил. Трейлер немедленно резко занесло влево, но, вместо того, чтобы скорректировать его движение, я просто дал ему ехать, как бог на душу положит, выключив управление на панели и лишив трения и передние роллеры кабины. Тяжеловоз завертелся волчком.

Самое сложное было остановить этот маневр.

— Джейк, ты съезжаешь на обочину? — раздался в наушниках голос Краузе.

— Брюс! Стабилизируй!

Я снова дернул переключатель и бешено повернул рукоятки управления, в то же самое время маневрируя рулем и тормозя. Мне приходилось делать все одновременно — Брюс был занят тем, что управлял стабилизаторными дюзами и различными сервомеханизмами стабилизации, которые не давали тяжеловозу совершенно выйти из-под контроля. Теперь мы ехали назад, и скорость наша снижалась. Трейлер начал снова вихляться из стороны в сторону. Я включил ведущие роллеры на максимальное сцепление, снова лишив трения задние роллеры. Тяжеловоз задрожал, и мы со скрежетом на миг остановились — на весьма краткий момент, потому что я прижал педаль газа к самому полу. Тяжеловоз скакнул вперед, и мы полетели над дорогой прямо назад, на Краузе.

Краузе как раз выезжал из-за поворота.

— Джейк, я не могу просто поверить тебе на слово... ЭЙ! ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ!!!

Мы летели прямо ему в глотку.

Вооруженная пулеметом приземистая машина, раскрашенная под джунгли, вильнула на обочину, но я вел свою машину прямо на нее.

— Брюс, возьми на себя зажигательную пушку!

— Есть. Цель взята на прицел.

У Краузе не было времени попытаться палить в нас. Башня его пулемета вращалась, пытаясь прицелиться, но тот, кто вел

машину, слишком был поглощен тем, чтобы не попасть под страшный динозавровых размеров каток, какой представлял из себя мой тяжеловоз, и рулил так, что башня только беспомощно моталась, не в состоянии прицелиться как следует. Машина завилуляла и съехала на зеленую равнину, повернувшись к нам замечательно удобным для прицельного выстрела боком.

— Огонь! — завопил я, но Брюс опередил меня на четверть секунды.

Его выстрел пришелся прицельно по намеченному боку, бело-голубой луч зажигательной пушки распорол огненную щель по всей длине правого борта машины Краузе. Я снова вырулил и направился обратно на дорогу. Левое параболическое зеркало обзора показало машину Краузе, которая подсакивала по травке, направляясь к нескольким желтовато-белым пирамидам. Машина ударилась о низенький холмик и бешено запрыгала по равнине.

Потом она взорвалась. Наверное, выстрел Брюса попал прямо в артиллерийский склад на борту. Взрыв звездистых ракет выстрелил из огненного шара, в который превратилась машина.

Я больше не мог смотреть, потому что машина моя мчалась обратно к повороту. Я притормозил у поворота и тут же снова набрал скорость.

На нас ехали еще два автомобиля военной марки.

— Пли немедленно! Огонь по всем целям!

Брюс выдал на полную катушку, в лоб поразив обе машинки. Они с разгону пролетели мимо нас, и я услышал треск запоздалого ответного огня. И снова мы застали их врасплох, так, что они не смогли открыть огонь по кабине. Я не собирался давать им еще одну возможность.

— Брюс, включи аварийную скорость. Покажи мне все, на что ты способен.

— Есть, Джейк.

Я просвистел по той дороге, по которой мы и ехали, беря повороты на максимальном трении и сокращая себе дорогу, где можно, не проезжая по изгибам Космострады, а пролетая по обочинам. У меня не было ни времени, ни возможности посмотреть, насколько эффективными оказались выстрелы Брюса. У большинства машин самая толстая броня находится спереди и сзади, поскольку большинство нападений на дороге бывает именно с этих сторон. Зная это, я все-таки надеялся, что мы вырубим их или хотя бы частично поразили. У нас был большой выигрыш во времени, а им потребуется немало, чтобы развернуться и помчаться нам вдогонку. Но эти машинки вообще-то быстрые. Мне казалось, что на этой медленной дороге, где и приличной скорости-то не разовьешь, мы не сможем от них удрать. На настоящей Космостраде — без проблем! Они изряд-

но помучились бы, захоти они меня поймать. Но не здесь. Что означало только одно: надо живо что-то придумать.

Я раскинул мозгами, пусть не блистательно, но зато быстро. Я боялся ракетной атаки. Я с их оружием имел дело и раньше, и только волшебный «шевроле» Карла тогда спас нас. Даже при этих возможностях нам пришлось попотеть, прежде чем мы ушли от них. Если бы они погнались за нами, им пришлось бы ждать ровного участка дороги и выпустить те ракеты, которые у них оставались. Лучше всего сейчас съехать с дороги и воспользоваться преимуществами местности. Пусть себе преследуют нас, но там, на местности, у нас будет шанс подстеречь момент, когда они развернутся к нам широкой стороной — это будет наш единственный шанс их уничтожить.

Беда в том, что пейзаж с садами снова пролетал за окнами, и если только я не собирался валить по пути деревья — а это наверняка замедлило бы наше продвижение и оставило бы след, по которому было бы легко нас найти, — то ехать нам было некуда. Я посмотрел на ровно расположенные ряды деревьев. Некоторые из них были маленькие и скрюченные, но некоторые — здоровенные, по меньшей мере, шести метров высоты. Вообще-то не похоже было, что через них можно будет так легко пробраться. Однако может оказаться, что между ними можно будет как-нибудь протиснуться... нет, трудно сказать... Я снова стал думать. Приближался перекресток. Я мог свернуть направо или налево, прежде чем они нас увидят, им тогда придется разделиться, а поскольку путей с перекрестка было три, а машин — всего две, то существовала возможность, что я смогу совсем от них отделаться.

Но нет, нам такого везения не полагается.

— Джейк, я визуально засек наших преследователей.

— Вот зараза...

— Ракетная тревога! На нас нападают! Курс на избегание попадания.

Я и так уже начал вилять, притормозив в панике. Сад уступил место чему-то вроде широкой эспланады, которая была по сторонам уставлена темными памятниками странного вида. Она вела по диагонали от дороги, вправо. Я едва успел туда свернуть, оцарапав бок трейлера об одну из странных штук из темного металла. Если только нам хоть чуть-чуть повезет...

Вспыхнул огонь, за которым немедленно последовало «ттр-р-рах!», когда ракета ударилась в один из памятников. Я на миг испытал глубокое облегчение: во-первых, в нас не попали, во-вторых, они не стали открывать ураганный огонь. У них, должно быть, боеприпасы уже были на исходе, им приходилось считать те, которые они выстреливали, но еще один, чтобы поточнее в нас метнуть, у них наверняка оставался.

Я мчался по вымощенной камнем эспланаде. Она расширилась и перешла в нечто вроде арены, в центре которой стояла

свободной формы скульптура из перегнутого и перекрученного металла. Я проскочил мимо нее, поаккуратней ее обогнув, сорвался с мощеной дороги на газон. Впереди была полоса препятствий из каких-то еще памятников и прочих садовых украшений, а с другой стороны была группа бирюзовых куполов.

Я стал скользить головоломным курсом между памятниками — это очень уж походило на тренировочные поездки на водительских курсах. Вокруг нас свистели промахнувшиеся лучи зажигательной пушки, но никаких ракет в нашу сторону не полетело. Я сделал головокружильный вираж вокруг одного из куполов, выехав к подножию низкого холмика, который был сеян садовыми деревьями. Ехать было некуда, только вверх, поэтому я нажал посильнее на газ, врезавшись прямиком в ближайшее дерево. Хиловаты деревца — это сразу же треснуло и повалилось, и мы прокатились прямо по нему. Я хотел оставить за собой столько куч мусора и хлама, сколько только удастся, поэтому я стал стараться повалить деревца, чтобы они заблокировали дорогу нашим преследователям. По иллюминаторам царапали ветки, стволы хрустели под задними роллерами, я наконец вырвался с этого холма. Эх, веселенькая была бы поездка при иных обстоятельствах.

Холм был не такой уж высокий, и мы быстро перекатились через вершину и оказались на другой стороне. Видимо, машинки наших врагов с большим трудом пробирались по склону вверх. Они в нас не стреляли. Тут, на другом склоне холма, деревьев не было, ничего, кроме пологого склона, постепенно переходящего в равнину, покрытую только травой и высокими растениями, похожими на камыш или коноплю. До опушки густого леса было, по меньшей мере, сто метров. Мы поторопились туда. Мы рванули по склону холма через равнину. Я дал газу и срезал угол, проехав по густой траве, мельком бросив взгляд на лес, чтобы определить, насколько он густой и что именно нам придется делать: прокладывать через него дорогу или повернуться и принять бой. Я рискнул принести экологии здешнего мира еще больший ущерб и направил тяжеловоз на деревья. Тут растительность была погуще. Машина вся задрожала от ударов. Я услышал страшный треск, выглянул наружу и увидел, что правый щиток стабилизатора упал, сорванный ветками. Но мы не останавливались. На нашем пути падали деревья, ветки били прямо по переднему стеклу. Ехать было очень трудно. Несколько раз мы запутывались в ветках, но каким-то образом успевали освободиться и катиться дальше. На нашей стороне была инерция. Кроме того — ядерный мотор в 600 мегадин. Мы вырвались на маленькую прогалину, и я притормозил, чтобы поискать тропинку или дорогу. В деревьях справа был небольшой просвет, поэтому я бросился туда. Там оказалось что-то вроде оленьей тропы, но и она нам помогла.

— Надеюсь, что тут не водится Кошей Бессмертный,— прокричал мне Карл через шум и треск падающих деревьев.

— А это еще кто такой?— прокричал я.

— А, ладно, неважно.

Растительность тут была не совсем земная, но и не очень экзотическая, просто еще несколько вариаций, которые мне приходилось встречать, вариаций на тему «дерево». У этих растений были висячие ветви, с пушистыми яркими красными и желтыми листьями. Вокруг, казалось, не было никаких диких зверей — ничто не пищало, ничто не хрюкало и не визжало от возмущения по поводу нашего вторжения, ничто не перебегало дорогу в поисках немедленного укрытия от опасности. Я подумал, что, наверное, вся планета лишена животного мира, что на ней есть только растительный, Прим, мы, люди, и Белая Дама.

Мы вырвались на открытое пространство, и я остановился, открыл иллюминатор и прислушался. За нами была полная тишина, ничто не указывало на то, что за нами мчатся в погоню две вооруженные и тренированные машины. Еще бы, им не так-то легко будет пробраться через те завалы, которые я им там устроил из поваленных деревьев. Отлично. Все лучше и лучше.

— У нас есть повреждения, Джейк,— сказал мне Брюс.

— Я знаю. Что-нибудь критически серьезное есть?

— Все основные системы находятся в рабочем состоянии. Однако у нас поврежден корпус трейлера, а правый щиток стабилизатора сорван.

— Ну да. Вот тебе и стабильность. Ну ладно, нечего жаловаться, могло бы быть гораздо хуже.

— Я должен похвалить тебя за творческий подход к вождению машины, Джейк,— сказал Брюс.

— Спасибо тебе, ты меня вдохновил.

Я снова поехал и пересек травянистое поле, подъехав к небольшому склону, уходившему вверх. На вершине его я остановился. Через несколько метров местность резко менялась. Трава исчезла, уступив место пыли и гальке. Иссушенный пейзаж там и сям усеяли мелкие сухие кустики с розовыми цветами. Изъеденная временем полуразрушенная крепостная стена лежала примерно в полукилометре от нас, вокруг нее кучками лежали осыпавшиеся с нее камни. Возле стены были построены несколько зданий, очень похожих на промышленный комплекс.

— Интересное зрелище,— сказал я.

— Там, возле этих строений, пролегает дорога,— сказал Карл.

— Вижу. Ну ладно, не эта — так другая, нам все равно. Попробуем ее,— ответил я.

Я спустился с холма и поехал по пустыне.

Карл выглянул из иллюминатора, проверяя, что у нас сзади.

— Как ты думаешь, мы их потеряли?

— Надеюсь. Тут такая местность, что спрятаться будет негде.

Однако тут было красиво. Пыль красная, скалы — кофейно-бежевого цвета, растительность, богатая цветами. Небо становилось все больше фиолетовым, по мере того, как солнце клонилось справа от нас к горизонту, отбрасывая длинные тени от скал и кривоватых, низеньких деревьев с грубой корой.

— Нам надо поискать место, где можно было бы провести ночь, — сказал я, — что-нибудь вроде убежища или окопа.

— А как насчет этого места? — спросила Лори.

— Мне хотелось, чтобы между нами и теми машинками с пушечками было бы расстояние побольше, — ответил я.

Я спешил к тонкой зеленой ленте дороги, подсакивая на ухабах, булыжниках и поваленных деревьях, следуя за тонкой линией извилистой впадины в земле, которая казалась пересохшим руслом ручейка.

Дарла начала:

— Может, нам надо...

— Внимание! — перебил нас Брюс. — Бандиты прямо за нами!

Заднее зеркало показало нам две машины с пушками, которые мчались с холма.

— Из задних зажигательных пушек одновременно — огонь! — прокричал я, изо всех сил выжимая газ.

— Есть. Огонь!

Я стал вилить машиной взад-вперед, глядя на местность перед собой в лихорадочных поисках хоть какого-нибудь убежища. Смотреть особенно было не на что. Несколько скалистых групп, низких холмиков, ничего достаточно высокого, за чем мог бы спрятаться тяжеловоз. Лучшее, что мы могли сделать — это развернуться и прицелиться по машинам из передних пушек, спрятавшись за гребнем холма, чтобы не так уж много от тяжеловоза было бы видно врагу. Основная тактика танкового боя на открытой местности.

Но у них все еще были ракеты, и одна из них мчалась прямо на нас.

— Отслеживаю ракету многоцелевого назначения, — сказал Брюс невозмутимо. — Джейк, тебе лучше спрятаться. По моему, никакую из этих ракет мне не сбить.

Я уже и так резко свернул вправо, мчась на всех парах к пересохшему руслу. Если бы я смог спуститься туда вниз без того, чтобы разбить тяжеловоз, если только русло окажется достаточно глубоким, и если потом мы сможем оттуда выбраться...

Мы практически свалились в углубление. Кабина ухнула в расщелину, тряска превратила наши кости и зубы чуть ли не в кашу, а я, к счастью, вовремя сообразил, что надо отвести

кабину в сторону, прежде чем трейлер свалится на нас. Гармошка, присоединявшая трейлер к кабине, застонала, натянувшись почти до разрыва.

Потом раздался страшный грохот и рев — это трейлер свалился в русло позади нас, а роллеры закричали на выбоинах и ухабах. Я услышал свист. Ракета врезалась в русло метрах в двадцати от нас, подняв фонтаны пыли и мусора.

— Только одна машина на самом деле следует за нами, — сообщил мне Брюс. — Остальные видимые на экране заднего обзора радарные точки оказались электронным камуфляжем. Мне очень жаль сообщить тебе, что наши электронные системы не совсем находятся в норме.

— А когда они были в норме? — ответил я. — Не могу себе позволить потратиться на новые.

И что теперь? Сидя в этой дыре, мы представляли собой отличную неподвижную мишень. Я проехался по руслу дальше, слыша, как днище машины грохочет по торчащим булыжникам. Я сморщился, как от боли, надеясь, что тяжеловоз прямо сейчас не развалится. Одна только дырочка в жизненно важной части — и конец машине.

Чуть подальше русло расширялось, и высота берегов уменьшилась до полуметра. Я оглянулся назад и проверил параболический экран заднего обзора. Ничего не было видно, поэтому я свернул вправо. Бум! трах! — и тяжеловоз выполз из русла, потом хр-р-ряп! тр-р-р-есь! — и за ним последовал трейлер. Я весь сжался в комок. Боженька мой, подумал я, если мне еще представится теперь шанс заглянуть под тяжеловоз, я, наверное, заплачу...

Мы оказались на открытой местности и представляли собой отличную цель, но никакие ракеты в нашу сторону не мчались. Этим машинкам не менее трудно было бы пересечь русло, поэтому теперь у меня появился шанс несколько увеличить дистанцию между нами.

— Джейк, — сказал Брюс. — У меня на сканнерах появилась весьма необычная точка. Она представляет собой летящий предмет, который спускается, планируя прямо на нас.

Карл выгнул шею, пытаясь увидеть, что там такое в небе.

— Ты что-нибудь видишь? — спросил я.

— Нет... я... — он застыл.

— Карл! Что там такое?

Он повернулся. Лицо его побелело так, словно из него выпустили кровь.

— Ах, дрянь такая, — сказал он еле слышным шепотом. — СВОЛОЧЬ!

— Что там за черт, Карл?! — заорал я на него.

Он посмотрел на меня обезумевшими от паники глазами.

— Только не это, — сказал он, — не снова...

— Иисусе Христе, Карл, да что...

Тяжеловоз покинул землю.

Я завопил. Мотор заглох, и воцарилось леденящее душу молчание. Тяжеловоз взлетал, словно самолет, нос его торчал в небо. Я выглянул из иллюминатора. Над нами завис огромный черный объект неправильной формы. У нас был не такой угол обзора, чтобы мы могли его как следует разглядеть.

— Джейк, что это такое? — закричала Дарла.

— Не знаю, — ответил я. — Воздушное судно. Он засосал нас вверх каким-то гравитационным лучом.

— Прим, — сказала спокойно Дарла.

— Наверное.

Объект появился в наших передних иллюминаторах по мере того, как все круче становился угол нашего подъема вверх. Эта штука была округлой формы, местами на ней выступали какие-то грушевидные образования, довольно большие. В остальном штука эта была ничем не примечательна.

Карл тщетно пытался открыть люк — в действие пришла система герметизации.

— Мне надо отсюда выбраться, — сказал он сквозь стиснутые зубы.

— Карл, спокойнее. Это, скорее всего, Прим, который нас подхватил, чтобы вернуть обратно.

Он сорвал с себя привязные ремни и бросился на меня, схватив меня обеими руками за грудки. Он потряс меня.

— Открой эту гребаную дверь, слышишь?! Открой сейчас же!!! Я должен выбраться отсюда!!! Должен!!!

Лицо его исказилось от слепого страха, глаза смотрели невидящим, остекленевшим взглядом, губы стали под цвет лица — цвет брюха уснувшей рыбы.

— Карл, да что такое с тобой случилось? — рявкнул я на него.

— Ты не понимаешь, ты не понимаешь. Эта штука меня снова не возьмет, не возьмет, я не дамся, мне надо отсюда выбраться, надо выбраться...

Он отпустил меня, повернулся и стал тыкать пальцем в панель управления. Я сам стряхнул с себя привязные ремни и схватил его за обе руки.

— Карл, спокойнее!

Он вырвался, повернулся ко мне. Он попытался наотмашь ударить меня, но я успел уклониться. Я схватил его и сцепился с ним. Мы боролись, как два медведя, потом он оттащил меня вправо. Я упал, споткнувшись между передними сиденьями. Карл переступил через меня и помчался к корме. Я оказался в очень тесном и неудобном месте, к тому же не смог сразу встать на ноги, потому что нога у меня попала под педаль газа. Я наконец вызволил ногу и поднялся.

Карл лежал лицом вниз на полу. Дарла стояла над ним. Лори, все еще в привязных ремнях, сидела в слезах.

— Надеюсь, я не нанесла ему вреда,— сказала Дарла.— Просто удар ребром ладони по шее.

— Ты это очень здорово делаешь,— сказал я.

Я подошел к Карлу и осмотрел его. Он даже не потерял сознания, просто был оглушен. Он заворочался и застонал.

— С ним все обойдется. У тебя легкая рука.

— Что с ним такое приключилось?

Я ответил:

— Мне думается, что эта штука над нами и есть его летающее блюдце.

Глава двенадцатая

Я влез наверх к водителскому сиденью — теперь тяжеловоз был наклонен под резким углом. Я уселся на сиденье и выглянул наружу. Перед нами висела огромная штука, часть странного летательного аппарата. Она была очень похожа на бутылочное горлышко со зрачком внутри. Это отверстие, похожее на зрачок, стало расширяться по мере того, как мы приближались, и скоро отверстие стало настолько большим, что могло пропустить и тяжеловоз. Что оно и сделало. Мы проскользнули прямо внутрь. Отверстие закрылось за нами, и мы оказались в темноте.

Тяжеловоз опустился.

Голос Прима прогремел на нас из темной пещеры:

— Я ОЧЕНЬ НЕДОВОЛЕН,— серьезно и торжественно сказал он,— ПОХОЖЕ, ЧТО ВАМ СОВЕРШЕННО НЕЛЬЗЯ ДОВЕРЯТЬ. ОЧЕНЬ ХОРОШО, ВЫ САМИ ЗАСТАВИЛИ МЕНЯ ПРИНЯТЬ СУРОВЫЕ МЕРЫ. ПРИГОТОВЬТЕСЬ ВСТРЕТИТЬ СВОЮ СМЕРТЬ!

— А пошел ты в задницу! — заорал я.

Мы услышали лукавый смехок.

— ШУТКА! — раздался голос Кларка.

— Что? — ахнул я, переключая питание с микрофона на внешний усилитель. — Кларк! Сукин ты сын! Где ты, черт поberi?

— Ну-ну, не возбуждайся. Тебе это вредно, — сказал Кларк, понизив голос, так что теперь он звучал потише. — Я просто повеселился за твой счет. Но тебе надо бы быть благодарнее. Я только что спас твою задницу, знаешь ли.

Я выдохнул воздух, меня охватило глубокое облегчение.

— Ты, значит, меня спас?

— Поверь мне, голубчик. На той последней ракете явно было написано твое имя.

— А-а-а, — сказал я, — а что, в нас летела еще одна ракета?

— Прямо в цель. Разумеется, я ее сшиб прежде, чем она отлетела намного от своего пускового устройства.

— А-а-а...

— А-а-а...— издевательски передразнил меня Кларк.

— Спасибо.

— На здоровье. Погоди-ка.

Мы помолчали. Подождали. Через минуту Кларк прошаркал к нам из темноты.

— Выходите,— сказал он.

Карл сел на полу. Он все еще выглядел смущенным, немного перепуганным, но, по крайней мере, частично пришел в себя.

— С тобой все в порядке?— спросил я.

— Ага. Я...— он провел рукой по лицу и покачал головой, чтобы немного прочистить мозги.— Не знаю, что такое случилось, что-то словно сломалось во мне. Не знаю...— он посмотрел на нас снизу вверх.

— Простите,— сказал он.

Потом он потер шею.

— Ладно, неважно. Это что, и есть твое летающее блюдо? То самое, которое тебя захватило?

Карл встал на ноги и вышел вперед.

— Похоже, что да. То же самое странное сооружение непонятного вида.

Мы вышли. Камера, в которой мы находились, была похожа на внутренность яйца, которое слегка сплющили. За тяжело-возом вход, через который мы сюда попали, стянулся, собравшись в складку, словно горловина мешка. Вся камера была сделана из какого-то однородного материала темного цвета.

— Ты все еще сердись?— спросил, подмигивая, Кларк.

— Немного,— ответил я.— Ты очень здорово подражаешь Приму.

— Спасибо за комплимент, Джейк,— сказал Кларк голо- сом Прима.— Я намерен сделать себе карьеру в шоу-бизнесе.

Я оглянулся по сторонам.

— А теперь что?

Кларк пожал плечами:

— Да все, что твоей душеньке угодно.

— А ты разве не заберешь нас обратно в Изумрудный го- род?

Кларк покачал головой.

— Нет, если вы этого не захотите.

Я повернулся к Дарле.

— Что ты об этом думаешь?

Дарла покачала головой.

— Не знаю, Джейк. Мы наверняка будем в большей бе- зопасности в Изумрудном городе, но...

— Не хочется мне ехать,— сказал я.— Но мне надо найти Сэма. Он наверняка где-то там.

Кларк ответил:

— О, Сэм — просто замечательный. Мне он даже нравится. Он ведь твой отец, верно? Он на тебя во многом очень похож. Наверное, у меня был такой вид, словно по мне ударил паровой молот.

Кларк тупо смотрел на меня пару секунд, потом что-то его озаарило.

— Ну да, конечно... Ты же уехал до того, как Сэм... — он ударил себя в лоб четырехпалой ладонью. — Господи, я сделал такой ляпсус!

— Что ты такое мелешь? — только и смог выговорить я.

— Э-э-э... Мне кажется, лучше всего будет увезти вас в Изумрудный город. Прямо сейчас. Следуйте за мной.

Мы последовали за ним. Еще одна горловина мешка, на сей раз куда меньшая, чем первая, была устроена в противоположной стене. Она открылась, чтобы пропустить нас, и мы прошли по изогнутому трубообразному коридору, который изгибался вправо и вел в круглую комнату. В центре была большая цилиндрическая платформа, на которой стояло нечто вроде коробки, похожей чуть-чуть на кафедру в аудитории. Кларк встал перед этой коробкой и стал водить пальцами по ее верхней наклонной поверхности. Панель управления — понял я. Ничего особенного не произошло. Я не почувствовал никакого движения. Я посмотрел Кларку через плечо. Треугольная панель, которая была сделана из того же самого материала, что и остальной корабль, была абсолютно гладкой, но Кларк, казалось, прекрасно знал, куда поставить пальцы.

— Хочешь посмотреть, что кругом? — спросил Кларк.

— Э? А, да, конечно.

Корабль вокруг нас исчез.

Дарла завизжала, а Лори упала на четвереньки. Карл отскочил назад, завопив: «Господи!!!». Он, не веря своим глазам, таращился на ноги, под которыми, кроме воздуха, ничего не было.

Я усталился себе под ноги, потопав на месте. Пол все еще был тут — по крайней мере, то, что можно было назвать полом, — что-то под ногами определенно было. Я повернулся. За нами, примерно в десяти метрах, летя вместе с нами, плыл тяжеловоз, словно почетный эскорт.

Мы летели в воздухе примерно в трехстах метрах над землей, над поверхностью Микрокосмоса. Кларк все еще держал руки над ставшей невидимой контрольной панелью.

— Простите, — сказал он. — Мне следовало бы вас предупредить. Давайте-ка я немного затемню массу корабля.

Стены и пол корабля внезапно вернулись на место, потом они опять постепенно растаяли до полной прозрачности, но теперь они выглядели, как слегка дымчатое стекло.

— Теперь у вас есть ощущение корабля вокруг вас? — спросил Кларк.

— Да, так оно получше, — ответил я.

Лори поднялась с пола.

— С ума сойти можно,— объявила она.— Ей-богу, мне кажется, что у меня крыша совершенно поехала.

— Держись, солнышко,— ободряюще сказала Дарла, обняв ее за плечи.

— Откуда у тебя этот... корабль?— спросил я.

— Он принадлежит флоту Изумрудного города,— сказал мне Кларк.— Это пространственно-временной корабль. Везет в любую точку пространства, в любое время. Не успеешь оглянуться— уже там.

— Честное слово?

— Провалиться мне на этом месте! Это наверняка самый прогрессивный по технологии космический корабль, который когда-либо строили. Только не спрашивай меня, кто его построил. Если попробую произнести— сломаю себе челюсть.

— Ты знаешь, по какому принципу он работает? На чем он двигается, на какой энергии?

— О, просто щепотка того, кусочек этого и прочее всякое. Ты что, и правда хочешь, чтобы я тебе все это объяснял? Тебе этого и так все равно не понять.

— Ладно, неважно...

Под нами катилось и расстилалось пестрое лоскутное одеяло Микрокосмоса. Наша воздушная скорость была не такой уж большой. Впереди я видел цитадель Изумрудного города, которая сверкала на вершине своего холма. Заходящее солнце высекало искры из башен.

— Надо полегоньку и потихоньку обращаться с этой штукой, когда передвигаешься на небольшие расстояния,— продолжал Кларк, предвидя мой следующий вопрос.— Невозможно совершать континуумные прыжки около крупных масс. То есть, я хочу сказать, их можно сделать, но это очень трудно и сложно. Даже для меня. А я довольно хорошо вожу эту штуковину.

— Ты много летаешь на ней?

— Никогда в жизни. Это я в первый раз.

— Понятно,— я пожал плечами.

Корабль подлетал к Изумрудному городу. Все, казалось, проходит просто замечательно, пока мы внезапно не отклонились резко в сторону. Планета под нами наклонилась под сумасшедшим углом.

— Что происходит, Кларк?— спросил я, сражаясь с приступом головокружения.

— Что-то летит нам навстречу.

Я поискал глазами в небе и нашел, о чем речь. Это был желтый пылающий шар, который мчался прямо на нас, волоча за собой нечто вроде огненных лент.

— Это еще что за чертовщина?— прокричал я.

— Понятия не имею,—спокойно ответил Кларк,—какое-то оружие. Не беспокойтесь, пожалуйста.

— А кто беспокоится? Только не я.

Корабль совершил головокружительный разворот и полетел прочь от Изумрудного замка. Горящий шар выполнил тот же самый маневр и полетел следом за нами, словно преследуя нас, как гончая. Наша скорость резко возросла, но мы не почувствовали ни ускорения, ни сил тяготения. Мы быстро поднялись выше, потом выровнялись. Огненный шар сделал то же самое, и он словно бы нагонял нас. Кларк, казалось, даже не глядя знал, где находится шар.

— Ого,—сказал он.—Держитесь, ребята.

Кларк гнал корабль совершенно невозможными маневрами. Мы переворачивались, петляли, подпрыгивали, потом совершили нечто, что в пилотаже называлось бы штопором, но трудно было как-то назвать это, когда речь шла о космическом корабле. Потом мы стали падать камнем, кувыряясь по дороге.

Я боролся с головокружением, закрыв глаза. Однако у нас не было абсолютно никакого ощущения движения.

Когда я снова открыл глаза, мы летели близко к земле на страшной скорости. За нами огненный шар спускался все ниже, чтобы выровняться по нашей высоте и скорости.

— Ай-й-й-й, батюшки светы,—хлопотал Кларк,—похоже, мне не стряхнуть с нашего хвоста эту штуковину.

— А что, у этого корабля вообще нет никакого оружия?—поинтересовался я.

— Не так уж много для нападения, но для защиты—огромное количество. Этот корабль предположительно неуязвим для любого оружия, которое когда-либо создавалось. По крайней мере, в то время, когда его создавали, ему устроили именно такую рекламу. Но я не хотел бы рисковать ни на одну секунду. У меня нет ни малейшего понятия, из какой культуры мог прилететь этот огненный шарик. А может быть, его специально создали, чтобы бросить вызов неуязвимости этого корабля. Знаете, ведь гонка вооружений именно таким образом и действовала.

Мы снова рванули повыше в небо и сделали еще несколько ускользящих маневров, причем каждый из них был все более невероятным и сложным, нежели предыдущий. Огненный шар повторял каждое наше движение.

— Батюшки мои!—ахнул Кларк,—теперь, кажется, я начинаю беспокоиться.

— А как насчет этих твоих оборонительных видов оружия?

— Я уже пытался нейтрализовать этот шарик. Ничего не срабатывало.

— А ты не можешь просто сбить его на землю?

— Что?—Кларк словно даже отпрянул от меня.—

Собачиться с этой штукой? Ты сам не знаешь, что ты говоришь. Ответная атака может быть как раз козырем этой твари. Никогда не знаешь, как поведут себя эти штуковины из стабильных волн, а это, наверное, и есть такая дрянь. Она может поглощать энергию нападения и стать еще сильнее и свирепее.

Я посмотрел вперед. К нам стремительно приближался край диска-планеты.

— Мы уже, похоже, соскакиваем с Микрокосмоса, Кларк,— сказал я, пытаюсь говорить как можно спокойнее.

— Это может оказаться нашим единственным шансом,— ответил он.

К этому времени наша скорость, должно быть, была чудовищной. Мимо нас пронесся край Микрокосмоса, и мы вылетели в космос. Планета за нами стремительно уменьшалась, ее диск наклонился, и мы увидели его ребро. Блестящий диск солнца валился за горизонт. Под нами ребро планеты казалось металлически блестящим, закругленным. На нем были нанесены какие-то геометрические узоры. Я сообразил, что это должны быть всякие трубопроводы, энергетические станции, прочие технологические сооружения. Мне показалось, что толщина диска — около двухсот километров. Там вполне могли быть дороги, но я не смог разобрать, действительно ли они были на ребре планеты или это была только моя догадка.

Обратная сторона планеты, все еще темная, вынырнула перед нами. Прошло совсем немного времени, и солнце, которое теперь оказалось на обратной стороне диска, вынырнуло из-за края, отбрасывая по земле длинные тени. Даже при наших сложных обстоятельствах это было интересно смотреть.

Огненный шар скатился назад. Неожиданно перед нами вспыхнуло слепящее пламя. Стены немедленно потемнели, защищая нас от света. У меня перед глазами плавали пурпурные пятна.

— Ну вот, мы от него убежали,— сказал Кларк, вздохнув с облегчением.— Он стал терять энергию, поэтому он сдался и растаял. Довольно впечатляюще, что вы на это скажете?

— А на нас что-нибудь еще несется? — спросил я.

— Нет.

— У тебя есть какие-нибудь соображения по поводу того, кто его на нас послал?

— Есть только одна-единственная возможность.

— Дама, та самая, в белом?

Кларк посмотрел на меня через плечо.

— Я с ней никогда не встречался. Однако должен тебе сказать, что по отношению к ней слово «дама» надо ставить в кавычки. Она дама не более, чем Прим — человек. Это просто внешние формы, которые были приняты для удобства. И для того, чтобы с вами, людьми, легче было общаться.

— Ты можешь себе представить, почему она хочет причинить нам неприятности?

— Можно догадаться, но, когда ты обсуждаешь Кульминацию, с тем же успехом можно обсуждать, сколько ангелов может танцевать на острие иголки.

— А она — часть Кульминации?

— Правильно. И смертные вроде нас могут только догадываться, что там в действительности происходит.

Я попытался заговорить:

— Но я думал... — и тут сообразил, что я и не знал, что думать.

— Что ты должен обязательно понять, лапочка, это то, что Прим и Богиня представляют два аспекта того же самого существа. Они оба белят одну и ту же онтологическую базу. Останови меня, если я стану говорить очень уж заумно.

— Мне кажется, я понимаю, что ты хочешь сказать.

Я вообще не представлял, о каком хрене он тут разговаривает.

Стены снова стали прозрачными, и мы увидели, что земля внизу посветлела. Яркое утреннее солнце падало на лик планеты. Наша высота снизилась до такого уровня, где мы могли различить отдельные детали ландшафта. На этой стороне было больше зданий и сооружений. Крупные городские комплексы лежали тут и там, мы направились к одному из них, резко снизив высоту.

— Это промышленный город, построенный расой с именем вроде Мумбо-Юмбо, — сообщил нам Кларк. — Как и большая часть инопланетных имен, это совершенно произносимо на человеческом языке.

Под нами лежало скопление многоцветных куполов, шпиль и многоугольных зданий. Корабль слетал к восьмиугольному строению с широкой плоской крышей.

Кларк улыбнулся мне через плечо.

— Я в контакте с искусственным интеллект, который командует этим комплексом. Сейчас он спрашивает, не технологи ли мы, которые должны произвести тут кое-какой мелкий ремонт. Я сказал, что это именно так. Когда приземлимся, напустите на себя пролетарский вид.

— А что мы тут делаем? — спросил я.

— Пока что спрячемся получше. Мы не посмеем приехать в Изумрудный город, пока не узнаем, что такое происходит.

В этом был свой смысл. Я кивнул.

Наш корабль спустился и завис над крышей, над тем ее участком, который был окрашен в красный цвет. Потом мы мягко опустились вниз. Кларк поиграл пальцами на панели управления, потом повернулся к нам. Стены снова стали непрозрачными.

— Хорошая посадка, — сказал я ему.

— Такая уж у нас работа.

Он повел нас обратно к туннелю-переходнику. Мы прошли дверь-горловину того зала, где стоял тяжеловоз, потом прошли по закругленному коридору к очередному переходнику. Кларк притронулся к стене возле сморщенной горловины переходника, и она расширилась.

Мы спускались.

— Лифт, — сказал Кларк, показывая вверх.

Дыра в крыше была запечатана второй скользящей дверью. Платформа, на которой мы ехали, спустилась в большой зал, заставленный различными машинами, и слилась с полом. Дверь-горловина расширилась, ища пол, нашла его, прикоснулась к нему и расширилась еще больше. Пока все это продолжалось, я исследовал на первый взгляд монолитный материал, из которого был сделан корабль. Его цвет на самом деле был темно-оливковый, очень неприметный и убогий, но не черный. Его структура была зернистая, и под поверхностью материала происходило что-то еще, там словно был впечатанный узор крохотных линий и геометрических форм, которые были едва видны. Я постучал по стене. Она гулко отозвалась, словно под ней была пустота.

Большой переходник, который с самого начала засосал нас, теперь был открыт.

Мы вышли и впервые получили возможность как следует посмотреть на корабль. Это по сути были несколько кое-как слепленных труб с соскообразными концами. Тут и там торчали выпуклости, напоминавшие женские груди. В своем роде, корабль был смутно-эротического вида. Я, между прочим, подумал, какой символизм видели в нем его нечеловеческие строители.

— Джейк, выведи, пожалуйста, оттуда свой тяжеловоз, — попросил Кларк.

Я подчинился, осторожно выведя задом машину. Пока я припарковал ее и заглушил мотор, с кораблем стало происходить нечто странное и поразительное.

Он съеживался, словно воздушный шарик с большой дыркой. Он, правда, не шипел. Он просто становился все меньше, меньше и меньше.

И еще меньше.

И...

Когда корабль съежился до диаметра примерно в две трети метра, Кларк поднял треклятую штуковину и держал ее в обеих руках, словно поднос. Она стала похожа на модель себя самой. Это и была ее модель...

— Кларк! — завопил я. — Это невозможно!

— Почему? — спросил Кларк.

Я посмотрел на Карла, Дарлу и Лори. Они оцепенели, глядя на меня, словно я сам и был ответом.

— Почему? — ответил я. — Потому что невозможно просто так взять и поднять такую штуку. У нее есть вес, и...

— Ах, нет, — сказал Кларк. — Масса у нее совсем не такая большая. На.

Он бросил эту штуковину мне. Я бросился навстречу и сумел подхватить ее. Она была дьявольски тяжелая, но ведь она должна была весить, по меньшей мере, сотню тонн. Даже больше.

Кларк посмотрел на Карла, Дарлу и Лори, потом снова на меня.

— Удовлетворены?

— Очень даже, — сказал я, отступая назад и отдавая ему его корабль обратно.

— Уф, — сказал Кларк, сражаясь с моделью, хотя он, совершенно очевидно, был раза в три сильнее меня. — Только не спрашивайте меня насчет источника энергии.

— Не волнуйся, не стану, — заверил я его.

Кларк прошлепал к центру красного круга на платформе и поставил корабль по центру, потом прошел обратно.

— Когда он уменьшается, он становится инертным, но так, на вид, незаметно.

— А теперь что? — спросил я.

— Теперь нам надо связаться с Примом, — он на миг устался в пространство. — Вот только нет его, черт побери. Когда он мне нужен, его никогда нет на месте. Вот же непруха... — он вздохнул. — Придется нам подождать.

По усилителю внешней связи раздался голос Брюса.

— Джейк?

— Что?

— Джейк, тут я засек попытку связаться со мной. Мне кажется, что это компьютерная система, обитающая в этом здании.

— О, я совсем забыл, — сказал Кларк. — Это... наверное, надо бы назвать эту штуку «управляющим заводом».

— Я пытаюсь установить контакт. Это разрешается?

— Давай, Брюс, сделай все, что можешь, — сказал я ему, потом повернулся к Кларку. — Теперь, прежде чем мы примемся за что-нибудь другое, скажи мне, пожалуйста, что такое ты пытался мне рассказать насчет Сэма?

— Ах, да. Ну, понимаешь... его загрузили в другую машину.

— Кто это сделал и зачем?

Кларк говорил извиняющимся тоном.

— Боюсь, Прим тут главный виновник, Джейк. А причина, насколько я мог ее понять, заключалась в том, что Прим решил, что Сэм, будучи особенно развитым искусственным интеллектом, требовал особого обращения с собой.

— Ты хочешь сказать, что его избрали кандидатом в Кульминацию?

— Вот именно.

Я нахмурился, покачав головой.

— Как это так получается, что мотивы у Прима — невинные, как свежесыпавший снег, а вот методы работы у него вечно какие-то шпионские?

— Может быть, у него хорошее умение подчинить себе публику? — предположил Кларк.

— Тебе лучше знать.

— Такова жизнь, лапочка. Тут такие законы...

— Ну да. И еще одно. Ты сказал, что Сэм похож на меня. Откуда тебе знать, как выглядел Сэм?

— Из твоих воспоминаний о нем, Джейк. У меня в моих файлах данных есть очень хорошие фотографии Сэма.

Я кивнул. Но почему-то ответ Кларка меня не устроил.

— Джейк!

Это снова вызвал меня Брюс.

— Да, что такое?

— Джейк, мне удалось установить нечто вроде рудиментарного контакта с неизвестным искусственным интеллектом. Он задал нам несколько вопросов. Ты хочешь на них ответить?

— Ладно, только что он спрашивает?

— Ему хотелось бы знать цель нашего визита.

— Гос-с-споди, если бы я знал.

Кларк сказал:

— Надо ему ответить, что мы приехали проинспектировать работу.

— Джейк?

— А? Ладно, валяй.

Через несколько секунд Брюс отозвался снова:

— Интеллект отвечает, что он счастлив нас приветствовать у себя в гостях, и он хотел бы знать, какой аспект работы завода нас более всего интересует.

— Исследования и разработки, — ответил Кларк.

После еще одной паузы Брюс передал дальше:

— Очень хорошо. Вы хотите начать осмотр немедленно?

— Скажи, что нет, — ответил я. — Скажи ему... скажи, что у нас было длинное путешествие и что мы сперва хотели бы отдохнуть. Мы начнем осмотр примерно через восемь часов.

— Очень хорошо.

— Этого должно хватить, — сказал я. — Я не хотел бы, право, оставаться тут все восемь часов.

— Не могу гарантировать, что смогу связаться с Примом в течение этого времени, — предостерег меня Кларк.

— Нет? А что такое он делает?

— Понятия не имею. Единственное, что я могу сказать, что его нет и неизвестно, когда он будет.

Мне кое-что пришло в голову.

— Тогда кто же присматривает за остальными членами моей команды?

— А я активировал еще одного слугу. Они замечательно проведут время.

— Еще одного слугу?

— Многофункционального робота примерно вполтину меньше меня. Приятный мальчишечка, но в нем не так много личности.

— Отлично,— я зевнул.— Увлекательное было путешествие. Слишком увлекательное.

— Да,— ехидно сказал Кларк,— разрушение и корежение огромных пространств парковой территории страшно отнимает силы.

Глава тринадцатая

Я спал. Снов не было.

Но было нечто, ощущение конфликта, противоположных сил, которые вошли в контакт, напряжение от их столкновения. Это было похоже на то, какловишь отдаленные радиосигналы, как вслушиваешься в полевые переговоры на отдаленном сражении — взрыв статического электричества, слово или фраза... перерыв... несколько смутных образов... волны помех... наложение станций...

Потом появилось чувство подавляющего присутствия чего-то особенного. Существа огромного и непобедимого, всепроникающего Единства, чьи размеры превышали понятия пространства и времени. Но его Единство стояло под угрозой. Что-то исказилось, испортилось, поломалось, и корни этой беды оставались в темноте. То, что было создано внутри Единства, было разорвано и поляризовано. Конфликт бушевал по коридорам времени.

Дорога должна быть построена.

Нет, это глупость.

Мы должны использовать ресурсы времени...

Мы не можем этого позволить.

Мы не элита, мы просто кульминация того, что было.

То, что в прошлом — то умерло.

Мы не можем забыть, что наши корни лежат во прахе!

Мы должны забыть об этом, или для нас нет никакой надежды...

Я внезапно проснулся.

Я сел на койке и свесил ноги на пол. Возле меня в тревожном, прерывистом сне лежала Дарла. Она металась и стонала, а тонкая пелена пота покрывала ее лоб.

— Дарла... Дарла, проснись.

Глаза ее распахнулись, расширились от страха. Она бросилась мне в объятия и зарылась лицом в грудь. Дыхание ее прерывалось. Она вся дрожала.

Я долго прижимал ее к себе.

Когда она снова успокоилась, она спросила:

— Тебе это тоже приснилось, да?

— Кусками. Не знаю, почему. Я сказал Приму, что мне обучение во сне не нужно. Мне кажется, что на меня это все и не было направлено, просто я стал жертвой утечки направленной информации. — Я протер глаза и несколько раз глубоко вздохнул. — Расскажи мне, в чем там дело.

Дарла скрестила ноги и натянула на себя старенькое одеяло.

— Это было ужасно. Началось все, как тот, первый сон — как документальный фильм. Речь зашла еще раз о проекте — о создании новой формы сознания. Я не так много могла понять... но тут... словно что-то вмещалось.

— Богиня?

— Да, это была она, но она не появлялась в этой форме. Я не могу этого объяснить. Это было ужасно. Это примерно так, как если бы ты оказался свидетелем конфликта в небе между богом и сатаной. Я не могу этого объяснить, Джейк. Единственное, что я поняла — это то, что мне из этого совершенно ничего не надо.

— Но мы попали в самую сердцевину этих событий.

Она посмотрела вниз.

— Да. Но мы должны вернуться обратно... как-нибудь. Обратно, в реальный мир.

— Миры, ты хочешь сказать. Миры Космострады, которую создала Кульминация.

— Заставила создать. Ее построили «дорожные жуки», и они же ее ремонтируют и поддерживают в рабочем состоянии. Они та раса, которая не вступила в Кульминацию. Они отказались принимать участие, но решили, что такой проект — неплохая идея.

— Что, Космострада?

— Нет, сама Кульминация. Когда Кульминация стала реальностью, они превратились в расу слуг. Добровольно, как мне кажется. Они построили Космостраду по просьбе Кульминации.

— Я немного ухватил насчет этого. Почему Кульминация захотела, чтобы Космостраду построили?

Она покачала головой.

— Я не уверена, что все правильно поняла. Это как раз часть дела, из-за которой пошли конфликты. Ты помнишь первый сон? Когда различные расы обсуждали проект? Там оказались различные фракции, и почему-то эти конфликты никогда не разрешились. Эта... эта новая форма сознания должна была быть единой, монолитной, только единодушным сознанием.

Но почему-то это не сработало так, как должно было. Теперь во вселенной существует это божественное сознание, это бессмертное, мощное существо, затерянное во вселенной... и оно отчасти безумно. Шизофреник! Невозможно сказать, что оно теперь сделает. Оно превосходит время и пространство. Оно может произвести изменения в самом времени.

— Создавать парадоксы?

Она посмотрела на меня новым взглядом.

— Да. Да, оно может и это. Оно может все, что угодно. Ох, Джейк! — она обхватила меня руками. — Мы были просто пешками! Нами вертели, как хотели. Я не знаю, как, почему и с какой целью, но мы были словно марионетки, и больше ничего. Все это было затеяно по неизвестной, непонятной причине. По причине, которую мы все равно понять не сможем. У нас нет ни малейшего шанса понять причины, которые движут нами и толкают нас на те или иные поступки. Я от этого устала! Я хочу, чтобы они перестали! Джейк! Я хочу, чтобы меня оставили в покое!

Она зарыдала, и я крепче прижал ее к себе.

Наконец я спросил:

— С тобой все в порядке?

— Да.

— Ты уверена?

— Я вполне хорошо себя чувствую.

Она вытерла глаза, спустила ноги на пол и села. Потом встала. Я заметил, что живот у нее выдается вперед. Я положил на него руку и слегка надавил. Она улыбнулась и прижала мою руку к себе.

— Больше трех месяцев, — сказала она.

— Так много? Наверное, да. Ты пополнила. Ты высокая, поэтому не так видно.

— Это будет мальчик.

— А почему бы и нет?

Она рассмеялась. Я поцеловал ее живот, потом приложил к нему ухо.

— Так сердечко не услышишь, — ответила мне она.

— Нет, не услышу — у него радио включено.

Она снова рассмеялась.

Я встал и поцеловал ее в губы, потом нагнулся и поцеловал обе груди.

— Я тебя люблю, — сказала она.

— И я тебя, — ответил я.

Все так просто. Все и было так просто с самого начала.

Я оделся и пошел в кабину. Она была пуста. Я включил сигнал вызова в трейлере и позвал Карла и Лори.

— Джейк, они куда-то отправились вместе с Кларком, — сказал мне Брюс.

— Что?! Куда?

— Они начали обследование фабрики. Карлу не спалось. Он настоял на том, чтобы они обследовали эту штуковину. Я в постоянном контакте с ними и с искусственным интеллектом, поэтому я точно знаю, где они. Они замечательно проводят время, и Карл занят тем, что всю использует Проектирование Продукта и Возможности Дизайна.

— Что это? А, ладно, только скажи мне, как мне добраться до того места, где они сейчас. Вот чертовы детишки, так удирать... Тебе надо было меня разбудить, Брюс.

— Джейк, я пытался. Но вы были настолько измучены...

— Сколько времени? Как давно они ушли?

— Примерно часов шесть назад, Джейк.

Господи помилуй!

Дарла вошла в кабину, одетая в штаны цвета хаки и одну из лишних порванных военного покроя рубашек Джона.

Нам всем начинало не хватать одежды.

— Мы вызвали служителя, чтобы он провел тебя в область Проектирования Продукта и Возможностей Дизайна.

— Служителя?

— Мне кажется, именно так...

Он сразу же появился перед нами, многофункциональный робот, который скользил к нам по сияющему полу.

Мы вышли, это приспособление подъехало к нам и остановилось. Это частично напоминало какую-то тележку или машину, но сиденья в задней части робота явно были построены не для людей. У него не было колес, потому что все устройство плыло по воздуху в нескольких сантиметрах от пола. Оно слегка жужжало на нас.

— Мне кажется, это жужжание означает «всем садиться», — сказал я.

Мы забрались на эту колымагу и устроились на невозможных сиденьях, выполненных в форме гриба. Никаких спинок у сидений не было, но был поручень, за который можно было держаться.

Нас провели по весьма интересному и поучительному заводу. Экскурсия была очень долгая, но я был достаточно дипломатичен, чтобы не жаловаться вслух. Все вокруг было весьма впечатляющим, но мы даже не знали, на что, собственно, мы смотрим. Наш проводник все жужжал нам и жужжал, а мы кивали головой с приятной улыбкой. Неужели? Пятьсот миллионов штук за год? Да что вы говорите! Как замечательно.

Но, боже ты мой, какой же это был завод. Тихое, прохладное помещение, полное промышленной и научной идеи. По крайней мере, на этом уровне мы могли искренне восхититься увиденным. Мы скользили вдоль мягко изгибающихся аппарелей, глядя вниз на бесшумные огромные машины, лабиринты трубопроводов, армии высоких цилиндров со стеклянными куполами-пузырями, на подносы инструментов, на огромные

комплексы антенн, громадные витки металлического кабеля, на джунгли прозрачных труб. Все было бесшумным и неподвижным. Везде были разные цвета. Голубой свет искрил в золотых и серебряных куполах, красные и оранжевые провода переплетались над головами в куполах желтого и розового цветов, зеленые мостики перекидывались через цеха в синем, сухом воздухе.

Наконец мы прибыли. Место Проектирования Продукта и Возможности Дизайна оказалось огромной комнатой-пирамидой, которая была заполнена от пола до потолка панелями управления, которые урчали и потрескивали от напряженной электрической мощи. Они сияли лампочками, блестящими экранами, поблескивающими циферблатами. Кларк сидел на скамейке возле Карла, который скорчился над чем-то вроде компьютерной клавиатуры — плоским широким экраном, на котором скользили диаграммы и графики.

Мы вылезли из колымаги и подошли к ним. Лори крепко спала на ковре, который лежал на полу, подложив под голову свернутую куртку Карла. Карл даже не посмотрел на нас. Он был целиком поглощен тем, что делал.

Я посмотрел на Кларка.

— Как дела?

Он пожал плечами и ухмыльнулся:

— Он вовсю развлекается.

— Как это он сообразил, как надо работать с этим оборудованием?

— Да это совсем не так трудно, как ты можешь вообразить, — Кларк поднялся, подошел к Карлу и заглянул ему через плечо. — В свое время на этом заводе на инженеров смотрели как на художников своего рода. Им действительно не надо было знать особо много насчет инженерного дела. Здесь машинный интеллект дает все данные, все формулы, все ноу-хау. Они делают всю грязную работу. Единственное, что поставляет органический мозг — это творческое начало. Это как раз и есть то, что делает Карл: Он говорит машинам, что он хочет получить и что они должны делать, а машины помогают ему это придумать и рассчитать. И, если дизайн кажется им достаточно хорошим произведением искусства, они просто строят модель-прототип.

— Это действительно нечто из ряда вон, — ответил я. — Так и есть.

Это действительно было чудо.

— Нет! Не так! — резко сказал Карл. — Открываться должно слева. Да.

— Так — удовлетворительно? — сказал тихий нежный голос.

— Вполне.

Я посмотрел на Кларка, который сказал:

— Мне кажется, Брюс сделал так, что завод заговорил по-английски.

Я кивнул.

— Теперь мотор,— говорил Карл, приковав взгляд к чертежному устройству компьютера.— Я понятия не имею, как он работает, поэтому он целиком за тобой.

— Очень хорошо. Он требует прогрессивного реактивного принципа — высокая эффективность, низкая себестоимость...

— А как насчет полного отсутствия технического обслуживания? Ты когда-нибудь сталкивался с таким? Это возможно? Я еще не встречал механика, который мог бы такое устроить.

— Есть гарантия на периоды времени дольше, чем четверть оборота средней Галактики вокруг своей оси.

— А? Четверть оборота... Это же миллионы лет. Эй, я не собираюсь жить так долго.

— Тогда отсутствие необходимости в техническом уходе не является проблемой.

— А-а-атлично!

— Системы вооружения?

Все это продолжалось где-то около часа. Карл наконец сообразил, что мы тоже находимся тут, но потом настоял на том, что ему необходимо завершить работу. Я не спрашивал его, что такое он делал. Лори проснулась от тревожного сна, и ею необходимо было заняться. Ей тоже снился тот же самый сон. Потом мы немного побродили вокруг и осмотрелись. Мы страшно проголодались.

Наконец Карл покончил с тем, что делал.

— Очень необычно, в высшей степени оригинально,— вынес свой вердикт глава отдела продукции этого полностью автоматизированного завода.— Но в нем есть превосходящая все смелые идеи элегантность и простота. Можно нам начинать создавать прототип?

— Естественно! — сказал Карл, поднимаясь.

Он слегка покачулся и приложил ладонь ко лбу.

— Ох, ну и замучился же я! И голова болит страшенно. Но как же здорово это было!

— Время обедать! — сказал Кларк.

— Обедать? — я уже был готов изгрызть лабораторное оборудование.

Процессия роботов принесла нам обед. Еда была очень хорошая — не изысканная кухня Изумрудного города, но куда лучше, чем просто среднего уровня. Брюс хорошо поработал, вводя биохимическую информацию в синтезаторы белка этого завода. Вкус и запах были просто выше всяких похвал. Правда, структура еды кое-где сплеховала, особенно в бифштексе. Он был словно бы чересчур пушистым. Но хлеб был просто великолепен. Невозможно было и предположить, что в нем не было ни единого зернышка пшеницы.

После обеда с нами заговорил управляющий заводом.

— Мы начали производить прототип. Не хотите ли посмотреть?

Он звучал почти так же, как голос руководителя отдела дизайна, и я подозревал, что они были просто различными подсистемами одного и того же компьютера.

С удовольствием понаблюдаем!

Мы все усадились на еще одну роботележку и поехали по заводу.

Завод весь пробудился к жизни. Мы ездили целый час по пульсирующему сердцу технологической магии. То, что до сей поры было просто немymi остовами машин, теперь клокотало, щелкало, сверкало разноцветными огнями, жужжало и стрекотало, гудело и звенело, пело и крутилось. Розовые и фиолетовые электрические разряды прыгали между гигантскими электрическими катушками, прозрачные трубы пульсировали и сияли, светящиеся мотыльки проплывали в хрустальных шарах, в воздухе трепетали переливы энергии, воздух весь трещал от наэлектризованности.

— Словно какая-нибудь картина про Франкенштейна, — так откомментировал все это Карл.

Наконец мы оказались в большой, тихой пустой комнате. Мы слезли с тележек и стали ждать. Не прошло и нескольких минут, как противоположная стена поднялась, и два робота вытащили на середину демонстрационного зала прототип.

Это была машина Карла. Шевроле импала 1957, хром сиял на ее новешеньких крыльях, яблочно-красная лаковая краска лоснилась на боках.

— Моя машина! — завопил Карл в экстазе, открыв водительские двери и врываясь внутрь. Он принялся. — Ну надо же, они даже сумели передать тот самый замечательный запах нового автомобиля!

— Вас удовлетворяет качество? — спросил радостно управляющий фабрикой.

— Еще бы! — вопил восторженный Карл.

В голосе управляющего прозвучали нотки гордости.

— Можем ли мы начать полевые испытания и оценку образца?

— Э-э-э... ну да... Впрочем, нет. Я знаю, что эта штукавина будет работать.

— Интуитивная оценка? Возможно, вам нужны и эмпирические данные?

— А? Чего?..

Я улыбнулся Карлу. Он заметил мой взгляд и ответил смущенной ухмылкой.

— Черт, я просто не мог удержаться, чтобы не попробовать.

— Интересно, что ты собираешься делать, когда они предъявят тебе счет?

— Счет. Ух...

Я хихикнул.

Деликатным и вкрадчивым тоном заговорил управляющий заводом.

— Возмещение затрат можно не производить. Мы хотели бы выразить автору проекта признательность за высокий эстетический уровень его проекта. Он делал его с вдохновением, и результат получился истинно прекрасным. Когда нам можно начинать серийное производство?

— Да, Карл, — сказал я. — Когда эти милые люди могут выпустить пятьдесят миллионов машинок?

— Господи. Не знаю...

— Продукция не предусматривается? — спросил управляющий упавшим голосом.

— Ну... Джейк, что мне им сказать?

Я сказал:

— Художнику хотелось бы иметь еще немного времени, чтобы поразмыслить над философскими аспектами своего создания, прежде чем он отважится разделить его со всей вселенной.

— Разумеется. Весьма похвальное стремление. Пожалуйста, дайте нам знать, когда придет подходящее время.

— О да, — сказал Карл, оживленно кивая. — Конечно. И еще — большое вам спасибо.

— Мы получили истинное наслаждение, помогая такому одаренному художнику, как вы, настоящему артисту в своем деле.

Карл не знал, куда деваться от смущения.

Мы направились к складским выходам, куда роботы доставили машину Карла. Мы прошли туда длинной дорогой — управляющий настоял, чтобы мы посмотрели отдел Субмикронной Сборки. Что бы это ни было, посмотреть все равно было приятно.

Я не видел, когда появился Прим. Я исследовал то, что осталось от щитка стабилизатора, когда я взглянул на Дарлу и увидел, что она с открытым ртом глядит на что-то возле тяжеловоза. Я выпрямился, обошел ее...

Там стоял Прим, беседуя с Кларком возле миниатюрного космического корабля.

Он повернулся и улыбнулся мне.

— Привет, Джейк! — окликнул он меня.

— С вами довольно трудно связаться, — сказал я, подходя к нему. — Но зато вы быстро появляетесь, когда с вами свяжутся.

Прим огляделся вокруг.

— Замечательный завод. Вы его посмотрели?

— Мы бесконечно тут блуждали.

Он рассмеялся.

— Странно, что в конечном итоге вы оказались тут.

— Собственно говоря, мы вообще не собирались покидать Изумрудный город.

— Правда? — мне показалось, что ему стало приятно от нашего намерения. — Я-то было вообразил, что вы уже направились домой.

— Без Сэма? Ну уж нет.

— Полагаю, вы правы. Но я собирался дать возможность вашему отцу высказаться по многим вопросам.

— Он не мой отец. Он — программа искусственного интеллекта.

Прим кивнул.

— Да, и весьма примечательная притом программа. Его Энтелехическая матрица была сделана Влату, правда?

— Да.

— Мы знаем про Влату. У них была технология, которая была неведома даже во времена Кульминации. Для примитивной расы Влату достигли очень высокой степени духовности.

Я обдумал то, что он сказал, прежде чем ответить:

— Если вы считаете Влату примитивными, то куда же это ставит нас? Нас, людей, я хочу сказать?

— Люди — одна из рас-предков самой Кульминации. Одна из рас, которые внесли свой огромный вклад. Я же много раз вам говорил, что я частично человек. Этим я хочу сказать, что Кульминация в какой-то степени состоит и из людей.

— Я не уверен, что понимаю, — сказал я. — Может быть, вы и происходите от людей, но после нескольких миллиардов лет эволюции...

Он рассмеялся.

— Эволюция! Странная идея. Процесс не автоматический, знаете ли. Если у рода нет настоящей причины развиваться и совершенствоваться, он и не будет этого делать. Но давайте оставим этот вопрос. Те элементы, о которых я говорил, не являются генетическими остатками или рудиментами, это разумы настоящих, полноценных человеческих существ. Их самая суть и соль. Они — жизненно важная часть Кульминации. Кое-кто из них — ваши друзья.

Дарла, Карл и Лори собрались за моей спиной. Я повернул к ним голову, и Дарла серьезно посмотрела на меня. Я снова повернулся к Приму.

— Что вы имеете в виду? Кого?

— Ну хорошо, Сьюзен Дархангело, например. Она согласилась принять участие в проекте. Точно так же согласились Юрий Волошин, Шон Фитцгор, Роланд Йи и Лайем Флаэрти.

— Не могу вам поверить.

— Я оставлю им возможность вас убедить. Никакого принуждения они не испытали. Никакого, Джейк. Вы должны мне в этом поверить.

На миг я замолк, мысли мои кипели и крутились. Потом я выдавил из себя:

— И все-таки не могу в это поверить.

Прим беспомощно пожал плечами.

— Простите, но...

— А как насчет остальных? Зоя, Они, Рагна, Джон?..

— Они отказались. Они присоединятся к вам в вашем путешествии домой.— Прим хохотнул.— Кстати, вы забыли еще одну личность. Сэм тоже отказался.

— Сэм и в церковь-то никогда не ходил.

Прим рассмеялся.

— Смею сказать, действительно не ходил.

Дарла спросила:

— Вы не забыли Винни и Джорджи?

— Дорогая моя, они и так — часть Кульминации, они всегда ими были. Они — члены одной из Рас-Проводников. Подумайте о том, как вы сюда добрались.

— Нас похитили, — ответил я.

— Разумеется, ваш случай — особенный. Но что с самого начала заставило вас искать конец Космострады?

Он был прав. В основе всего лежала карта Винни.

— Насчет Сэма, — сказал я. — Вы мне его вернете?

— Он вернется. К вам вернется все.

Я уставился на него. Что представляла из себя та форма, которую я перед собой видел? Что представляло это тело? Я покачал головой.

— Может быть, я просто слишком медленно соображаю, но во всем этом такая чертова куча вещей, которых я не понимаю...

— Тогда позвольте вас обучить во сне. Для того, чтобы это сделать, вам необязательно присоединяться к Кульминации. Вы просто много узнаете.

Меня неожиданно охватило раздражение.

— Послушать, как вы говорите, так все идет просто замечательно. Но ведь на самом деле это не так. У Богини есть другие идеи. Разве не так?

Он повернулся и отступил на шаг, остановился, потом медленно повернулся к нам, уставив глаза в пол, сложив губы в хитрую улыбку.

— Другие идеи... Нет. На самом деле существует только одна идея и ее варианты.

— Но ведь она каким-то коренным образом противостоит вам.

— Нет.

— А тот сон прошлой ночью? Он-то про что?
— Спите, увидите сны, и все поймете. Не сражайтесь со снами. Не бойтесь их.

Я подумал над его предложением.

— Может быть, я так и сделаю.

— Хорошо. И помните: конфликт — это часть основы и утка вселенной. То, что не содержит в себе никакого напряжения, загнивает от статичности и пассивности. Если это так, то разве может любая попытка достичь совершенства, быть свободной от конфликта? Не думайте, что Кульминация может быть успешной с самого начала. Это была фундаментальная ошибка тех, кто ее задумал. Но эта ошибка совсем не обязательно привела к фундаментальному дефекту проекта. Вопрос только в том: что же, в конце концов, случилось? Поскольку Кульминация находится вне времени, на этот вопрос может быть дан ответ. А вы его найдете, если захотите его искать.

— А разве Богиня его тоже не знает?

— Ну разумеется, знает.

— Все это не имеет никакого смысла, — ответил я.

Он повернулся, прошел несколько шагов, остановился и повернулся к нам.

— Теперь я должен вас покинуть, Джейк. У меня такое чувство, что вам придется еще пострадать. Я могу вам до какой-то степени помочь, но меня сдерживают обстоятельства, которые вам может оказаться трудно понять. — Он снова улыбнулся. — Я бы на вашем месте не беспокоился. Вы отлично встретите все будущие трудности. Мне кажется, я знаю, почему те силы, которые стоят за вашей спиной, выбрали именно вас своим оружием. Вы прототип героя, Джейк, — он поднял правую руку, — всего вам доброго.

И он исчез, оставив после себя запах озона. В уходе Богини было больше театральности, но в его — подлинного вкуса.

Глава четырнадцатая

— А теперь что, Кларк? — спросил я устало.

— Я должен пойти и забрать Сэма, а также всех остальных отказников от Кульминации, когда Прим даст мне «добро» на все.

— И когда это будет?

— Не знаю, лапочка. Когда нынешние страсти-мордасти прекратятся. До тех пор это небезопасно.

— Ладно, тогда отправишься и сам их заберешь, — сказал я, — а потом что?

— Я приведу вас к выходному порталу и покажу, через какие порталы и как вам проезжать, чтобы как можно быстрее добраться до дому.

В этом никакой нужды не было, поскольку у меня была Карта Космострады. Я оглянулся вокруг и воздел руки к небу.

— А что нам до той поры делать? Заполнить время абы чем, чтобы его убивать?

— Сделайте что-нибудь, — ответил Кларк. — Вот как Карл.

— Тебе нужны какие-нибудь пепельницы ручной работы?

— Нет, лучше бы ручной работы бумажник из змеиной кожи с монограммой.

— А у тебя и так только один инициал, — сказал я ему.

— И карманов, кстати, у меня тоже нет. Ну ладно, сам тогда не знаю, чем вас занять.

Я тоже не знаю. Но делать было нечего. Мы не могли уехать сами к главному portalу и не могли даже пробовать проехать обратно весь путь до Изумрудного города. Мы были на милости Кларка.

Однако можно было вдоволь выспаться за все путешествие и было над чем подумать.

Прим посоветовал нам открыть свое сознание обучению во сне. Я не был уверен, что я сам к этому готов. Я думал над этим. Мне нужны были ответы на кое-какие вопросы, но не в моем стиле упасть в обморок и получить в этом обмороке божественное озарение. Кроме того, разве по традиции не полагалось поститься и молиться в пустыне перед этим целых сорок дней? А власяницу я вроде как оставил в химчистке, еще на Земле...

Я устал постоянно искать вечно ускользающие от меня ответы на вопросы. Чертовски устал, поверьте. Как сказала Дарла, нас все время толкали туда-сюда невидимые и неизвестные силы. В мозгу все время звучала фраза, которую сказал Прим: «...какие бы силы за вами ни стояли...» Воистину, какие силы? Если на самом деле ни Прим, ни Белая Дама не правили тут бал, то кто же? Неужели существовали еще и другие аспекты Кульминации, про которые мы пока не знали? Или это были силы, которые лежали совершенно за пределами Кульминации? Еще какие-то шепчущие во тьме голоса, еще куски головоломки, от которой я устал?

Я лежал на койке, возле меня спала Дарла. Она спала без сновидений. Казалось, если не желаешь слушать эту пропаганду, надо просто выключить приемник.

Я слушал. Завод был совершенно тих, если не считать слабого фоновых шума. Время от времени вдалеке раздавался стук или звон — наверное, это ремонтники проверяли, все ли в порядке с их оборудованием. Может быть, и не они. Действительно ли мы были тут в безопасности? Конечно, нет. Но Кларк держал свои воронкообразные ушки на макушке на предмет обнаружения посторонних. Кроме того, у него наверняка были невидимые нами чувствительные приборы.

Я встал и пошел в кабину, уселся на водительское сиденье.

Кларк надул свой космический корабль до примерно половинных его размеров и ушел туда. Он сказал, что ему необходимо закончить там какие-то дела.

Я рассматривал машину Карла. Все, включая самого Карла, долго гадали насчет происхождения этой машины. Неужели Карл сам ее создал? Ответ на этот вопрос стоял перед нами на полу зала, сверкая хромом и никелем, с надутыми роскошными шинами.

Как гласит пословица, приходит время, когда человек должен сделать то, что должен. Толкни меня — я отвечу тем же. Настало время нападать. С этой минуты я стану Джейком Мак-Гроу, Хозяином Времени и Пространства.

Я разбудил Дарлу.

— Хм... ф-ф-ф? — спросила она.

— Вставай. У меня появилась безумная идея.

— Хм-м-м...

Я ушел назад в кабину, пока Дарла одевалась.

— Брюс?

— Да, Джейк?

— Свяжи меня с управляющим завода.

Маленькая пауза, потом голос:

— Он на связи.

— Привет! — сказал я.

— Мое почтение, — радостно ответил управляющий.

— Привет, привет. Э-э-э... нет ли возможности нам снова воспользоваться отделом Представления о Конечном Продукте и Дизайна?

— Разумеется! Прямо сейчас?

— Да, если можно.

— Немедленно пришлю за вами транспорт.

Но мог ли я создать это? Мог ли воплотить в реальность безумную идею? Реальность казалась такой зыбкой здесь, на Микрокосмосе, реальность была мягким пластилином, который можно было как угодно мять и бить, пока он не примет желаемую форму. Если так, я сам первый возьму молоток и ударю по ней.

Я велел Дарле взять с собой одеяло. Я нажал было на кнопку интеркома, но передумал, и вместо этого включил внутренний монитор трейлера. Ох, простите... Карл и Лори были очень заняты. Я надеялся, что эти ребята знали хотя бы основы предупреждения нежелательной беременности. Чья бы корова мычала, подумал я.

Приехала роботележка, и мы на нее уселись.

— Это совершенно революционная идея, — сказал глава отдела дизайна.

Мне показалось, что в его голосе я различил нотку почтительного восхищения.

— Да, это точно.

Я заглянул в глубины трехмерного экрана-проектировщика. Поскольку объект, который я собирался создать, не был материален, смотреть особо было не на что, разве на геометрические формы его... Но все остальное просто завораживало. Там было все, что угодно: время и пространство несколько раз складывалось и налагалось само на себя, сферы, торы и седлообразные плоскости растягивались, сжимались и переливались. Там были ленты Мебиуса и бутылки Клейна, и такие штуки, которые не снились ни одному из этих джентльменов. Матрицы были связаны пучками Ничего, составляя структуру самого пространства и времени, и даже материи. Массы и точки мигрировали по безграничным пространствам и измерениям, невозможные конструкции-уникумы, параллельные линии, которые встречались и пересекались у границы бесконечного...

— Как бы там ни было,— продолжал глава отдела,— техника пространственного складывания и уплотнения по измерениям для нас не представляет неизвестности. Масштаб, конечно, тут гораздо больше, но теоретически может быть выполнен.

— Можно ли воплотить это на практике?— спросил я.

— Я бы счел великой честью попробовать воплотить этот проект. Могу ли я начать с того, чтобы постулировать изотропную гомогенность по всей метрической рамке конструкции?

— Ради бога, давай начнем с этой штуковины. А что такое изотропный?

Через два часа у меня была страшная головная боль, но глава отдела производства и реализации был уверен, что все теоретические преграды мы преодолели. Однако возникли очень серьезные проблемы, связанные с практическим воплощением этого артефакта. На консультацию позвали главу отдела продукции.

— Необходимо пересмотреть параметры,— вынес он вердикт.

— Намного?— спросил глава отдела реализации.

— Наверное, по всей конструкции.

— Это можно сделать?

— Конечно.

Чуть позже голова моя была готова взорваться. Они притащили мне кровать— очень широкую, удобную кушетку, которая целиком, казалось, состояла из подушек. Я вырубился, попытавшись предварительно поднять Дарлу, которая сказала, что предпочитает пол. Спина у нее болит, объяснила она.

Я проспал час, потом встал и пошел к компьютеру, куда мне принесли чашку чего-то горячего и сладкую булочку.

— Как дела? — спросил я.

— Проект почти закончен, — ответили мне. — Должен вам сказать, что наш персонал восхищен и полон энтузиазма по поводу вашего проекта. Пересмотр масштаба идет по плану полным ходом.

— Ничего себе! Вы, ребята, наверное, убиваетесь на сверхурочной работе!

— Простите, что вы сказали?

Я глотнул эрзац-кофе.

— Простите, ничего особенного, просто я думал вслух.

Мы поехали посмотреть, как выглядит завод, который теперь готовился к продукции моего проекта и был занят переоснащением. Мне показалось, что в тех зданиях, куда нас привезли, я еще не был. Там просто разрушали то, что имеется, и перестраивали заново. Я слышал, что бывает обширное переоснащение заводов, но такого я еще не видывал. То, что мы увидели, превосходило любое представление об обычных операциях подобного рода. Армия роботов ворвалась в огромный цех, полный машин и станков, и просто-напросто превратила его в гору металлолома. Потом они притащили новый материал и построили титаническую установку, которая походила на атомный ускоритель, спаренный с зажигательной пушкой. Мы, замороженные и потрясенные, стояли возле этого великолепия, пока к существующему цеху подстраивались прямо на ходу огромные пристройки, чтобы вместить новое оборудование. Один из самых крупных залов вмещал теперь в себя заново построенную установку, чудовище из черных стеклянных труб, блестящего металла, медных сфер и многочисленных цветных куполов. Она была создана менее, чем за час. На ее верхушке соединялись десятки проводов и труб, которые вели невидимые силы внутрь полости в самой установке. Когда мы приехали, установку, вероятно, проверяли. Сквозь темное стекло мы видели вспышки фиолетовых разрядов, которые скользили там змеями, машина выла, как зверь, которого приковали цепями в аду. Мы скорее убрались оттуда.

Вернувшись в отдел дизайна, мы обнаружили там Карла и Лори, которые выглядели перепуганно и озабоченно.

— Что происходит? — спросил Карл. — Весь завод словно взбесился.

— А это мы перевыполняем пятилетку.

— Э? Чего?

— Да тут небольшой проект готовится, — сказал я.

— Господи, а мы-то подумали, что невеста что произошло. Ты сказал: «небольшой проект»?!

Однако появилась неожиданно крупная проблема: нехватка энергии. Потребности в энергии для окончательной сборки заказанного мной объекта оказались выше запрограммированной мощности завода. Был послан запрос к остальным строи-

тельными заводам планеты, и большинство прислало свое согласие уступить часть энергии. Они нам помогут. Про наш проект уже распространились слухи. Мы стали сенсацией дня.

Переоснащение завода продолжалось еще двенадцать часов, прежде чем начались первые стадии воплощения проекта. Именно тогда страшный взрыв потряс завод до основания. Мы панически пытались наладить связь с управляющим. Через полчаса нам удалось его разыскать.

— В области помещений, где содержится Кольцо Ограничения Начальной Электростатики, понесен большой ущерб,— доложил управляющий.

Я почувствовал себя страшно виноватым.

— Черт, кошмар какой-то. Что случилось?

— Разрыв примарного энергетического тетрада, который привел к утечке и последовательному разрыву соединительной петли.

— А-а-а... Кто-нибудь пострадал? Я хочу сказать...

— Погибли несколько рабочих единиц. Их заменили.

— Понятно. Может быть, нам отменить реализацию проекта, прежде чем кто-нибудь еще пострадает?

Я думал прежде всего о нашей собственной безопасности.

— Это аномальное явление, его повторение статистически ничтожно. Мы настаиваем на том, чтобы проект продолжали реализовывать.

— Ну, не знаю, ребята, как хотите.

— Если мы оставим задачу на данном этапе, для нас это будет трагическим переживанием.

— Вот как?— Ей-богу, эти ребята—настоящие рабочие.— Ну хорошо, тогда давайте продолжать.

— Замечательно! Можно только поздравить вас с таким присутствием духа.

— Меня поздравить?!

Необходимый ремонт произвели, и работа снова закипела.

Кларк сказал мне, что готов ехать обратно в любое время. Я же сказал ему, что мы хотим уехать обратно в Изумрудный город с ним.

— По мне—замечательно,— ответил он.— Хотя вы и тут могли бы подождать. Я бы обернулся за час.

— Мне кажется, что я должен выбраться отсюда до того, как окончательно свихнусь. Не подождешь ли, пока мы закончим с моим проектом?

— Естественно, подожду. Кстати, а что именно вы, ребята, пытаетесь сделать?

— Создать твой бумажник с монограммой ручной работы из натуральной кожи.

— Именно об этом я всегда и мечтал.

Окончательная отделка объекта оказалась просто даже разочарованием — настолько гладко она протекала. Нас позвали в демонстрационный зал.

Я держал его на ладони и смотрел во все глаза. Робот, который его принес, с шуршанием укатил прочь.

Это был очень простой предмет, но смотреть на него было очень странно: этакий совершенно гладкий, простой, абсолютно черный кубик.

— Самый совершенный артефакт, — сказал управляющий заводом почти с набожной торжественностью.

— Кубик! — ахнула Дарла. — Господи, Джейк, зачем?

— Разумом я даже не могу представить себе, зачем, — сказал я ей. — Пока не могу. Но мне кажется, что все вращается вокруг этого маленького предмета. Вокруг него, вокруг нас выросла целая легенда. Легенда гласит, что когда мы вернемся, а мы вернемся раньше, чем уезжали, я отдам этот кубик члену Ассамблеи Марсии Миллер, которая, в свою очередь, отдаст этот кубик диссидентскому движению, которое, в свою очередь, отдаст этот кубик тебе. А ты снова отдашь его мне. Вот разве что тот «я», которому ты отдашь кубик — это «я» трехмессячной давности. — Я взял Дарлу за руку и положил кубик ей на ладонь. Она с удивлением уставилась на него. — Мой долг показался мне предельно ясным. Так как кто-то украл у меня тот кубик, который ты дала мне, мне показалось, что надо создать другой кубик, чтобы он снова попал к тебе. И вот он — здесь.

— Но... — Дарла была сбита с толку.

— В соответствии с легендой у этого кубика нет происхождения, нет своей истории. Он просто путешествует из прошлого в будущее и обратно. А я — вот он тут, у самого края Космо-страды. И не похоже на то, что мне когда-нибудь представится возможность найти такой кубик еще раз. Собственно говоря, тут все настроены так, что необходимо как раз у меня забрать кубик-оригинал. Поэтому я решил, что убью сразу двух зайцев — то есть два парадокса — одним добровольным и осознанным действием — я создал эту проклятую штуку сам, по собственному желанию. Теперь у меня есть кубик, и у этого кубика есть происхождение. На самом деле, естественно, я не сам его произвел — его сделали эти ребята-автоматы на заводе. Но идею им подал я.

— Но как, Джейк? — спросила Дарла, покачивая от удивления головой. — Откуда ты знал, что тебе нужно создавать? Никто никогда не решил по-настоящему тайну кубика. Люди Рагны сделали несколько попыток его исследовать, высказали несколько остроумных догадок, но откуда ты знал, что такое на самом деле представляет из себя кубик?

— Разумеется, я и не представлял. Я просто рассказал о догадках техников Рагны управляющему заводом и попросил начальника отдела дизайна придумать что-нибудь, что более или

менее соответствовало бы описанию этого объекта. Он так и сделал. А персонал завода выполнил этот проект и воплотил его в реальность.

— Но что это такое, Джейк? — спросил Карл. — Что такое этот кубик? Для чего он нужен?

— Для чего он нужен — я пока не знаю, — ответил я. — Но из того, что мне сказал начальник отдела дизайна, я сделал вывод, что это такой континуум, в котором обычные свойства времени и пространства просто не существуют. Внутри этих шести сторон обычное время и пространство не существуют вообще. То, что находится внутри кубика, в буквальном смысле является НИЧЕМ. Не-пространство. Нечто единичное. Догадки ахиррских ученых насчет того, что это пространство, которое сложено в несколько раз, оказались ошибочны, но я могу понять, каким образом они пришли к такому выводу. Не-пространство — это слишком тонкая и ускользающая от понимания материя. Еще одна особенность: внутри этого континуума не существует не только пространство и время: в нем не существует ничто во вселенной. Не существует там фундаментальных вещей, таких, как постоянная Планка, гравитационная постоянная, не существует там ни один краеугольный камень той вселенной, к которой мы привыкли и в которой живем. В этом кубике все привычное исчезает. В этом кубике можно создать любую вселенную, основываясь на физических законах, совершенно отличных от наших.

Дарла заметила:

— А как насчет информации, тех данных, которые выскакивают на гранях кубика? Люди из диссидентского движения, которые исследовали кубик, открыли проступающие на сторонах и гранях цифры.

— Глава завода сказал мне, что это как-то связано с посторонней радиацией, которая возникает на грани сторон кубика и внешнего мира. Эта радиация связана с созданием виртуальных частиц, которое постоянно происходит везде во вселенной. Я не могу полностью понять причину, но почему-то, когда эти частицы выскакивают слишком близко к граням кубика, они начинают сильно волноваться, и вместо того, чтобы тут же исчезнуть из реальности, как и положено послушным маленьким виртуальным частицам, они остаются в реальности и улетают в мир как электронно-позитронные пары.

— Ну, тут я уж совсем ничего не понимаю, — сказал Карл.

— Забудь об этом, — сказал я. — Я и сам ничего не понимаю.

— Джейк. У меня с этим еще всякие хлопоты, — сказала Дарла. — Откуда ты знаешь, что первый кубик и этот вот, который ты создал — идентичны?

— Пока не знаю, — сказал я. — Но если мне удастся довести этот кубик до земного лабиринта за три месяца до теперешних

событий, этот кубик окажется идентичным. Потому что этот кубик и будет тогда ПЕРВЫМ кубиком. Разве нет?

Дарла обреченно вздохнула.

— Наверное.— Она нахмурилась и покачала головой.— Но я все еще не понимаю, как ты мог что-то создать, если ты не знал с самого начала, что это было.

Я забрал кубик у нее и подбросил его в воздух, потом поймал. Он был легким, как перышко. Я не мог только понять, почему он не был совершенно невесомым. Начальник отдела дизайна сказал мне только, что это было как-то связано с «инерциальной тягой» и тем фактом, что замороженная энергия, которая держала вместе стенки кубика, обладала эквивалентом массы.

— Ну, можно объяснить это так,— сказал я.— Я ничего не знал. Но у меня были кое-какие соображения насчет того, что такое этот кубик из себя представлял. Эти соображения были у всех. Прим ответил нам, что это «эксперимент по созданию вселенной». Не спрашивайте меня, откуда он знал. Я все это рассказал начальнику отдела дизайна, а у того весьма творческое мышление. Он взял эти идеи и прогнал их пару раз по своим подпрограммам, а потом выдал еще парочку уже собственных идей. Одна из этих идей оказалась вполне осуществима. А дальше его технический персонал сделал для нас все, что необходимо. Вот так и создали кубик. Вот откуда его происхождение.

— Ну, если ты так считаешь,— сказала Дарла.

Мы уеслись на роботележку и поехали обратно.

— Все-таки остался парадокс,— сказала Дарла, когда мы тронулись в путь.— Откуда родилась сама идея этого кубика?

— Я же тебе сказал,— ответил я.

— Нет, я имею в виду ПРИЧИНУ, по которой он появился. Причина его существования как такового. Первый кубик заставил нас думать обо всем этом, а именно размышления породили мотивацию создать этот второй кубик. Но ты утверждаешь, что именно этот кубик и есть первый. Поэтому, как сам понимаешь... это все получается, как если бы...

— Кубик создал сам себя,— сказал я.

— Да! Это единственное объяснение, которое можно предложить! И это невозможно, Джейк. Абсолютно невозможно.

— На, возьми эту невозможность,— ответил я, протягивая ей кубик.

Управляющий заводом очень огорчился, что мы уезжаем.

— Но вы ведь вскоре вернетесь? Наше краткое знакомство стало для нас всех весьма поучительным и обогащающим наши умы переживанием.

— Естественно, что вернемся,—сказал я компьютеру, не желая обидеть его в лучших чувствах.

— Когда?

— Э-э-э...— очень неудобно, когда тебя ловят на слове.

— Вы не думаете о том, чтобы отложить ваш отъезд? Все наши подсистемы и подпрограммы весьма огорчены вашим отъездом. Личности такого творческого потенциала, как вы, весьма и весьма редко встречаются во вселенной. Мы просто мечтаем продолжать сотрудничество с вами над самыми различными проектами.

— Ей-богу, вы очень добры к нам, но нам необходимо ехать дальше.

Раздался звук, весьма похожий на вздох.

— Тогда, пожалуйста, пусть вас в пути сопровождают наши благие пожелания, и возвращайтесь как можно быстрее, как только освободитесь.

— Большое спасибо. Не преминем.

Я все думал над тем, когда в последний раз на заводе были посетители. Тысячу лет назад? Миллионы лет? Это, честное слово, было жестоко по отношению к нему.

После того, как Кларк раздул космический корабль до его обычного размера, я загнал тяжеловоз в большой грузовой отсек, а Карл запустил свой шевроле в один из отсеков поменьше. Мы все вошли в корабль.

Освещенные шпиль и башни-купола завода стремительно уменьшились под нами, когда мы помчались к краю планетки. На той стороне Микрокосмоса, которую Карл прозвал «решкой», царила ночь. Суррогатная луна низко парила в небе, а звезды, словно бриллианты на черном бархате ночи, усеивали купол неба. Внизу под нами городские комплексы лежали в темных перекрестьях улиц, и несколько слабых огоньков горели где-то в полях. Тихий, покинутый мир. Микрокосмос, который и днем-то был странен, ночью превращался в место, где царили тьма и тайна, тишина и тени. По мне словно прошла дрожь. Время на этой планете превращалось в тяжесть, которая давила, будто каменная глыба древнего храма. Я вдруг почувствовал свирепое желание как можно скорее покинуть это место, это кладбище веков. Здесь все было мертво. Здесь была сама смерть.

Мир-диск перевернулся, когда мы перемахнули через его край. Когда мы снова увидели Микрокосмос при дневном свете, мне стало немножечко полегче. Но ненадолго, потому что комиссия по торжественной встрече уже нас поджидала.

— Вот дерьмо этакое,—сказал Кларк, бешено бегая пальцами по консоли управления.

Десятки разнообразно окрашенных огненных мушек мчались нам навстречу. Кларк заставил корабль резко подняться вверх, но не прошло и нескольких мгновений, как оранжевого

цвета вихрь нагнал нас и плотно уселся нам на хвост. Эта штуковина показалась нам очень знакомой. Кларк снова стал вилять, применяя различные маневры.

— Кларк,— сказал я, стараясь говорить как можно спокойнее,— что эти штуки делают?

— А, они лопают все, что попало,— сказал беззаботно Кларк.— Ну, например, они могут слопать временно-пространственный космический корабль. Они поглощают такие корабли, что-то вроде этого. Взрывное устройство не может причинить нам никакого вреда, не может с нами справиться и лучевое оружие. Но эти штуки могут нас затянуть в свою сеть и медленно разложить на составляющие кусочки. У этих гадов достаточна для этого энергии.

— Ох ты,— ответил я.

Я в ужасе посмотрел на Карла, вспомнив одно из самых фантастических оружий шевроле, загадку, которую Карл прозвал тасманийским дьяволом. Карл судорожно сглотнул и кивнул.

Я повернулся к Кларку.

— Эти штуки из той породы, которая гонится за своей целью и не остановится, пока ее не найдет?

— Да, а ты откуда про это знаешь?

— Э-э-э... а что ты собираешься делать?

— Ну, я-то могу сделать только одно...— сказал Кларк.

Штуковина, которая гналась за нами, все приближалась и приближалась, приноравливаясь к каждому нашему новому приращению скорости, пока мы не смогли увидеть ее нутро, кипищу, бешено пылающую топку демонического сгорания. Там словно маячила еще какая-то фигура, безумное, адское существо, бестия, которая была нацелена только на немедленное и беспощадное разрушение.

— ... и мне кажется, что мне лучше это сделать прямо сейчас.

Немедленно вокруг нас исчезло все — тасманийский дьявол, небо, сам Микрокосмос. На месте их вокруг нас были только бесконечные звезды.

Мы оказались в космосе.

— Ой-ой-ой, лапочка,— причитал Кларк,— вот я и снова сделал не то, что надо.

Он замолк, пробегая своими толстыми короткими пальцами по панели управления.

— Кларк,— сказал я, помолчав,— что такое случилось?

— Ох, да ничего особенного. Мы перепрыгнули в другой континуум, а этого нельзя делать вблизи такой крупной массы, как планета, особенно Микрокосмос, поскольку у него свои особенности гравитации. У нас не было выбора, но это нас не особенно утешит.

— А в чем дело-то?

— Ну, в том, что я и понятия не имею, где мы находимся. И когда мы находимся. Ни-како-го. Мне придется провести очень много замеров, чтобы высказать какую-либо обоснованную гипотезу. А моя необоснованная гипотеза сводится к тому, что мы перескочили примерно через десять биллионов световых лет.

Дарла, которая стояла возле меня, сомкнула руки у меня на талии и прижалась ко мне. Мне тоже надо было кого-нибудь обнять. Я положил руку ей на плечи и прижал ее к себе покрепче.

— Ну вот, хоть в чем-то нам везет, — сказал Кларк. — Звезда очень близко к нам. Мы не только не оказались посреди голой Галактики, мы еще и попали туда, где есть звезда, у которой, весьма вероятно, есть планета. — Он фыркнул. — Наверняка там целый выводок ледяных шариков и газовых гигантов, вокруг звездочки-то. Нам все равно не пригодится. — Он вздохнул. — Лучше все равно проверить.

Звезды вдруг изменили свое положение на небе. Потом снова. И еще раз. Каждый раз единственная звезда перед нами становилась все ярче и ярче, а через несколько прыжков она стала крохотным диском на фоне нескольких ярких звездочек вокруг нее.

— Она что-то подозрительно знакомо выглядит, — проворчал Кларк. Он покачал головой. — Такого не может быть. Но спектральный тип тот самый. Давайте-ка посмотрим, нельзя ли получше разглядеть парочку планет.

Кларк осторожно потрогал консоль управления, которая, по моим представлениям, была каким-то интерфейсом между кораблем и мощным компьютерным мозгом Кларка.

Я посмотрел на звездное скопление вокруг нас. Позади нас оно сгустилось, собравшись вокруг молочной светящейся полосы, пронизанной темными облаками. Я смотрел направо и налево, пытаюсь найти созвездия.

— Не поверите, — сказал Кларк, — но только догадайтесь, где мы.

— Это Солнце, — сказал я. — Солнышко. Земное.

— Ты только что заработал себе дополнительное очко по астрономии, парень.

Глава пятнадцатая

— Я отправляюсь домой, — проговорил потрясенный Карл. — Я действительно отправляюсь домой.

— Погоди, лапочка, — предостерег его Кларк. — Мы знаем, где мы, но не знаем, в каком мы времени. Это может оказаться Земля, но за миллион лет до рождения Христа, или, наоборот, миллионный год нашей эры. Или любое время между эти-

ми двумя. Поэтому, пожалуйста, не очень-то обнадеживайся. Мы совершили совсем слепой прыжок, не зная ни координат, ни времени, ничего. Шансы на то, что мы в конце концов окажемся здесь, были примерно миллион к одному. Или, вернее, бесконечность к одному.

Кларк покачал башкой.

— Поразительно. Если бы я старательно прицеливался, чтобы сюда попасть, я никогда бы этого не смог. По крайней мере, за один прыжок. Чтобы выполнить такое с точностью и аккуратностью, с какой это само собой получилось, мне бы и пятидесяти прыжков не хватило.

— А есть какой-нибудь способ установить, в какое время мы попали? — спросил я.

— Ну, довольно много способов, я бы сказал. Я мог бы засечь по часам скорость нескольких хорошо известных пульсаров и получить примерно правильное представление о той эпохе, куда мы попали... если бы тут у меня под рукой была бы парочка пульсаров... Беда в том, что у меня в памяти компьютера заложено довольно мало относительно Землянской астрономии, по крайней мере, для того, чтобы произвести такие расчеты.

— Кларк, я-то думала, что у тебя есть все на свете, — сказала Дарла.

— А сколько ты сама знаешь на тему астрономии Земли? — парировал Кларк.

— Не сказать, чтобы много.

— Ну вот, сама видишь. А этот корабль тоже знает немного, хотя в его памяти множество общих астрономических данных. Может быть, наш бортовой компьютер сможет нам что-нибудь выдать. Так, наобум, я могу сказать, что мы примерно в том времени, откуда пришли и вы, ребята. Плюс-минус пара тысячелетий. Я знаю несколько созвездий, так вот, они совсем не искажены.

— Есть только один способ узнать наверняка, — сказал я.

— Как?

— Давай подлетим к Земле и посмотрим.

— Мне от такой мысли немножко не по себе, — ответил Кларк, — не очень-то мне хочется вляпываться в то время, к которому я не принадлежу. Но... — он повернул ко мне свою уродливую морду, похожую на собачью, и одарил меня чем-то вроде улыбки: — Попытка — не пытка, а? Нам нечего терять, кроме своих жизней, верно?

— Так держать, Кларк, — сказал я ему.

— Ох, пощади мои уши и не набивай их банальными истинами.

Кларку потребовалось двенадцать часов, чтобы зигзагами проложить дорогу по солнечной системе, что было совсем не-

плохо по космическим меркам, если учесть, что нам пришлось проехать два миллиарда километров. Собственно говоря, я счел это время замечательным, но Кларк скривился, говоря, что это далеко не рекорд, ведь ему приходилось двигаться медленнее, учитывая, что он выбирал дорогу между большими планетами со значительной массой и сильным гравитационным полем. Я не знаю, о чем таком он говорил, потому что мы ни разу не видели ни одной планеты, даже Юпитера. Даже завалящего астероида не видали. Но я мало знаю о космосе. Мне-то нравится чувствовать под ногами что-нибудь твердое и плотное.

Мы провели время в тяжеловозе, отсыпались, лопали невероятные количества пищи, которыми нас снабдили на заводе, болтали.

— Ты подумал над тем, что застанешь на Земле? — спросил я у Карла.

— Ага, — ответил он с ухмылкой. — Горячие сосиски с хлебом, лос-анджелесские футболисты, машины, которые надо заправлять бензином, киношки, девчонки...

Лори сложила руки на груди и уставилась на него взглядом, который метал молнии.

— А ты о чем-нибудь еще подумал? — спросил я.

Он пожал плечами:

— О чем именно?

Я, ей-богу, не знал, как сказать ему об этом.

— По-моему, это зависит от того, когда мы прибудем.

— Когда? Что-то я не услежу за твоими мыслями...

Я попробовал с другой стороны:

— А как насчет Лори?

— О, насчет этого я все уже решил, — Карл притянул ее к себе и обнял за плечи. — Мы поженимся.

Лори красиво улыбнулась.

— Точно так, — сказала она.

— Довольно сложно это будет выглядеть.

— Это почему же? — нахмурился Карл.

— Ну, не худо бы тебе вспомнить, что время, когда родилась Лори, почти на два столетия впереди. Ей придется приспособливаться к массе вещей.

— Я знаю, — сказала Лори, — только представь себе, что придется волноваться, не испортятся ли у тебя зубы? — она состроила гримаску.

— Ну да, кариес, прочие весьма неприятные хлопоты. Но есть и нечто большее, Карл, — ведь тебе придется каким-то образом создать ей подходящую легенду и добыть документы. Создать ей непримечательное, но убедительное прошлое. Нельзя же тебе всюду появляться с ней и объяснять, что она с другой планеты.

— А почему бы и нет? — он увидел, с каким изумлением я на него смотрю, потом хихикнул. — Да понимаю, конечно. Никто мне никогда не поверит. Меня так высмеют, что из страны придется убираться. Или меня просто запрут в палате и выкинут ключ куда подальше.

— Вот именно. Даже не пробуй. А машина твоя распрекрасная останется здесь.

— Эй!.. погоди-ка! Эта машина подтвердит мой рассказ, причем на сто процентов! Ерунда! Как я сразу об этом не подумал!

— Постой, Карл.

— Пусть попробуют посмеяться над моим рассказом! Я просто выстрелю в них тасманийским дьяволом и посмотрим, как они тогда посмеются! Нет уж, дудки, машину я забираю с собой!

— Карл, это не сработает.

— Это почему же? Нет, Джейк, уговаривать меня бесполезно. Это моя машина, и я забираю ее с собой.

Я с минуту пристально смотрел на него.

— Карл, сколько тебе лет? Ты мне так и не сказал.

— Девятнадцать.

— Вот как? Мне казалось, что ты немного постарше. Ты выглядишь постарше.

— Я привык говорить всем, что мне двадцать один. Но после того года, который я провел, скитаясь по космическим дорогам, я должен выглядеть на все пятьдесят.

— А ты и не рассказывал мне о том, что ты делал в то время, до нашей встречи. Чем ты занимался на Космограде?

— Да ничем особенным. Я останавливался в мотелях. Ел. Ездил по окрестностям. Спал в машине. Пожил у деву... у приятеля пару недель. Потом подумал о том, чтобы наняться на работу, но у меня же не было никаких бумаг. Поэтому просто так шатался себе.

— А милиция тебя не дергала?

— Однажды меня остановили за то, что у меня не было бумаг на машину. Я дал милиционерше пару золотых монет, и она меня отпустила.

Наш неподкупный, чистый, как слеза, личный состав милиции.

— Меня удивляет, что тебя остановили только один раз.

— Так они гонялись за мной постоянно. Но единственное, что получали — это возможность глотать пыль — настолько я их обгонял.

Я кивнул. Я уже хорошо знал эту машину.

— А что ты делал, чтобы иметь деньги?

— Я нашел кучу золотых монет в багажнике. Наверное, Прим засунул их туда.

Я не знал, как сказать ему, что я считаю Прима абсолютно неповинным в этом.

Земля.

Я не видел ее более тридцати лет. Она висела под нами в космосе, похожая на большой детский шарик бело-голубой раскраски, ее континенты проступали слабо-коричневым цветом под оберткой пушистых облаков. День занимался над Филиппинами, а серые извивающиеся щупальца тропического урагана висели над Новой Гвинеей. Раннее утреннее солнце ярко отражалось от Тихого океана, сплошь покрытого веснушками островов.

Мы вошли в атмосферу где-то в районе острова Уэйк. Мы промчались над Гавайями на сумасшедшей скорости, потом резко сбавили ход, следуя по воздушному коридору, проходящему довольно близко от тропика Рака, если я правильно помню географию Земли, которую когда-то учил.

Теперь у нас было довольно точное представление о том, в какой временной отрезок мы попали. Корабль засекал многочисленные искусственные спутники на околоземной орбите, однако их там было не такое изобилие, как в мои дни. Никаких энергопередающих спутников, никаких геосинхронных орбитальных колоний, никакой деятельности на Луне и вокруг нее. Совершенно никакого космического плавания. Мы наверняка находились в середине или конце двадцатого столетия, на заре космической навигации. Я предупредил Кларка, чтобы он не обрушивался на Западное побережье Соединенных Штатов. Я помнил еще выученную в школе историю Земли и знал, что эти времена там были полны всяческой мании преследования. Карл согласился. Кларк сказал, что не уверен относительно того, что его корабль не засекается радаром, потому что в те времена, когда этот корабль строили, никто не беспокоился о такой доисторической технологии, как радары. Существовал шанс, что по всему побережью США уже визжали сирены. Поэтому мы до смерти напугали Мексику, зависнув прямо над полуостровом Байя, и направились на север, следуя береговой линии и летя пониже.

Корабль теперь был совершенно прозрачен. Это было незаурядное зрелище: четверо человек, один совершенно невообразимый инопланетный андроид, фантастический тяжеловоз и современный этому периоду автомобиль мчался по воздуху над рыбацкими поселками и прибрежными городками, блаженно паря в воздухе, словно какие-то персонажи из современной постановки «Питера Пэна».

— Что подумают аборигены? — спросил я Кларка.

— А? Что-то? Лапочка, прозрачность тут работает только с нашей стороны. Я отладил внешние стены так, что они стали

зеркальными. Мы отражаем небо и море, поэтому практически невидимы, только под особенным углом, разве что.

— Сан-Диего!— сказал Карл, показывая на побережье.

Я посмотрел вниз. Множество крыши оранжевой черепицы, несколько высоких зданий, огромная гавань, по завязку набитая кораблями. Я никогда не бывал в Сан-Диего.

— Тут нам лучше свернуть в глубь континента,— сказал Карл.

— У нас появились спутники,— ответил Кларк.

Я не видел их, пока они не вынырнули, словно из самого солнца. Два военного вида воздушных корабля с треугольными крыльями. Они нырнули вниз, прямо на нас, и выровнялись, чтобы оказаться рядом с нами. Один стал приближаться, чтобы нас как следует рассмотреть.

— Господи, на нас напустили авиацию,— сказал обеспокоенно Карл.— Мы же, оказывается, чертово НЛО.

— Ненадолго,— ответил Кларк.

С поразительным увеличением скорости он бросил корабль вперед, и самолеты остались позади так, словно стояли на месте. Море исчезло. Мы пролетали над полупустынной землей, которая вскоре превратилась в настоящую пустыню.

— Притормози!— завопил Карл.— Еще миля—и мы в Аризоне! Развернись и лети обратно!

— Не впадай в истерику, лапочка,— сказал спокойно Кларк.

Мы резко развернулись и полетели на северо-запад, пролетели около ста километров, и под нами стали проплывать густо заселенные городские районы. Мы снова отлетели немного к востоку, уйдя от сети городов, но продолжали свой путь на север.

— Это, должно быть, Сан-Бернардино,— сказал Карл.— Надо немножко уйти в пустыню и там приземлиться.

— Так и поступим.

Мы так и сделали, приземлившись за небольшим гребнем, который шел вдоль какой-то грунтовой дороги.

Карл спросил:

— Джейк, у тебя в тяжеловозе есть отвертка?

— Электрическая только. Ну ладно, посмотрю, может, где и завалылась старая обыкновенная.

Я пошел в трейлер, отыскал отвертку и потом присоединился к остальным, которые приготовились высаживаться. Кларк уже открыл входное отверстие.

— Ну, мы выходим,— сказал Карл, просияв от возбуждения.

— Мы с тобой,— сказал я ему.

— Джейк, тебе нельзя!

— Мы не собираемся тут оставаться. Я просто хочу убедиться в том, что не оставляю тебя тут в затруднительном или не-

разрешимом положении. Мы же не знаем точно, в каком времени мы оказались, Карл.

— Это то время, в котором я жил, точно! Я это знаю! Это мой мир, мой отрезок времени, иначе не может быть!

— Карл, задумайся на минутку. Когда именно тебя похитили? Назови дату!

— Я никогда ее не забуду. Двадцать пятое августа, 1964 год.

Я все еще не знал, как мне осторожно посвятить его в истинное положение вещей. Кларк вошел в шлюз и сделал это за меня.

— Ну вот, я установил точную дату,— сказал он.— Это оказалось страшно легко. Я поймал несколько местных радиопередач. Сегодня вторник, седьмое июля, 1964 год.

Наконец до Карла дошло.

— О, Господи, помилуй!

— Так и есть,— ответил я.

Его глаза раскрылись так, что чуть не вылезли на лоб.

— Да ведь тогда...— он замолк с раскрытым ртом.

— Правильно. Тебе пока нельзя домой, Карл.

Карл закрыл рот и судорожно сглотнул, вид у него стал совсем убитый. Он откинулся назад и присел на капот своей машины.

— Дерьмо собачье!

— Похоже на то, что нам придется как-нибудь убивать время,— сказала Дарла.

— Не верится,— ответил Карл.— Я просто не могу в это поверить. Ты хочешь сказать, что если я приеду в Санта-Моника и постучу в собственную парадную дверь...

— То твой парадоксальный двойник может умереть от разрыва сердца,— ответил я.— Но поскольку такого никогда не случилось, то... или же такое все-таки происходило?

— Мне думается, уж такое я запомнил бы.

— Вот именно. И мне кажется, что тебе не надо этого делать. Нам просто придется подождать.

— Ага, подождать, пока придет Прим и выполнит свою грязную работу. Похитит меня. И похоже на то, что придется нам разрешить ему это сделать.

— Я кое о чем подумал за это время,— сказал я.— Я не уверен, что я во всем прав, но...

— Не хочу тут оставаться,— сказал Карл.

— А куда ты хочешь поехать?

— У меня есть друзья, у которых я мог бы пожить парочку деньков.

Я подумал над его планом и решил, что идея неплоха. Теперь Машина Парадокса раскрутила все свои колесики, бешено вращаясь. Она готовилась развести полные пары. Нам надо было быть крайне осторожными, но что-то делать все равно приходилось.

Кларк сказал:

— Джейк, если ты не возражаешь, мне теперь придется вывести корабль на орбиту.

Он протянул мне овальный предмет, выполненный из такого же убого-серого материала, каким было покрыто все на корабле. Предмет был примерно пять на десять сантиметров и чуть больше сантиметра толщиной.

— Это связанное устройство. Оно всегда в действии и даст мне ваши координаты. Если вы хотите связаться со мной, просто поднимите это устройство к губам и говорите в него, в любую сторону. Я вас услышу. — Он повернулся к Карлу. — Куда, ты сказал, направляешься? Где ты живешь?

— В Санта-Моника. Это прямо на берегу, примерно шестьдесят-семьдесят миль отсюда... э-э-э... то есть, примерно, сто кликов.

— Тебе не придется потом возвращаться сюда, Джейк. Просто дай мне знать, и я заберу вас в любом удобном для вас месте. Я легко найду дорогу по маяку этого устройства.

— Отлично, — сказал я.

Мне кое-что пришло в голову, и я посмотрел на то, как мы были одеты. На Карле и Лори были серые практичные комбинезоны, которые одолжили им Волошины, а на Дарле был серебристый костюм для любых погодных условий, который она надевала на себя, когда мы впервые встретились. Теперь он немного жал ей на животе.

Дарла поймала мой взгляд и посмотрела на себя.

— Так не пойдет, верно? Я переоденусь в старое барахло Джона. Выглядеть будет смешно, но менее броско, чем вот это.

— Черт, а я-то оставил всю свою старую одежду в Изумрудном городе, — сказал Карл.

— А у меня только эта куртка и штаны, — сказал я. — Не то, чтобы в наши дни это было чем-то из ряда вон, но стиль в этот период был несколько другой, и может показаться, что мы уж слишком хотим привлечь внимание.

— Забудь и думать, — сказал Карл. — Это же Калифорния, Южная Калифорния, страна чокнутых. Посмотрели бы вы, в чем только тут люди разгуливают.

Дома. Мы дома.

Постепенно до меня доходило, пока мы ехали на заднем сиденье шевроле, глядя на то, как мимо проплывают пейзажи, что я снова на Земле. Я видел, как выглядят сотни планет, и ни одна не смотрелась точно так же, как эта. Ни одна, невзирая на то, что они все были «земного типа». Большая часть моей жизни прошла в среде чужих планет, и теперь я снова был дома, наконец-то, снова в той среде, которая породила мой род, мое племя. Добрая старая Земля.

К этому ощущению чуда добавлялось еще и то, что я знал, что смотрю на ту Землю, какой она была за почти сто лет до

моего рождения. Мимо нас проехал помятый голубой автомобиль, который плевался сизым дымом. На каком, черт возьми, топливе он ехал? Дрова, что ли, жег? В воздухе был запах, который мне был знаком. Бензин, подумал я. Нет, масло. Я спросил Карла, масло ли это, и он ответил, что да, но сказал мне, что машина пахла горелым маслом потому, что была не совсем исправна. Интересно.

Мы въехали в город. Карл сказал нам, что это Сан-Бернардино. Мы немного покрутились по окрестностям, потом въехали на стоянку возле крупного торгового центра.

— Сей секунд вернусь обратно, — сказал Карл, выходя из машины. С собой он взял отвертку.

Через несколько минут он вернулся, встал перед машиной, присел на корточки и что-то такое там покрутил. Потом покопался точно так же сзади. Потом снова сел в машину.

— Пришлось стибрить парочку номеров, — объяснил он. — Иначе нас наверняка остановят.

Он выехал со стоянки, проехал по запруженному машинами бульвару, повернул направо у знака поворота и выехал на многополосное шоссе для скоростного движения.

Небо было земного, голубого цвета, земля была цвета земли. Деревья смотрелись так, как должны были выглядеть, трава походила на траву. Если вспомнить все те миры, на которых я побывал за последние тридцать лет, то это было странно.

Воздух был... необычный, и он все сильнее раздражал меня по мере того, как мы продвигались в глубь большого бесконечного города.

Дарла потирала глаза.

— Какое-то странное раздражение, — сказала она, шмыгая носом.

— Это смог, — ответил Карл. — Вы к нему привыкнете, ну, так обычно и бывает, если тут немного пожить. Осенью мы перебираемся в Санта-Ану, чтобы избавиться от пустыни. Ветра, знаете. Они сдувают все дерьмо и песок к океану.

— Бедные-бедные рыбки, — сказал я.

— Да нет, ничего страшного, не так уж и противно, как расписывают некоторые люди.

— Карл, воняет тут ужасно, — сказала капризно Лори. — Мне кажется, я к этому никогда не привыкну.

— Вдохни эту пакость в легкие, да поглубже. Тогда он тебе понравится, этот смог. Эх, надо мне остановиться и купить пачку сигарет.

— Карл!

День был солнечный, в яркой дымке, и это привело меня в странно хорошее настроение. Солнце... сколько же инопланетных солнц жгло, грело и облучало мою шкуру? Слишком много.

Пронизанная солнцем метрополия все тянулась и тянулась.

Мне как-то все не верилось, что Лос-Анджелес мог быть таким огромным в середине двадцатого столетия. Километр за бесконечным километром резиденций, офисов, вилл, магазинов, институтов, меблированных комнат, все это в огромной решетке улиц, идущих с севера на юг и с запада на восток. Повсюду автострады. Эти автострады, в особенности скоростные, были чем-то потрясающим. Они заставили даже Космостраду казаться чем-то вроде провинциальной проселочной дороги. Забитые страшным, убийственным количеством автомобилей, они сходились по пять, по шесть сразу на перепутанных перекрестках, связывались узлами друг с другом на пересечениях различных трасс и эстакад. Хотя скорости тут не были такими большими, если сравнивать с Космострадой, но такой огромный объем движения делал весь хаос на дорогах просто невероятно страшным. Я-то, по крайней мере, испугался. А вот Карл — нет. Он словно бы даже обрадовался при виде всего этого кошмара и уверенной рукой прокладывал в этом супе дорогу. Словно давным-давно этим занимался. Он был дома.

— В этой машинке совсем нет привязных ремней — ремней безопасности, — сказал я, глядя на сиденья, покрытые голубым искусственным мехом. Я и раньше знал, что никаких ремней тут нету, но только теперь меня поразило такое пренебрежение опасностью.

— Отличная идея, надо их приобрести, — сказал Карл. — После Детройта Конгресс должен собраться и объявить их обязательными для каждой машины. — Тут он подумал и сказал, словно ему наконец-то явилась нужная мысль: — Когда я проектировал машину, надо было добавить туда ремни.

Я смотрел в окно на ожившую историю. Архитектурные стили для меня были странны и невиданны. Теперь таких домов просто не строят. Все было странно, чуждо, но в то же время как-то очень знакомо.

Мы рванулись вправо, и дорога привела нас к еще одной автостраде. Мы направлялись прямо на запад, к океану.

— Это скоростная автострада Санта-Моника, — сказал нам Карл. — Поедем прямо туда — и я буду дома. — Он рассмехался. — Господи, как здорово быть дома.

Примерно минут через двадцать автострада кончилась. Мы въехали в широкий городской бульвар, потом свернули направо на улицу, по обеим сторонам росли пальмы. Улица шла вдоль пляжа. На песочке лежали и загорали люди, пытавшиеся не упустить даже закатное солнце.

— В первую очередь выволоку свою доску и покатаюсь, — заявил Карл.

— Доску? — переспросила Лори.

— Для серфинга.

— А-а-а...

— Тебе понравится.

— Пляж тут хороший.

Я вытащил переговорное устройство, которое мне дал Кларк, чтобы его испытать. Я внимательно посмотрел на его пористую поверхность. Она была покрыта точно такими же слабо различимыми узорами и каракулями, которые я видел на материале обшивки корабля.

Я прижал устройство ко рту.

— Кларк, ты меня слышишь?

Секундная пауза, затем:

— Да, лапочка, а что?

— Проверка, — ответил я.

— Я прекрасно тебя принимаю, — сказал Кларк, и его голос в устройстве воспроизводился необычайно верно.

— Отлично. Где ты?

— О, на обратной стороне Луны, завис над нею примерно на высоте двухсот километров.

— Неужели? Там что-нибудь интересенькое есть?

— Не-а. Честно говоря, страшно скучно. Мне кажется, я просто залягу в спячку до тех пор, пока вам не понадобится.

— А сколько времени у тебя займет примчаться сюда, если ты нам понадобишься в спешке?

— Ну, если поторопиться, так минут за десять успею.

— Может быть, тебе следовало бы оставаться на околоземной орбите...

— Если хочешь, то пожалуйста. Но меня могут засечь.

Что верно, то верно, согласился с этим я.

— Ладно, тогда оставайся там, где ты есть, и мы с тобой потом свяжемся.

— Ладно, ребята, приятного вам времяпрепровождения.

— Кстати, какие у нас шансы когда-нибудь еще вернуться на Микрокосмос?

— Прекрасные, — ответил Кларк. — Поскольку я знаю, где и в каком времени мы находимся, нам будет довольно легко. Надо просто нацелиться в центр вселенной.

— В центр вселенной?

— Если представить себе ее в четырех измерениях, то Микрокосмос именно там, в самом начале вселенной. Хотя, следовало бы сказать, что он немного сдвинут, примерно на пару миллиардов лет.

— А-а-а, — сказал я.

— Еще что-нибудь надо?

— Да. Если еще какой-нибудь корабль вроде этого войдет в Солнечную систему, твой корабль сможет его засечь?

— Да, но этого не может случиться, — сказал мне Кларк.

— Почему?

— Потому что это единственный в своем роде корабль, больше таких не строили.

— А как насчет возможности встретить собственного пара-

доксального двойника? Ты же сам говорил, что это корабль, который передвигается в пространстве и во времени. Разве это не предполагает, что он в своем роде — машина времени?

— В своем роде... — задумчиво сказал Кларк, — но мне кажется, что тут не так уж много вероятности, что такое может случиться...

Мне тоже так казалось.

Глава шестнадцатая

Я сказал Кларку, что мы будем держать связь, и отключился.

Мы направились на север, проехали по Береговой автостраде несколько километров, потом повернули направо у знака, который гласил «Топаंगा Каньон Бульвар», и поехали по извилистой дороге, которая вела в холмы. Наконец Карл свернул вправо по песчаной дороге, потом въехал на тропинку, которая вела к фанерному домику, покрашенному бежевой краской, возле которого стоял автомобильчик, похожий на жука.

Карл подъехал к домику и выключил мотор.

— Друзья? — спросил я.

— Да. Один приятель. Парень чуть постарше меня. Он писатель.

— А что он пишет?

— Телесценарии, киносценарии — что-то вроде этого. Я знаю, что он написал «Пороховой дым» и, по-моему, сценарий одной из серий большого голливудского фильма. Там была большая длинная серия про римских императоров, что-то в этом роде. Не могу никак вспомнить, как она называлась. Ну, его фамилия все равно в титрах не стояла, так что это не важно. Пара моих приятелей сюда время от времени приезжала, просто отдыхали, валялись, слушали джазовые пластинки.

— Пластинки? — спросила Дарла.

— Э-э-э... записи музыки.

— А, тогда понятно.

— Ну, он, по крайней мере, дома. Он подумает, что я совсем того, когда я ему все расскажу.

Лори беззвучно пошевелила губами, произнося «Пороховой дым».

Мы вышли из машины. Карл поколотил кулаком в дверь. Никто нам не ответил, и Карл стал колотить снова. Изнутри доносились слабые звуки веселенькой музычки.

Карл был готов заколошматить в дверь и в третий раз, когда дверь открыл молодой темноволосый парень в очках с темной оправой, теннисе с короткими рукавами приятного желтого цвета и в темных брюках. На нем были кожаные мокасины,

а в руке он держал резную можжевелевую трубку. Вид у него был приветливый, но нетерпение он скрывал с трудом.

— Карл! — сказал он. — Слушай, я работаю!

Он озадаченно обвел взглядом Дарлу, Лори и меня, потом сказал Карлу:

— Ты что затеял?

— Нам нужна твоя помощь. Мы попали в переплет.

— В переплет? — Он снова посмотрел на меня, изучая мою роскошную куртку шофера тяжеловоза звездных трасс. — Ну? — Он осмотрел Карла с головы до ног. — Вы что, ребята, что-то снимаете?

— Э? — ответил Карл.

— Ну, костюмы на вас чертовски чудные...

— А, долгая история.

Человек кивнул.

— У меня такое ощущение, что мне ее непременно расскажут. Заходите.

Он распахнул дверь, повернулся и зашел внутрь. Мы пошли за ним следом.

Его рабочий кабинет был размещен в гостиной. В ней стояли три письменных стола, заваленных хламом, полдюжины заставленных книгами полок, диван и несколько стульев. Какой-то прибор, в котором я узнал пишущую машинку, стоял на одном из столов среди гор исписанных страниц, кип периодики, прочих причиндалов того же рода. Помимо того, что книги громоздились на полках, они валялись всюду, сложенные стопками на полу, на стульях, на диване — словом, везде. У комнаты явно был вид логова матерого писателя.

— Дейв, — сказал Карл, — это мои друзья. Это вот Джейк...

— Привет, — сказал Дейв, пожимая мне руку. — Я Дейв Фейнманн.

— А это Дарла, — сказал Карл.

— Привет, Дарла, а это?..

— Лори.

— Рад познакомиться, Лори.

Дейв подошел к полочке, на которой, если судить по внешнему виду, располагалось устройство для проигрывания аудиодисков, то есть нечто, мною никогда не виданное. Он повернул ручку, и в комнате раздались приглушенные звуки музыки, похожие на ранний джаз. Он сбросил книги с мебели и жестом пригласил нас сесть, усевшись сам перед пишущей машинкой. Он зажег трубку, потом наклонился над машинкой.

— Я тут как раз обрабатывал эпизод для новой серии из научно-фантастического фильма. Продюсер — мой приятель. Похоже, пробную серию они продали.

— Да? — спросил Карл. — Здорово.

Дейв наконец раскурил трубку. Он бросил на Карла странный взгляд, потом пожал плечами:

— Ну, так ты сказал, что вы попали в переплет. Что такое на сей раз? Неужели менты наконец...— Он замолк и прищурился, глядя на Карла.

— Господи, ты и выглядишь как-то странно. Откуда у тебя эта дурацкая стрижка?

Карл провел рукой по волосам.

— Дурацкая? Ну да, наверное, так оно и есть.

— Она совсем ни к селу ни к городу. Я...— Тут Дейв окинул взглядом всех нас четверых с нарастающим подозрением.— Вы что это, ребята, собрались делать? Вы не из массовой? Не со съемочной площадки, что тут неподалеку?

— Нет, Дейв,— сказал Карл.— Ты не поверишь, но...

В течение следующего получаса Карл рассказывал свою историю, хотя из экономии времени кое-что он оставил за кадром. Я же провел это время, глядя на меняющиеся реакции Дейва. Он начал с обычного веселого скепсиса, который перешел в каменное недоверие, превратившееся потом в потрясенную доверчивость. К тому времени, когда Карл рассказал почти все, что имел рассказать, выражение лица Дейва стало почти что пустым. Он выглядел отупевшим и слегка потрясенным. В самом начале рассказа он несколько раз перебивал Карла, напористо спрашивая: «Это же хохма, да?» Теперь он на этом не настаивал.

Карл кончил рассказывать и откинулся на спинку дивана, выжидательно глядя на Дейва. Дейв молча посасывал свою трубку и глядел в окно. Он довольно долго предавался этому занятию.

Наконец Карл резко воззвал:

— Господи Иисусе, Дейв, ну скажи что-нибудь!

— Я жду, когда войдет комик и скажет что-нибудь смешное,— сказал тихо Дейв.

Карл вздохнул.

— Я знал, что ты нам не поверишь.

— О, я верю.

— Неужели?

— Да,— Дейв скрестил ноги,— есть всего три возможности. Или вы помешались, или я помешался, или вы говорите правду. Есть и еще одна возможность, может быть... но я знаю тебя, Карл, и ты не мог бы сохранять серьезную физиономию так долго, если бы это действительно был розыгрыш. Но я тебе вот что сразу скажу, Карл—если я тебя неправильно понял и ты действительно меня разыгрываешь, если ты притащил этих людей из массовой какого-нибудь фильма и пришел сюда, чтобы посмотреть, сколько времени ты сможешь водить меня за нос, если это действительно розыгрыш—я тебя, Карл, убью. Я достану свой кривой самурайский меч, распотрошу тебя, а потом скормлю тебе твою же печенку—причем без лука.

Карл медленно покачал головой.

— Это не розыгрыш.
Я вытащил связанное устройство и протянул его Дейву.
— Ты когда-нибудь видел такое радио? — спросил я.
Дейв внимательно осмотрел его.
— Радио?
— Ну, может, у вас оно называется уоки-токи. Скажи в него что-нибудь.
Дейв нахмурился.
— Сказать? В него? Ну тут же ничего нет!
— Говори прямо в эту сторону, — сказал я, показывая пальцем.
Дейв закатил глаза к небу, потом поднял ко рту переговорное устройство и произнес:
— Хелло?
— Хелло! — раздался голос Кларка.
Дейв подпрыгнул, уронив устройство.
— Господи Иисусе! Звук такой, словно он в комнате. Это не может быть уоки-токи.
— Да уж, для связанного устройства дальнего действия оно замечательно хорошо принимает.
Дейв показал пальцем:
— И это...?
— Да, это Кларк, — ответил Карл.
— Привет, эй, вы? — раздался озадаченный голос Кларка. — Джейк, ты здесь?
Я поднял устройство.
— Да, Кларк, все в порядке. Прости, пожалуйста, мы просто снова проверяли.
— По-моему, вы можете спать спокойно насчет того, что эта штукавина работает, — сказал сварливо Кларк.
Дейв покусал нижнюю губу, потом спросил:
— Это ведь робот, верно? И он там... на этом летающем блюде?
— Временно-пространственном корабле, — сказал я ему.
— На Луне?
— Кларк, ты все еще на Луне?
— Да, лапочка, на Луне. А это твой новый приятель?
— Да, это Дейв.
— Привет, Дейв!
Дейв смущенно оглянулся вокруг, прежде чем сказать:
— Э-э-э... привет.
— Какой разговорчивый молодой человек, а? — прокомментировал его смущение Кларк.
Дейв был поражен. Вдруг что-то в нем словно оборвалось, и он подскочил на месте.
— Ну, это уж слишком. — Он швырнул трубку в пепельницу и воздел руки к небу беспомощным жестом отчаяния.
— Не могу в это поверить. Мало всего остального, этот ро-

бот еще и хохмач, каких мало. Он на этом гребаном космическом корабле где-то там на нашей долбаной Луне. Господи, и я еще с ним разговариваю, как с соседом по дому!

— Ай-й-й, какие сильные выражения, — жалобно произнес Кларк.

Лицо Дейва неожиданно посерьезнело.

— Простите меня, — тихо сказал он и вышел из комнаты.

Карл выждал секунду, потом поднял коммуникатор.

— Кларк, идиот ты и задница! — прошептал он хрипло. —

Теперь ты его страшно обидел!

— Ох уж мне эти людишки-невротики! Терпи их тут, понимаешь ли! — проворчал Кларк.

Дейв вернулся через пять минут, песья поднос, на котором выстроились высокие бутылки. Лицо у него слегка посерело.

— Не знаю, как вам, ребята, но мне срочно нужно выпить. А пиво — это все, что у меня есть.

Мы все взяли по бутылочке. Дейв уселся, как следует отпил и задумался. Он еще выпил, прежде чем сказать:

— Я только что пережил потрясение. Я вам кое-что о нем скажу через пару минут, но сперва я вам скажу, почему я поверил вашей фантастической истории, только на основании того, что вы мне сказали и я сам видел. Я поверил в нее не потому, что в ней есть хоть одна капля здравого смысла, потому что ничего такого в ней нет. Не потому, что ваш рассказ правдоподобен, так как его не назовешь правдоподобным. Но речь идет о маленьких подробностях. Я писатель. Я замучен своим умением ПОДМЕЧАТЬ вещи — мелочи в особенности. Крохотные блестячки убедительных деталей. Вроде вашего акцента, Джейк.

— Моего акцента? — было очень странно слышать, как кто-то высказывается, что у меня есть акцент...

— Ну да. Вообще-то он американский. Но я не могу назвать, откуда он, из какого региона Америки. А ведь я специалист по региональным диалектам. Я замечательно пишу диалоги, по словам моих продюсеров. Но вашего акцента я никогда не слышал и не могу сказать, откуда он. И твой акцент тоже, Лори. А вот Дарла говорит совершенно иначе, чем вы оба. Если бы мне пришлось называть конкретно, что у вас за акцент, я бы сказал, что он — средне-атлантический. Ни английский, ни американский. Но в вашем говоре есть и следы других акцентов. Меланж какой-то, и мне его никак не раскусить, этот ребус.

— Лучше бы сказать — среднеколониальный акцент, — сказала Дарла.

— Да, наверное, — Дейв глотнул еще пива. — Акценты. Ладно. Теперь костюмы. Эти страшные штуки, которые на вас надеты. Эта одежда никак не могла быть сшита ни в одном месте цивилизованного мира. Я не могу знать наверняка, но стиль... Я хочу сказать, что такого стиля я никогда в жизни не видел.

И ведь они неброские, я хочу сказать, все эти тряпки не шились напоказ, разве что твоя эта куртка, Джейк. Но она потрепана и потаскана. Локти почти протерлись. Эту куртку носили до потери пульса, господи помилуй! Опять же, тут есть две возможности. Или же это списанные вещи из гардероба какой-нибудь киностудии, или это настоящая куртка, которую носил настоящий человек, который родился и жил в совсем другом времени и пространстве.

Дейв осушил бутылку до дна, взял с подноса другую и приложил к ее верху какой-то инструмент. Металлическая крышечка соскочила.

— И ты сам, Карл. Я заметил сразу. В тебе появилось нечто странное, даже если не считать странной стрижки и этого футуристического комбинезона, который на тебе надет. Ты выглядишь совсем другим. Словно ты путешествовал, посерьезнел. Словно ты ВЫРОС. Ты и есть постарше, если верить твоим рассказам. Примерно на год, да?

Карл кивнул.

— Ну вот. Значит, все сходится. Если все завязано на этом уровне, на уровне убедительных деталей. На рациональном уровне вся эта история столь же крепко сшита, как шляпа из лопуха — травинками. Но мне придется в нее поверить. Это устройство для переговоров могло оказаться просто переделанным радио, но даже и в этом случае оно — весьма странный предмет. Я не стал бы принимать ваш рассказ на веру только на этом основании, но... все это, включая маленькие детальки... все одно к одному... я словно бы переселился в другое измерение, громадное, как космос, вне времени, как вечность, ничейная земля между тенью и светом, и так далее.

Дейв медленно выпустил воздух из легких, снял очки и потер левый глаз. Потом он пятерней зачесал назад свои взлохмаченные темные волосы.

— Но есть и еще одна штука. Последний гвоздь в гроб, так сказать. Неопровержимая улика. То, что меня потрясло. Пока я был в кухне, я тебе позвонил, Карл. Я ГОВОРИЛ С ТОБОЙ. Ты был дома, у твоих родителей.

Карл словно обмяк изнутри. Он опустил голову и уставился в пол.

— Ладно, — сказал Дейв. — Что же нам делать? Чем я могу вам помочь?

Снятый Дейвом домик был маленьким, в нем были только две спальни, но он готов был уступить нам их обе и спать на диване. Когда я стал протестовать, он сказал, что все равно он обычно падал и засыпал без сил тут же, после того, как работал до самого рассвета. Кровать была только одна, и Карл и Лори настояли, чтобы на ней спали я и Дарла. Они обошлись слоями

одеял и подушек, положенных на пол во второй спальне. Мы настроились на длительное пребывание в доме. Вообще-то, сказал Дейв, он не переносил гостей, ночующих в доме больше, чем три ночи подряд, но он был готов устроить нас и терпеть наше присутствие столько, сколько понадобится.

— Сколько бы времени ни потребовалось, чтобы разрешить этот пространственно-временной кризис,—сказал он нам,—вы можете оставаться у меня. Неужели я выброшу из дома путешественников из двадцать пятого столетия?

— Двадцать второго,—поправил я его.

— Правильно, это я просто процитировал героя фантастического фильма.

Беда была в том, что наше присутствие, несомненно, нарушило бы его рабочие планы. Он писал, чтобы заработать на жизнь, и ему необходимо было отрабатывать каждый день полную норму времени. Даже по выходным он работал. Из-за этого нам подобало что-то делать по хозяйству днем, что влекло за собой необходимость выходить, а это, по определению, уже требовало обычной, нормальной одежды. Дейв снова вынул из кошелька деньги, достаточные для того, чтобы купить на всех самую необходимую одежду в дешевеньком магазинчике на распродаже. Я сказал Дейву, что могу вернуть ему деньги золотом, но Карл настоял, что он сам вернет одолженное.

Как только мы разрешили проблему одежды, мы стали искать, чем бы занять свободное время. Шляться по местному пляжу было опасно. Там будет двойник Карла.

— Я признаюсь, что был пляжным бездельником,—сказал он,—но я же знаю, на каких пляжах я ошивался. Я никогда не ездил в Малибу. Мне не нравились ребята, которые там шлялись. Типы из Бель-Эйр, со всякими там «корветами», «лотус фордами» и «поршами». Мы можем поехать туда, и мой двойник там сто лет не появится.

Земля... лето... 1964 года...

Это было яркое, цветное, счастливое время, наводнение морского воздуха, солнца и рок-музыки, которая весело гремела жестяными звуками из переносных транзисторов. В моем сознании быстро проносятся образы вместе со звуками и запахами: вонь бензиновых выхлопов и запах лосьона для загара, горячие сосиски, которые шипят на гриле в киоске. Бесконечный пляж устлан полуголыми телами, которые жарятся в неионизирующем свете Солнца, грохот океанского прибоя, который перекачивался на этой планете, колыбели человеческого рода, в течение пяти миллиардов лет. Дарла и я вытянулись на полотенцах возле сверкающего прибоя, а солнышко грело наши спины. Мы дремали, а жизнь кипела потоком вокруг нас.

Мы были затеряны во времени и не очень хотели, чтобы нас нашли.

...Лето, 1964 год. Это было время гремящих репортажей, новостей по радио, по телевидению... Русские, Вьетнам, Лаос, Камбоджа. Год выборов, когда республиканцы выставили кого-то по фамилии Голдуотер, про которого я никогда не слышал, против Джонсона, о котором я мало что читал, но все-таки... (Кстати, не было ли и президента Джонсона в том столетии, только чуть-чуть раньше? Или это вообще было другое столетие?) Это было время, когда мир целиком попал под обаяние четырех молодых людей из Британии со стрижками под паж, которые с энтузиазмом играли на своих электрифицированных инструментах, пусть они и не очень хорошо играли, но они пели песни с ровным ритмом и очаровательно простыми текстами...

У нас была масса времени, чтобы поваляться на солнышке и впитать в себя ощущение этого места и времени, но нам приходилось время от времени и думать. В особенности мне. По ночам мы сидели вокруг Дейва, рассказывая ему со всеми подробностями о наших приключениях во времени и в пространстве, в мирах будущего и в мирах Космострады, включая наши путешествия за пределами земного лабиринта — на Внешних Мирах: Плеск, Высокое Дерево, планеты ногонов. Про гонку на планете-гараже, «дорожных жуков», про чудеса Микрокосмоса и о прочих чудесах.

— Насчет этой странной штуки — Кульминации, — сказал Дейв, сидя вместе с нами в шезлонгах на маленькой веранде у боковой стены дома. — Это просто мозги запутывает. Из того, что вы мне рассказали, следует, что эта организация или как там ее... возникнет примерно через десять миллиардов лет в будущем. И все же вы имеете с ней дело прямо сейчас. На планете, которая существует в самом начале вселенной, то есть десять миллиардов лет назад.

— По крайней мере, планета расположена довольно близко к началу, — сказал я. — В нескольких миллионах лет от Большого Взрыва или что там было, что создало нашу вселенную. Да, нам так именно и объясняли. Кульминация превышает времени. Как только она была создана, она стала вечной.

Я глотнул джина с тоником.

— Этому есть возможное научное объяснение. Если мы будем рассматривать это сугубо в физической плоскости, то Кульминация не что иное, как средство немедленной связи, которое делает возможным передачу информации быстрее, чем скорость света.

— Относительность, — сказал, кивая, Дейв. — Я прочел дюжину книг об этом, написанных для дилетантов. То, как я это понимаю, сводится к постулату, что если ты посылаешь информацию быстрее скорости света — ты как бы посылаешь ее обратно во времени.

— Ну да,— ответил я.— Если бы в будущем существовал мощный передатчик, который был бы способен передавать информацию со скоростью света и выше нее, то он смог бы передавать эту информацию в прошлое, и любой достаточно мощный приемник смог бы поймать эту информацию.

— Мне кажется, я понял,— ответил Дейв,— но что-то столь грандиозное, как Кульминация... я хочу сказать, что невозможно думать об этом как о чем-то вроде усовершенствованного радио.

— Правильно, но это может оказаться единственной удобной возможностью представить себе Кульминацию. Иначе вся идея становится слишком таинственной и неуловимой.

— Мне кажется, что в какой-то точке вся Кульминация просто обязана стать таинственной и мистической. Я думаю, что то, что они создали — оказалось Богом.

— Или каким-то его подобием...

Дейв слегка присвистнул.

— Ошеломляюще. Незаурядно. Нет слов,— он основательно глотнул пива, на минутку задумался, потом сказал:

— Я все-таки не могу сообразить, зачем Кульминация построила Космостраду.

— Из того, что мы смогли сообразить, следует, что она существует главным образом для того, чтобы привести потенциальных кандидатов на Микрокосмос, дабы они могли там пройти подготовку и присоединиться к Кульминации,— сказала Дарла.

— Я понимаю,— сказал Дейв,— но почему им нужны кандидаты? Почему им нужны умы, чтобы присоединить их к Кульминации?

— Это как раз то, чего мы не знаем,— сказал я.— У нас есть кое-какие догадки и соображения, но ничего похожего на ответ мы пока не придумали. И мы не знаем точно, что означает присоединение к Кульминации. Тебя что, засовывают в компьютер? Превращают в чистую энергию? Или что?

— Может быть, просто умираешь,— предположил Дейв.

Я все продумывал и пережевывал ту парадоксальную ситуацию, в которой мы оказались. Я стал обсуждать ее с Кларком.

— Кларк, ты можешь представить причину, по которой Прим стал бы похищать Карла и выпускать его на Космостраде?

— Нет. Вся идея абсолютно бессмысленна. Прим никогда не стал бы делать ничего подобного.

— А почему бы и нет?

— Почему бы и нет? — Кларк издевательски рассмеялся.— А зачем ему, ради всего святого во вселенной и за ее пределами, это понадобилось бы?

— Не знаю. Сам скажи мне, почему.

— Я не могу себе ничего подобного представить. Для меня не может иметь совершенно никакого смысла то, что Прим стал бы преодолевать десять миллиардов световых лет до провинциальной планетки, чтобы похитить человеческое существо — при этом надо честно признать, что не самое умное к тому же, — потом дает ему эту странную машину и отправляет его на Космостраду, чтобы он там как раз причинил кучу неприятностей себе и другим. Ты же считаешь, что Прим — Бог, верно?

— Ну, может быть, полубог.

— Полубог, не полубог... Ладно. Боги — или полубоги, если хочешь, — могут быть непостижимы, но они наверняка не могут быть глупы! Они не вытворяют таких дурацких вещей просто для того, чтобы провести время!

— Тогда кто же похитил Карла?

— Мне кажется, ты и сам знаешь ответ!

Я знал. Однако мне потребовалось черт-те сколько времени, чтобы убедить Карла.

— Карл, давай я объясню тебе еще раз...

Карл накрыл голову пляжным полотенцем, повернулся на живот и зарылся лицом в песок.

— Я сейчас совсем рехнусь... крыша окончательно поедет, — предупредил он меня сдавленным голосом.

— Это звучит безумно, но только так сходятся концы с концами.

— Я сам добровольно сдамся в психушку. Это не может быть реальной действительностью.

— Наверняка нет. Посмотри, твой двойник — то есть ты сам годичной давности — живет сейчас там, в Санта-Моника, живет жизнью типичного подростка своей эпохи. Через несколько недель его похитит летающая тарелка, заберет на сто пятьдесят лет вперед и выпустит одного в странном мире. Это произошло с тобой. Теперь это должно случиться с ним, в тот же самый день в истории, когда это и случилось. Прима тут не будет для того, чтобы это сделать. У нас есть тот самый корабль, единственный в своем роде во всей вселенной. Ты теперь это понимаешь?

Карл повернулся снова на спину и развернул полотенце. Он лег, сморгнул с ресниц песок и закрыл лицо рукой.

Он лежал и слушал, как «Битлз» поют о любви и о том, как тяжело ее потерять.

— Понимаю, — сказал наконец Карл. — Мне кажется, это не имеет смысла, но я все это понимаю. Мне уже как-то привычно стало иметь дело с вещами, которые не имеют смысла.

— Отлично, — сказал я, — потому что это нормальное положение вещей.

— Есть только одна загвоздка.

— А что?

— Я уже долго об этом думал. Если все эти вещи так запутаны, перекручены и загнуты назад, тогда на самом деле Лори — это Дебби.

Я кивнул.

— Действительно, это вроде как не имеет смысла, но...

— Да. Кроме того, так оно получается лучше. Если Дебби — совсем другой человек, тогда мне придется на сей предмет объясниться с Лори.

Я спросил:

— Когда ты наконец сам убедился, что она — та самая девушка, а не другая?

— Да пару дней назад, когда мы пошли с ней в одежный магазинчик. Когда Лори вышла в той розовой блузке с белыми кружевами на манжетах, я ее узнал. На Дебби была именно эта блузка, когда мы в первый раз встретились. Я помню, потому что все дразнил ее: дескать, какой ядовито-розовый цвет. Когда я увидел, как Лори выбрала эту блузку в магазине, меня словно обухом по голове ударили — врос в землю, и все тут. Я знал, что каким-то образом — я и сам еще не понял точно, каким — Лори и Дебби — это одно и то же лицо. Единственная разница — это волосы. У Дебби они были потемнее. Немного темнее, но все-таки, если вспомнить — потемнее. Мне еще кажется, что они у Дебби были и длиннее, но это могут быть просто фокусы моей дурацкой памяти. Ведь уже много времени прошло с тех пор, когда я видел Дебби.

Дарла поплавала и вернулась к нам, ее кожа влажно блестела в солнечном свете. Она купила цельный купальник для беременных с маленькой юбочкой и жаловалась, что выглядела в нем нелепо. На самом деле она выглядела прекрасно.

Я спросил Карла:

— Где ты познакомился с Дебби?

— Понимаешь, тут еще одна странность. Она прямо подошла ко мне на...

Карл резко поднялся и сел, а на лице его появилось выражение озарения. Он был потрясен.

Я кивнул и с сочувствием сказал:

— Да, Карл, будет все очень непросто.

Я пытался изо всех сил выглядеть папашей.

Лори и я попали в Лос-Анджелес по Сансет Бульвар, из-за чего пришлось проехать через Брентвуд, Вествуд, Беверли Хиллз и Вест Голливуд. Поездка была весьма приятная, движение — довольно умеренным, и я дошел до той точки, где мне было даже приятно пользоваться фольксвагеном Дейва. Это была прелестная, маленькая и экономичная машинка. Я знаю, что горячее она тратила умеренно, потому что управлял ее

сам, прежде чем мы ехали. Бензин в те времена был до смешного дешев. Я не видел еще, чтобы дешевая цена так и держалась на том же уровне, но именно так все и происходило.

— Ладно,— сказал я,—я собираюсь выпустить тебя примерно на Вайн стрит. Ты помнишь адрес в Калвер-Сити?

— Ага,— ответила Лори. Она явно нервничала и была немного испугана.

— Сестра Дейва ждет тебя в десять.

— Десять, правильно. Но я не знаю, где находится Калвер-Сити.

— Если все пройдет без сучка—без задоринки, Карл—Карл второй, двойник,—сам тебя туда проводит. Он знает, где Калвер-Сити.

Мы спросили Дейва, нет ли у него кого-нибудь, кто мог бы поселить у себя Лори на несколько дней. Не могли же мы допустить, чтобы Карл второй привел бы ее к Дейву. Карл первый сказал, что Дебби жила в Калвер-Сити, и, как оказалось, у Дейва была сестра, которая жила именно там. Дейв позвонил ей с придуманным рассказом насчет общественной работы своего приятеля, который держал приют для сбежавших подростков, и насчет девочки, которой негде было приютиться, потому что в приюте не было места. Дебби Смит—милая девчушка, просто ей нужно немного внимания. Дейв поговорил с сестрой, и та сказала, что все просто замечательно—присылайте малышку.

Лори озабоченно покусывала губу.

— В чем дело?—спросил я.

— А что, если?..—она передернулась.—Ох, Джейк, все совсем сумасшедшее и запутанное... Что, если Карл меня не подберет? Что произойдет тогда?

— Хороший вопрос,—сказал я.—Я был бы последним идиотом, если бы ответил, что знаю, что произойдет в таком случае. Я не знаю, что происходит, если напортачить с парадоксом. Но мне кажется, что у тебя никаких хлопот не будет. Эти твои джинсы смотрятся так, словно их на тебе просто нарисовали.

— Они просто сели в этой дурацкой сушилке Дейва.

— Я скажу—что Бог ни делает—все к лучшему. Просто прохаживайся с полным пониманием своей привлекательности.

Она нахмурилась и провела рукой по волосам.

— Мне кажется, что брюнеткой я совсем некрасива. Какой же противный цвет оказался в конце концов у этой краски...

— Дарла старалась, как могла. Ладно, какая это улица?

— Бонита.

Я повернул вправо, проехал два квартала, повернул налево на Бульвар Голливуд. Я поездил еще немного, ища то, что нам было нужно, потом подъехал к тротуару.

— Вот то, что надо,—сказала Лори.

Я оглянулся по сторонам.

— Я его пока не вижу, но Карл говорил, что это одна из его охотничьих территорий.

Кругом было полно молодежи, они катались на машинах; покрикивали друг на друга, переговаривались, лениво стояли на углах улиц и вообще впустую тратили свою общую юность.

Лори вышла, закрыла дверь, потом сунула голову в окно, а глаза ее были полны тревоги.

— Джейк, а что, если Дебби существует на самом деле?

Я улыбнулся:

— Не загуливайся допоздна, Дебби.

Ее лицо немного просветлело, и она слабо улыбнулась.

— Пожелай мне удачи, — сказала она.

Я смотрел, как она уходила. Эти ее джинсы и впрямь облегали ее как вторая кожа. У Карла второго не было никаких шансов на спасение.

Глава семнадцатая

Это было чудесное лето с подспудным ощущением напряжения и тревожного ожидания.

Парадокс, казалось, работал по расписанию. «Дебби» встречалась с «Карлом» примерно три раза в неделю. Они катались на машине, шлялись по местным бульварам, встречались с друзьями, иногда заезжали в кинотеатры для автомобилистов, а потом поглощали гамбургеры и сопутствующие сладости в заведениях, предлагавших таковой ассортимент. Через день они отправлялись на пляж, где Дебби изучала основы серфинга, бросания «летающей тарелочки» и усиливала естественную окраску своей кожи путем постоянного подвергания ее действию ультрафиолетовых лучей. Все эти поступки и такое времяпрепровождение были типичны, как нам сказали, для молодых людей этой эпохи и этого региона планеты. «Дебби», однако, никак не могла полюбить серфинг.

— Вечно меня перекручивает, — жаловалась она, хотя мы и не очень понимали, что она имеет в виду.

В то же самое время Карл — наш Карл — скрежетал зубами. Его особенно расстраивали те самые кинотеатры для автомобилистов. Он только один раз высказался по этому поводу, и никогда не спрашивал Лори, чем они там занимаются, когда посещают эти «притоны страсти», как он обозвал кинотеатры.

— Я чертовски хорошо знаю, что они там делают, — сказал он мне. — Потому что я тоже этим занимался, да!

Но он стоически выносил все это. В конце концов, все обстояло не так, как если бы Лори гуляла с другим парнем. Это было, как если бы... в конце концов, в языке не хватало слов, чтобы описать, какова же именно представлялась ситуация.

Поэтому нас очень успокаивало, что Лори проводила массу времени в доме сестры Дейва. Шелли и ее муж очень полюбили «Дебби», и их не пугала перспектива того, что она может остаться в их доме навеки.

— Шелли не может выгнать даже приبلудного котенка,— объяснил Дейв,— она этим Боба до ручки довела: у них уже с полдюжины кошек.

Правда, у этой пары пока не было детей.

Дейв отвез Лори в Федеральное бюро в Лос-Анджелесе, чтобы выправить ей страховку, которую она получила, так же, как и карточку социальной защиты, представив фальшивое свидетельство о рождении, купленное Дейвом где-то, словно по волшебству.

— И стоило-то фактически копейки,— рассказывал потом Дейв.— Поразительные возможности совершить преступление, если только подумать.

Что же Дебби главным образом делала у Боба и Шелли?

— Смотрела телевизор, читала киножурнальчики. Ела и ела. Даже пять фунтов прибавила. А мне телик нравится!

И рок-музыка ей тоже нравилась. Она обожала «Роллинг Стоунз».

В ситуации, когда два варианта одного и того же человеческого существа носятся поблизости друг от друга, есть свои естественные опасности. Дейв волновался, что настоящий Карл может заскочить к нему без предупреждения, как это было ему свойственно. Мы предупредили эту возможность, когда Дейв позвонил Карлу и сказал ему, что на месяц-два уедет в горы — писать сценарий к приключенческому фильму на народной основе. Все-таки, вероятность, что два Карла столкнутся нос к носу, все еще оставалась. Но общее единодушное мнение сложилось на том, что, если Карл не помнит, чтобы он встречал своего двойника, этого никогда и не случалось. Следовательно, этого и не может случиться. Мы могли бы заново записать все учебники по логике тем летом, если бы очень захотели.

Что-то еще очень беспокоило Карла. Я попытался аккуратно прошупать его на эту тему, но мне мало что удалось. Вероятно, то, что ему приходилось еще раз пережить то самое понижение, к тому же — о ирония судьбы! — он сам должен был принять в этом участие. Это все страшно действовало ему на нервы. Я ничего не мог сделать, кроме того, что уверить его, что все идет строго по плану.

А я сам про себя спрашивал: по чьему плану?

Лето тянулось и тянулось, и кризис приближался. Машина Парадокса щелкала и звенела, жужжала, выстреливая голубыми искрами, а ее сверкающие острозубые шестеренки разогнались на полную скорость.

Мы вызвали Кларка.

Это был душистый калифорнийский вечер. Мы стояли в нише, у задней стены дома Дейва, глядя на небо. Звездочек было немного. Только самые большие и яркие могли пробиться своим светом сквозь ту сияющую дымку, которую электрические огни Лос-Анджелеса отражали обратно в небо.

— У меня мурашки по коже, — сказал Дейв, светя в небо лучом фонарика. — Это как сцена из фильма «День, когда остановилась Земля».

— Из кино? — спросил я.

— Да. И если Кларк похож на страшного Горта, то я собираюсь наложить в штаны столько, что хватит на удобрения всей Калифорнии.

— Не могу сказать наверняка, но, по-моему, Кларк не похож ни на что на свете, по крайней мере, ни на что, что мне доводилось видеть.

— Вон там? — прошептала Дарла, показывая на отдаленный силуэт в полутьме.

Мы услышали низкое гудение, а с ним вместе какой-то рубящий звук.

— Вертолет, — сказал Дейв. — Видите огонек? — Дейв нетерпеливо топнул ногой. — Черт, сколько же там всякого добра сегодня летает.

— Наверное, так даже лучше, — сказал я, жалея, что у меня нет коммуникативного устройства. Оно было у Лори. Она где-то гуляла с Карлом вторым. Кларк сказал, что он уже обнаружил дом Дейва и сможет приземлиться, если только мы будем там стоять и чем-нибудь посигналим. Карл первый был в доме, покусывая ногти и барабанив пальцами по стеклу. Повторит ли Карл второй историю и поедет ли на Мульхолланд Драйв, чтобы встретить там свою судьбу?

Только время покажет, а время пока еще не могло ничего показать.

Дарла ахнула, и я посмотрел наверх.

Корабль был уже здесь, он завис над обрывом, его темное овальное тело было там и сям усеяно красными и голубыми огнями. Я улыбнулся. Кларк очень хорошо замаскировался. Огоньки были расположены так, чтобы повторить контуры обычного самолета. Мне стало интересно, засекли ли его радары. Беззвучно, словно какой-то дирижабль величиной с кита, корабль приземлился поближе к нам, и его громада заполнила обрыв. Главный вход расширился, и мы вошли.

— Гос-с-споди! И это твой тяжеловоз? — спросил потрясенный Дейв.

— Ну да.

— Это же чудовище! Ты говоришь, он на атомной энергии работает?

— Ядерное расщепление, да. Хочешь залезть внутрь?

— Гос-с-споди!

Он залез в кабину, а мы за ним. Я провел его по всему тяжеловозу, Дейв сперва ахал и охал от изумления, потом впал в молчаливое изумление.

— В чем дело? — спросил я.

Он снял руки с рычагов управления.

— Знаешь, до сей поры во мне жила крохотная искорка сомнения, что, дескать, могло быть и так, что я стал жертвой какой-нибудь групповой галлюцинации, вроде тех помешанных на летающих блюдцах, которые толпой разбивают лагерь в пустыне и ждут, пока инопланетяне не спустятся к ним, чтобы спасти мир. — Он ударил ладонью по панели управления. — Но вот тебе, пожалуйста, все это в с ума сводящей реальности. Знаешь, бывали минуты, когда я думал...

Он не смог найти слов и устался на экран обзора.

— Господи! — сказал он замогильным голосом.

Я обернулся. К нам шел Кларк.

— Привет, мой свет! — помахал ему ручкой Кларк.

Мы выбрались из-за руля, и я представил Дейва нашему лже-андроидному слуге.

— Ты выслеживаешь Лори? — спросил я.

— Конечно же, — ответил Кларк.

— Где они?

Он слабо махнул рукой куда-то вбок.

— Да где-то там. Совсем не рядом с зоной захвата, как вы мне ее показали. Вы же сами сказали, что она неподалеку.

— Ну, тогда немного времени у нас есть, — сказал я и затем оглянулся.

— Карлу бы надо быть здесь. Дарла, ты бы за ним сбегала?

— Конечно.

Я заметил, что Дейв все еще таращился на Кларка, который отвечал ему высокомерным взглядом. Неожиданно сообразив, что он невежливо таращится, Дейв покраснел и отвел глаза.

— Дейв нам очень помог, — сказал я Кларку. — Не надо его обижать.

— Ах, простите, — шмыгнул носом Кларк.

— Я сам виноват, — сказал Дейв. — Я таращился совершенно неприлично. Я никогда не видел персону семи футов росту, розовато-фиолетового цвета.

— И еще желтого, — сказал Кларк, показывая на соответствующий участок своей пластиковой шкуры.

— Ну да. Простите.

— Все в порядке. Знаешь, Дейв, я не такой странный, как выгляжу.

— Так оно и есть, — подтвердил я. — Он гораздо страннее.

— Только и получаю в жизни, что оскорбления, — пожаловался Кларк. — Вот вам доля слуги. Как-нибудь я осме-

люсь вести себя дерзко, неподобающе моему скромному положению в жизни, и скажу вам, какими странными мне кажутся люди.

— Я знаю, что мы странные, Кларк,— сказал я.— Не забывай. Ты можешь выглядеть совершенно иначе, чем мы, но в душе ты тоже человек.

— Не смей напоминать мне об этом.

Кларк повел Дейва на экскурсию по кораблю.

— Он такой пустой,— смущенно заметил Дейв.— Тут почти ничего нет.

— О, здесь полным-полно вспомогательного оборудования,— ответил Кларк,— оно все встроенное.

Он подошел к обшивке и провел указательным пальцем по поверхности, нарисовав простой овал. Неожиданно его рисунок пальцем словно материализовался, и овальный кусок обшивки откинулся вперед. Кларк отделил его от стены и взял в обе руки.

— Вот это, например, оружие. Тут есть масса вещей, которые спрятаны в стенах, все, от научных приборов до...

Дарла ворвалась в корабль, задыхаясь от быстрого бега.

— Карл исчез,— сказала она шепотом.— Забрал шевроле.

— Что?— завопил я.— Куда его понесло?

— Он словно бредил, говорил, что хватит с него этого сумасшествия, что он просто заберет Лори и куда-нибудь с ней подастся, чтобы мы на все это наплевали. Я пыталась его остановить, но он уже выезжал из тупика.

— Замечательно,— сказал я.— Кларк, у тебя есть еще какое-нибудь переговорное устройство?

Кларк подошел к противоположной стене и сделал тот же фокус, вытащив из стены маленький овал. Он протянул его мне.

Я сказал:

— Есть ли какой-нибудь способ проследить, где находится шевроле Карла?

— А ты знаешь, какой у него тип двигателя?

— Разумеется, нет. Черт, я его и так не смогу поймать. Но вообще-то есть неплохой шанс, что он обязательно найдет Лори. Поэтому просто веди нас к Лори.

— Мне поднять корабль в воздух? Я уже настроил как следует внешнюю поверхность. Она теперь непроницаема для радаров и не улавливается ими. А если еще учесть камуфляж, то я буду практически незаметен...

— Для летающего блюда... Ладно, просто будь наготове вмешаться. Дейв, я возьму фольксваген и поеду за ним следом, если ты не возражаешь.

— Ладно,— нервно кивнул головой Дейв.— Я останусь тут, в этом фантастическом измерении...

— Что? А, ну ладно...

Душистая, субтропическая калифорнийская ночь, набитая машинами и людьми. Мы мчались на север по автостраде Сан-Диего. К этому времени я наловчился влиять и перестраиваться между рядами машин не хуже местных аборигенов.

— Хорошо бы у Кларка нашелся какой-нибудь способ связаться с Лори,—сказал я.

— Но ей самой же станет не по себе, если голос Кларка неожиданно раздастся из ее сумочки,—заметила Дарла.

— Верно. Как ты говорила, куда, по словам Лори, они направляются?

— Куда-то в Сан-Фернандо Вэлли, посмотреть на авторалли.

— На что, на что?

— Авторалли, да? — Дарла беспомощно развела руками.

— А ты представляешь себе, что это такое?..

— Это нечто, связанное с автомобилями, но кроме этого...

— В этой культуре,—сказал я,—можно ли найти что-нибудь, не связанное с автомобилями?

Движение становилось все интенсивнее по мере того, как мы въезжали в долину. К этому времени я уже привык к бесконечному потоку машин. Автомобили больше не казались мне безнадежно древними. Мне даже нравились их украшения и загогулилки в стиле рококо, их бессмысленные причуды: сзади у некоторых словно были приделаны на багажниках рыбы хвосты, задранные вверх, массивные и совершенно бесполезные хромированные бамперы, кричащие статуэтки, приделанные на капотах, шины в черно-белую полосочку, раскраски типа «вырви глаз», отполированные крылья, радиоантенны с бантиками, слепящие габаритные огни, прочие финтифлюшки.

— Кларк? — окликнула Дарла в связующее устройство. — Ты их ищешь?

— Они не двинулись до сих пор. Вы теперь примерно в пяти километрах к западу от того места, где они находятся.

Я сразу же нашел поворот на восток и поехал по Роско Бульвару, а потом несколько раз поворачивал вправо и влево по указаниям Кларка, когда он старательно наводил нас по сигналу, который испускало то устройство, что находилось в сумочке у Лори. Мы проехали мимо огромной стоянки возле ярко освещенной арены под открытым небом.

— Может быть, это то, что мы ищем,—сказала Дарла.

От противоположной стороны стадиона до нас донеслись звуки ревуших моторов. Я резко развернулся на сто восемьдесят градусов и рванул обратно. Неоновая надпись у въезда на стоянку гласила: **АВТОДРОМ ВЭЛЛИ**.

— Как раз там, где надо,—сказал Кларк.

Стоянка стоила пятьдесят центов. Мы вышли из машины, я закрыл фольксваген на замок, мы помчались рысью по бетонной дорожке ко входу, странному сооружению из металлических сваренных труб, которое было перегорожено турниками с кассой-будочкой сбоку. Когда мы подбежали поближе к кассе, Дарла показала мне пальцем на ближайший ряд машин. Я взглянул, куда она указывала, и заметил шевроле Карла.

— Которая из них? — спросила Дарла. — Машина двойника?

— Никак не разобрать. Давай-ка осмотримся вокруг. Если мы найдем еще одну такую же, это будет означать, что наш Карл тоже здесь.

Мы обыскали все ближние места для парковки, но ничего похожего не нашли. Если бы мы попытались осмотреть всю стоянку, это заняло бы у нас больше часа.

— Он мог оставить машину на улице, — сказал я. — Давай войдем внутрь.

Барышня в кассе сказала нам, что гонки почти подошли к концу, что осталось всего несколько заездов, но все равно продала нам два билета. Мы протолкались сквозь турникет и прошли через площадку, уставленную киосками, где пропитанные жиром бумажки от сосисок устилали пол, и оказались в проходе между двумя трибунами. Мы взошли по ступенькам и вышли между рядами сидений.

Трибуна была в форме полумесяца. Ту же форму имела и арена. Длинная прямая полоса асфальта начиналась в середине полумесяца и заканчивалась примерно в километре от этого места на ровном газоне с коротко подстриженной травой. Два весьма странных автомобиля, которые представляли собой не что иное, как одну раму с установленными на ней моторами огромной величины, встали наготове на старте. Они ревели, как динозавры, и стреляли голубым дымом. Расположение и цвет сигналов на высоком столбе изменилось, и две машины рванули со старта, как демоны, которых выпустили из ада, сея за собой огонь и дым. Они мигом доехали до конца дорожки, и сзади у них расцвели колоритные парашюты. Шум был невероятный. Пелена серого дыма стояла над дорожкой, а воздух был весь пропитан запахом выхлопов и горелой резины. Громкоговоритель сделал какое-то объявление, и толпа заревела.

— Что все это значит? — прокричала Дарла, пытаюсь перекрыть шум еще двух монстров, которые вышли на старт.

— Выставка экзотической автомобильной технологии, — сказал я, — или какой-то цирк. А может, и то, и другое.

— Что мы будем делать, если нарвемся на Лори?

— Ничего, — сказал я. — Мы подмигнем ей и станем себя вести, как будто ее не знаем. Но мы будем держаться поближе, и если наш Карл объявится, мы попробуем его перехватить. И не спрашивай меня, что будет, если Карлу второму попаде-

тся на глаза Карл первый. Я играю эту пьесу на слух, а слух у меня — никакой...

— Ладно.

Мы добрались до последнего ряда и прошли по проходу, глядя вниз на головы зрителей. Кроме дыма и выхлопных газов в нос мне ударяли духи женщин, табак и кулинарный жир. Для вторничного вечера — весьма неплохая толпа. Полным-полно было молодых парочек, некоторые из них я с первого взгляда пару раз принял за Карла и Лори. В эту эпоху и в этих местах молодые люди стремились одинаково одеваться. Может быть, это так и осталось на все времена, независимо от места рождения и жительства. Трибуна была огромна, и зрители редели к ее дальнему концу. Лори не было видно. Мы снова повернули обратно, спустились вниз и прошли у подножия трибуны, глядя вверх в надежде отыскать три знакомых лица, два из которых будут совершенно одинаковы.

Мы никого не увидели.

— Где они могут быть? — нервничала Дарла.

— Не знаю. Это огромное место. Может быть, мы просто их пропустили в толпе. Давай вернемся к киоскам.

Киоск с сосисками закрывался на ночь, и люди покидали стадион все больше и больше, выходя через ворота в дальнем конце площадки с киосками. Я послал Дарлу проверить дамский туалет, пока сам заглянул в мужской. Люди там были, но ни нашего Карла, ни двойника я там не обнаружил. Дарла сказала, что ей тоже не повезло. Я велел ей встать возле выхода, а сам направился обыскать трибуну еще раз.

Голос по громкоговорителю объявил последний заезд, в котором должны были участвовать автомобили, которые выглядели чуть больше консервативно, чем предыдущие. Я прошел по срединному проходу, осматривая трибуны направо и налево.

— Джейк? — раздался тихий голос у меня в кармане.

— Кларк? — ответил я. Мужчина в зеленой футболке повернул ко мне голову с любопытством, пытаясь угадать, откуда раздался голос. — Погоди минутку, — сказал я.

Я быстро поднялся в последние ряды, нашел несколько свободных сидений и уселся. Потом вытащил коммуникативное устройство.

— Валяй, — сказал я в него.

— Я веду второй луч. Он вышел из того региона, в котором находитесь вы.

Я поразился тому, что мы их упустили.

— Ладно. Мы поехали.

Устремившись к выходу почти бегом, я заметил Карла. Это был наш Карл — я узнал его одежду. Он прочно застрял в потоке людей, которые направлялись к лестнице, ведущей на площадку с киосками. В тот момент, когда я почти поравнялся

с ним, он повернулся и увидел меня, потом стал пробираться сквозь толпу, стараясь поскорее спуститься. Я последовал за ним, оставляя за собой толпу растолканных, сердитых молодых людей.

У ворот выхода Карл увидел Дарлу и замедлил шаги. Я догнал его. Дарла подбежала поближе.

— Они ушли, Карл,— сказал я ему.

— Я знаю,— ответил он, не останавливаясь.

— Ты их видел?

— Нет, их не было на трибунах.

— Тогда где же они?

— Я наконец вспомнил. Я почти не помню тот вечер, все, как в тумане. Мы поехали на гонки, но на трибунах не сидели. Я увидел, что в гонках принимает участие мой приятель, и мы спустились пониже, почти к самой дорожке. Я все-таки еще не все вспомнил, но мы, наверное, вышли через служебный вход и направились обратно к стоянке.

— Тогда поехали, Карл,— сказал я.

— Я просто должен сегодня вечером там быть,— сказал он яростно.

— Карл, так нельзя,— ответил я.— Послушай. Тут действуют силы, над которыми мы совершенно не властны. Я не знаю, что случится, если ты вмешаешься и предотвратишь похищение. Никто этого не знает, но можно смело биться об заклад, что вселенная после этого будет уже не той, какая она была. Ты можешь совершенно выбить ее из колеи.

Мы прошли через ворота и вышли на стоянку.

— Я знаю,— ответил Карл.— И все-таки я должен быть там.

— Карл, да что такое с тобой происходит? Что-то тебя терзает, что-то, о чем ты еще нам не рассказал.

— Той ночью, той ночью, когда все случилось,— сказал Карл,— сегодня, то есть. Это насчет Дебби. То, как она себя вела... то, как я себя вел.

— Ты что, волнуешься, что она пострадает?— спросил я.— Мы же многократно на эту тему разговаривали. Кларк сказал нам, что когда твой двойник вытолкнет Дебби-Лори из машины, то она будет плавно парить над землей. Она не упадет. Она все еще будет находиться в гравитационном луче, в котором оказалась машина. После того, как Кларк поставит машину в малый грузовой отсек, он спустит Лори на землю. Тогда мы ее подберем.

— Вот в том-то все и дело,— сказал Карл.— Теперь я вспомнил. Я не вытаскивал Дебби из машины. Вот как раз тут меня подвела память, причем очень здорово. Я не пытался вытолкнуть ее из машины. Я как раз пытался удержать ее от то-

го, чтобы она выпрыгнула. Но тут было что-то еще...— он остановился и огляделся по сторонам.— Господи...

— Что случилось?

— Машина. Пропала.

Мы стояли примерно там, где Дарла и я видели машину раньше.

— Ты тут поставил и свой автомобиль?

— Ну да. Он припарковал машину на противоположной стороне, но, когда пошел обратно, оттуда, с трибун, увидел супершевроле и решил, что ему померещилось, и на самом деле он поставил машину тут. У меня все время так получается— забываю, где поставил машину. Теперь супермашина у него.— Он вздохнул, держа в руке комплект ключей.— Это тот самый ключ, конечно, он подходит к обоим машинам. А он не отличит одну от другой. Я же сделал супершевроле точно таким же, как и оригинал.

Я не знал, так ли это, но был уверен в том, что Карл сделал машину в точности такой, какой была первая машина, та, которую у него угнал на Космостраде. Сходство было абсолютным, даже с зеркальца заднего обзора свешивались две плюшевые игральные кости.

— А как это у тебя получилось?

— Да я же свою машину сам перебрал до последнего винтика, сам делал кое-какие приспособления и знаю ее как свои пять пальцев,— ответил он.— Я провел два года, совершенствуя ее как следует. Я эту штуковину купил, когда мне было пятнадцать лет, еще до того, как мне по закону можно было водить машину. Я знаю в этой машине каждый дюйм.

Я кивнул.

— Ладно, это решает проблему того, как заменить ваши машины. У твоего двойника уже есть супермашина.

— Угу. Но есть еще кое-что, что я должен сделать.

Карл повернулся, и я перехватил его за руку.

— Карл, не смей. Ты едешь с нами.

— Прости, Джейк, но...

Он неуклюже и сильно замахнулся на меня левой рукой. Я поднял руку, чтобы защититься, но это оказался ложный выпад, а моя реакция была слишком замедленной, чтобы вовремя заблокировать его ловкий правый хук. Удар пришелся настолько точно, что у меня на миг помутилось в голове. Дарла бросилась мне на выручку, но Карл уже помчался прочь. Дарла побежала за ним, но не могла догнать. Он пропал в потоке людей, которые выходили со стадиона.

Дарла прибежала обратно.

— С тобой все в порядке?

— Старую я, старую,— ответил я.— Он мне влепил как следует.

— Что, будем догонять?

Я потер челюсть и покачал головой.

— Невозможно решить. Может оказаться, что мы сами все испортим, если будем стараться удержать его от того, чтобы испортить ход событий. Я уже постепенно начинаю приходить к выводу, что ничего из того, что мы пытаемся делать или не делать, не может предотвратить судьбу. Это начинает походить на греческую драму.

— Всю жизнь ненавидела греческую драму,— ответила Дарла.

— И я тоже. А все из-за проклятого хора, который перебивает не вовремя и твякает невпопад.

Мы отыскивали фольксваген и влезли внутрь. Но поехать нам не удалось. Все выезды были забиты машинами, и нам пришлось ждать своей очереди. Нас это задержало на добрые пятнадцать минут, и мы пытались поймать взглядом вторую шевроле. Карл или успел выехать до образования пробок, или ему пришлось ждать у другого выезда.

Наконец мы выбрались оттуда. Когда мы снова оказались на Роско Бульваре, я связался с Кларком.

— Теперь Лори едет примерно к югу,— сообщил мне Кларк.— Однако она на дороге, которая идет параллельно большой скоростной автостраде, ведущей к югу.

Дарла пролистала карту Лос-Анджелеса.

— Сепульведа,— подтвердила она,— она пересекает Мультхолланд примерно в миле к югу от Шерман Оукс.

Я свернул влево на пересечении Сепульведы и Роско, направился на юг. Мы проехали под Автострадой Вентура и въехали на Вентура Бульвар, продолжая ехать прямо. Сепульведа сузилась до двух рядов движения, прокладывая путь в горы Санта-Моники. В каньонах по обеим сторонам дороги светились огоньки в домах.

Дарла включила свет в кабине и посмотрела на нечто вроде наручных часов, которые она купила.

— Одиннадцать тридцать,— сказала она и выключила свет.

У нас не было никакого расписания. Карл сказал, что не помнит точно, когда его похитили. Он думал, что это приблизительно произошло где-то около полуночи.

В зеркале заднего обзора показались две фары. Карл миновал нас на скорости примерно семьдесят миль в час. Да, оригинал шевроле тоже был вполне приличной машинкой. Я прижал педаль газа к полу, и фольксваген Дейва выдал из себя все, на что он был способен, хотя это было поразительно немного. Мы пыхтели в хвосте у Карла, пока его задние огни не исчезли за поворотом.

— Вот черт,— сказал я,— вот и пожалуйста — на наших глазах швырнули железяку в шестеренки сложнейшей машины.— Я протянул коммуникативное устройство Дарле.— Свяжись-ка с Кларком.

— Сворачивайте на запад от вашего теперешнего направления движения, — приказал нам Кларк.

По крайней мере, это все шло согласно плану. Карл сказал нам, что похищение произошло где-то неподалеку от горы Сен-Висенте, вершина которой возвышалась над Мульхолландом к западу от Сепульведы.

Я проехал поворот перед туннелем, и мне пришлось поворачивать обратно. Мы оказались на проселочной грунтовой дороге, где было полно гальки — Мульхолланд Драйв. Она привела нас на поразительно пустынное место, невозможно было представить, что тут же, под горой, был один из самых крупных и оживленных городов в мире. Нельзя было сказать, что место было совершенно заброшенным, но возникало ощущение, что ты был далеко-далеко от всего на свете.

Вдоль дороги тянулись кустики, и время от времени попадались дикие груши, дубки и можжевельник. Мы ехали и ехали несколько километров, но никого не видели.

— Джейк? Дарла?

— Да, Кларк, — ответила Дарла.

— Источник сигнала остановился в точке точно к западу от вас. Мы почти на месте, правда, повыше.

Я притормозил, но все же ничего не видел в темноте. Я стал съезжать вниз бочком, очень осторожно, пытаюсь глазами найти хоть что-нибудь на обочине дороги.

— Кларк, ты где? — спросила Дарла.

Небольшая пауза, потом ответ:

— Прямо над вами. Я включил фальшивые самолетные огни.

— Мы не видим машину, — ответила ему Дарла.

— Она припаркована примерно в пятидесяти метрах от дороги. Прямо перед вами.

Я увидел прогалину в кустах — узкую боковую дорожку. Я остановился.

Дарла сказала:

— Кларк, есть ли еще в этой округе другие машины?

— Никаких не вижу и не могу засечь.

— Давай убедимся, что никого, кроме Карла, тут нет, — сказал я, снова трогаясь с места и сворачивая на боковую дорогу, которая была только немногим шире тропинки для осликов и вела вокруг основания холма. Мы проехали под большим развесистым деревом и выехали в долину.

В свете собственных фар я увидел ярко-красный лак машины и узнал ее.

— Вот они, — сказала Дарла, — если только это не наш Карл.

— Вы прямо возле сигнала, — сказал Кларк.

Никаких других машин в округе не было видно.

— Ладно, значит, так, — сказал я. — Кларк?

— Да, Джейк?

— Ты готов?

— Готов, как сто котов,— он вздохнул,— господи ты боже мой, ну как я ухитрюсь влипнуть в такие истории?

— Карл когда-нибудь говорил о том, что рядом была другая машина, когда все это произошло? — спросила озабоченно Дарла.

— Не помню что-то. Давай спрячем машину за холмом и придем сюда пешком.

Я выехал из прогалины, потом вернулся по проселочной дороге почти до того самого места, где она пересекалась с Мульхолланд Драйв. Я затолкал фольксваген между двумя можжевельниками и заглушил мотор.

— У тебя есть фонарик?

— Да,— Дарла подняла его и показала мне.

Я выключил фары, и ночь сомкнулась вокруг нас. Мы вышли и прошли обратно по тропинке. Насекомые щелкали и трещали в зарослях. Город был сиянием на горизонте, и оттуда доносился ровный слабый гул. Воздух был прохладный и сухой. Дарла водила лучом фонарика в поисках дороги. Примерно на полпути к лощинке мы нашли тропинку, которая вела вверх по холму, извиваясь между огромными серыми глыбами. Дарла выключила фонарик, и мы спрятались между скалами. Потом мы посмотрели вниз и прислушались.

— Может быть, наш Карл струхнул,— прошептал я.

Дарла кивнула:

— Давай надеяться.

Мы спустились чуть дальше по тропинке, остановившись потом у развесистого дерева с поникшими ветвями. Я поднес устройство поближе к губам.

— Вот-вот, Кларк.

— Принято.

Я взглянул сквозь ветки, но ничего не увидел. Тем не менее, я каким-то шестым чувством понял, что аппарат спускается, почувствовал, как его огромная масса выделяется более глубокой чернотой на фоне черного неба, словно какой-то черный ангел, предвещающий роковое несчастье. По спине у меня пробежала дрожь, и я почувствовал степень потрясения, которое пережил Карл. Честное слово, у меня не поворачивался язык винить его в том, что он перепугался до потери сознания.

Я услышал, как из припаркованного шевроле несутся голова. Это был Карл второй. Дверь хлопнула, и мотор взревел. Задние колеса несколько раз бешено провернулись и притихли. Потом заглох мотор. Стартер тщетно взвизгивал несколько раз, снова и снова. Потом раздался крик. В смутном рассеянном свете, который отбрасывали огни города, мы увидели, как шевроле стал понемногу подниматься с земли, а его передний

край был выше, чем задние колеса. Мы слышали голос Лори, но она не визжала от страха. Она просто что-то кричала Карлу.

Неожиданно в кустах над нами раздался шорох, и раздались такие звуки, словно кто-то мчался вниз по холму.

Дарла ахнула:

— Только не это!..

Карл первый вырвался на полянку, помчался к поднимающейся машине, которая теперь была в добрых двух метрах от земли. Дверь с пассажирской стороны открылась, и Лори свесила одну ногу, открывая дверь обеими руками. Карл подпрыгнул и схватился за что-то — то ли за дверь, то ли за ногу Лори, я не видел. Он стал подниматься вместе с шевроле, висая на нем.

Лори теперь вопила, перепуганная и потрясенная, она совершенно потеряла голову. Медленно и величественно, они все трое — два варианта одного и того же человеческого существа, а между ними женщина, которую они оба любили, — поднимались в душистую калифорнийскую ночь.

— Джейк! — раздался голос Кларка. — Что там внизу происходит? У меня в подъемном луче еще одно тело.

— Это Карл первый, — ответил я.

Ни Дарла, ни я не пошевелились. Мы просто не могли представить себе, что мы могли предпринять в такой ситуации.

— Ну и ладно, — раздраженно сказал Кларк, — я перестал пытаться понять, что тут должно происходить. Двое из них выпали, поэтому я их аккуратно положу на землю, после того, как поставлю машину в грузовой отсек.

Я бессильно прислонился к стволу дерева и закрыл глаза. Я словно явственно слышал жужжание Машины Парадокса. Она выла, визжала и редела, словно вопли Лори.

Наконец я понял, что Дарла прижимается ко мне, зарывшись лицом мне в спину, и я понял, что вопли Лори утихли.

Я повернулся и на миг обнял Дарлу, потом забрал у нее фонарик и включил его. Лицо Дарлы было бледным и осунувшимся, а глаза испуганными.

— Ох, Джейк, как ужасно все это было.

— Да.

— И это сделали мы. Это натворили мы. Мы виноваты.

— В чем?

— Не знаю.

— Виноваты в том, что сделали то, что надо было сделать?

— А разве надо было это делать?

— Нам казалось, что надо.

— Джейк, не знаю... я просто больше не знаю.

— А я и вовсе не знал, детка. Я совсем не знал этой песенки, а все же постарался ее сыграть на слух.

Мы вышли на полянку. С неба медленно спускались два тела, словно сценические божества на веревках. Они аккуратно приземлились на ноги.

Лори и Карл.

Наш Карл. Он держал ее за плечи, а она уткнулась в его плечо лицом. Она страшно дрожала.

— Привет! — сказал Карл, когда мы подошли поближе.

— Привет, — ответил я, не зная, что еще можно сказать.

— Все случилось именно так, как и должно было случиться, — сказал Карл. — Я знал, что той ночью произошло что-то еще. Я наконец вспомнил, что именно кричала мне Дебби, когда машина стала подниматься в небо. Она кричала мне, чтобы я не боялся. Я был потрясен. Тут, понимаешь, это чудовище на нас спускается с неба, а девушка, которую я любил, ведет себя так, словно она знает, что происходит. Именно это я постарался забыть. Это был факт, который я не мог объяснить. Мне становилось страшно при одной попытке вспомнить это. Мне не хотелось верить, что девушка, которую я встретил и полюбил, имела что-то общее с этим страшным похищением. И я никогда не мог понять, почему она стала выпрыгивать из машины, словно хотела бросить меня на произвол судьбы. Я пытался ее остановить. Но ее кто-то тащил из машины... кто-то еще. Я не видел, кто именно, — он погладил Лори по крашеным волосам. — Это был я. Это был единственный человек, кто мог это сделать.

Лори перестала дрожать. Она повернула лицо к Карлу.

— Ты ведь пыталась, правда? — сказал Карл. — Ты пыталась ему сказать, что все хорошо кончится. Ты увидела, что он перепуган до потери пульса, и ты попыталась сказать ему, что все будет хорошо?

Она кивнула, закрыла глаза, и ее головка упала к нему на грудь.

— Мне было ужасно, — сказала она. — Словно я делала что-то злое и страшное. Я приволокла его в это место, я его подвела под монастырь. А потом... когда ты... — она шмыгнула носом и вытерла кулачком глаза. — А когда ты неожиданно появился ниоткуда, Карл, мне показалось, что я схожу с ума. Я не знала, что мне делать. Я была так напугана.

Карл глубоко вздохнул.

— Все произошло именно так, как и должно было произойти. Все.

Я заговорил в переговорное устройство.

— Кларк?

— Что?

— Как он?

— Вырубился намертво. Просто упал в обморок — и все. Однако с ним все в порядке. Испугался, вот и все.

— Ты уже говорил с ним голосом Прима?

— Да, но, мне кажется, он меня не слышал.

— Ну, когда он придет в себя, просто играй дальше свою роль Прима и скажи ему что-нибудь утешительное.

— Ну конечно, обязательно, но он все равно будет напуган до полусмерти. Я хочу на нем кое-что попробовать. Это механизм, который раньше использовался для успокоения пойманных диких животных. Ему это не повредит, даже если и не сработает.

— Ладно. Встретимся у Дейва в доме. Как Дейв, кстати?
Пауза.

— Он говорит, что жалеет только об одном: что ему никогда не удастся использовать это в сценарии. Слишком уж неправдоподобно.

Глава восемнадцатая

Я совсем не умею прощаться. Однако я постарался, как мог. Было примерно пять утра. Карл, Лори и Дейв провожали нас. Лори обняла Дарлу, потом меня. Я пожал Карлу руку, потом Дарла поцеловала Карла и Лори. Потом Лори снова обняла меня и поцеловала. Это продолжалось какое-то время. Дейв просто стоял в сторонке и странно улыбался.

— Надо же, — сказал Карл, — мне вас будет здорово не хватать, ребята.

— И нам тоже, — ответил я.

— Не могу сказать, что буду скучать по приключениям в девятистах миллиардах световых лет от дома, — добавил он, — я рад вернуться. Будущее принадлежит вам. Оно ваше. Мне там делать нечего.

— Будущее? Ничего подобного не существует, — сказал я. — Никакого будущего, никакого прошлого. Время — это один открытый для всех луна-парк. Мы это доказали.

— Да, наверное.

Лори шмыгала носом и всхлипывала. Я погладил ее по щеке и сказал:

— Ты точно уверена, что хочешь остаться, Лори?

Она прижалась к Карлу.

— Да. Я согласна терпеть смог, кариес и этого типа. Там, откуда я пришла, меня ничего хорошего не ждет. Мне тут, можно сказать, нравится. Это приятное место... хорошее время... можно жить.

Я кивнул.

— Да, ты права. Оно кажется таким мирным в сравнении с тем, что о нем говорит история.

Восток становился все светлее. Несколько ранних птичек начинали петь и настраивали свои голоса в ближайшем кусте сумрака. За нашими спинами тихо маячил корабль. Кларк караулил нас, готовый в любой момент забрать нас прочь из лета давно минувшего года и с самой Земли.

Карл начал:

— Мне бы хотелось...— он замолчал, прикусив губу.

— Что такое, Карл?— спросил я.

— Я бы очень хотел, чтобы нашелся хоть какой-нибудь способ связаться с вами,— сказал он, потом покачал головой.— Каким-нибудь образом... но ведь это невозможно, верно?

— Пошли мне письмо. Напиши так: Джейк Мак-Гроу, Почтовый ящик 7836, Двенадцатая административная зона, Вишну, Колониальные планеты. Вот мой адрес. Потом придумай способ задержать отправление на сто пятьдесят лет. Это должно быть довольно легко.

Карл рассмеялся. Да, конечно.

Однако потом он посерьезнел и заставил меня повторить адрес. Я повторил.

Голос Кларка раздался из переговорного устройства.

— Вы готовы, или что?

Я подошел к Дейву.

— Спасибо,— сказал я, пожав его руку.— Без тебя мы ничего не смогли бы сделать.

— Мне все-таки кажется, что я мог вполне спокойно представить себе все происшедшее в каком-то бреду,— сказал он.— Кстати, Кларк совсем не похож на монстра Горты.— На миг он уставился на космический корабль, потом вздохнул.— Будущее. Я о нем мечтал, писал о нем. И вот оно тут, прямо передо мной. Знаешь, Джейк, ты ведь мне почти ничего о нем не рассказал. Ничего о том, что должно произойти здесь в ближайшие несколько лет.

Я сказал:

— Ты имел в виду что-нибудь вроде падений и взлетов биржевых курсов?

— Нет,— он посмотрел на Карла и Лори, потом сказал:— Скажи мне, а будет ли...

Он остановился, потом покачал головой:

— Нет, не надо. Не говори мне ничего. По крайней мере, я знаю, что будет будущее. Иногда это кажется весьма сомнительным. А судя по тому немногому, что ты рассказал, это будущее представляется весьма интересным.

— Скучно не будет, это точно,— ответил я.

— Люди...— нетерпеливо перебил нас Кларк.

— Погоди еще показывать нам задницу!— проорал я.

— Ну, не стану отвечать на очевидное оскорбление. Вам и самим ясно, что надо делать,— ответил Кларк.

— Ладно,— сказал Дейв, снова протягивая мне руку.— Удачи.

— Спасибо.

Потом снова начались поцелуи и объятия, потом Лори снова начала плакать, поэтому я вытер ей глаза и велел быть хоро-

шей девочкой. Это было глупо — теперь она была уже взрослой женщиной.

— Я тебя всегда буду помнить, Джейк, — сказала она.

— А как я смогу забыть мою маленькую Лорелею?

— Дебби, — поправила она. Она прошептала мне на ухо: — Ненавижу это имя!

— Которое?

— Да оба, если быть честной. Дебби просто сильнее, чем первое.

— Оно тебе идет.

Вскоре уже все было сказано. Я последний раз посмотрел на Землю, на земное солнце, которое показывало свой лик новому дню, на траву и деревья, на добрые небеса колыбели человеческого рода.

И потом я оставил это время и этот мир.

Земля уменьшалась в наших иллюминаторах, пока Кларк выводил корабль из гравитационных вихрей солнечной системы в глубокий космос, чтобы, как он выражался, можно было бы сделать «хороший чистенький прыжок».

— Куда теперь? — добавил он. — Обратно на Микрокосмос?

— Пока что нет, — сказал я. — Нам надо где-нибудь выбросить Карла. И чем скорее, тем лучше.

— С ним все будет в порядке, транквилизатор, похоже, справился со своей задачей. А что ты имел в виду, говоря, что надо его где-нибудь выбросить?

— Послушай. Это ведь пространственно-временной корабль, правильно?

— Правильно.

— Мы можем отправиться не только куда угодно, но и когда угодно, верно?

— Ну, более или менее. Существуют и определенные ограничения, конечно.

— Можем мы прыгнуть примерно на сто пятьдесят лет вперед и бросить его где-нибудь на Космостраде?

— Просто где попало?

— Ну, хорошо бы в земном лабиринте.

— Ладно, на здоровье. Просто примерно покажи мне какую-нибудь планетку, и я направлюсь прямо к ней.

Брюс помог ему найти такую планету. Мы выбрали Омикрон Эридаана 11, а Кларк получил ее координаты из астрономических данных земного лабиринта, которые были заложены в его маленьком, но мощном мозге робота.

Мы выбрали дату примерно за год до той, когда я встретил Дарлу на Космостраде. Все пойдет по плану.

Кларк спросил:

— Вы все тут выйдете?

— Нет, только Карл. Мы поедem на Микрокосмос с тобой. Дарла отвела меня в сторону.

— Джейк, ты понимаешь, что, если бы мы тут сошли, Парадокс был бы завершен? Ты оказался в земном лабиринте раньше, чем ты уехал — раньше, чем все это произошло. Тебе не кажется...

— Нет, Дарла. История еще не закончилась. Мне надо вернуться обратно и вернуть Сэма.

Она кивнула и больше не возвращалась к этому вопросу.

Мы тщательно продумали, как лучше выпустить Карла на Космостраду. Наш Карл — Карл первый — пытался описать свои приключения, которые шли сразу вслед за похищением. Но его воспоминания о том, что происходило на борту корабля, были весьма расплывчаты — если не сказать еще сильнее. Это очень точно соответствовало тому, как шли дела у Карла второго, который в настоящий момент валялся на сиденье своего волшебного шевроле в маленьком грузовом отсеке. Он был почти в кататонии, причем трудно было сказать, было ли это результатом действия транквилизатора или травмой от похищения.

Видимо, и то и другое подействовало слишком сильно, что меня и беспокоило.

Карл первый говорил, что Прим разговаривал с ним во время пребывания на корабле. Мы заставили Кларка несколько раз имитировать голос Прима, разговаривая с Карлом вторым.

— А что мне ему сказать? — потребовал ответа Кларк.

— Успокаивай его. Разговаривай с ним по-доброму. Создай хорошее впечатление.

— Ладно, замечательно придумали...

Но он послушался нас. У нас не было ни малейшего понятия, насколько до Карла дошло, что ему говорили. Однако у меня было такое чувство, что дошло.

По рассказу Карла выходило, что, когда туман у него в голове рассеялся, он обнаружил себя в машине на Космостраде. А когда он в первый раз увидел портал, он почему-то знал, что это такое и как сквозь него проскочить.

Кларк раздумывал над этим вопросом. Потом сказал:

— Я могу изобразить нечто похожее на обучение во сне, немного модифицировав луч транквилизатора. По-моему, получится.

Я спросил:

— Тебе понадобятся какие-нибудь приборы или инструменты, чтобы это сделать?

— Ты все время мыслишь параметрами обычной технологии. Это не такая простая задача, но это не тот вопрос, кото-

рый можно решить копанием в каких-нибудь проводах или вообще в чем-то физическом. По крайней мере, не на уровне обычных предметов. У этого корабля есть возможность перепрограммировать свои вспомогательные механизмы для любой требуемой задачи, разумеется, в определенных пределах. Поверь мне.

— Разумеется, верю,— ответил я.— Ты просто необыкновенно располагаешь к доверию. От тебя так и веет надежностью.

— Так и веет, говоришь? Придется сменить одеколон.

Поэтому вот так получилось, что мы выпустили Карла на дороге между мирами искать свою судьбу, которая заключалась в том, чтобы найти меня и отправиться домой. У него ничего не было, кроме его машины, одежды, которая на нем была, и немногим более тысячи универсальных кредиток в золоте (это был весь мой золотой запас — теперь я был гол, как сокол).

Это была убогая планетка, похожая на ком грязи, с низко нависшим небом и скалами грязно-бурого цвета. Но сразу за порталом был Адонис — прелестная планета, с большим населением и весьма цивилизованная. Мы приземлились на Космо-страде в нескольких километрах от начала дорожки вхождения в зону портала. Кларк открыл грузовой отсек и выкатил шевроле на дорогу. Карл с минуту сидел на водительском сиденье, потом включил мотор и уехал прочь. Он ни разу не оглянулся.

Шевроле превратился в маленькую леденцово-красную точку и исчез между огромными цилиндрами портала.

Карл проскочил через свой первый в жизни портал и уцелел. Модифицированное Кларком обучение во сне сработало.

— Прощай, Карл,— сказала шепотом Дарла.— Во второй раз — прощай. И удачи тебе.

— Доброго здоровья и доброго пути,— сказал я.

Через пятьдесят прыжков и шесть часов мы добрались обратно до Микрокосмоса. Это не самое плохое время, если принять во внимание расстояние. У нас заняло больше времени добраться до Земли, начав примерно с орбиты Плутона. Однако Кларк извинился за долгий путь. Вернее, он не то, чтобы извинился. Когда Дарла или я забредали в рубку управления посмотреть, как идут дела, он виновато таращился на нас и бормотал что-то в свое оправдание.

— Все время на какие-то ухабы наезжаю,— жаловался он,— они мне портят все расчеты. Временно-пространственный континуум не везде одинаково гладкий, понимаете.

— А я и не говорил, что он везде гладкий,— отвечал я.

— Надо все делать очень аккуратноненько,— продолжал

он, — мы же не хотим вернуться раньше, чем уехали. Я уже по горло сыт от такой чепухи.

— Я вполне с тобой солидарен, — отвечал я.

В конце концов мы туда добрались. Кларк сделал корабль прозрачным, так что мы смотрели, как маленькое странное облачко звезд растет и растет, пока не превращается в странный звездный шарик, окружающий рельефный диск Микрокосмоса. На стороне, где стоял Изумрудный город, был день.

Все внизу казалось страшно мирным. Никто ничем в нас не швырялся, никакие умопомрачительные загадки не гнались за нами, когда мы гладко входили в атмосферу и пронеслись по небу к Изумрудному городу. Поверхность планеты, похожая на лоскутное одеяло, скользила под кораблем, как быстро разматываемая карта. Кларк побил все рекорды скорости и едва не напугал нас до смерти. Похоже было, что Кларк собирается врезаться в одну из декоративных крепостных стен, что окружали замок и выходили на долину, но в последний момент он чуть приподнял корабль и устремился прямо ко входу в замок. Снова вильнув, мы пронеслись между двумя башнями и со скрежетом замерли над третьей. Купол башни раскрылся, как цветок, навстречу утренней заре, и мы спустились в башню, приземлившись на пол, на вымощенную плитками ровную поверхность. Купол закрылся. Приехали.

Кларк вздохнул и снял свои коротенькие пальцы с панели управления. Его узкие плечи поникли.

— Если бы я был из плоти и крови, я сказал бы, что вымотан до предела. А так мне понадобится только двухдневная перезарядка.

— Здорово ты вел корабль, Кларк.

— Спасибо. Мне показалось, что надо торопиться так, будто за тобой черти гонятся. Похоже, что тут заключили перемирие, но нельзя сказать наверняка.

Я закрыл тяжеловоз, велел Брюсу следить за порядком, и мы вышли из корабля.

— Джейк, — сказал Кларк, когда мы шли к ближайшему спуску вниз. — Мне кажется, тебя ожидает небольшое потрясение.

Я остановился.

— Что такое?

— Ну, это насчет Сэма. Он больше не компьютер. Он живой, Джейк. Он совершенно живой.

Глава девятнадцатая

— Привет, Джейк, — сказал Сэм.

Он сидел за обеденным столом вместе с Джоном и Зоей и уплетал рогастики с кофе. Он встал из-за стола с той улыбкой,

которая всегда жила в моей памяти. Его лицо было лицом моего отца, но это было то лицо, которого я не видел с детства, потому что человеку, который шел ко мне с распростертыми объятиями, было около тридцати пяти. Волосы были темно-каштановыми, почти черными, глаза — карими. Он был приблизительно шести футов росту (что-то в последнее время я слишком часто использую эту древнюю систему мер), плюс-минус дюйм или два. Линия челюсти была сильной, широкие плечи расправлены, а руки и ноги, в точности, как у меня, слегка крупнее, чем надо. Рот был энергично сжат, подбородок слегка раздвоен. Нос, прямой и тонкий, достаточно крупный, но не уродливый. Привлекательный мужчина. Он был одет в рабочий костюм — блузу и брюки — немаркового серого цвета с черным поясом и черными сапогами.

Он обнял меня, а я не мог говорить. Хотя Кларк сделал все, чтобы меня успокоить и приготовить, очень мало что можно сделать, чтобы в такой ситуации уберечь человека от самого большого потрясения в его жизни.

— Сын, — сказал он, — как же хорошо снова с тобой увидеться.

— Отец, — наконец прохрипел я.

Я положил голову ему на плечо и зажмурил глаза, чтобы не разрыдаться.

Мне кажется, на несколько минут у меня просто поехала крыша. У меня было совершенно потрясенное состояние. Я не помню, что говорилось в этот момент, кто что говорил, но рано или поздно я заметил Прима, который стоял немного в стороне, с удовлетворением и одобрением наблюдая за происходящим.

— Рад видеть вас снова! — сказал он бодро.

Я кивнул и оглянулся по сторонам. Рагна и Они сидели за столом вместе с Зоей и Джоном. Рагна улыбался, его широкие розовые глаза сияли. Зоя радостно мне улыбалась. Джону, казалось, было скучно: еще одно чудо — ну и что?

Дарла стояла в стороне. Она наконец подошла и сказала:

— Ну, вот мы и встречаемся во плоти.

— Иди сюда, Дарла, солнышко, — сказал Сэм, и они обнялись.

Я не мог отпустить Сэма, не мог отказаться от ощущения его реальности под пальцами. Если бы я не привык к тому, что личность Сэма все время со мной, пусть в бестелесном виде, то зрелище его ожившего наверняка заставило бы мое сердце остановиться, и я бы помер прямо как есть, на глазах у всех.

А так я просто-напросто с большим трудом восстанавливал дар речи.

— Как... как вы это сделали? — я уставился на Прима.

— Искусственное тело — это ничего удивительного, и никакого чуда тут нет, — ответил он. — Проблема состоит как раз

в том, чтобы добиться полной совместимости и взаимодействия между этим телом и мозгом, который его контролирует. В данном случае такой мозг представлял собой Влатузианскую матрицу личности. Вы прекрасно понимаете, какие возможности собраны на этой планете. Я просто использовал те, которые были нужны для выполнения этой работы. Мне кажется, мы вполне преуспели. Вы согласны, Сэм?

— Еще бы! — Сэм ударил себя в грудь. — Я еще никогда не чувствовал себя так хорошо, — он повернулся ко мне. — Мне сказали, что это совсем не обычное, заурядное человеческое тело.

— Нет, — отозвался Прим. — У него нет кое-каких тонкостей биохимического цикла человеческого тела — даже наука в самом расцвете не может сравниться с гением Создателя. Например, Сэм никогда не сможет иметь, скажем, еще одного сына и вообще никакого потомства. Но у его тела есть и ряд преимуществ. Сэм никогда не постареет. Он не будет болеть...

— Но я не бессмертен, — ответил Сэм.

— Нет, не бессмертны, — сказал Прим, подходя к нам. — Я предлагал Сэму сказать ему примерное количество лет, на которое рассчитано это тело, но он не хотел и слышать.

— Даже если это и миллион лет или только неделя, — ответил Сэм, — мне не хотелось бы знать. Пусть меня живьем черти поберут, если я собираюсь прожить свою вторую жизнь, подсчитывая, сколько дней мне осталось. Так жить нельзя.

— Я понимаю и согласен с этим, — сказал Прим.

Я спросил:

— Как вам удалось сделать так, чтобы его тело выглядело точно так же, как и его бывшее?

— Создание внешнего облика потребовало нескольких источников — но главным среди них была трехмерная фотография, где вы стоите с Сэмом. Она занесена во вспомогательные банки памяти компьютера. Вы знали, что она там?

Я сказал:

— Да, мне помнится, я велел несколько старых фотографий перевести в пикселы и сохранить в памяти компьютера.

— Помогли нам и ваши воспоминания о Сэме, — добавил Прим.

— О'кей, — сказал я смущенно и довольно нелепо, словно мы с ним говорили о погоде. Я уселся и налил себе чашку кофе. Я не мог оторвать глаз от Сэма, который уселся за стол и отхлебнул из своей чашки.

Он подмигнул мне.

— Кто говорит, что снова живем?

— Сэм, а у тебя был выбор, воплощаться или нет? — спросил я.

— Только не тогда, когда меня вытаскивали из тяжеловоза. Когда я пришел в себя, то понял, что меня загружают в какой-

то странный компьютер... мне так показалось,—Сэм посмотрел на Прима, ища подтверждения своим словам.

— Это по сути и был компьютер,—отозвался Прим.

— Как бы там ни было,—продолжал Сэм,—я был в контакте с нашим любезным хозяином, и он спросил меня, не хочу ли я присоединиться к Кульминации. Я сказал спасибо, но что-то не хочется. Он тогда спросил меня: ладно, пусть так, но как насчет нового тела? И я ответил: конечно, почему бы не попробовать?

Я рассмеялся.

— Конечно, почему бы и нет.

— Я уже стал немного уставать от того, что я тяжеловоз с прицепом. Мне нравится быть человеком куда больше.

— Не могу тебя винить. Но то, как ты пропал из машины, меня страшно напугало.

Прим уселся за стол.

— Наши извинения. Но, если бы я сказал вам наши намерения в отношении Сэма, я сомневаюсь, что вы поверили бы мне.

— Можно было бы и рискнуть сказать,—ответил я.

— Я и пытался,—сказал Прим,—и преуспел бы в этом, не покинь вы нас столь внезапно.

Не беря во внимание то, что объяснение Прима хромало на обе ноги—можно было бы спросить, не слышал ли он о том, что связаться можно и по радио,—мне невозможно было на это что-либо ответить. Казалось, что в любом отдельно взятом споре Прим всегда успевает так построить свои аргументы, что он неизменно оказывается на твердой почве, оставляя своего противника в зыбучих песках. Не могу точно сказать, как у него это получалось, но с ним невозможно было просто согласиться, а мне не хотелось спорить с ним заново.

— Где вы были, ребята?—с любопытством расспрашивал Сэм.

Я осмотрелся.

— Как долго нас не было?

— Примерно дней пять,—ответила Зоя.—Мы уже начали волноваться.

Дарла рассказала им, что с нами было, пока мы завтракали.

— Значит, Карл наконец добрался домой,—сказал Сэм.—

Ну и хорошо. И мне кажется, что Лори там будет счастлива,—он отодвинул свою чашку и откинулся на стуле.—Представить только,—сказал он ностальгически,—Земля, черт знает в каком времени. Наверное, было на что посмотреть. Тысяча девятьсот шестьдесят четвертый год. Господи, это же за семьдесят лет до моего рождения.

Дарла сменила тему, сказав:

— Не могу никак оправиться от того, насколько же вы двое похожи,—она переводила взгляд с Сэма на меня и обратно.—

А то, что вы выглядите примерно на один возраст, делает вас чуть ли не близнецами.

Я хотел было ей ответить, что меня всю жизнь обвиняли в том, что я не сын Сэма, а его клон, когда я сообразил, что за был про самую важную тему.

— Где, черт побери, Сьюзен и все остальные? — выпалил я.

— Трудно сказать, — ответил Сэм, почесывая иссиня-черную щетину на подбородке. Сколько я помню, борода у него всегда бурно росла. Он посмотрел на Прима. — Ты не хочешь ему сказать, что сказал нам?

— Я бы и рад, — сказал Прим, намазывая маслом рогалик, — но... Джон, не будешь ли добр передать мне джем?

Джон передал ему джем.

— Спасибо. Джейк, Дарла... разрешите сперва вас заверить, что ваши друзья в полном порядке. Они в здравии и благополучии, в счастье и согласии, и все такое. На них не оказывали никакого...

— Ладно, ладно, — резко сказал я. — Я верю вам на слово. Просто скажите мне, где они.

— Это снова выводит на первый план вечную проблему понимания и передачи мыслей. Но давайте я попробую...

— Послушайте, — перебил я его, — я уже начинаю уставать от этих огромных философских барьеров, которые не дают вам ответить адекватно на простейшие вопросы. Например, на вопрос о том, где мои друзья. Они здесь или где-то еще?

Прим перестал даже намазывать джем на рогалик, повернул ко мне голову и спросил:

— Вы хотите их повидать?

— Разумеется.

— Тогда сядьте и успокойтесь.

Я попробовал.

— Теперь освободите свой мозг и позовите ваших друзей. Кого-нибудь из них.

Я уставился на него вытаращенными глазами.

— Просто делайте, как я сказал, — скомандовал Прим.

Я откинулся на спинку стула и нарисовал в воображении лицо Сьюзен. Ничего не произошло.

Прим улыбнулся, его черные глаза лукаво поблескивали.

— Старательнее, пожалуйста.

Я и стал изо всех сил стараться... сделать сам, не знаю что. Но я стал чувствовать, что мне не по себе в таком дурацком положении: сижу, уставаясь в пространство, как идиот. Но постепенно что-то стало меняться. Трудно представить себе, что именно, но все вокруг меня стало как бы растворяться, переходить в совершенно другое окружение, словно сцена в фильме. Сперва меня это очень поразило, и процесс замедлился и пошел вспять: снова появилась столовая, лица вокруг стола. Но потом я снова расслабился и дал возможность происходящему

идти своим чередом. Я обнаружил, что могу влиять на то, что происходит. И я позволил окружавшей меня действительности раствориться.

Я обнаружил, что сижу на краю крутого скалистого обрыва. Далеко внизу подо мной была полная тумана долина, обрамленная заснеженными вершинами. Надо мной была зубчатая горная вершина на фоне серого неба. Я остановился и вздохнул полной грудью. Воздух был прохладный, такой свежий, словно его создали минуту назад. Оглянувшись вокруг, я увидел кривоватые деревца, которые прижались к склонам и обрыву, среди них время от времени попадались кустики. Склон был крутой, но карабкаться по нему было нетрудно, потому что в нем были неровные широкие камни, словно ступеньки. Я поднялся повыше и оглянулся. Решив взобраться на гору и, возможно, наконец получше понять, что именно тут происходит, я стал взбираться дальше.

Поднялся холодный ветер. Наконец склон превратился в широкое плато, на котором кое-где росли деревца. Я прошелся по краю, заглядывая вниз, пока не оказался на узеньком выступе, по которому едва-едва можно было пройти, не сорвавшись. Я медленно прохаживался вокруг него. Уступ стал еще уже, и я стал подумывать, не повернуть ли мне обратно, но все-таки пошел дальше. Вскоре выступ стал совсем узким, не шире ноги. Осторожно я двигался дальше, а ветер между тем крепчал настолько, что стал рвать на мне куртку, но все-таки он не мог сдуть меня в пропасть. Далеко внизу, у подножия скалы, клубился туман.

Наконец я подошел к расщелине, надвое разделявшей стену, к которой я прижимался спиной. Разлом был похож на неровное У. Я шагнул в него. Разлом переходил в туннель в горе, который расширялся и становился проходом, ведущим вниз. Я прошел несколько минут, вышел как бы с обратной стороны горы и оказался на плавном склоне, который вел к опушке леса. Я выбрал тропинку, спускавшуюся вниз между высокими соснами с огромными шишками. Нежная трель раздалась из вершин деревьев. Может быть, птицы. Может быть, что-нибудь другое.

Я дошел до дна лощины и обнаружил быстрый ручей. Я пошел вниз по течению, перескакивая по гладким камням, валявшимся по берегу. Когда лес кончился, я перестал ступать по камешкам и вместо этого пошел по тропинке, которая шла параллельно ручейку и извивалась между маленькими деревцами и кустиками. Тропинка постепенно перешла в мощеную камнем дорожку и стала уходить от главного русла ручейка, изгибаясь между кустиками, почти ухоженными, словно в саду. Впереди показалось жилище. Коттедж, построенный в несколько восточном стиле. Он стоял перед большим прудиком. Там сидела Сьюзен. Я увидел ее фигуру на каменной скамье возле

пруда, где она читала большую книжку, переплетенную в голубой холщовый переплет.

Она взглянула вверх, увидела меня и улыбнулась, потом подбежала ко мне.

Мы обнялись. Ее карие глаза сияли.

— Джейк! Кажется, что прошли годы! — сказала она, просясь.

— Действительно, такое впечатление, будто прошло много времени, — сказал я, проведя рукой по ее прямым, светло-каштановым волосам.

Все это было так странно, подумал я. Это не было сном, но и явью этого нельзя было назвать. По крайней мере, не совсем явь, подумал я.

— Где мы? — спросил я. — Что это за место?

— Это то место, где я живу... иногда, — ответила Сьюзен, взяв меня за руку и подведя к скамье возле пруда. — Тут тихо, и здесь можно сидеть и думать.

— О чем?

— Обо всем, о чем, по-моему, стоит думать.

— Понятно.

Мы уселись. Розовые и желтые цветы плавали на поверхности пруда, мягко покачиваясь, отражения нависающих ветвей поблескивали в глубине пруда. По краям пруда росли камыши. Трель птицы, наверное, дрозда, раздалась из деревьев. Кроме журчания ручья, вокруг ничего не было слышно.

— Где мы? — спросил я снова.

— Это время и пространство, которые мне чем-то нравятся, — ответила она. — Разве тут плохо?

— Тут очень хорошо. Скажи мне, неужели то, что ты присоединилась к Кульминации, означает, что ты никогда больше не сможешь ответить прямо на поставленный вопрос?

Она рассмеялась.

— Нет, Джейк, я действительно не знаю, где это и в каком времени находится. Это где-то вне пространства и времени — или, может быть, я сама все это создала? Честное слово, не знаю, никогда об этом не задумывалась. А это важно?

— Может быть. А может быть, и нет.

— А что ты начал говорить насчет прямых ответов на вопросы?

— Извини, — сказал я. — Это не имеет никакого значения. Но как я сюда попал?

— Я дала тебе доступ в Метафизический субстрат Консенсуса. Но это невозможно объяснить в двух словах. Поэтому давай, спрашивай, что это такое.

— И что это такое?

— Я все еще учусь этому, но в своей основе это такая реальность, с которой все согласны. Но это не обязательно подлинная реальность.

— Подлинная реальность чего?

— Всего на свете. Настоящая реальность.

Я кивнул, потом повернул голову и уставился в пруд.

На дне его лежало что-то темное.

— Трудно объяснить,— сказала мне Сьюзен.

— Естественно.

Она похлопала меня по руке, и я взял ее ладонь в свою.

— А ты настоящая?— спросил я.— Мы действительно здесь, или это все иллюзия?

Она ущипнула меня за руку.

— Чувствуешь?

Действительно, почувствовал.

— Да. Но мне пришлось в голову спросить: а что это доказывает? Ведь и щипок может присниться.— Я взглянул ей в глаза.

Она сказала:

— Я действительно здесь, Джейк. И ты тоже.

Я никогда не замечал раньше, что в ее глазах есть небольшие искорки зеленого.

— Я-то наверняка реален,— сказал я.

По пруду прошла рябь, и слабая волна откатилась от берега.

— Где ты был?— спросила Сьюзен.— Вы, ребята, уехали пару дней назад.

— На Земле,— ответил я,— отпуск проводили.

Она кивнула так, словно понимала.

— Все произошло, как надо, все получилось?

— Более или менее.

— Отлично.

На ней была одежда, которую она всегда любила носить: серо-коричневый комбинезон и серые высокие сапоги. Волосы, как всегда, слегка растрепаны.

Я сказал:

— Наверное, не имеет ни малейшего смысла спрашивать тебя, что такое на самом деле Кульминация и как человек себя чувствует, оказавшись ее частью.

— А тебе хотелось бы стать частью Кульминации, Джейк?

Я покачал головой:

— Нет.

Она снова кивнула и улыбнулась, словно поняла, только на сей раз она и впрямь прекрасно понимала, о чем речь.

— Это не для тебя, Джейк. Ты не сможешь присоединиться к этому. Сама мысль об этом заставляет тебя ошетиниваться.

— Наверное, да.

— Но ты не прав, Джейк. Кульминация — такая вещь, которую ты никогда прежде не встречал и ничего подобного не испытывал.

— Во мне есть нечто, что изо всех сил противится потере личности.

Она взяла обе мои руки в свои и пристально посмотрела на меня.

— Джейк, посмотри на меня. Разве я изменилась хоть капельку? Разве я веду себя по-другому?

— Нет, с тобой вроде бы все в порядке.

— Так оно и есть. Я чувствую себя замечательно. Я та же самая Сьюзен, которую ты знал раньше. Ничего не переменилось. Я не потеряла себя самое в каком-то бесконечном океане сознания. Это совсем не так. Это... это как родиться заново.

— Я это и раньше слышал.

Она отпустила мои руки, откинулась на спинку скамьи и вздохнула.

— Нет. Ты понимаешь? Я так же сумбурно излагаю свои мысли, как и всегда.

— Я понимаю,— ответил я.— То есть, мне кажется, что понимаю.

— Это совсем не сложно понять.

— Кстати, а где остальные?

— Ох, да где-то поблизости,— она посмотрела мне через плечо.— Вот, кстати...

Я повернулся и увидел Шона, который не спеша шел по садовой дорожке.

— Джейк, парень, привет!

Мы пожали друг другу руки, и он хлопнул меня по спине. Он вроде бы был вполне материальным: он едва не сломал мне хребет.

— Я знал, что ты вернешься,— сказал он.— Мы тут уже немножко волновались.

— Я волновался обо всех вас...

— И не надо было. Нам тут вполне хорошо. Справляемся,— он оглянулся по сторонам.— А миленькое местечко, Сьюзен. Очень даже миленькое.

Я спросил:

— Так ты не тут обитаешь?

— Нет, у меня своя берлога. И у всех остальных тоже, как мне кажется.

Сьюзен кивнула.

— Да, я была в гостях у Роланда. Его дом на вершине горы.

— Роланд — философ в великом и древнем значении этого слова,— сказал Шон с ухмылкой.— Он все ждет, когда его осенит зороастрийская вспышка озарения и понимания. У меня-то хижина в лесу. У Лайема тоже. Мы с ним — лесорубы до последнего.

— Так, значит,— сказал я.— Значит, вы, ребята, главным образом тут бездельничаете и... что, приглашаете друг друга на чай?

Шон хохотнул.

— Ну, среди прочего разного...— он подошел к краю пруда и посмотрел на отражение.— Довольно приятное местечко.

Сьюзен и я снова сели.

— Скажи мне кое-что, Сьюзен,— сказал я.— А почему мне пришлось карабкаться по горе, чтобы сюда попасть? Если это какая-то волшебная страна, почему ты не могла материализовать меня прямо здесь?

— Я тебя не материализовывала. Я просто впустила тебя в мое пространство. Я хочу, чтобы у людей было ощущение, что им пришлось сколько-то пройти, чтобы сюда попасть. Если хочешь, в следующий раз я пропущу эту часть.

— Нет-нет,— ответил я,— это было очень красиво.

— Да, путешествие — всегда прекрасно.

— Ну, наше-то не во всем подходит под такое определение.

— Бывало, конечно, и плохое,— признала она.— Но это дало нам определенный опыт.

— Ну, так, по-моему, можно сказать про все, что случается с человеком.

— Можно, но это и есть истина.

Я взглянул на ее псевдовосточный каменный садик. Я не так много и узнал. Но в конце концов я потерял интерес к тому, чтобы найти ключ ко всей этой истории. Я был убежден, что Сьюзен и остальные были в полном порядке, что они не подвергались никакому нажиму или усиленным уговорам, и это все, что мне хотелось знать. Я сразу же решил, что если четверо из них решили остаться здесь, то я не буду им мешать. Я собирался домой. Если они хотели, чтобы я их подвез — ради бога. Если нет — на здоровье.

И все же меня беспокоило, что дальше станет со Сьюзен, и мне хотелось узнать.

Казалось, она почувствовала мои мысли.

— Джейк, хотел бы ты хотя бы попробовать, на что это похоже?

— А это возможно?

— Разумеется. Не понимаю, почему бы и нет.

— Что, бесплатное испытание в течение месяца, а если не понравится, то вы не обязаны покупать наш товар?

Она рассмеялась.

— Ну, можно сказать и так.

Я кивнул.

— Позволь только спросить: тебе тоже такое предложили?

— Угу.

— И ты поймала Прима на слове, да?

Она кивнула.

— А всем остальным тоже предложили пробную попытку?

— Да, насколько я знаю.

— И кто-нибудь кроме четверых решил попробовать? Кроме вас, я имею в виду?

Сьюзен пожевала губу.

— Знаешь, а по-моему, никто, кроме нас, не стал пробовать.

Я наклонился, поставил локти на колени и смотрел, как крутая волна расходится от центра пруда. Ну что же, по крайней мере, у меня было хоть одно свидетельство, что не все хотели остаться.

— Ему кажется, что нас просто одурманили, Сьюзен,— ответил Шон моим мыслям.

Сьюзен серьезно кивнула.

— Странно, что все так получилось. Но это неправда, Джейк.

После долгого раздумья я сказал:

— Есть только один способ узнать, правда это или нет.

Но все время во мне шевелилась мысль: а стоит ли рисковать?

Я повернулся и глубоко посмотрел в глаза Сьюзен, пытаюсь пронизать ее взглядом до самой сердцевины, которая, может быть, была выскоблена и наполнена чем-то, что вообще не было самой Сьюзен. Я искал, но не находил ничего, что не было бы нежностью, добротой, доверием, которые я всегда в ней видел.

— Что ж, возьми меня на испытание,— сказал я ей.

Она улыбнулась и взяла меня за руку.

— Пошли,— сказала она и встала.

Глава двадцатая

Мы прошли мимо пруда, сквозь еще несколько восточных садилов.

С нами шел Шон.

— Я немного пройду вместе с вами,— сказал он,— если вы не возражаете. А потом пойду своей дорогой.

— Конечно,— ответила Сьюзен,— пошли вместе, Шон.

Сады перешли в лес, и мы выбрались из долины. Потом мы подошли к горному лесу, вышли на альпийский луг. Воздух стал резко холодать, но я не замерз. Луг постепенно поднимался вверх, потом он закончился там, где участки снега лежали на серо-коричневых уступах скал. Мы боком прошли вдоль склона, под ногами у нас были дикорастущие горные цветы, их стебли гнулись под сильным ветром. Холодный воздух с вершины горы над нами дул вокруг, по небу плыли серебристо-серые легкие облачка. Трава волнами ходила под ветром на склонах горы. На луг упал луч солнечного света, потом исчез. Облака то сливались, то разрывались и отдалялись

друг от друга снова. В воздухе, таком свежем и пьянящем, плыл запах вереска и диких цветов.

Сьюзен и я шли, держась за руки, Шон шел справа от меня и немного сзади. Казалось, Сьюзен вроде и не вела меня никуда, но в ее шаге чувствовалась целеустремленность.

— Какое прекрасное место, — сказал я. — Где оно? Это где-то в реальном пространстве и времени или это только Субстрат?

— Это Субстрат, — ответила Сьюзен. — И большая часть того, что сейчас находится вокруг нас, обязана своим происхождением тебе.

— Что-что?

— Это теперь твои владения, Джейк. Мое царство кончилось чуть раньше.

— Да-а-а?

Я сам не знал, как к этому отнестись. Я совсем не чувствовал, что управляю ситуацией. Это место было таким же реальным, как и все остальное, что я когда-либо видел, и оно настолько же реагировало на мои капризы и желания, как и остальная часть вселенной — то есть вовсе не реагировало.

Мы прошли по наветренной стороне огромной горы, чья вершина была скрыта в облаках, поэтому не видна. Теперь мы подошли к переходу между этой горой и еще одной вершиной. Мы взобрались по большому склону, очень крутому, который постепенно превратился в тропинку на гребне между двумя склонами. Ветер дул нам в спину, но, когда мы стали карабкаться по еще более крутому склону горы, которая показалась мне еще выше, ветерок превратился в пронизывающий ветер, дующий нам в лицо. Идти было трудно. Огромные массы камней возникали все время на нашем пути, и нам приходилось время от времени огибать глубокие провалы.

Мне это все переставало нравиться. Я был не в самой лучшей форме и начинал уставать — хотя, что странно, — не так уставать, как должен был бы. Мне стало совсем уж зябко и неудобно, подумал я.

— Куда, черт возьми, мы идем? — спросил я.

— Как я уже сказала, Джейк, это твой театр, — ответила Сьюзен. — Если тебе не нравится метафора, измени ее.

— Это, значит, метафора?

— Обычная метафора. Преодоление высот, вперед и вверх, все выше, и выше, и выше... все такое. Измени ее. Найди новый способ, чтобы попасть туда, куда ты хочешь попасть.

— Куда... — начал я, потом остановился и оглянулся кругом. Казалось, везде земля встала дыбом непреодолимой стеной, затерявшись в тумане. Что мне делать? Спуститься вниз?

Поэтому я пошел вверх, ведя Сьюзен за руку. Шон шел сзади. Мы поплелись вверх по склону и вошли в почти непроницаемый туман. Влажные облака окутали нас, скалы мокро бле-

стели под ногами. Мне было даже уютно, если не считать того, что я немного замерз. Казалось, Сьюзен не обращает внимания на холод. Мы вырвались из тумана, и земля неожиданно перешла в ровную поверхность под ногами. Мы вышли на широкое ровное плато, на котором только кое-где были разбросаны темные скальные монолиты. Я посмотрел в небо и увидел светящееся небо, на котором были потеки серого и серебристого, солнце начинало просвечивать сквозь облака. Падал тоненький, слабый ледяной дождь, он освежал мне лицо. Облака кружились и переливались, словно в воду вливали молоко.

— А теперь что? — спросил я, останавливаясь.

— Мне кажется, что ты хотел бы сделать тут погоду теплее, — предложила Сьюзен.

— Точно.

Облака раскололись, и золотое солнце полилось на землю, словно сквозь церковный витраж.

— Религиозный символизм? — прокомментировал я.

— Может быть.

— Красиво, — ответил Шон.

Действительно, потеплело, и даже очень быстро, но перед нами по-прежнему простиралось высокое, овечье всеми ветрами плато, и я поднял воротник от ветра, который нес на нас песок из разрушенного города далеко на равнине — разрушенные башни, искрошившиеся стены, песок заносит упавший шар с купола. Справа от нас еще одни руины спрятались в каньоне, там были каменные жилища, сжавшиеся под навесом скалы.

— Это место наверняка где-то существует, — сказал я.

— Так и есть, — ответила Сьюзен. — Все на свете где-то находится.

— Потрясающее философское озарение.

— Спасибо.

Вдалеке были холмы, и мы добрались до них в поразительно короткое время. Иссохшие, бесплодные земли оставались за нашей спиной, когда мы шли по извилистой тропинке вверх, через кусты и порыжелую траву.

— Калифорния, — сказал я.

— А?

— Мне это напомнило Южную Калифорнию.

— Я там никогда не была. Когда-нибудь поеду.

— Около 1960 года это было прелестное место. Если не считать смога. Я слышал, что это было самое чистое и красивое место между 1919 и 1940 годами.

— Тогда обязательно поеду, — сказала Сьюзен.

Мы дошли до края холма. Тропинка спускается по склону и оказывается в совсем других местах. Небо меняется и переходит в ночь, присыпанную звездами, справа от нас низко висит полумесяц, еще одно лунообразное тело с крохотный диск

мчится по своей орбите. В зените — река звезд... странные силуэты на небе, какие-то тени, причудливые формы... Во мне совсем нет страха, просто решимость. Я ищу конкретное, особенное место. Я не знаю, как оно выглядит, не знаю, где оно. Метеоритный дождь, в ночь падают яркие стрелы зеленого огня, они исчезают почти тотчас же, как появляются. С неба спускаются огненные нити, над головой кружатся галактики — справа, на горизонте, зодиакальный свет. Поднимается ночной ветер, текут звездные реки.

— Очень красиво, — комментирует Сьюзен.

— Спасибо, — говорю я, понимая, что она хочет просто сказать мне комплимент. Сам не знаю, почему я его принимаю.

Фиолетовое солнце встает и прогоняет прочь ночное великолепие. Справа от нас еще один город, группа хрустальных куполов на огромной пустой равнине. Этот мир еще на миг остается с нами, потом превращается в закат у моря, белые барашки волн ударяются о фарфорово-белый пляж. Под ногами у нас хрустят ракушки, пока мы идем по пляжу. Небо переливается серо-черными облаками. В этом мире нет цвета — если это действительно мир, а не какая-нибудь иллюзия, придуманная Примом или еще каким-нибудь обманщиком. Тут нет жизни. Небо мутно-серое, а местами переходит в угольно-черный цвет, а ракушки под ногами серые, белые, угольно-черные. Песчаные дюны справа усыяны стеблями засохшей травы. Низкие холмы на горизонте.

— Отличное место для курорта, — говорю я.

Сьюзен кивает.

— Еще бы! — иронически соглашается она.

Шон говорит:

— Что-то мне это место не нравится, Джейк.

Я отвечаю:

— И мне тоже.

Что делать? Мы переходим из этого места в какое-то другое за один шаг. Мне даже не приходит в голову спросить, как это мы сделали такую штуку.

Тут опять ночь. Освещенный луной некрополь, разрушенный храм, гора строительного мусора и щебенки, расколотые колонны, полузасыпанная площадь. Мы идем под лунным светом чужой планеты. Снова звезды, над головой газовое облако. Где мы? Вопрос не высказывается вслух.

Я останавливаюсь и смотрю на пожранный временем город вокруг нас.

— Снова мотив разрушенного города, — замечаю я.

— Время, — говорит Сьюзен.

— Угу. Большими кусками.

Из тьмы несутся слабые голоса: призраки. Тень падает на дорожку, отразившись от луны-облатки, от сожженного молнией дерева. Тенью похожа на сумасшедшего танцора. Храм

стоит на холме впереди, его разрушенные купола больше не хранят статую высокого инопланетного божества. В подземелье где-то падает пылинки, а небеса содрогаются.

— Мне страшно, — говорю я. — Пошли отсюда.

Вот сюда, говорит Сьюзен, и я иду за ней туда, куда она скажет. Это на самом деле даже не направление, не земное место, а просто состояние души. Это успокоительная тень чувства, комбинация умиротворенного созерцания и ностальгии. Это даже больше, чем состояние души — это почти запах. Я говорю Сьюзен, что я хотел бы что-нибудь увидеть или почувствовать на запах... если она может для меня это сделать, то пусть поможет мне. Конечно, помогу, говорит она... и мы оказываемся в ином мире, тут болотисто и влажно, поэтому я отмахиваюсь от него и попадаю в другой, и третий, и четвертый, потом в пятый. Мы задерживаемся в этом очередном мире, потому что он немного похож на то место, которое я ищу, немного, не сильно, потому что тут слишком тепло, поэтому я снижаю температуру примерно градусов на пять, меняю цвет неба на голубой — мне нравятся голубые небеса — и траву делаю чуть тусклее, не такого сумасшедшего, лихорадочного зеленого цвета, и деревья пусть будут чуть выше, а листьев у них — побольше, а кора пусть будет живее, не похожей на разъеденную раком кожу. Теперь я смотрю на очень приятную планету, под добрым солнцем, это очень хорошее место для старинного, почвенного разведения растительности, которое мне нравится больше всего. Люблю пахать и сеять. Поверхность плавно то расстилается равниной, то становится чуть холмистой — она не похожа на плоское блюдо, и торнадо тут не разгуляется. Вдалеке — горы. Очень хорошо, если хотите время от времени поменять климат, и не придется далеко ехать. А вот под буками небольшой прекрасный деревенский домик, а тут амбар, и сарай, и курятник, и рига, и сусеки, и хлев, и прочие постройки и причиндалы. Все, что может понадобиться.

— Тебе нравится это место? — спрашивает Сьюзен.

— Да, — отвечаю я. — Да, очень.

И так оно и есть на самом деле, хотя оно не совсем похоже на нашу ферму на Вишну (потому что та планета совсем не такая благостная, как эта), но в ней соединились все составляющие, которые нужны мне для ощущения полноты жизни, мира и покоя: пространство, зелень, такая спокойная и мирная, и много, много пространства. Облака белые и пушистые, а тот, кто нарисовал их на небе, сперва сделал под них подкладку из настоящего, голубого, земного неба. Это было очень просто, очень похоже на Землю. Может быть, нам, людям, именно там и надо жить.

— Прелестная маленькая фермочка, — сказала одобрительно Сьюзен.

Шон схватил горсть черной земли и понюхал:

— Плодородная, да еще какая!

— Отлично, вот я и нашел то, что мне надо,— сказал я.— Что я нашел? Что я должен делать?

Но я знал ответ. Однако Сьюзен мне его подсказала.

— Твое тело может оставаться здесь, пока остальные части тебя могут блуждать, где тебе захочется. Неважно, что ты делаешь и где ты находишься, у тебя всегда будет ощущение того, что ты дома. Вот как сейчас: я все еще сижу в своем саду возле коттеджа у пруда, даже пусть я вместе с тобой тут.

— В этом есть смысл.

— Нет, нету,— рассмеялась Сьюзен,— вот почему это так ловко устроено. В этом вообще нет смысла. Но это очень здорово.

— Значит, вот что это такое?

— Конечно, нет. Это только начало.

Я тоже это знал. Я знал и понял в тот момент множество вещей. Это была новая форма существования. Какого именно существования, я в тот момент не знал. Ответ был частью того, что лежало на долгом пути, открывшемся мне в тот миг.

Я думал-думал над этим, и потом, когда стряхнул с себя оцепенение, я снова был на ферме. Сьюзен по-прежнему была рядом, но Шон исчез.

— Он говорит, что когда-нибудь навестит тебя,— сказала она мне.— Он велел попрощаться с тобой от его имени. Зато тут кое-кто еще.

Я уже пожимал руку Приму.

— Нам надо поговорить,— сказал он.

— Я пойду,— сказала Сьюзен.

Сьюзен и я снова обнялись. Мы разжали объятия, я посмотрел в ее вечно карие глаза и увидел, что больше мы никогда не увидимся.

— Это было замечательно, Джейк. То, что я знала тебя. Любила тебя.

— Я тебя тоже люблю.

Нам больше нечего было сказать.

— Ты не присоединишься к нам, Джейк?

Я направил все свое сознание на Прима и сказал:

— Нет.

Углы его рта приподнялись в мудрой улыбке.

— Вы поразительный индивид.

— Спасибо. Я должен вернуться.

— Конечно.

— Но все-таки вы должны мне сказать насчет кубика. Я не уверен, что все понял. Вы взяли первый кубик, тот, который я принес с Космострады?

— Да.

— Почему?

— Мы его открыли.

— И?

— Результаты неоднозначны. Неудивительно, потому что эксперимент пытался ответить на самые глубокие вопросы. А такие вещи редко получаются с однозначными решениями.

— Какой же глобальный вопрос поставил этот эксперимент?

— Может быть, это самый глобальный вопрос: вопрос вопросов. Почему вопреки НИЧЕМУ есть НЕЧТО?

Я нашел поблизости пенек — кто-то расчищал эти земли — и уселся. Я с минуту глядел на облака, потом сказал:

— Это, действительно, чертовски важно.

Прим расхаживал передо мной.

— О, сформулировать этот вопрос можно по-разному, и у него есть миллион побочных аспектов. Появилась ли вселенная спонтанно, или кто-то или что-то заставило ее возникнуть? И если так, то во что это превращает вселенную? И так далее, и тому подобное.

— Итак, — сказал я, — результаты были неоднозначны.

— Давайте скажем так, что данные еще долгое время будут порождать результаты этого эксперимента. Пока очень трудно сказать, к чему он привел.

— Ладно. Скажите мне вот что: во всем пространстве и времени неужели никто раньше не додумался провести этот эксперимент?

— Давным-давно известно, что теоретически это возможно. По каким-то причинам его никогда не проводили. По крайней мере, нет указаний на то, что это делалось. Мы же не знаем всего, что происходило.

— Вы не всезнающи?

— Не совсем.

— Ясно. Вы не божество — в том смысле, в каком это понимают люди моего места и времени.

— Нет. Это, кстати, весьма интересное понятие. Интригующее.

— Как вы думаете, где-нибудь такое божество есть?

— Может оказаться, что есть, — ответил он.

— Значит, окончательный приговор этому вопросу еще пока не вынесен.

— Да, я понял вашу метафору. Пока не вынесен.

— Порядок, — я набрал в грудь побольше воздуха. — Хорошо. Кубик создал сам себя, так?

— Похоже, так оно и произошло. Примечательно. Возможно, он передает историю той вселенной, которую смоделировал.

— Возможно?

— Весьма возможно.

— А почему Кульминация не могла создать этот эксперимент?

— Мы не создаем. Мы не занимаемся наукой. Наука — это

знание. Мы же ищем мудрость. В конце концов, если подумать, то наука дает такие ответы, которые ведут всего лишь к новым вопросам.

— Но к чему ведет мудрость?

— В конце концов? Может быть, просто к состоянию духа... или к такому состоянию, когда вопрос сам по себе является ответом.

Я встал.

— Ну ладно, — сказал я. — Большое спасибо. У меня в трейлере куча товарного груза, и мне надо его доставить. Я и так выбился из графика.

— Я понимаю.

— Большое спасибо за всю вашу помощь.

— На доброе здоровье.

Я повернулся, чтобы взглянуть на ферму в последний раз. Милое и славное место. Я мог бы прожить тут миллион лет или около того.

Но время от времени мне надо поездить по Космостраде.

И мне на самом деле надо доставить груз по назначению.

Глава двадцать первая

Все растворилось и перешло в:

ИНТЕРЬЕР — СТОЛОВАЯ ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА — ДЕНЬ.

Все просто перетекло из одной сцены в другую, как в старом кино.

И вот пожалуйста — я сидел себе в своем теле, на стуле за столом. Все остальные смотрели на меня.

— Джейк? — спросил Сэм, с любопытством глядя на меня.

— Ага, — ответил я. Я покачал головой и протер глаза. — Как я сюда снова попал?

Сэм изумленно поднял брови.

— А почему ты думаешь, что ты где-то еще был?

— А? Наверное, меня не было много часов. Может быть, дней. — Я посмотрел по сторонам. Все остальные озадаченно смотрели на меня. — Я не был...? Я хочу сказать: я что, не...?

— Ты смотрел куда-то в пространство с минуту — и все, — ответил мне Сэм.

— Что? — я откинулся назад и шумно выдохнул. — Черт возьми!

— Наверное, ты перенес незаурядное путешествие, — заметил Джон.

Я посмотрел на него и кивнул. Потом я заметил, что Прим исчез. Наклонив голову в сторону его пустого места, я сказал:

— А что случилось с...?

— Что? — откликнулся Сэм. — А, он просто встал и ушел.

Сказал, что у него какое-то срочное дело. Наверное, у него на стоянке оплаченное время кончилось.

Я залпом выпил кофе. Он все еще был теплый. Я начал было:

— А сколько, ты говоришь...?— я замер и поставил чашку на стол.— Да ладно, неважно.

— Джейк, что случилось?— спросила Дарла.

— Что? Ничего. Я имею в виду... я не совсем уверен. Потом расскажу.

Дарла пожала плечами.

— Пусть так.

А я совсем не был уверен в том, что же именно произошло. Это было нечто потрясающе чудесное, таинственное и превосходное—это я понимал, но что именно произошло—было мне пока непонятно. Я, наверное, никогда этого настоящему не узнаю. Я только понимал, что почему-то на меня накатила страшная тоска. Словно ощущение огромной потери. Ощущение того, что я чего-то лишился, было удушающим, глубоким и страшным.

— Джейк? Что-нибудь не так?

Я не ответил. Я попил кофе и смотрел на стол. Вокруг снова завязалась беседа, но я не слушал.

Мне показалось, что где-то вдалеке я услышал слабый голос Сьюзен. Я насторожил уши. Нет. Наверное, просто ветер. Или призрак этого замка.

— Джейк!

Это снова была Дарла. Я повернул к ней голову.

— С тобой все в порядке, Джейк?

Я кивнул.

— Да, я себя... прекрасно чувствую. Прекрасно.

Ощущение тоски быстро прошло, оставив после себя просто ностальгическую тоску по чему-то, чего я не умел назвать. И это чувство миновало.

Я вздохнул и сел, выпил чашку кофе, встал.

— Поехали домой,— объявил я.

Мы отыскиали Кларка и обнаружили, что он копается в панели управления маленького робота-помощника, который очень походил на маленький подвижный автомат по продаже жевательной резинки.

— Что это на тебя нашло?— спросил он, когда мы подошли. Он поднял голову:— О, это вы! Привет.

— Мы уезжаем, Кларк,— сказал я.

— Хотите, подвезу до портала, или вы хотите прокатиться по живописным местам сами?

— Если подвезешь...

— Отлично. О господи, все кишки у этого парня перепутаны,— он поставил на место заглушку панели управления и по-

дождал, пока она защелкнулась. Он похлопал робота по прозрачной круглой голове.— Все в порядке, Эдгар, беги, детка.

Механизм покатился прочь на вихляющихся колесиках.

— Пока, Эдгар,— сказала Дарла и помахала ему рукой.— Приятно было познакомиться.

— Др-р-р-щелк-би-и-ип! — сказал Эдгар, повернув голову и приподняв механическую руку.

— Приятный парень, но из низкотехнической семьи, если вы меня понимаете,— сказал снобистски Кларк.— Ладно, я снова ваш шофер.

Нам нечего было укладывать в дорогу. Джон, Зоя и Дарла запаковали несколько своих вещей, Рагна и Они почти ничего не имели, я же захватил свою зубную щетку и еще одну рубашку, что у меня была. Я не видел вокруг ничего, что принадлежало бы Съюзен, Роланду или парням с Высокого Дерева. У Сэма и так ничего не было, кроме того, что он имел на себе.

Наш хозяин так и не появился, пока мы шли к башне. Я и не ждал, что он появится, но почему-то я сомневался, что мы больше его не увидим.

Сверкающие зеленые стены Изумрудного города были немые, пустые покои оставались так же тихи, как последний миллион лет. Какие события происходили в них давным-давно? Какие интриги плелись, какие сцены разыгрывались? Не спрашивайте меня. Этот замок послужил нам неплохой гостиницей, если сравнивать с другими.

Мы въехали на уровень выше с помощью того же подъемника, что и в прошлые разы, прошли по коридору, потом залезли по спиральной лестнице в башню.

— Господи! — воскликнул Сэм.— Вы были правы, когда говорили про летающее блюдце.

— А разве я стал бы шутить такими вещами? — ответил я.

Кларк расширил главный вход блюдца, и мы вошли.

Когда мы убрали свое барахло в тяжеловоз, Кларк уже поднял корабль в воздух. Когда я пришел в рубку, стены снова стали прозрачными, и я смог увидеть, как за нами закрывается купол башни. Изумрудный город остался внизу и позади, и мы понеслись над долиной.

Сэм был зачарован, глядя на то, как под нами скользит поверхность диска-планеты.

— Мурашки по коже,— наконец объявил он.

— Ты думаешь? — спросил я.

— Весьма зрелищно! — заявил Рагна, его розовые овальные глаза раскрылись шире, чем обычно.

Бледно-голубые ручки Они были прижаты ко рту в совершенно человеческом жесте изумления. Она опустила их, чтобы сказать:

— Это действительно волшебство, нечто, весьма похожее на волшебство!

— Весьма,— согласился я.

— Мне почти жаль покидать эти места,— тихо сказала Зоя.

Я с минуту смотрел на нее. У нас не было времени поговорить о том, какие последствия имело для нее решение Юрия. Она выглядела так, словно испытала большое облегчение. Может быть, так было для нее лучше.

Мы мчались к темной стороне планеты — на этой стороне все еще был ясный день. Я внимательно смотрел на все кругом, пытаюсь увидеть, не летит ли что-нибудь нам навстречу. И естественно, медленно приближаясь к нам сзади...

— Кларк!

— Я увидел эту штуку раньше, чем ты,— сказал Кларк, стоя у панели управления. Он даже не повернул головы.

Дарла посмотрела следом за нами и увидела многоцветное явление, которое привлекло наше внимание.

— Интересно, что это на сей раз.

— Я знаю, что это, поэтому мне страшно,— сказал Кларк.— А ведь я не живой, то есть, в обычном смысле не живой.

— Это как?— спросил я.

— Как это — не живой в обычном смысле?

— Господи, как называется то, что за нами гонится?

— У меня нет для этого названия. погоди, увидишь.

Сияющий ураган рос, пока не превратился во вращающееся колесо огня, которое заполнило небо.

— О господи,— сказала Дарла, впиваясь мне в руку.

— Кларк,— сказал я,— ты лучше очень, ну очень хорошо поищи в своем мешочке с фокусами.

— А в каком мешочке, лапочка моя?

Обод этого колеса был сплошным кольцом золотистого огня, в котором переливались как бы зеленые огненные спицы, которые расходились из оси ярко-рубинового цвета. Каскад фейерверка вылетал ежесекундно из обода колеса. Спицы шипели и выпускали голубоватый дым. Это явление явно не было в обычном смысле физическим: спицы и обод крутились в противоположных направлениях.

— Красиво,— сказал Сэм.

— Смертельно,— ответил Кларк.

— Что же делать?— спросил Сэм.

В этот момент весь корабль был окутан сияющим облаком огня, и нас швырнуло на пол страшным сотрясением. Я перекатился и встал на ноги, потом помог встать Дарле, но нас ударила еще одна волна, и мы снова упали. На сей раз я немного подождал, прежде чем вставать. Я спросил Сэма, все ли с ним в порядке.

— Иногда еще не чувствовал себя лучше,— ответил он.— Что нас огрело?

Стены немедленно стали непрозрачными, но теперь они

снова постепенно рассеивались. Колесо выпускало, по меньшей мере, сотню пылающих стрел с обода колеса, и все они были нацелены на нас.

— Ничего себе! — сказал Кларк. — На несколько наносекунд мы подчинялись законам ФИЗИКИ! Нормальным законам! Еще несколько таких ударов — и мы испаримся! Но я уже нейтрализовал эту энергию.

Мы все встали и оглянулись назад. Вроде как между нами и этим колесом возникло приличное расстояние. Не то, чтобы быстро, но все же мы от него отрывались. Нас все еще окружала слабая аура, которая потихоньку рассеивалась.

— Мне кажется, что мы сможем удрать от этой штуки, — сказал Кларк.

— Ты можешь совершить прыжок из континуума? — спросил я.

— Ну, только не тогда, когда эта штука жует нам хвост и, конечно, не так близко к планете. В последний раз, когда мы вслепую прыгнули, нам просто здорово повезло. Наша судьба может не сжалиться над нами так уж здорово во второй раз. Просто дайте мне уйти на какое-то расстояние, а потом мы сможем... о-о-о...

— Там, — сказала Дарла, показывая на правый борт.

Клин пылающих красных дисков мчался нам наперерез, только что вырвавшись из подозрительного красного облака. Кларк вильнул влево, но нас тут же встретил другой такой же клин, на сей раз пульсирующих синих кубов. Кларк снова вильнул, корабль ушел в сторону.

— Кубические формы, — заметил Кларк. — Ну ладно, по крайней мере, это вполне в их геометрическом стиле. Того и гляди, полетят тетраэдры. Готов поспорить.

— Они могут причинить нам вред? — спросил я.

— Может быть. Однако они вроде как не собираются с нами сближаться, что означает...

— Что они нас куда-то загоняют, — предположил Сэм.

— Да, — сказал Кларк, — но я не могу себе представить, куда и почему.

Перехватчики все время делали выпады в нашу сторону, заставляя нас лететь по какому-то определенному курсу, отчего Кларку все время приходилось менять направление. Они явно стремились загнать нас на какой-то свой курс полета.

— Очень эффективный метод, — заметил с восхищением Кларк. — Мы не можем перегнать их, пока нейтрализуем энергию колеса, и не можем перестрелять их. Мне кажется, что и они не могут нас взорвать, но не знаю, что будет происходить там, куда они стараются нас загнать.

— Мы находимся почти над краем Микрокосмоса, — загробным голосом сказал нам Джон.

— Это может оказаться даже лучше для нас,— заметил Кларк.

Под нами промелькнул край диска Микрокосмоса, похожий на долгоиграющую пластинку, поросшую мхами и лишайником. Мы вылетели за край планеты, оставаясь на такой траектории, которая создавала нам постоянную высоту над ребристым ободом диска.

Тут они нас и поймали. Слепящая голубая вспышка окутала корабль.

— Ой, мамочки!

Корабль закачался, потом задрожал, потом снова закачался. Стены стали непрозрачными, а внутреннее освещение погасло. Странные силы толкали и тянули нас куда-то. Потом свет снова зажегся.

— Всем к стенам! — завопил Кларк. — Пристегнитесь!

Я отступил к стене и прижался к обшивке, немедленно выпустившей резиновые щупальца, которые змеями обвились вокруг моих бедер и груди, пробрались под мышками и беспощадно прижали меня к стене.

— Милостивые божественные фигуры! — воскликнул Рагна, когда с ним произошло то же самое.

То, что происходило в следующие мгновения, сбilo нас с толку. Мы стали кувыркаться и падать, потом выправились и стали спускаться с головокружительной скоростью по все убыстряющейся спирали. Нас разрывали силы тяготения, но привязавшие нас щупальца несколько смягчали происходящее, да и стена, к которой нас притянули, стала внезапно очень мягкой и рыхлой. Я подивился про себя и подумал, есть ли во всех существующих вселенных такие вещи, которые не смог бы сделать этот поразительный корабль.

Кроме того, чтобы оказаться абсолютно неуязвимым, конечно. Этого корабль явно не мог.

— Они поймали нас в перекрестный огонь, — сказал Кларк после того, как вернул себе управление кораблем. Теперь, казалось, мы летели довольно ровно, хотя все еще спускались. — Я все думал — существует ли какое-нибудь оружие, которое могло бы сбить корабль вроде этого. Но эти мерзавцы загнали нас как раз в такое положение, чтобы три предохранительных барьера на ребре диска планеты стали палить по нам одновременно. Это с нами и расправилось, по крайней мере, временно. Главная двигательная система пока что не действует. Она сможет сама себя починить, но это займет время. Пока что мне придется приземлиться, лучше немедленно.

Мы мягко плюхнулись на землю. Корабль проскакал по инерции еще несколько метров, потом остановился.

— Фу-у-у, — сказал Кларк. — Аварийная посадка.

Я ответил:

— Любая посадка, после которой ты можешь выйти и пойти себе спокойно — это хорошая посадка.

— Они будут здесь с минуты на минуту, — сказал Кларк, — тут где-то есть выход в туннель. Наш единственный шанс в том, чтобы влезть в тяжеловоз как можно быстрее и удрать под землю.

Резинистые привязки убралась в стены. Я оглянулся вокруг. Снаружи было темно. Мы приземлились на плоскую металлическую равнину, на которой единственным предметом был сетчатый куб, сверкающий в лунных лучах примерно в пятидесяти метрах от нас.

Я шагнул вперед, подпрыгнул примерно сантиметров на десять и мягко опустился обратно.

— Тут единственная сила тяжести — та, которая происходит от малой массы Микрокосмоса. Она естественная, — предупредил Кларк. — Она равна примерно одной двадцатой той, к которой вы привыкли. Так что смотрите под ноги.

— Ты с нами? — спросил я.

— Если хватит времени, я уменьшу корабль и засуну его в ваш тяжеловоз. Бегите.

— Похоже, мы снова занимаемся извозом, — сказал Сэм.

Мы помчались к машине и влезли внутрь. Я включил мотор, и к тому времени, когда в мотор пошел водород, дверь из грузового отсека медленно раскрылась. Я выехал задом, скользя по гладкой поверхности. Сила тяжести была настолько мала, что роллеры еле-еле цеплялись за поверхность. Я строил их на максимальное сцепление.

— Нет необходимости информировать меня о текущей ситуации, — сказал Брюс. — Я пользовался мониторами и за всем следил, так что я в курсе.

— Молодец, Брюс, — сказал я.

Сэм во все глаза глядел на камеру переднего обзора, которая когда-то была его глазами.

— Что за черт? Какой Брюс? — Потом он сообразил: — Искусственный интеллект Ванга?

— Правильно, — ответил я.

Кларк пошел за нами следом. Как только он шагнул на голубоватый металл поверхности под ногами, корабль стал уменьшаться. Я развернулся и открыл заднюю дверь трейлера. Воздуха снаружи не было. Как только корабль стал в сотню раз меньше, Кларк подхватил его и помчался назад, к прицепу. Ей-богу, умеет же бегать Кларк, когда захочет.

Я посмотрел на темное небо. Один из голубых кубиков висел над поверхностью планеты примерно в ста метрах.

— Вот черт! — сказал я. — Прилип.

Я проверил камеру в прицепе. Кларк был внутри... и я увидел нечто, там, сзади, во что просто не мог поверить, но теперь у нас не было времени размышлять над этим.

Я включил газ и рванул вперед, резко направившись к кубу на равнине.

Розовая вспышка ослепила меня.

Усевшись на сиденье возле меня, Сэм оглянулся.

— Это куб,— сказал он,— он в нас стреляет.

Перед глазами у меня плавали зеленые пятна.

— Он в нас попадает?

— Наверное. Трудно сказать. Не знаю, как можно промахнуться на таком расстоянии.

Еще одна вспышка осветила металлическую равнину. Но на сей раз я притемнил стекла в окнах.

— Ты не приделал к этому тяжеловозу какого-нибудь супертехнического силового экрана для отражения такой атаки?— спросил Сэм.

— Нет. Даже в голову не пришло. А надо было бы. Даже возможность такая у меня была.

Кубическое строение было огромным, вся поверхность его была испещрена трубами и кабелями. Тут и там торчали прутки, похожие на антенны. Однако нигде не было видно ни одного отверстия, через которое можно было бы проникнуть внутрь. Я объехал куб на полной скорости, катясь по гладкой и однообразной равнине. Кубик выстрелил в нас еще одной вспышкой, на сей раз тяжеловоз слегка задрожал от удара.

— Хм-м-м,— сказал Сэм.— Они не промахиваются.

Впереди возникла преграда, труба или что-то в этом роде, которая шла как раз поперек нашего пути. Я повернулся влево и ехал вдоль нее, пока она не кончилась коленом, уходившим в землю. Слева были какие-то другие строения, и я повернул и бросился к ним, преодолев по пути с трудом две неглубокие канавы. Я оказался среди нескольких строений со сглаженными углами, стал вилять вправо-влево между ними, пока не выехал из этого миниатюрного города и не обнаружил, что еду в точно такой же, только перед ним лежат еще и какие-то насосы и трубы. Я чуть не раздавил парочку таких штук. Тут, на краю планеты, было очень темно. Вспышки становились все сильнее и свирепее. Кабина дрожала и покачивалась от все новых и новых ударов.

— Они постепенно до нас добираются,— сказал обеспокоенно Сэм.

— Интересно, что их до сих пор останавливало,— ответил я.

Я промчался через еще один городок причудливых конструкций. На окраине его я обнаружил широкую аппарель, которая вела на огромное возвышение, все это находилось прямо у нас на пути. Это было похоже на приподнятую над землей дорогу. Мне надо было или въезжать на нее или поворачивать назад, поэтому я пришпорил мотор, и тяжеловоз поехал вверх по аппарели, подпрыгивая и покачиваясь, а я стал смотреть, нет

ли с другой стороны спуска вниз, потому что на этом возвышении мы были просто как живые мишени. Небо, полное звезд, просто кишело голубыми кубиками и красными дисками, и все они палили в нас розовыми лучами. Цветастые, сволочи, надо признать.

Я выжал газ как следует и набрал скорость. Дорога была достаточно широкой, чтобы позволить осторожно вихляться из стороны в сторону — однако трудно было различить, где у нее край. Пока мы ехали по ровной части этой аппарели, я понял, что равнина внизу резко пошла вниз. Неожиданно внизу под нами совсем не стало поверхности, а дорога превратилась в мост, перекинутый через глубочайшую пропасть, на дне которой я разглядел что-то вроде кранов и разборных механизмов. Ограждения не было, и, хотя езда по такому мосту перепугала бы меня в любой другой ситуации, то, что нас в любой момент могли еще и сбить с него, придавало всему эту самую пикантную остроту, четкость ощущений, и придавало интерес жизни...

Тьму на другом конце моста осветило нечто, что показалось мне странно знакомым. Но пугающим.

— Это что еще за черт? — спросил Сэм, и я сообразил, что он никогда не видел в действии того, что Карл называл тасманийским дьяволом.

— А это настоящий фитиль в задницу, — ответил я и резко притормозил.

Похожее на бешеный торнадо красно-оранжевого огня, это странное явление медленно, но неуклонно приближалось к нам, а странные тени извивались в его сердцевине. Я остановил тяжеловоз — очень трудно было тормозить в такой маленькой силе тяжести — и переключил мониторы на задний обзор. Дорога не была настолько широкой, чтобы можно было развернуться обратно, поэтому я просто переключил роллеры на задний ход и дал газу. Вот как раз то самое, что очень не хочется делать в тяжеловозе с прицепом. У нас были все основания считать, что это путешествие мы закончим как раз в той самой пропасти. Но у нас действительно не было выбора. Я знал, что сделает с нами эта штука, если она догонит нас. Когда она догонит нас... Я в первый раз видел дьявола на планете Плеск — мне казалось, что это было тысячу лет назад. Роланд и я случайно выпустили одного из них, неуклюже копаясь в управлении оружием в шевроле Карла. Эта же тварь, которая теперь гналась за нами, выглядела точно так же. В ней было что-то абсолютно неумолимое. Она производила такое впечатление, что не остановится ни перед чем, чтобы только разрушить ту цель, на которую ее направили.

Трейлер уже заносило к краю дороги. Я переключил передние роллеры так, чтобы они повернули назад, тем самым выравнив прицеп на мосту.

Мы недалеко ушли по этой дороге. Что-то вылезло из пропасти и стащило нас с моста.

— Какой-то кран,— сказал Сэм, прижимаясь лицом к стеклу и пытаясь выглянуть наружу, не открывая окна.— Не знаю, что за штукавина — наверное, что-то магнитное.

Таща нас, словно рыбу на леске, штукавина, или что там это было, качнуло нас над пропастью, мы зависли на миг, потом нас аккуратно и осторожно стали опускать вниз. Внизу открылась дыра, и мы были спущены в эту дыру. Сперва на твердую поверхность встал трейлер, потом сам тяжеловоз. Надо сказать, опустили нас аккуратно. Над нами раздался громкий звон металла. Потом наступила тишина.

Я осмотрелся. В смутном свете я увидел вокруг какие-то силуэты: машины, станки — что-то в этом роде. Мы были в огромном зале, его дальние углы прятались во мраке. Темнота нас немного беспокоила, хотя сканеры показывали, что там ничего подозрительного не шевелится.

— А что теперь? — спросил Сэм.

Мотор все еще работал. Я немного проехал вперед, вглядываясь во мрак.

— Не знаю. Ты что-нибудь видишь?

Сканеры зарыбили, когда огромный темный силуэт, очерченный сверкающими огнями, выехал из отверстия в стене. Я навел на него фары тяжеловоза. Высотой примерно в тридцать метров, эта асимметричная машина состояла из нескольких блоков и представляла собой что-то вроде машины для резки металлолома, поставленной на колеса. На ней было множество механических рук и присосок, все они ошетинились, все были очень зловещего вида, и все были способны открыть наш тяжеловоз, как консервную банку.

И ехала эта штука по нашу душу.

Глава двадцать вторая

— Джейк, я получил запрос,— сообщил мне Брюс,— вероятно, посланный искусственным интеллектом, который управляет тем механизмом, что приближается к нам.

— Скажи ему, что мы пришли с миром,— неловко посоветовал я.

— Я думаю, дело не в этом. Он спрашивает, почему нам не присвоили номер приказа на разборку, и он требует узнать, какой сектор и подсистема предназначили нас на списание.

— Прикажи ему прекратить всякую деятельность вплоть до передачи дополнительных данных! — рявкнул Сэм.

— Выполнено,— ответил Брюс.

Здоровенное чудовище остановилось, как вкопанное. Огни его посверкивали, а руки, как у Шивы, делали угрожающие жесты.

На его башке в форме пирамиды тоже поблескивали крохотные огоньки.

— Найди адреса 0000Н до 0002Н! — приказал Сэм.

— Готово.

— Перезапусти и загрузи библиотеку источников в рабочую память!

— Выполнено.

— Сгружай этой сволочи!

Минутой позже Брюс сказал:

— Выполнено. Прием подтверждается.

Сэм облегченно вздохнул, посмотрел на меня и ухмыльнулся.

— Когда охранник требует у тебя документы, дай ему все, что у тебя есть в карманах. Затопи сволочь бумагами.

— Хороший ход, — сказал я.

— Будем надеяться, что сработает.

Огромная машина пережевывала то, что мы в нее заложили, пару минут, стоя в темноте перед нами. Потом несколько огней на ее корпусе перегруппировались где-то в районе правого бедра страшилища.

— Механизм сообщает мне, — передавал Брюс, — что он весьма мало преуспел в обработке данных, которые он получил. Он требует дальнейших данных и пояснений.

— Перенастрой систему, — скомандовал Сэм.

— Выполнено.

— Выбери поток данных В. Переведи содержимое вспомогательного архива в центральный процессор.

— Емкость центрального процессора на пределе, — сказал Брюс.

— Переводи по буферам.

— Выполнено.

Сэм скрестил руки на груди и фыркнул.

— Это его маленько остановит.

Да. Конечно. Примерно секунд на сорок. Потом на вершине башки-пирамиды засверкали сердитые красные огни.

— Механизм сообщает мне, что он не в состоянии обработать те данные, которые мы ему передаем, — сказал Брюс. — Он приказывает нам следовать в такое место, где это можно будет сделать.

— Ага, чтоб мы пошли к начальнику заставы, — сказал Сэм.

Робот слегка перестроил свою конфигурацию, поменяв местами какие-то блоки, потом его огни изменили цвет, и он стал отъезжать прочь. Я осторожно последовал за ним. Огромное приспособление привело нас в туннель с высокими сводами, из которого оно раньше выехало, и, въехав в туннель, машина слегка втянула в себя какие-то части, отчего стала чуть ниже. Туннель тянулся примерно на четверть километра, потом пере-

шел в гигантский подземный зал, полный всяких машин. Я тащился за нашим завоевателем по центральному проходу, который рассекал зал надвое и скрывался в туннеле в противоположной стене. На сей раз туннель оказался покороче. Он привел нас, в свою очередь, в меньший зал, весь заставленный кусками машин и станков. Тут проход разделялся на три ответвления, причем левый проход казался настолько небольшим, что наш тиран вряд ли смог бы в него протиснуться.

Я принял решение, недолго думая. Мне совсем не хотелось предстать перед гипотетическим начальником заставы. Когда мы подъехали поближе к разветвлению, я пришнорил мотор и помчался влево, пролетев через ответвление туннеля. Робот либо не заметил, что мы проехали в другой рукав туннеля, либо ему не хотелось за нами гоняться. Он вообще никак не отреагировал.

Может быть, потому не отреагировал, подумал я, что этот туннель — прямая дорога в разборный цех.

Но мои опасения не оправдались. Мы выехали на высокую подвесную металлическую дорогу, которая вилась между сложными соединениями многоцветных трубопроводов, кабелей и прочей экзотической техники. Высота дороги была примерно с десятиэтажный дом, а наверху переплетение трубопроводов, проводов и титанических машин терялось из виду в необъятных просторах зала. Я замедлил ход и вел машину осторожно и аккуратно. Ограждения не было и здесь, а падение с такой высоты меня не устраивало.

— Сэм, это получилось уж что-то слишком легко — или я просто параноик? — спросил я.

— Мне показалось, что чуть легче, чем бывает в жизни, — ответил Сэм.

Мы продвигались дальше, пробираясь по запутанным проходам и проездам. Дорога все время извивалась, кое-где сгибаясь почти под прямым углом. Потом с ней произошло нечто такое, что заставило меня совсем остановиться.

— Либо у этой дороги есть искусственное тяготение, либо она только для мух, — заметил Сэм.

В нескольких футах впереди дорога изгибалась сумасшедшей мертвой петлей, которая переходила потом в ведущую вниз спираль, чтобы в конце концов спуститься на ровную поверхность примерно с высоты двенадцатиэтажного дома. Я посмотрел на Сэма. Он пожал плечами, я тоже. В конце концов, почему бы и нет?

Это были самые лучшие американские горки, на которых я катался в своей жизни. Они немного сбивали с толку, потому что на них было четыре центра тяжести, которые притягивали нас поочередно, и с ними приходилось бороться. Когда мы вылетели с последнего спирального поворота, мой желудок спо-

рил сам с собой, что лучше: вывернуться наизнанку или завязаться морским узлом.

Мы ехали дальше, а навстречу нам попадались все новые абсурды. Я мог бы поклясться, что был момент, когда мы карабкались по потолку ячеистого зала, вместо того, чтобы ехать, как положено, по полу. Я убедился в этом, когда всякий незакрепленный хлам стал сыпаться на меня. Потом все это и вовсе упало на водительское место, то есть на меня. Я содрал с лица грязный носок и подумал, не принять ли мне таблетку драмина от морской болезни. У меня болела голова, а содержимое желудка беспомощно булькало. Дарла немного позеленела.

— Сколько времени мы будем это вытворять, прежде чем признаемся самим себе, что мы потерялись?

Я посмотрел направо и налево на две ветки аппарели, выбирая, какая из них лучше.

— Мы и так решили, что пиши пропало, когда сбили наше блюдо. Но на самом деле мы только начинаем теряться как следует, — сказал я.

— Может быть, Кларк знает, как отсюда выбраться, — сказала Дарла.

— Елки-палки! — сказал я. — Я про него вообще забыл!

Я включил внутреннюю связь с трейлером и позвал:

— Кларк! Эй, Кларк! Ты там в порядке?

— Просто прекрасно, — ответил мне голос робота.

— Ты что-то не очень счастливо разговариваешь.

— Могло быть и лучше.

— Хочешь поехать с нами в кабине? — спросил я.

— Если ты этого хочешь — поеду.

— Собственно говоря, ты мог бы нам немного помочь, — я почесал пробивающуюся на подбородке щетину. — Беда в том, что ты, наверное, не пройдешь через переходник между трейлером и кабиной.

— Если ты говоришь про эту кишку впереди меня, которая соединяет трейлер с кабиной, то ты, наверное, прав, — сказал Кларк. — Собственно говоря, я могу принести больше пользы тут, сзади. Я активировал несколько сенсоров на своем корабле.

— Ты знаешь, где мы?

— Только в общих чертах. Что нам надо сделать, так это найти терминал, который даст нам доступ к компьютерной сети, управляющей Микрокосмосом.

Я посмотрел на Сэма, а тот хохотнул.

— Э-э-э, а мне казалось, что мы как раз туда и ехали, когда потерялись, — сказал я.

— А я и так про это слышал, когда вы разговаривали с тем самым роботом. Он именно туда вас и вел. Однако мне думается, что вы поступили правильно, пусть даже мы при этом и по-

терялись. Ничего страшного, где-то тут все равно должен быть компьютерный терминал.

Мы еще немного поблуждали, путешествуя в утробе машины, какой Микрокосмос, собственно, и был.

Наконец Брюс объявил:

— Я связался с искусственным интеллектом, который тут всем заправляет, начальник, что ли...

— Я тоже с ним связан, — отозвался Кларк по внутренней связи, которую я оставил включенной. — Это подсистемный координатор. Отвали, Брюс, с этим мне лучше сладить самому.

— Отлично, — ответил Брюс.

Проходили минуты, и я терял терпение.

— Ну что там, Кларк?

— Не пидай кипятком! — сварливо огрызнулся Кларк. — Меня гоняют по инстанциям.

Время шло. Тишина.

— Ладно, — наконец со вздохом сказал Кларк. — Может, ты в это не поверишь, — я, кстати, тоже не поверил, — но искусственные мозги, которые управляют всеми машинами Микрокосмоса, говорят, что ничего не знают про Прима. По крайней мере, я не могу добиться от них ни малейшего признака того, что они с ним знакомы. Однако про Богиню они все-таки знают. Кажется, она тут весьма влиятельная персона. Это до какой-то степени объясняет все хлопоты, которые у нас из-за нее были.

— Вот именно, — ответил я. — И это вполне может означать, что мы с этого блина никогда не уберемся живыми.

— Не отчаивайся, лапочка. У нас и на этом блине есть кое-какие друзья. Я успел передать сообщение на тот заводик, где мы уже прятались раньше. Они мне ответили. Они счастливы будут, если мы вернемся, поэтому мы можем вернуться туда под их защиту.

— А они могут гарантировать нам безопасный проезд? — скептически спросил я.

— Практически да. Ситуация переросла во что-то вроде внутренней политической борьбы. Не думаю, что Богиня станет вмешиваться на этом этапе.

— Ладно, — сказал я. — А как мы доберемся до завода отсюда?

— Я уже попросил, чтобы прислали транспорт. Мы сядем на поезд. И если ты поедешь вот по этой аппарели направо, то примерно минут через десять доберешься до станции.

Я выполнил указания Кларка, и спустя ровно десять минут мы въехали в большой зал, освещенный красным светом. Он был полон всяких разных машин, но видно было слегка вогнутую платформу, которая шла посередине всего переплетения кабелей и балок. Неожиданно вокруг нас стали подниматься машины, причем самые разнообразные — огромные разбороч-

ные краны, вроде того, который поймал нас сперва, непонятные приспособления, всякие штуковины, и все они поднимались и нависали над платформой.

— А что нам теперь делать? — спросил я Кларка.

— Сидеть и молчать.

Чуть позже стрела огромного крана выстрелила из багряного полумрака, подхватила наш тяжеловоз, подняла над платформой и мягко опустила. Нас подхватила неведомая сила, и нас потащило по рельсам со страшным ускорением. Оно чуть не сломало мне шею.

Постепенно силы ускорения уменьшились, и наша скорость выравнивалась.

— Меня там, сзади, чуть не убило, — пожаловался Кларк по внутренней связи. — Весь этот незакрепленный хлам... и этот дурацкий проклятый автомобиль!

— С тобой все в порядке? — спросил я.

— Ладно, выживу.

— Я-то думал, что ты не живой, ну, в привычном смысле этого слова.

— Все равно я бы этого не перенес.

Наша скорость была просто поразительная: все снаружи казалось сплошным пятном. В мгновение ока мы проскочили через еще один огромный зал, потом помчались по туннелю, летя навстречу пятнышку розового света.

— Джейк? — это меня окликнула Дарла.

— Что?

— Кларк действительно сказал такое, или мне показалось?

Я кивнул.

— Ну да, машина снова там, сзади.

Дарла была потрясена, словно ее поразило громом.

— Джейк, каким образом?

— Не знаю, — ответил я.

— Но... — она застонала от своего бессилия что-либо понять. — Которая же это машина? Та, которую создал Карл, или та, которую...?

— Что-что?

— Ох, Джейк, я совсем запуталась.

— Ты запуталась! — Потом я вспомнил фразу, которую обронил Прим в разговоре со мной: «Вам все будет возвращено».

Мы летели во тьму, время от времени проносясь сквозь участки слепящего света. Наша скорость была примерно пятьсот километров в час, однако я не стал просить Брюса, чтобы он ее измерил. Я крепко-крепко держался за ручки управления, а левая нога прочно сидела на педали тормоза: неизвестно было, когда ко мне снова вернется управление тяжеловозом.

— Кларк! — окликнул я. — Долго еще?

— Долго ли до заводика? Ой, не знаю. На этой скорости мы там должны быть через несколько минут.

Он был прав. Очень скоро мы стали постепенно тормозить, спасибо, что очень медленно и плавно.

— Ну вот, если я почему-то не смогу включить снова космический корабль, — продолжал Кларк, — то вы всегда сможете быстренько проскользнуть к portalу. Завод примерно в полудне пути отсюда, если ехать по прямой.

— Мы никогда не успеем туда домчать, — сказал я ему. — Есть ли хоть какая-то возможность доехать на этом поезде до портала или, по крайней мере, на такое расстояние, чтобы у нас был какой-то честный шанс удрать?

— Я над этим поработаю, — сказал Кларк. Потом он тяжело вздохнул и пожаловался: — До чего же мирная и тихая была планетка, пока вы, люди, не приехали.

Я спросил:

— А что, тут что-нибудь происходило до нашего приезда? Вообще — была какая-нибудь жизнь?

— Нет. И это мне как раз больше всего и нравилось.

— Извини, но мы сюда не по своей воле приехали!

— Знаю, знаю, — нехотя подтвердил он.

Мы въехали на станцию назначения, и еще один кран поднял нас с рельсов и поставил на платформу.

Я завел мотор и отъехал, снова следуя указаниям Кларка.

— Как, черт возьми, ты можешь видеть, что происходит снаружи? — перебил его я.

— Я же тебе сказал, что я частично подключился к сенсору корабля. А для него смотреть сквозь стены — детская игрушка.

— Да уж, конечно, — сказал я.

— Ладно, не об этом сейчас речь. Поворачивай направо.

Я повернул, поехал по широкой аппарели, которая проходила через прямоугольный проем. Мы въехали в зал, который был похож на отгрузочный склад, и что-то в нем показалось мне знакомым.

— Нам надо быть тут, — сказал Кларк.

— Я вошел в контакт с управляющим заводом, — доложил Брюс.

— Соедини меня с ним, — сказал я.

Пауза.

— Какие-то трудности в радиоприеме, — ответил Брюс. — Наверное, из-за того места, где мы находимся. Я предлагаю прямо проехать в зал демонстрации готовой продукции.

— Э-э-э... Джейк! — это был голос Кларка.

— Что?

— Есть ли... — тут интерком заглох.

Я проверил переключатель внутренней связи, понял, что с ним все в порядке, и спросил:

— Брюс, у нас какие-то неполадки?

— Да, Джейк, короткое замыкание в одном месте... У нас займет всего несколько минут, чтобы его найти.

— Неважно, просто приведи нас в зал демонстраций.

Справа от нас открывалась большая скользящая дверь.

— Сюда, — сказал Брюс.

Еще несколько поворотов направо и налево — и мы оказались в том самом зале, где Карл и я увидели в разное время воплощение наших проектов. Однако управляющий заводом все еще не подавал признаков жизни.

— Брюс, что происходит?

— Извини, Джейк. Похоже, с нашей аппаратурой связи произошло что-то неприятное. Возможно, ее повредили.

— Тебе надо было еще раньше об этом сообщить, — сказал Сэм, и в его глазах зажегся огонек подозрительности.

— Наверное, это была твоя первая возможность сообщить, в чем дело, — решил заступиться за него я. — Правильно, Брюс?

— Не надо находить для него оправдательные причины, — рявкнул Сэм. — Он в них не нуждается. Он не может...

— Сэм, погоди, — сказал я, прислушиваясь. Сквозь обшивку стен до меня слабо, но отчетливо доходил какой-то звук.

— Наверное, это управляющий, — сказал я. — Господи, Брюс, микрофоны внешней связи тоже мертвы?

— К сожалению, да, Джейк.

— Ах ты, зараза, — выругался я, открывая люк.

— Джейк, погоди, — прокричал Сэм, но слишком поздно, потому что люк с шипением уже раскрылся.

— Не смей даже нервом пошевелить, — сказал человек, который направил дуло оружия мне в физиономию. Я узнал в нем Джоффа Брандона, одного из наемников Зейка Мура. — Ни одного движения, парень, — прорычал он, влезая еще на одну ступеньку приступки тяжеловоза и прижимая дуло мне к шее. — Я тебе еще кое-что должен, — прошипел он. — Я тебе, конечно, потом отплачу, но я и сейчас готов выжечь тебе твою долбаную морду дотла, если ты только мигнешь одним гребным глазом!

Зейк Мур собственной персоной появился в моем поле зрения, неспешно шагая. Он ухмыльнулся.

— Привет, Мак-Гроу! Похоже, я тебя прищучил.

А из речевого синтезатора компьютера раздался голос Кори Уилкса:

— Так оно и есть, Джейк. И на сей раз, похоже, ты здорово влип.

Глава двадцать третья

Из девяти человек банды в живых осталось трое. Краузе говорил мне, что двое пали жертвой трудностей путешествия, которое нам всем пришлось проделать до Микрокосмоса, а Мур только что сказал мне, что трое, включая Краузе, погибли в сражении на дороге. Из тех, кто выжил, мне был знаком Брандон, уж это само собой; именно его я впихнул в очко деревянного нужника на Высоком Дереве. Видимо, он все еще таил на меня злобу за это пикантное происшествие. Двоих остальных я узнал, вспомнив ту потасовку, что разыгралась в свое время на планете — гараже «дорожных жуков». Зейк Мур был их атаманом. Это был крупный человек, ширококостный, высокий, большерукий и большеногий, массивный и негибкий, как высокие деревья его родной планеты. Корни его уходили глубоко, они больше походили, условно говоря, на плетеный стальной кабель, и были они жестки и жестоки. Он, похоже, потерял в весе. Лицо стало бледнее, и черты слегка заострились. Глаза из-за этого стали еще ярче, словно в них все время горел огонь злобы, словно в серой золе его физиономии развели очаг.

Кларк уже был снаружи — Мур велел ему выйти, и он как можно скорее повиновался — при условии, что ему можно будет взять с собой уменьшенный космический корабль. Осмотрев корабль, Мур почесал в затылке и нехотя согласился.

Кларк неловко извинялся.

— Это же дело самих людей, Джейк. Я не смею вмешиваться.

— Понятно, — ответил я.

— Да нет, ничего ты не понимаешь, но я тебя за это не виню...

С грустным и убитым видом Кларк вышел через заднюю дверь. Она закрылась за ним.

Это было в своем роде воссоединение. Все, кто когда-либо претендовал на фунт моей плоти, все собрались тут, включая даже покойного Кори Уилкса. Разумеется, он был представлен не во плоти — он присутствовал с помощью мошеннической программы искусственного интеллекта, которая была наполнена его воспоминаниями, личностными чертами и амбициями. Немного раньше она вошла в мой бортовой компьютер, сумев на какое-то время вырвать управление у самого Сэма. Сэм сражался с ней и сумел ее одолеть, но, видимо, когда Сэм ушел из компьютера, ничто не могло помешать программе Уилкса выбраться из-под компьютерной стражи и замаскироваться под программу искусственного интеллекта, которая прилагалась вместе с программным обеспечением бортового компьютера. «Брюс» прекрасно сыграл свою роль, сумев на время обмануть даже меня.

К общему торжеству присоединился и еще один —

инопланетянин, который мечтал разодрать мое тело на кусочки. Твврррлл, ретикулянец, бывший командир, а ныне единственный оставшийся в живых член команды Ловушки. Высокий, тощий кошмар в зеленом хитиновом панцире, он стоял в дальнем углу трейлера, а его глаза-камеры сфокусировались на мне. По прошествии всего этого времени он все еще яростно охотился на меня и не стал бы отказываться от погони, пока кто-нибудь из нас, а то и оба, не погибнет.

Приятная компашка. Мы так много пережили вместе. Старые друзья.

Мур размахнулся и ударил меня по лицу ребром ладони.

— Это просто для начала,— сказал он.

Слизывая с губ кровь, я подергал сзади сковавшие меня за спиной наручники. Я не упал и мог бы пнуть его в пах, но не стал, боясь, что Мур прикончит меня на месте.

— Можешь взять кубик,— сказал я.

— Как мило с твоей стороны предложить его,— ответил Мур,— принимаем твоё предложение.

Из кабины донесся глухой грохот.

— Это Мьюррей взрывает сейф,— сказал Мур.

— Я бы сказал вам код,— ответил я.

— Ага, и подложил бы нам мину? Нет, спасибо. Кроме того, тебе больше не понадобится сейф. И тяжеловоз тоже. Собственно говоря, тебе уже в этой жизни ничего не понадобится, кстати.

— Не понимаю тебя, Мур,— ответил я.

— Это как же?

— Такие хлопоты, такие усилия. И все это для мертвого уже Кори Уилкса — или это Джордж Прендергаст теперь заказывает музыку?

— Я не совсем помер,— сказал голос Кори Уилкса по внешней связи тяжеловоза.

— Кори, ты помер целую вечность назад,— сказал Сэм, ерзая, чтобы сесть поудобнее.

Он и остальные — Джон, Зоя, Дарла, Они и Рагна — сидели, скрестив ноги кружком возле прицепа.

Голос захихикал.

— Сэм, мне все еще непривычно обращаться к тебе во плоти. Я полагаю, что это действительно плоть — или, по крайней мере, ее хорошее подобие. Когда я тебя в первый раз таким увидел, я чуть не выдал себя с головой. Такое потрясение! Но, если отвечать на твоё обвинение, Сэм,— нет, я не помер «вечность назад». Мы просто стали с тобой по-разному думать. Вернее, я стал думать иначе. Мое мировоззрение стало разительно отличаться от твоего, и, конечно...

— У нас на это нет времени,— рявкнул Мур.

— По-моему, есть,— ровно ответил Кори.

— Командир! — Мьюррей выполз через переходник. — Командир, тут две чертовы штуковины!

Зейк смерил меня взглядом, потом посмотрел на Мьюррея.

— Ты что мелешь? — спросил он.

— Там, в сейфе, было ДВА кубика!

Он выбросил один из машины, и Мур его поймал. Потом Мьюррей выбросил еще один точно такой же кубик. Мур поймал второй, уронил первый, поднял его и стоял, таращась на оба сразу.

— Чтoб меня черти побрали, на кусочки порезали, — сказал он.

Я захохотал. Смеяться было больно, поэтому я смолк.

— Чтo все это значит? — завопил Мур.

— Два кубика, — сказал я, хотя мне было больно говорить из-за распухшей губы. — С одним я сюда приехал, второй со-
здал сам на этом же промышленном предприятии.

Мур фыркнул.

— Да что ты говоришь!

Он бросил оба кубика своему третьему дуболому, потом протиснулся между ящиками и подошел туда, где стоял шевро-
ле, в одном из своих многих временно-пространственных во-
площений. Он схватил за одну из дверных ручек и дернул. Дверь не шелохнулась. Он большим пальцем несколько раз на-
жал на цилиндрик на замке, однако ничего не произошло. Дверь оставалась закрытой.

— Теперь насчет этой штуки, — сказал он. — Будь-ка так любезен и дай мне ключи от нее.

— У меня их нет, — ответил я.

За это меня ударили чем-то твердым и не очень тяжелым по голове. Я повернулся и увидел Джоффа Брандона, который размахивал длинной полой титановой трубкой — наверное, это была стойка от полевой палатки.

Однако била она больно.

Мур приятно улыбнулся:

— Не хочешь ли исправить свой ответ?

— Нет.

На сей раз мне удалось увернуться. Джофф промахнулся, но в следующий раз все равно попал по мне.

— Ты уверен?

— Да.

Джофф ударил меня сзади по бедрам.

— Слушай, ты можешь забрать эту несчастную машину, черт с ней, но я же тебе говорю, что ключа у меня нет!

Мур поднял руку, чтобы остановить Джоффа.

— Ладно! Мьюррей, поди сюда и посмотри, что тут за замок.

Мьюррей покопался в ящике с инструментами, который он

пронес в машину, и выбрал оттуда какие-то отмычки. Они, похоже, и предназначались для того, чтобы ими открывать старинные замки. Мьюррей бочком пробрался поближе к шевроле.

— Ты мне так и не ответил на мой вопрос, Мур,— сказал я.

— Это на какой вопрос?

— Кто дергает за твои веревочки?

За это я получил еще один удар по черепу.

— Никто за мои веревочки не дергает,— сказал мягко Мур,— а разве это было не понятно по моему поведению? Хотя, надо признаться, меня слегка провели.

Он посмотрел на тяжеловоз и увидел одну из камер, что служили глазами компьютеру.

— М-да. Провели. Надули. Водили за нос.

— Если бы у меня были уши,— сказал голос Уилкса,— то они горели бы сейчас со стыда.

Мур фыркнул.

— Тогда какие у тебя причины, Зейк? — настаивал я, хотя в ушах у меня звенело от последнего удара. — Не станешь же ты утверждать, что твоя злоба против меня такова, что ты стал гоняться за мной до конца вселенной!

— А почему бы и нет? Люди знают, что я, случалось, таил злобу и за меньшее, чем ты мне сделал... но ты прав. Мои мотивы, можно сказать, были весьма патриотические. Мы должны были забрать у тебя карту Космострады, не то Внешние Миры пропадут!

— Бред собачий,— отрезал я. За это я и получил еще удар по спине стойкой от палатки. Сморщившись и пытаясь не показывать наворачнувшихся на глаза слез, я резко и четко рывкнул:

— Мур, слушай меня! Неужели до тебя еще не дошло? Кубик — не карта. Никогда в нем не было никакой карты!

— Конечно, дошло. Это выжжено клеймом на моей шкуре, оно, это клеймо, гласит на всю вселенную, что я самый большой в ней идиот. Но теперь мне нужна эта проклятая штуковина — обе, если уж на то пошло, — хотя я не понимаю ни хрена, почему так получилось — но мне нужны эти кубики для того, чтобы купить себе обратный билет с этой планеты.

— Ну, так ты получил эти кубики. Так убирайся к черту из моего тяжеловоза!

Прежде чем Джофф успел ударить меня еще раз, я резко развернулся на месте, поднял колено к груди и резко ударил ногой в челюсть Джоффу, стараясь ребром попасть ему по подбородку. Удар пришелся точно по цели, и он отлетел на груды всякогохлама, намертво потеряв сознание.

Третий дуболом немедленно наставил на меня свое оружие, но стрелять пока не стал. По глазам его я понимал, что ему страшно хочется немедленно попробовать свое оружие на моей шкуре, но немедленно после удара по Джоффу я замер на

месте, дав ему возможность подумать, прежде чем открывать огонь.

Я стоял, не двигаясь, и смотрел прямо ему в глаза. Мур хотнул, и парень с оружием расслабился.

— Отлично сработано, — сказал Мур. — А я все гадал, когда Джофф тебе осточертеет, — он вздохнул. — Бедняга Джофф. Дурак дураком и уши холодные, боюсь, что так. — Выражение его лица приняло ностальгический оттенок. — Ах, как жаль, что Жюля подвело сердце. Жюль на голову выше этого идиота.

Он снова вздохнул и повернулся к Мьюррею, который пытался открыть машину странно изогнутым металлическим стержнем.

— Как дела?

— На вид просто, — пожаловался Мьюррей, — а на деле...

— Зейк, — сказал я, — тебе действительно нужна эта машина или ты согласишься на точную копию?

— А? Чего?

— Этот завод может сделать тысячу копий этой вот машины за десять минут — сделает, если ты понравишься заводу. Эта машинка была разработана и сделана именно тут.

— Ты что такое мелешь?

— Разве Богиня тебе не сказала? Именно здесь мы и получили эту машину.

Мур нахмурился.

— Но машина была у вас до того, как вы приехали на Микросмос. Как это вы могли получить ее здесь?

— Это Парадокс. Спроси Богиню.

Мур крикнул.

— Поди попробуй получить у нее прямой ответ... Тебе не пришлось иметь дело с этой... этой ШТУКОЙ.

— И кубик тебе тоже не нужен. Я знаю обратную дорогу. У меня есть карта. Настоящая карта. Она твоя, и можешь никому ее не отдавать.

Мур уставился на меня, не мигая.

— Где?

— В компьютере.

Мур медленно повернулся к камере.

— Правда?

— Абсолютная, — ответило подобие Уилкса.

Мур медленно и зловеще улыбнулся.

— Ты что же, ждал подходящего момента, чтобы мне сказать?

— Конечно.

— Конечно, — Мур медленно шел, уперев руки в бока, к маленькой камере внешнего обзора. — Мне совершенно очевидно, что тебе что-то нужно, Уилкс. Но, ей-богу, совсем не могу понять, почему тебе кажется, что ты еще можешь диктовать условия. Положение у тебя не таково.

— Ну-ка, подумай еще раз.

— Да я же просто могу забрать карту. Мьюррей понимает в компьютерах.

— Я сотру ее прежде, чем ты сможешь вытащить мой штепсель из розетки.

Мур остановился и топнул ногой. Трейлер затрясся.

— Чтоб ты провалился! Ты же сдох. Я сам видел, как вон они тебя похоронили. И вот ты тут, пытаешься без мыла влезть в рай...

Программа-Уилкс рассмеялась.

Мур снова вздохнул. Он выглядел страшно усталым.

— Что тебе надо?

— Ну, об этом как-то неудобно говорить... но я не совсем знаю, что именно и как я могу сделать. М-м-м... неправильно. Лучше сказать так: я знаю, что именно мне хочется, но я не знаю, с какими именно козырями мне играть. То есть, у меня есть идея, с кем мне надо поторговаться, но эта мысль...

— Что тебе надо? — сквозь зубы сказал Мур.

— Ну как что? Роскошное новое тело, такое же, как у Сэма.

Мур с мученическим видом вздохнул:

— Ну, я-то его тебе дать не могу!

— Нет, ты — нет. Но вот Джейк, может быть, и может.

Глаза Мура сузились.

— Вот как?

— Ну да. Я знаю завод, знаю, что он может делать. Он может производить практически все на свете. Наверняка он может создать мне такое же тело, как у Сэма. Я бы охотно поспорил, что Прим сделал Сэму тело именно здесь. Но вот что-то мне кажется, что завод не станет для меня ничего такого делать — можно сказать, что я почти уверен, что не станет. Но Джейк тут приобрел репутацию почти художника, артиста от конструирования. Правильно, Джейк? Они сделают для тебя все, что ты им скажешь.

— А почему бы и нет? — сказал я. — Конечно, Кори, договорились.

— А ну-ка погодите, сукины дети, — сказал Мур. — Ни о чем мы не договорились, если тут для меня нет доли! Понятно, вы? — он подождал, не ответим ли мы на это. — Я сказал, понятно вам?!

Сверкнула вспышка света, и сзади, из трейлера, раздался громкий треск. Мур отскочил назад и упал на колени, вытащив пистолет. От того места, где стоял Мьюррей, поднимался столб голубого дыма. Я присмотрелся. На полу завода лежала кучка обугленного вещества: почерневшая бедренная кость, ребро, осколок черепа. Больше ничего не было, кроме горстки пепла.

Мур медленно поднялся. Он осторожно подкрался к тяже-

ловозу, глядя на обугленные останки своего подручного. Вонь горелого мяса наполнила трейлер. Лицо Мура побелело, потом налилось холодным гневом. Он навел на меня пистолет.

— Провались ты пропадом! — выдохнул он, потом завопил: — Будь ты проклят!

Он навел на меня мушку.

— Нет.

Это слово пало между нами, словно мертвечина, обретенная с неба стервятником. Голос, который произнес это слово, не принадлежал человеку.

Твврррлл выступил из полутьмы. У него в руках было маленькое ручное оружие, и этот пистолет был наведен на Мура.

— Нет, — повторил он, — Священная Жертва не может быть поврреждена.

Мур не шелохнулся, прицелившись по-прежнему прямо мне в лоб.

— Не надо, Зейк, — предупредил голос Уилкса. — Это неразумно... особенно сейчас.

Время шло, прошла вечность, а может, две.

Мур медленно опустил пистолет.

— Свяжи ему ноги, Даррелл, — сказал он своему единственному оставшемуся в живых и в твердой памяти приспешнику. — Потом посмотри, сможешь ли ты привести в себя Джоффа.

Даррелл заставил меня сесть. Он тщательно следил за тем, чтобы не оставить мне лазейку для того, чтобы ускользнуть или даже пошевелиться. Он связал меня еще одной веревкой из того нескончаемого запаса, что они принесли.

Джофф наконец пришел в себя. Я не сломал ему шею, хотя мне так этого хотелось. Потирая подбородок, он подобрал с пола свое оружие и, пошатываясь, встал на ноги.

— Тащи ее сюда, — приказал Мур, показывая на Дарлу.

Я напряг руки, пытаюсь ослабить путы. Я ничего не мог сделать.

— Она же беременна, Зейк, — сказал неловко Даррелл.

— Ну и что? — взорвался Мур. — Если у тебя кишка тонка, то...

Дарла на меня не смотрела. Лицо ее было полно мрачной решимости. Я был даже рад, что она на меня не смотрела. Это было бы только хуже.

Они повалили ее, когда снаружи что-то случилось. Вспыхнул свет, такой яркий, что, казалось, он проник даже в трейлер.

Мур встал с руганью.

— Это опять она, — сказал он.

Внезапно задняя дверь трейлера распахнулась, и белый свет залил все кругом. Для меня это было как божественное присутствие, как избавление.

— ПОКАЖИТЕСЬ, СМЕРТНЫЕ! — раздался усиленный каким-то образом голос. Я его узнал.

Мур колебался, прежде чем взять один из кубиков. Он побледнел, но собрался с мужеством и протиснулся мимо шевроле к выходу. Когда он подошел к двери, то упал на колени.

— Мы слышим, о великая владычица,— сказал он, закрывая глаза от источника этого страшного божественного света высоко вверх.— У нас есть тот предмет, который тебе нужен.

После минутной паузы голос раздался снова:

— ДА. ДА. ОТЛИЧНО! ЭТО ОН И ЕСТЬ?— сказал резко голос.

— Да, великая владычица.

— ОТЛИЧНО. СКАЖИ СВОИМ ТОВАРИЩАМ, ЧТОБЫ ОНИ ВЫШЛИ ОТТУДА. Я ЖЕЛАЮ ИХ ВИДЕТЬ. НЕ ВАШИХ ПЛЕННИКОВ—ТОЛЬКО ТЕХ, КТО В ВАШЕЙ ШАЙКЕ.

Джофф и Даррелл зашевелились, но Мур махнул им рукой, делая знак остаться внутри.

— Послушайте... Богиня...— начал нерешительно Мур.

— ЧТО ТАКОЕ?— голос нетерпеливо перебил его.

— У нас было соглашение. Вот кубик, тот предмет, который вы приказали нам достать для вас. Мы так и сделали, подвергаясь огромным опасностям, мы заплатили за это дорогой ценой...— он крикнул от рези в глазах и стал погирать их. Свет был слишком ярким.— Я... мне не видно тебя, владычица,— сказал он.

— НЕВАЖНО. Я ДАЛА ВАМ ПРИКАЗ, И Я ТРЕБУЮ, ЧТОБЫ ОН БЫЛ ВЫПОЛНЕН. СЕЙ СЕКУНД. Э-Э-Э... ТО ЕСТЬ, НЕМЕДЛЕННО!

— Какой приказ?— подозрительно спросил Мур.

— Я ВЕЛЕЛА ВАМ ВЫЙТИ ИЗ ЭТОЙ МАШИНЫ. ВОТ КАКОЙ ПРИКАЗ... И ОСТАВИТЬ ВАШЕ ОРУЖИЕ В МАШИНЕ.

— Что?! Да я!— Мур пытался разглядеть, что же именно стоит за слепящим сиянием.— Слушайте! Если только вы хоть на миг прекратили бы свои сценические эффекты...

— НЕ СМЕТЬ РАЗГОВАРИВАТЬ СО МНОЙ ТАКИМ ТОНОМ, КОМОК ДЕРЬМА! КОГДА Я ГОВОРЮ «АП!», ВЫ ПРЫГНЕТЕ. ЯСНО? И, КРОМЕ ТОГО...

Мур вышел из себя.

— Эй, минуточку, мать вашу!

Сэм именно в этот миг взлетел на ноги. У меня не было времени даже удивиться тому, как это он смог выдраться из необыкновенно прочной строительной веревки. Все произошло необыкновенно быстро. Он выскочил перед трейлером, налетев на Джоффа и влепив походя удар по шее ребром ладони Дарреллу, который тут же свалился. Сэм и Джофф несколько мгновений катались по полу, потом из кучи извивающихся рук и ног выпал пистолет и запрыгал по полу. Оба они рванулись, чтобы

его перехватить. Тут же, откуда ни возьмись, появился Джон и стал перерезать на мне веревки. Выпутываясь из обрывков, я услышал шипенье и треск и увидел вспышку энергии. Джон пригнулся. Я подполз к Дарреллу, чтобы найти его пистолет. Снаружи гремел голос Богини. Внутри были вопли и общие беспорядки. Я взглянул и увидел Зою, которая размахивала охотничьим ножом. Я нащупал пистолет и покатился назад, к выходу из трейлера, встав на колени возле левого заднего колеса шевроле. Я вскочил на ноги, увидел, как Мур прицеливается поверх крыши автомобиля. Я поднял пистолет-автомат Даррелла и выпалил в него десять очередей. Потом я снова упал на колени. В передней части трейлера было тихо. Я оглянулся. Все лежали на полу. Я видел Дарлу — она сжалась за картонными ящиками с продуктами. С ней все было в порядке.

— Сэм? — окликнул я.

— Ему досталось, Джейк, — услышал я голос Джона.

Позади шевроле не было никаких подозрительных движений. Я решил рискнуть и бросился к задней двери. Мура не было видно. Снаружи оказалось, что свет рассеялся.

— Джон! — завопил я. — Ты видишь его по другую сторону машины?

— Нет, он, наверное, выпрыгнул.

Я услышал, что в демонстрационном зале топают бегущие ноги. Мур бежал вовсю по блестящему бело-голубому полу. Я вытащил пистолет и выпалил в него несколько раз, как раз в тот момент, когда он почти исчез во входе в туннель, который вел в главные здания завода.

Я снова пошел в машину.

Глаза Сэма были закрыты, но он дышал, что само по себе было поразительно, если учесть страшную рану в груди, которую он получил. Молния страшной силы поразила его и нарисовала страшный извилистый черный ожог от живота до самой шеи.

— Делай все, что можно сделать, — сказал я тихо Джону, — а я помчался за Муром.

Дарла оказалась рядом со мной, ее рука изо всех сил сжимала мое плечо.

— Не уходи, Джейк, — сказала она. — Давай выйдем отсюда — давай уедем...

Я снял куртку и накинул на нее. Потом поцеловал ее.

— Он должен умереть, — сказал я ей.

Зоя стояла над Джоффом. В его спине красовался охотничий нож. Я обнял ее одной рукой и прижал к себе. Она словно окаменела и никак не могла расслабиться.

— Хорошо сработано, — сказал я ей.

— Я никогда никого прежде не убивала, — ответила она.

— Как ты достала нож?

— Он был прямо рядом со мной, под ненужным листом

оберточной бумаги. Они даже не потрудились проверить. И чисто случайно они нас так посадили, что мы могли передавать нож друг другу. — Она провела рукой по своим темно-каштановым кудрям. — Глупо с их стороны.

Дарла сказала:

— Наша последняя веселая поездка, словно на американских горках, здорово тут все перепутала, потому что вещи перемешались. По-моему, это нож Шона. Я помню, что положила его в ящик с инструментами. Видите? Он свалился и раскрылся от удара.

Я снова прижал Зою к себе и посмотрел, не протрезвился ли от удара Даррелл, который не шевелился с тех пор, как его свалил удар Сэма. Шея у него была сломана, и он был мертв.

— Где ретикулянец? — спросил я, вдруг вспомнив про него.

Рагна ответил:

— Эта скотина убежала со всей возможной поспешностью, как только началась перестрелка.

Он показал на переходник.

— Вот черт. Придется проверять кормовую каюту и кабину.

— Эй, вы, там? — раздался голос Кларка из дальнего конца трейлера.

Я прошел назад и спустил ему подъемную лестницу. Он взобрался наверх и вошел к нам.

— Ты не видел там, снаружи, ретикулянца? — спросил я.

— А, такого отвратительного в хитине цвета ликера шар-трез? Он помчался вслед за тем, первым. Как тебе мое маленькое представление?

— Представление?

— Мне-то казалось, что моя имитация была особенно блестящей, если принять во внимание тот факт, что я никогда не слышал, как Богиня разговаривает.

— Так это был ты?! — с изумлением спросил я.

— Ну, естественно. Попробуй только не сказать мне после этого, что во мне погиб великий артист.

— Ты просто гений.

Кларк притворился смущенным.

— Ну что ты, что ты, ничего особенного.

— Спасибо, — сказал я.

— Скажи спасибо ребятам на заводе. Они занимались специальными эффектами...

— Весьма рад был быть полезен, — сказал управляющий заводом. Как обычно, его голос раздавался откуда-то из воздуха. — Мы не придерживались единого мнения по данному вопросу, но все-таки пришли к выводу, что какое-то вмешательство, пусть не прямое, было необходимо.

— Опять мы у вас в долгу, — сказал я с чувством.

— Ерунда, пустяки.

Я вернулся и посмотрел на Сэма.

— Самое странное,— сказал Джон,— это то, что рана заживает. Видишь?

Он очень осторожно провел рукой по ране Сэма, смахивая прочь обугленные крошки сожженного тела. Под ними была беловатая ткань шрама.

— Поразительно. Он, однако, все еще не пришел в сознание. Пульс очень хороший, и...

Веки Сэма затрепетали.

— Сэм! — сказал я, опускаясь возле него на колени.

Он открыл глаза и посмотрел на меня.

— Что?

— С тобой все в порядке?

— По-моему, да. Ничего плохого я не чувствую,— он стал почесывать грудь, но Джон перехватил его руку.— Чертовски щеотно,— пожаловался Сэм.

— По-моему, ты вполне поправишься,— сказал я.

— Ты можешь поверить, что я споткнулся о какой-то дрянной мусор и поэтому выронил пистолет? А потом дал ему его схватить... Если ты хоть раз в кои-то веки убирался тут...

— Сэм, заткнись.

— Ты смеешь так разговаривать со своим отцом?

— Отдохни, а меня можешь с потрохами скушать потом, попозже. Мур удрал — я пойду за ним.

— Не будь идиотом.

— Мне что-то кажется, что сейчас он уже покинул пределы завода,— сказал Кларк.— Их машины были припаркованы возле погрузочного склада, недалеко отсюда.

— А как насчет ретикулянца?

— Системы безопасности сообщают, что две «единицы живой биомассы» покинули «пределы производственного комплекса», — сообщил Кларк, который, видимо, ловил такие сообщения просто из воздуха.

Сэм встал на ноги. Джон помогал ему.

— Есть кое-что, Джейк, что я просто обязан сделать. Нет-нет, со мной все в порядке, не помогай мне,— сказал Сэм.

Он прополз через переходник. Я последовал за ним. Когда я оказался в кормовой каюте, Сэм стоял возле стены, отвинчивая пластину, под которой скрывался центральный процессор.

— Привет, Джейк,— сказал голос Брюса.— Вот Сэм говорит, что нам нужно совершенно переформатировать вспомогательный архив. Я ему все объясняю, что такие действия непременно потребуют...

— Прекрати, Уилкс,— сказал я.— Мы на эту удочку больше не попадемся.

— Джейк, я вижу, ты не понимаешь. Паразитная программа, которую ты называешь Уилксом, перестала мною управлять. Она передала мне управление... Нет никакой необходимости...

— ЗАТКНИСЬ!!! — сказал я, потом глубоко вздохнул. — Все кончено, Кори.

Пауза, потом:

— Сэм, пожалуйста, — это был голос Уилкса.

— Нет, Кори, — сказал Сэм, поднимая защитную панель над кнопкой ПЕРЕЗАПУСК. — Надо сказать последнее «прости».

— Ясно, — сказал тихо голос Уилкса.

Сэм встал, нацелив палец на красный выключатель.

— Я должен был бы ненавидеть тебя, Кори. Но почему-то этого не происходит. Я всегда чувствую, что мне тебя жалко. Мне кажется, что за всю свою жизнь ты не испытал ни одной светлой минуты.

Прошло долгое молчание, и раздался голос:

— Нажми кнопку, Сэм.

Мы услышали звук, весьма похожий на вздох.

— Я... я очень устал. Очень.

Сэм нажал кнопку. На табло центрального процессора загорелись несколько красных огоньков.

Так закончилась еще одна человеческая жизнь. Почему-то, невзирая ни на что, это всегда очень печально.

Глава двадцать четвертая

Через двадцать четыре часа рана Сэма превратилась в длинный, тонкий белый шрам. Чуть позже его вообще невозможно было разглядеть.

— У тебя оказалось чертовски живучее тело, — сказал я.

— Здорово, правда? — согласился Сэм.

Нам пришлось потратить немало времени, чтобы снова привести компьютер в норму. Нам пришлось загружать в него кучу материального обеспечения, используя оригинальные дискеты, которые к нему прилагались, потом провести все проверки, отделки и настройки, и так далее. Мы вызвали к жизни настоящий искусственный интеллект Ванга и заставили его работать. Чтобы регулировать и управлять таким сложным механизмом, как наш тяжеловоз, требуется по-настоящему интеллектуальный и с гибким сознанием компьютер. На сей раз я не стал давать имя искусственному интеллекту. Мне что-то не хотелось. Вполне сойдет и просто «компьютер».

Кларк сказал нам, что космический корабль все еще в состоянии лететь.

— О, конечно, он ремонтирует сам себя, но что-то уж очень медленно, — пожаловался он нам. — Ему действительно очень уж досталось. Не беспокойтесь. Можете доехать до главного портала по рельсам, они заканчиваются в трехстах километрах от него.

— Может, ты и прав. Ну ладно, мы подождем.

— Завод может что-нибудь для вас сделать? В смысле корабля, Кларк?

Кларк покачал головой.

— Сомневаюсь. Это производственный комплекс, а не ремонтная мастерская.

Хотя мы совершенно стерли все данные на винчестере компьютера, мы не потеряли карту Космострады. У меня все еще была дискета, которую дала мне Богиня. Я не стал даже класть ее в сейф, когда получил. Она все время лежала в ящичке-бардачке под приборной панелью. Загрузить обратно все данные было немыслимо долгой работой, но у нас было много времени.

Прошел день. Тогда мы и получили сообщение, что «единица живой биомассы» вошла в здание завода.

— А у системы безопасности есть своя гипотеза, что это за гусь? — спросил я Кларка.

— Они говорят, что это точно такая же единица биомассы, какая покинула завод вчера — а что кроме этого, им неизвестно. Мне кажется, они не рассчитаны на то, чтобы отличать различные формы жизни друг от друга. Этот завод весьма слабо укреплен с точки зрения безопасности. В конце концов, это демонстрационная модель завода, а не почтовый ящик.

— Наверное, это Мур, — сказал я, чувствуя, что в животе у меня все словно узлом завязывается. — Я пойду за ним.

— Ни в коем случае не пойдешь, — объявил Сэм, — даже если мне придется тебя связать, как свинью на убой.

— Нет никакого иного способа его обезвредить, — сказал я. — У него есть мощный союзник, если не считать бронированного фургона и кто знает чего еще. Он нас будет терзать всю дорогу до портала. Мне придется покончить с ним немедленно.

— Зачем именно тебе с ним связываться? Я пойду, — он поднял руку. — О'кей, о'кей, оба пойдем.

— Ты что, с ума сошел? Я ни в коем случае не оставляю тяжеловоз в таком состоянии и в такой ситуации, когда защищать его должен только Джон.

— Тогда оставайся тут, — предложил Сэм.

— Нет. Я должен пойти и прикончить всю эту банду раз и навсегда.

Джон мягко сказал:

— Нет никаких возражений, если с тобой пойду я? Таким образом и машина останется в хороших руках, и у тебя будет, по крайней мере, один помощник.

Я поморщился.

— Прости, Джон. Я не хотел, чтобы мои слова прозвучали таким образом.

Джон улыбнулся, его светло-коричневое лицо выглядело усталым и осунувшимся.

— Я понимаю. Ты совершенно прав. Сэм может с этим всем справиться. А ты вдвойне прав, когда говоришь, что нам надо пойти и встретиться с этим типом. Мне что-то очень не хочется просто сидеть и ждать, когда в нас ударит следующая молния. Невозможно сказать, что еще придумает Мур, шляясь по заводу. Нам надо самим перенять инициативу.

— Тогда полный порядок, — сказал я.

Сэм кивнул и пожал плечами:

— Надо признать, Джон тут кое в чем прав, — он скрестил свои сильные руки и вздохнул.

— Ну ладно, господа. Идите себе. И хотя бы ради меня, будьте осторожнее. Я уже старик. Это постоянное волнение плохо влияет на мое здоровье.

— Что, твое сердце с атомным двигателем стало слишком сильно колотиться? — укоризненно спросил я. — Вы только посмотрите на него. Ему же двадцать пять на вид и ни дня больше. У него и волос больше, чем у меня.

Мы разработали совершенно безошибочный план. Кларк будет все время держать связь с системой безопасности и постоянно передавать положение нашего противника Сэму. Я же буду постоянно поддерживать с Сэмом контакт по радио. Я взял с собой наш последний комплект радиотрансмиттеров кнопочного типа. Несколько таких кнопочек, расположенных в нужных местах по пути нашего следования, вполне сносно передадут все необходимые радиосигналы.

Джон и я вооружились и отправились в поход по территории завода. Мы уже вполне хорошо представляли себе, где находится наш непрощенный гость. Он вошел в здание, в котором размещался Комплекс Магнетических зеркал, и остался там. Джон и я планировали застать его врасплох, загнать его в какой-нибудь тупик и там взять в перекрестный огонь. Дойдя до залов Субмикронной Разборки и Сборки, мы с Джоном разделились.

Завод снова стал тихим. Он ради нас жужжал и завывал, работая на всех парах, но теперь ему не для кого было работать, не было новых проектов, над которыми можно было поразмыслить, не было прототипов изделий, которые надо было испытать и оценить. Работал ли когда-нибудь этот завод по настоящему, или он был, как выразился Кларк, образцово-показательной моделью, экспонатом выставки (вселенской выставки?). Неважно. Сейчас тут было тихо. Может быть, завод останется таким же тихим до скончания своих дней. Или пока на Микрокосмос не придут новые кандидаты. Если вообще придут. Я думал об этом. Неужели мы действительно были первыми? Никто не сказал этого наверняка. Может быть, ожидалось прибытие новых бесстрашных исследователей? Через

недельку, скажем... или через пару-другую миллионов лет?.. Но время не играло никакой роли на Микрокосмосе. Тот, кому суждено прийти, придет. Обязательно.

Я шел сквозь полумрак и тишину. В воздухе был сухой, чистый промышленный запах. Острый луч света из единственного высокого окна рассеивал темноту и там, где его конец рассыпался на ярко-зеленом полу, в озере солнечного света, стояли несколько монолитных объектов. На панелях контрольных приборов и приборных досках горели красные и зеленые огоньки. Аппаратура была в полной готовности. В любой момент по приказу она оживет, заработает, выдаст продукцию, выполнит план производства.

Я остановился и поднес ко рту то, что когда-то было ключом от трейлера и Сэма. Теперь это просто был компьютерный терминал, но можно было использовать его и как ушки-токи.

— Наш гость все еще стоит неподвижно, — сказал Сэм. — Ты где?

— Я как раз должен пройти через что-то вроде машинного зала, который находится в северном крыле зала Зеркального Комплекса. Как только туда доберусь, я буду практически над ним. Джон должен войти со стороны Диффузионного Кольца.

— Принято. Будьте осторожны.

— Хорошо. Конец связи.

Я шел все дальше и дальше! Руки роботов, застывшие по чьему-то желанию именно в таких положениях, тянулись ко мне из темноты. Они могут работать с ослепительной быстротой, чтобы превратить чью-нибудь мечту в реальность, если им дать надлежащие инструкции. Я прошел мимо подвижного робота-рабочего. Наверное, он был чем-то вроде мастера участка. Он молча застыл, ожидая приказа на своем рабочем месте. Чуть дальше я вздрогнул при виде высокой тени в нише — но это оказался всего лишь обслуживающий машины робот.

Огонек на ключе замигал. Я ответил.

— Джейк, наш непрошенный гость передвигается. Повторю: он движется.

— Принято, — сказал я. — Куда именно?

— По направлению к тебе.

— Отлично, я оставляю канал связи открытым.

Я медленно шел дальше. Я старался оставаться в тени и двигаться как можно бесшумнее. Я остановился и прислушался. Ничего, я двигался дальше, останавливаясь каждые несколько метров, насторожив слух.

Внезапно раздалось гудение. Кто-то был за моей спиной, как предупреждал меня гудок ключа. Потом раздался еще один звук — словно какое-то жужжание. Я замер. Да нет, ничего. Просто какая-то машина сбрасывала накопившееся статическое электричество. Кроме того, звук раздался совсем из другого места. Он должен был бы идти с севера. Я подумал про себя,

что Джон куда-то пропал, а ведь он тоже должен был бы уже оказаться в зале.

Снова загудел ключ.

— Враг все еще движется по направлению к машинному залу, — сказал мне Сэм. — Где ты?

— Я притаился в маленькой мастерской или что там такое рядышком с этим же залом?

— Погоди-ка... А, вот это место на карте... Ладно, понятно. Такое впечатление, что враг тоже направляется именно туда.

— Тогда здесь я с ним и расправлюсь, — прошептал я.

— Сиди и не шевелись, пока его не увидишь. Ему придется пройти мимо твоей двери, если он хочет попасть в зал.

Я ждал, прислушиваясь к тишине.

Через несколько минут Сэм снова связался со мной.

— Что-нибудь новенькое есть?

— Нет, — прошептал я, — ничего.

— Он должен вот-вот поравняться с тобой.

Я выждал еще несколько минут, потом потерял терпение.

— Ты уверен насчет того, где именно находится наш гость? — спросил я.

— Да.

Я оглянулся. Тишина стояла вокруг меня стеною.

— Я передвинусь так, чтобы получше видеть дверь.

Я пополз по узкому проходу между двумя гигантскими машинами. В этом помещении была только одна дверь, та, через которую я пришел. Высунув голову из прохода, я поднял свой автомат и прицелился. Я не стану стрелять, как только увижу его, а просто последую за ним, держа его на мушке. Он от меня не уйдет. Если он окажется где-нибудь поблизости от тяжеловоза, Сэм его просто спалит. Отлично. Так мы прикрыли все наши уязвимые места, не теряя противника из виду.

Мы продумали все.

Нет, не все. Я не подумал, что в маленькую мастерскую может быть еще один вход. И такой вход был, высоко в стене, через него проходил подвесной мостик. Мостик извивался между балками, трубопроводами, подвешенными машинными деталями. Я запрокинул голову и проводил взглядом направление мостика. Лестница. Этот мостик соединялся лестницей еще с одним, который проходил прямо у меня над головой.

Я вскочил на ноги, попытался бежать... Слишком поздно. Что-то ударило меня в спину, и я полетел ничком на пол. Автомат запрыгал по полу и исчез под верстаком.

Я перекатился и сел. Я был загнан в угол. Бежать мне было некуда. Тввррлл стоял, загораживая мне проход. Он размахивал своим церемониальным кинжалом с черным лезвием, широким и искривленным, и нефритово-зеленой рукоятью.

— Дрррруг мой, Джейк, — проверял он. — Священная добыча. Я пррриветствую тебя.

Я медленно поднялся. У меня не было оружия, но мне придется сражаться с ним. Это будет во второй раз в жизни. Мне снова придется сражаться в церемониальной битве с ретикулянским охотником. Первый раунд я выиграл, победив двух противников, сотоварищей твврррлла в рукопашной схватке. Я не считал, что во второй раз удача так же улыбнется мне. Он, конечно, мог бы застрелить меня. Его пистолет висел на кожаной португее, которую он носил на торсе. Но это не принесло бы ему чести и славы. Ему необходимо было прикончить меня именно с помощью церемониального кинжала, потому что это церемониальная, почетная добыча. Вернее, обычно жертву подвешивали за руки и за ноги животом вниз, а потом заживо выдирали из нее кишки. Вивисекция. Сдирание кожи заживо. Чем больше жертва вопила, тем почетнее было жертвоприношение.

— Долго же я охотился за тобой, дрррруг мой, Джейк,— сказал твврррлл.— Пррррследование было долгим и тррррудным. Много раз я терял и снова находил след.

Я взглянул поверх его плеча, надеясь, что увижу там Джона. Нет, такой удачи не будет. Но где, черт побери, этот тощий негр?!

— Ладно, твр...— я сплюнул,— твер... твррлл...

Его имя трудно было произнести при любых обстоятельствах, не только тогда, когда я был перепуган до безумия. Я никогда не мог как следует произнести по-ретикулянски это переливчатое р-р-р. Но я никогда не отличался особыми способностями к языкам.

— Ладно, я хочу только, чтобы ты сказал мне одну вещь.

— Да?

— Зачем ты все это делаешь?

— Охочусь? Потому что... как ты сказал бы, голос крови. Кровь велит.

— Но ведь вы цивилизованная раса. Разумная. Очень разумная. Вы прекрасно говорите на наших языках, в то время, как мы едва можем освоить ваш. У вас технологическая цивилизация, прогрессивная наука, все такое. Почему вы не можете победить желание убивать таким вот образом?

Огромный инопланетянин шагнул вперед, медленно переставляя свои огромные босые ноги.

— А у людей такой нужды нет?

— Ну...— трудно было сосредоточиться, чтобы выиграть спор при таких условиях.

— Разве люди никогда не убивают? Не убивают собственных сорррродичей? Это такое пррррреступление, что мы его никогда почти не соверррршаем.

— Чувшь собачья!

— Отррррицаете? Нет, обычно мы своих сорррродичей и прррравда не убиваем.

Может, он был прав. Ретикулянское общество было очень

жестко разделено на слои и очень стабильно, хотя на вершине пирамиды было уж очень много бесполезных аристократов, чему твврррлл мог служить совершенно блистательным примером.

— Твоя раса очень нелюбима остальными народами. Вы распространяете сами же и отвращение к себе, и ненависть.

— Это всегда так было, так и должно быть.

Он сделал еще шаг вперед. Запах его феромонов — миндаль и скипидар — наполнил мне ноздри. Меня чуть не вывернуло наизнанку.

Ничего не оставалось, как только броситься на него, постараться, может быть, проскочить между его тонкими ногами. Невозможно даже представить себе схватку с ним врукопашную. Его сила была феноменальна.

Он еще раз шагнул вперед.

— Ты стал самой Священной добычей из всех возможных, Джейк, друг мой. Тррри ррраз сеть смыкалась над тобой, тррри рррраз ты дрррался и убегал. Добыча победила охотника. Да будет так.

Я стоял, разинув рот. Инопланетянин протягивал мне кинжал рукоятью ко мне.

— Возьми это оружие. Теперь оно пррринадлежит тебе. Ты выжил, а я пррроиграл. Я только прррошу тебя, чтобы ты обрратил это оружие против меня. Это единственная честь, которррой я еще могу быть достоин.

Я преодолел потрясение и взял кинжал.

— Это означает, что мне не надо сражаться с тобой? — спросил я.

— Вррремя для битвы прррошло. Теперррь настало время прреркратить охоту и пррикончить охотника, — он скрестил свои передние лапы. Это у ретикулянцев означало знак смирения. — Окажи мне честь.

Я уставился на него.

Глаза его, похожие на линзы от кинокамеры, вращались вперед-назад. Наконец он сказал:

— Ты не окажешь мне чести?

— Окажу, — ответил я.

Я подошел к инопланетянину, держа в руке кинжал, ища глазами подходящее место на зеленом хитине его брюха. Я не сомневался в его искренности. Нанеся удар снизу, я вонзил его кинжал в живот и потянул лезвие вверх. Его наружный скелет был очень тверд, но его можно было прорезать. Однако мне на это не хватало сил.

— Трудно? — спросил инопланетянин. — Можно помочь?

Я кивнул. Твврррлл схватил рукоять кинжала обеими руками и рванул его вверх. Его панцирь раскололся, как тонкий пластик. Он прорезал страшную рану до середины груди, и розовая пена засочилась из раны.

Неожиданно голова его взорвалась во вспышке пламени. Молния сверкнула от дверей. Я посмотрел туда.

Это был Джон. Он еще раз выстрелил, на этот раз не попав в цель, как раз в тот момент, когда инопланетянин упал. Потом он бегом бросился ко мне.

— Ты его одолел! — сказал он, запыхавшись. — Слава Богу. И его же собственным кинжалом. Мне страшно неприятно, но я тебя всюду искал. Как ты ухитрился его тут зажать в угол?

Я сказал ему про то, что твврррлл сдался. Он едва мог поверить моим словам.

— Непонятно, непостижимо, — сказал он, глядя на недвижимое тело инопланетянина. — Нам никогда не постичь мозг и мышление иной формы жизни. Никогда.

— Я не уверен, что для нас было бы лучше их понять, — сказал я.

Глава двадцать пятая

Как хорошо снова было оказаться на Космострате.

Мы решили попытаться счастья на дороге. Временно-пространственный корабль все еще занимался самолечением, и невозможно было сказать, когда он починится. Как странно было, что мы все время хотели сказать про него «подлечится». Кроме того, не было никаких гарантий, что в корабле мы окажемся в безопасности. Были и другие причины. Мне не нравилось быть пассажиром, когда меня возят туда-сюда. Это заставляло меня чувствовать собственную уязвимость. Ненавижу, когда я беспомощен и не управляю ситуацией. Кроме того, у нас теперь оставалось только два противника: Мур и его хозяйка — Богиня. Я решил, что попытка доехать до портала по дороге была бы вполне рассчитанным и продуманным риском, который мы могли себе позволить. Может быть, это самый лучший путь, думал я, скрипя зубами.

Разумеется, мы хорошо понимали, что на этом деле не кончится. Только вопросом времени оставалось, когда наши враги снова набросятся на нас.

Поезд, то есть рельсы, привезли нас в необычную область Микрокосмоса. Необычную в том смысле, что мы до сих пор никогда ничего такого не видели. Это главным образом была плоская травянистая равнина, которая кое-где была испещрена трещинами, вроде тех, которые встречаются на асфальте, если его плохо укладывали. Видимость не была ничем ограничена, и главный портал казался крупным серым пятном на горизонте.

— Ну ладно, хоть то хорошо, что мы увидим их за километр, если им вздумается за нами гнаться, — сказал Сэм.

— За много миль, точно,— сказал я.

Сэм искоса посмотрел на меня.

— Ты сколько времени провел в 1964 году?

— Месяца полтора, может, даже меньше.

— Заразная там манера говорить. «Мили», надо же!

Беседа была не блестящей, но она заполняла скучную поездку. Мы нервничали и старались не показывать этого друг другу. До глубины души пробирает, когда знаешь, что где-то там существует всемогущее божество, которое просто мечтает аннулировать твоё право на жизнь. Мы говорили об этом. В своём роде это была попытка облегчить психологический дискомфорт.

— Но если она такая всемогущая,— спорил со мной Сэм,— почему она не может просто так в любой момент обрушиться на нас и смолотить нас на котлеты?

Я сказал:

— Тебе надо было бы стать теологом. Джон, это больше по твоей части, а?

Джон сказал:

— Я сильно подозреваю, что Прим каким-то образом сдерживает Богиню от того, чтобы сделать коварный ход и уничтожить нас. Мне кажется, именно поэтому она была вынуждена действовать через людей вроде Мура.

— В этом есть смысл,— ответил я,— пока не начинаешь думать над тем, почему Богиня вообще взъелась на нас. И что она хочет, если можно спросить? Стереть нас в порошок или просто не дать нам уехать? Или и то и другое?

— Хороший вопрос,— ответил на это Сэм.— Ты говорил, что она сперва просила у тебя чёрный кубик?

— Ну да. Но теперь он у нее есть. По крайней мере, один из них.

— Может, это не тот кубик?

— Есть только один кубик, Сэм. Ты должен понять этот простой и основополагающий факт.

— О, этот «основополагающий факт» я понял. Просто очень не хочется иметь с ним дело.

Я нажал кнопку интеркома.

— Кларк, старина! Как у тебя там, в трейлере, дела?

— Пожалуйста, не спрашивай, у меня морская болезнь.

— Ну-ну, постой-ка! Объясни, каким это образом у робота может быть склонность к укачиванию. Ты не робот на самом деле, а? Я все время это подозревал.

— Разумеется, я робот. А почему это робота не может укачать?

Я презрительно фыркнул.

— В этом просто нет смысла.

— Глупости. Я чувствую боль, неудобство, все, что чув-

ствуете вы. Хотя в весьма смягченной форме. Не спрашивай меня, почему.

— Господи, но почему же? Зачем твоим создателям было снабжать тебя микросхемами боли и дискомфорта?

— Именно по той же причине, почему ты ими снабжен. Замечательная уловка, чтобы как следует защитить организм. Автоматически. Ты инстинктивно избегаешь боли, следовательно, ты станешь избегать и всего, что может тебе повредить. Что и требовалось доказать. Разбуди меня, когда будем на месте.

Именно Кларк настоял на том, чтобы поехать с нами. Он уверял, что отвечает за нас и будет чувствовать себя так, словно его обязанности не были выполнены до конца, если он не проводит нас и сам не увидит, как мы проехали нужный портал. Кроме того, временно-пространственный корабль может нам пригодиться, если к тому времени вылечится от своих болячек.

Нам оставалось примерно два часа до портала. Я не спешил, просто поддерживал ровную скорость. Не было никакого смысла торопиться. Наши противники были где-то на планете и могли появиться в любое время, когда им заблагорассудится. На это можно было рассчитывать. Пока что наша задача состояла в том, чтобы следить за дорогой и смотреть в оба, особенно на сканнеры кругового обзора, думая про себя, не превратится ли внезапно какая-нибудь безобидная расплывчатая серая точка на горизонте во что-нибудь очень четкое, определенное и грозное. А потом как налетит, да как ударит... Невозможно сказать, что это будет — бронированная машина, или сверкающий кубик, или, может быть, что-то, что вообще невозможно будет понять, что-то чудовищное, противоречащее здравому смыслу. Это не имело значения. Мы в таком случае все равно моментально оказались бы покойниками. У меня было такое чувство, что мы исчерпали до дна наши возможности, что у нас больше не осталось трюков и уверток. Мы слишком много раз ускользали из-под пуль. Мне от этого было очень не по себе.

Меня беспокоило и кое-что еще.

Мы уже обнаружили портал, ведущий обратно в земной лабиринт, и проложили к нему по карте дорогу, которая вела сквозь джунгли прочих порталов на этом запутанном участке Космострады. Но судя по тому, что нам сказал Кларк, и по тому, что мы успели понять из этой карты, портал не отправит нас обратно во времени. И тогда мы не сможем в соответствии с Парадоксом попасть в земной лабиринт до того, как мы уехали. То есть, это совсем не было «путешествие обратно во времени», как это утверждали многие романтики на Космостраде.

— Эта система построена совсем не так, — говорил нам Кларк. — Она была рассчитана как раз на то, чтобы избежать возможность Парадокса.

— Как же это было сделано? — спросил я.

— Лапочка моя, я же не могу рассказывать тебе всю сложную технологию, но можно вкратце и упрощенно представить себе вопрос таким образом. Существует нечто вроде стандартного, объективного времени, которое соблюдается по всей протяженности Космострады. Оно работает так, что «настоящее» всегда как бы движется вместе с путешественником. Ты никогда не можешь попасть перед ним или отстать от него. Когда ты возвращаешься в то место, откуда уезжал, промежуток времени, который ты провел в другом месте, равен тому времени, которое прошло там, откуда ты уехал. Не спрашивай меня, как это делается. Собственно говоря, если тебя интересует техническая сторона дела, потоки времени не везде одинаковы. По каким-то совершенно загадочным причинам кое-где происходят сдвиги, но они равны примерно наносекундам. Наверное, это в силу порталных переходов.

После всех этих событий, после всех легенд, всех слухов про меня факт оставался фактом — дорога назад еще не была понятна. Когда я первый раз ее встретил, Дарла вела себя так, словно мы уже встречались, а я-то хорошо знал, что этой встречи никогда не было. С тех самых пор она так и держалась за свою версию событий. Мне пришлось ей поверить, и эта вера не имела ничего общего с моей крепнущей любовью к ней. Меня убедили прочие факты, прочие наблюдения. Но теперь сомнения стали снова точить мою душу.

Ну нет. Как же такое могло быть? Неужели Парадокс был только безумной выдумкой женщины? Я не мог принять такого решения.

Замечательно. Следовательно, что же именно я говорил самому себе? Неужели мы мчались навстречу реальности, навстречу такой вселенной, где не произошло никакой временной петли, я не совершал кувырка во времени, где Дарла и я никогда не встречались... в то место, где ничего такого просто не происходило?

Или нам вообще не суждено было вернуться? Я закрипел зубами. Нет, черт побери. Я не дам загнать себя в лужу. Выбор был за мной. Где-то там, впереди, одна из этих дорог вела назад во времени. Я приехал сюда по Космостраде Красного Предела, и теперь мне надо было найти возможность срезать дорогу, найти более короткий путь, маленький боковой проулочек, который прямым вел туда, откуда я начинал этот путь. Мне надо будет найти Переулок Парадокса.

Желтые предупреждающие огни безмолвно зывали ко мне с панели управления.

— Похоже, что у нас высокие потери в радиации плазмы,— сказал Сэм.

— Индекс Бремштралюнга резко возрос, а температура падает.

— Нестабильность процесса? — спросил я.

— Похоже, что там что-то более сложное. Я, конечно, просто гадаю на кофейной гуще, но, может статься, у нас где-то сбой в программном обеспечении.

Что означало следующее: мотор мог быть в полном и абсолютном порядке, но где-то в мегабайтах программ, которые управляли мотором, могла случиться неприятность. Сложности в программах могут возникнуть по целому ряду причин, хотя бы от неправильного кодирования в одной из подпрограмм. Однако, поскольку мы только что прочистили всю нашу систему и снова загрузили туда программы, я был склонен думать, что неприятности могли возникнуть не только в этой области.

Я съехал на обочину, а мотор постанывал и побряхывал, жалуясь на жизнь. В тот момент, когда мы остановились, мы совершенно потеряли управление реакцией.

— Жаль, укрыться негде,— сказал Сэм, озираясь.— Ну да что там говорить, это, наверное, все равно роли не играет. Они и так узнают, где мы.

Я сказал:

— Как ты относишься к тому, чтобы включить вспомогательный мотор, поехать по той вот боковой дорожке и спрятаться вон в тех пирамидах?

— Каких пирамидах? А-а-а, этих. До них примерно километров пять,— Сэм внимательно стал их рассматривать.— Бог ты мой, до чего знакомый у них вид...

— Я собирался сказать, что они очень похожи на египетские пирамиды, те, что в Гизе.

— Ну да, а прямо рядом с ними... это что, сфинкс? Довольно далеко и трудно судить.

— Дарла и я видели тут несколько раз и другие земные строения, так что может оказаться, что это подлинники.

Нет, не подлинники. Оказалось, что это довольно верные копии, но у них не было иероглифов. У этих пирамид был в основании четырехугольник, и они возвышались к небесам под правильным углом, но они были сделаны из какого-то совершенно белого бесшовного материала, а не из каменных блоков. Сфинкс был, как и положено, загадочным: он совсем не был привычным земным сфинксом. Однако ближайший некропольский храм дал нам приют. Там было столько места, что можно было бы спрятать колонну тяжеловозов.

— Дай-ка я покопаюсь вот в этом,— сказал Сэм, садясь за клавиатуру компьютерного терминала.

— Мне даже невозможно представить себе, что кто-то мо-

жет лучше справиться с этим делом, чем ты,— сказал я.— Если вспомнить, что ты был компьютером...

Сэм поднял голову и посмотрел на меня.

— А ты все еще компьютер или уже нет?— спросил я.

Сэм озадаченно смотрел на меня.

— Не знаю. Я совсем не чувствую себя компьютером. А что, я похож на компьютер?

— Ты на него совсем не похож. А ты можешь проделать десять миллионов арифметических действий в секунду, как раньше?

Он прищурился и посмотрел куда-то в пространство, словно прислушивался к себе. Потом, с облегчением, он сказал:

— Нет, ясное дело, нет. Я больше не волшебник в математике. И не могу тебе передать, как я этому рад. Я никогда не любил компьютерное бытие.

— Ну, я-то всегда считал, что ты просто живешь в компьютере, а не так, чтобы ты сам вдруг стал компьютером,— ответил я.

— Но ведь на самом деле, сынок, ты хотел задать мне вопрос: по-прежнему ли я— тот самый человек, который был твоим отцом во плоти?

— Конечно, тот же самый, Сэм.

— Так ли? Ведь во мне нет ни единой клеточки того тела.

— Не понимаю, какое это может иметь значение.

— Не понимаешь? На самом ли деле я Сэм Мак-Гроу, или я только программа искусственного интеллекта, которая здорово валяет ваньку, притворяясь твоим отцом?

— И да и нет.

Сэм задумчиво потер челюсть.

— Интересная мысль.

— Я вот как понимаю все это,— сказал я.— Если докопаться до сути, то человеческое существо— это не физическая единица. Человек— это программа. Клетки тела ежесекундно умирают и заменяются новыми. По прошествии определенного времени происходит полное изменение, правильно?

— А клетки мозга тоже меняются?

— Не знаю. Это неважно, потому что твоя суть, суть твоей личности, на самом деле— информация. Тело умирает клетка за клеткой и заменяется точно так же. Но информация остается, и эту информацию можно сохранить любым способом и в любых сосудах или средствах.

— Может, ты тут создал целую весьма остроумную теорию,— ответил Сэм.— И все же я время от времени думаю: может так случиться, что я просто умер и отправился на небеса, а сам об этом не знаю?

— Может быть, тебе повезло. Может, ты вовсе не отправился на небеса.

— Ах ты, маловерный. Ладно, нечего попусту терять время.

Прошел час. К этому времени Сэм был уже страшно раздражен, ругаясь про себя и тыча в терминал своими длинными пальцами.

— Почему они считают, что все надо страшно усложнять? — бормотал он. — Кто только кодировал всю эту чушь? Даже чертов египтолог не смог бы этого расшифровать.

Я же за это время проверил мотор и ничего не нашел. Обычно так оно и бывает. Я вытащил тестеры, которые у нас были, присоединил их крокодильчиками ко всем необходимым точкам. Однако тестеры мне ничего не сказали. Сэм был прав. Наверняка где-то в программе сбой-глитч. Плохи дела. Искать такую штуку можно до судебного дня.

Я потерял терпение и отправился назад в трейлер. Там я открыл заднюю дверь, сбросил лесенку и спустился по ней на пол храма, чтобы немножко размяться и посмотреть на архитектуру храма. Однако мне не удалось уйти далеко: я вспомнил о грозящей нам опасности. Поэтому старался держаться так, чтобы в случае чего я смог бы мигом броситься к тяжеловозу. В храме было полно теней, и от этого мне тоже становилось не по себе. Я почти собирался вернуться, когда услышал за спиной какие-то звуки — звук ботинка, ступающего по камню, вздох. Я замер.

— Джейк?

Я резко повернулся и присел.

— Это я, Роланд.

Он вышел ко мне из-за колонны. Он выглядел точно так же, одет был в свой полувоенный костюм, потрепанный и старый, и поношенные высокие сапоги.

Вид у него был спокойный, почти отчужденный.

— Роланд! — выдохнул я. — Откуда ты, черт побери...

Я покачал головой и крикнул:

— Не надо себя так вести!

— Извини, но я никак не мог придумать, как появиться тут перед вами и никого не напугать, так что... Как дела? Я никак не мог вырваться, чтобы попрощаться.

— Дела идут прекрасно. Просто отлично. А как ты?

— Замечательно! Да ты и сам знаешь...

Я поставил пистолет на предохранитель и убрал его в кобуру.

— Знать-то знаю... — сказал я. — Но трудно вспомнить, как все происходило, и что при этом чувствуешь.

— Ты совсем забыл, на самом-то деле. Ты просто не смог бы продолжать жить по-прежнему, если бы тебе пришлось жить дальше с этой памятью.

— Значит, в Кульминации такая сила, — я скорее ответил, нежели задал вопрос.

— Ну, конечно.

— Однако какие-то воспоминания у меня сохранились... какие-то, то есть, я сам не вытеснял ничего из памяти. Помню горы... то, чем пахло в воздухе... разные пейзажи. Высоту гор.

— Ты помнишь только внешние формы, а не суть самого переживания, не события.

— Наверное, — я вздохнул, — так что же дальше?

Роланд скрестил на груди руки и стал рассказывать взад-вперед по мозаичному полу храма.

— Мы много размышляли над этим. Мы обязаны тебе помочь. Другого хода нет.

— Спасибо. От помощи не откажемся. Можешь починить мотор?

— Это как раз не та область, которая может быть в нашей компетенции.

— А что же ты имел в виду?

— Трудно объяснить подробно — нет времени. Но тебе придется самому выполнить большую часть работы, Джейк. То есть, сколько получаешь — столько же и отдаешь. Но тебе понадобится просто начальный толчок, может быть, даже теплое слово — и все.

— Не хочу прозвучать, как неблагодарная свинья, но я предпочел бы разогретый мотор, — ответил я.

Роланд перестал рассказывать и одарил меня лукавой улыбкой.

— Добрый старый Джейк... С тобой так приятно перекинуться словечком. Ты всегда за словом в карман не полезешь. — Он хохотнул. — Ты во всех отношениях примечательный человек. Тебе это когда-нибудь говорили?

— Ты никогда никому и ничего не говорил, Роланд.

Он кивнул.

— Ты прав. Я довольно нелюдимая и замкнутая личность. Но... — он отмахнулся рукой от своих мыслей. — У нас нет времени обсуждать Роланда Йи.

То, что он сказал о себе в третьем лице, не должно было бы создавать у меня впечатления, что он говорит о ком-то другом, но именно так и получилось.

— Джейк, я действительно не могу терять времени на подробности, но мы тебе поможем. Собственно говоря, мы поедем вместе с тобой. Если ты не возражаешь.

— Ты едешь обратно с нами? Бросаешь Кульминацию?

— Да нет же, совсем нет.

Я пожал плечами.

— Мы всегда рады тебя видеть, Роланд.

— Ты, наверное, немного сбит с толку.

— Немного есть, — я шлепнул его по спине.

На ощупь он казался вполне осязаемым.

— Пошли, Дарла рада будет тебя видеть.

Мы пошли к трейлеру и снова взобрались по лесенке. Я остановился и опять поглядел на шевроле. Мы избавились от останков Даррелла. Сделали мы это несколько бесцеремонно, но он лучшего и не заслуживал.

Оставались все-таки тайны, касающиеся магической машины Карла. В нашем прицепе был один из множества его двойников. Этот вариант вроде бы на первый взгляд был тем же самым, что и машина, в которой Карл впервые прибыл на Микрокосмос, та, которая была украдена из тяжеловоза. Прим забрал ее, наверное, потому, что она его интересовала, из обыкновенного любопытства. Потом он вернул ее обратно. Ради спасения собственного здравого ума и твердой памяти, я решил принять это объяснение как самое правильное, объяснение тому, что машина Карла оказалась у нас в прицепе. По той же причине я всячески избегал думать, что это могла быть все время одна и та же машина. И что, если бы я забрал ее обратно в земной лабиринт? А мне и об этом думать не хотелось.

Карл, со своим дизайнерским гением, несколько переборщил с противоугонными средствами. Я все думал — как мы сможем когда-нибудь убрать машину из трейлера? Взорвать ее при неосторожном использовании крана или монтировки, пытаюсь скатить ее? Хотя эти приспособления вроде бы достаточно надежны и не реагируют на простое прикосновение...

Даррелл весьма долго копался в замке, прежде чем навлек на себя смертную казнь.

Я аккуратно положил руку на дверную ручку.

Дверь открылась. И я услышал голос Карла.

— Джейк, ты услышишь это, если попытаешься сесть в машину, если только дверь будет заперта, поэтому слушай...

Я сел в машину и слушал дальше.

— ...все это довольно странно, — продолжал говорить голос Карла. — Я записываю это, пока ты спишь, как убитый, на полу зала Замысла и Разработки. Я много думал над тем, как мне сделать так, чтобы ты мог пользоваться машиной, но при этом не ослабить действие и мощностъ противоугонных средств. Начальник отдела говорит, что все это очень просто. Если кто-нибудь другой, а не ты, попытается копаться в замках машины или даже просто примериться к ним, то ему немедленно будет карачун. Прямоком к праотцам. Это — если они попытаются проникнуть внутрь. Если же они как-нибудь все-таки окажутся внутри и попытаются завести машину или замкнуть зажигание без ключа, то далеко они не уедут. Тут устройство не смертельное. Мне совсем не улыбается обнаружить кучу падали на переднем сиденье. Но зато это устройство заставит любого непрошеного гостя моментально убраться вон.

Я это отлично знал. Как-то я испытал действие этой штуки на себе.

— Поэтому, слушай. Ты здесь, поэтому мы можем прямо сейчас заложить твои параметры в систему. Теперь машина будет тебя узнавать, Джейк. Она пустит тебя внутрь, заведется и поедет. И все это без ключа, потому что ключа я никому не дам. Собственно говоря, если кто-нибудь, кроме меня, попытается завести машину ключом, это немедленно включит механизм эвакуации непрошеного гостя. Я так понимаю: если у кого-то, кроме меня, оказался ключ — значит, этот кто-то убил меня, чтобы его заполучить. Ну ладно, я надеюсь, что я все тщательно продумал.

Мне показалось, что несколько вариантов возможных событий он упустил. Наверное, именно это объясняет, почему я смог украсть его машину с заведенным мотором, но был с позором изгнан электрической чесоткой, когда попытался завести ее ключом. Почему же тогда «шевроле» отказался меня признать? Видимо, потому, что Карл сделал пользование ключом запретным для всех, не только для врагов, решив, что это лучшая мера предосторожности.

— ...но если я... если чего-то я не продумал... а, черт, всего не предусмотреть. Я не уверен, что понимаю, какая чертовщина развернулась вокруг. Все эти временные петли, все сумасшедшие причинно-следственные связи... Но я знаю, что в какой-то момент в Парадоксе ты должен украсть мою машину. И, может быть, она тебе понадобится, если со мной что-нибудь случится. Но со мной ничего не случится, поэтому тебе никогда не услышать этих слов, — он рассмеялся. — Вот сумасшедшая история. Я и сам стал с ней чокнутым. По крайней мере, я отчетливо чувствую, что крыша у меня едет. Ладно, пусть будет так, как есть. Надеюсь, что ты этого никогда не услышишь, но если услышишь... а, черт, надо бы вообще стереть всю эту запись и сказать тебе на словах. Не знаю даже, как быть. Если подумать, я, наверное, никому не доверяю. Даже тебе, Джейк. Я многому научился в этом вонючем мире. В этой вонючей вселенной. Да, вся вселенная — очень ненадежная штука, если вдуматься. Ладно, я решу попозже, сказать тебе или нет. Увидимся.

Запись кончилась.

Роланд, который сидел возле меня, хохотнул. Я даже не заметил, когда он сел со мной рядом.

Он сказал:

— Я помню, как мы сидели с тобой вот так же и гадали, как же работает эта сумасшедшая штуковина. Как же мало мы знали! Разве мы могли подумать, что затравленный, страдающий манией преследования подросток из далекого прошлого, который получил возможность воспользоваться помощью невероятно развитой технологии, рассчитал ее и спроектировал.

— Забавно, как иногда складываются обстоятельства,— сказал я.

— Кстати— в том, что я посоветовал тебе нажать на кнопку замка в двери, была своя причина.

Я посмотрел на него. В моем представлении он не сказал ни слова.

Ключ запищал у меня в кармане. Я достал его.

— Джейк, что-то несется сюда. Мне кажется, это тот самый огненный вихрь, похожий на пылевой смерч, который недавно за нами гонялся.

Роланд смотрел на меня с улыбкой, словно ему только что удалось замечательный розыгрыш.

— Я понял, что ты имел в виду,— сказал я.

Глава двадцать шестая

Я заговорил, держа ключ поближе ко рту:

— Сэм, я в шевроле. Я выведу его, чтобы встретить эту гадость.

— Что?— раздался голос Сэма.— Как же ты... А, ладно. Хорошо, мне видится, что эта машина— единственное супероружие, которое у нас есть.

— Это вообще единственное оружие, которое у нас есть. Конец связи.

Замок зажигания был врезан в панель управления справа. Ключа у меня, разумеется, не было.

— Черт тебя побери, Карл,— пробормотал я.— Ты забыл мне сказать, как все-таки заводить эту штуковину без ключа.

— Попробуй положить руки на руль,— сказал Роланд.

Я так и поступил. Мотор взревел и ожил.

— Роланд, откуда ты знал?

— Если Кульминация чем-то и хороша, то это как раз тем, что очень много узнаешь. Большая часть новых знаний бесполезна, но время от времени попадаетея и кое-что полезное...— он засмеялся.

Я нажал на сцепление, покопался в ручке переключения передач, пока не почувствовал, что переключил на задний ход, потом выгнул шею назад, чтобы видеть, куда я вывожу машину. Я выкатил ее из прицепа. Шевроле ударился о пол храма с треском и стуком. Я снова переключил сцепление, на сей раз найдя верхний левый конец полувоображаемого Н коробки передач. Я переключил на первую скорость, а руки и ноги у меня постепенно расслаблялись, вспоминая бывшие когда-то привычными движения. Если хоть раз в жизни научился водить машину со стандартной коробкой передач, тебе этого никогда не забыть.

Я объехал тяжеловоз и стал выбирать извилистую дорогу

между многочисленными разнообразными колоннами, которые поддерживали потолок в храме. Я выбирался из огромного зала. Я перешел на вторую скорость, и шины взвизгнули, как маленькая зверушка, которой наступили на хвост. Храм был гигантский, и места для маневра было предостаточно. Я выехал на открытое пространство на третьей скорости, правда, немного преждевременно, потому что мне тут же пришлось переключить на вторую, чтобы свернуть на боковую дорогу. Я снова переключил скорость, потом вернулся на вторую, переключил опять на третью.

— Сюда, — сказал Роланд, показывая вправо.

Тасманийский дьявол мчался прямо на нас, следуя по широкой дуге, которую образовывала боковая дорога, отвлекаясь от главной. В этом смерче было полно энергии. Бледно-оранжевый свет и посверкивающий желтый дым, из которых он состоял, все еще бешено закручивались вокруг его сверкающего расплавленного ядра. В этом аду двигались странные тени, которые наводили на мысль, что там есть нечто живое, невероятно враждебное, вечно меняющее форму, превращающееся то в человека, то в крылатого дьявола, то во что-то еще, в какой-то безумный ужас, ужас в ночи. Кошмар этот жил где-то в нашем подсознании, прежде чем перевоплотился в этот адский огонь. В животе у меня похолодело, на языке прочно обосновался вкус железа.

Роланд старательно копался в панели управления, ища подходящее оружие, которое автоматически начинало подавать сигналы на панель перед ним.

— Роланд, — спокойно сказал я. — Карл никогда мне не показывал, как выпускать такую же штуку из машины, но на этой колымаге есть оружие, помеченное, как зеленый шарик.

— А он именно так его и назвал, — ответил Роланд, глядя на приборы перед ним. Потом он нажал кнопку.

Из-под машины с шипением выскользнул шар — зеленый, примерно метр в диаметре, и он сиял, как фейерверк на празднике независимости. Он немедленно поплыл к этому страшному шару смерчу.

Тасманийский дьявол немедленно остановился, все еще вращаясь. Казалось, эта гадина сообразила, что к ней приближается, стала быстро вилять из стороны в сторону, помчалась вбок от дороги по травянистому склону. Шар не изменил курса и пролетел мимо цели, продолжая свой путь по дороге.

— Интересно, — отметил Роланд.

— По крайней мере, мы знаем, что эта штука боится шаров, — сказал я, хотя особой благодарности за эти новые сведения не испытывал, мне не нужны были маленькие побрякушки. — Черт! Я-то думал, что они могут искать цель...

— Может, «дьявол» что-то делает, чтобы сбить шар с цели.

— Возможно. Попробуй снова.

Роланд выпустил еще один сияющий зеленый шарик. «Дьявол» снова отступил, на сей раз укрывшись за зеленым холмом и на миг исчезнув. Когда шар растаял, «дьявол» снова выкатился из-за холма и въехал обратно на дорогу.

— Интересно, кого или что эта тварь должна уничтожить,— сказал я.

— Сойди с дороги и увидишь,— сказал Роланд.

Я повернул вправо и въехал в неглубокую колею, пропрыгал по ее неровному дну и выскочил на ровную поверхность.

Дьявол пересек дорогу, чтобы последовать за нами.

— Значит, он нацелен не на тяжеловоз и не на космический корабль Кларка,— сказал я.— Я-то надеялся, что на корабль.

— Нет, Джейк. Я боюсь, что ему нужен ты и только ты.

— Замечательно. Почему, действительно, этот шарик не должен идти в ногу со всеми остальными моими врагами?

Я дал газу. От задних колес взметнулись вихри пыли. Я погнал машину вверх по еще одному небольшому пригорку. На этот раз я резко развернулся, чтобы поехать вдоль гребня, который шел параллельно дороге и наконец снова поворачивал к ней обратно. Я понятия не имел о той скорости, с которой может ехать шевроле Карла, но готов был держать пари, что машина сможет обогнать «дьявола» при условии, что гонки будут проходить по ровной дороге. Если мы хоть немного с нее собьемся — нам конец. Ведь у этой страшной твари не было ни шасси, ни колес. Ей-то они не нужны. Однако если мы сможем обогнать ее, а потом снова выехать на дорогу, у нас был шанс.

А как же Сэм?

Роланд, казалось, читал мои мысли.

— Сэм выезжает из храма,— сказал он мне, оглядываясь и пытаясь рассмотреть в заднее стекло, что там происходит.— По-моему, «дьявол» не обращает на него внимания.

Но на нас он сосредоточился как следует, пытаясь перерезать нам дорогу. Я снова дал газу и немедленно напоролся на кочку, из-за которой нас бросило вправо. Я стал пытаться рулить, чтобы выправить положение, но понял, что ничего у нас не выйдет. Я снова повернул руль вправо, мы скатились с холма, ударились о землю и подскочили так, что застонали шасси. Меня тоже подбросило, и я ударился головой. Мое счастье, что крыша была изнутри обита чем-то мягким. Роланд свалился с сиденья и оказался на полу. Я изо всех сил жал на педаль, пытаясь въехать по противоположному склону. «Дьявол» уже был на гребне холма за нашей спиной. Склон оказался круче, чем я думал. Задние колеса стали проворачиваться и швырять комья грязи. Задние колеса машины стали юлить. Я все-таки выбрался наверх и выкатился на ровный участок поверхности, но «дьявол» уже нагнал нас и принялся к нашему задку. Я едва-едва успевал держаться немного впереди.

— Джейк, ты представляешь себе, что по Субстрату можно так же хорошо ехать, как и ходить?

— Э-э-э... нет, я как-то об этом не думал,— сказал я.— Однако намек понят.

Поэтому я повернул руль так, чтобы передние колеса равнялись — как бы это сказал мой друг Дейв Фейнманн — по измерению, столь же огромному, как космос, и такому же беспредельному, как бесконечному. Я нажал педаль газа, и мы куда-то перенеслись. Это было как окольный объезд между «здесь-и-сейчас» и «там-и-тогда» с маленькой остановочкой в «миг-едином». Над головой показались мрачные грозовые тучи, капли дождя упали на лобовое стекло, но только на миг. Потом ясные звезды зажглись над головой, и что-то — наверное, ночная птица — пропело песенку в лесу на обочине дороги. Тишина. Запах осенних листьев... А потом все это пропало, и мы снова выскочили на залитую солнцем поверхность Микрокосмоса, вернувшись в нынешнюю реальность, только теперь мы были уже на главной дороге и мчались по ней, оставив «дьявола» далеко позади, и он вертелся, как пьяный дервиш, пытаюсь понять, что же все-таки произошло.

— Ловкий трюк,— признательно сказал я.— Как ты это сделал?

— Это ты сделал, Джейк...

— Ну да, я знаю. От этого мне слегка не по себе.

— Лучше быть не в своей тарелке, чем в своей могиле.

На спидометре значилось более ста миль в час, что с точки зрения шевроле было неспешной прогулочкой. Мы могли бы обогнать «дьявола», проскочить сквозь портал, но Сэм за нами не угонится. А без Сэма я не смогу найти тот портал, который мне нужен. Это означало, что с «дьяволом» надо расправиться прямо сейчас. Я совсем не сомневался, что он сможет последовать за нами и через портал. Но как с ним расправиться?

Мой ум бешено работал. Может быть, я мог бы погонять «дьявола» по дороге, пока Сэм не поравняется с нами, а потом... Но любой план потребует четкости и быстроты.

Дорога разветвлялась. Я поехал по правой ветке, которая снова вернула нас на главную дорогу.

— Роланд, что за штука такая — Субстрат? Постарайся объяснить в двадцати пяти словах или меньше.

— Это метафизическая база вселенной. Она под всем, что существует.

— Кто ее открыл?

— Никто. Это продукт соглашения.

— Спасибо, Роланд. Ты просто замечательно объяснил.

Он захохотал.

— На здоровье.

— Нет, честное слово. Ты хочешь сказать... — я посмотрел в зеркало заднего обзора и увидел, что «дьявол» довольно да-

леко от нас, но успешно нагоняет,— что сознание может создать новую вселенную?

Роланд посмотрел на меня.

Его глаза были бездонны.

— Это хорошая вселенная, Джейк. Но она могла бы быть и лучше. Гораздо лучше. Тебе не кажется?

— Мне-то кажется, что она могла бы быть в тыщу миллионов раз лучше, Роланд. Но это не означает...— я снова взглянул в зеркало. Тяжеловоз казался серой точкой на дороге.

Метафизика 101, три кредитки, понедельник, среда, пятница, 1500 часов, кантианский рационализм. Господи Иисусе, выпусти меня отсюда.

— Почему вы построили Космостраду?

— Для тех, кому кажется, что мир мог бы быть и лучше — это тропинка, по которой можно следовать к лучшему.

Я кивнул.

— А почему вы сделали так, что по этой тропинке очень трудно следовать?

— Ты и сам знаешь ответ на это. Поиск никогда не бывает легким. Хотя есть и более приземленная причина. Если бы мы раздали всем карты Космострады, то у нас была бы самая большая дорожная пробка во вселенной. Настоящие кандидаты в Кульминацию были бы растоптаны в общей давке.

— И как раз поэтому Белая Дама хочет, чтобы я взял карту.

— Да, наверное, отчасти поэтому. У нее свои причины.

— Роланд, ответь мне еще на один вопрос. Когда-нибудь пойму я все это или нет?

— Нет.

— Спасибо, Роланд.

— На здоровье. Скажи, кстати, почему бы нам не попытаться справиться с тасманийским дьяволом сейчас же?

Я сказал:

— А что ты предлагаешь?

— Первый дьявол, которого мы увидели, был создан как раз этим вот автомобилем.

— Ты предлагаешь выстрелить «дьяволом» в «дьявола»?

— Именно так.

— А, отлично. Мне всегда хотелось узнать, что случится, если непреодолимая сила встретит на своем пути пресловутый несдвигаемый объект. Наверное, они подпишут брачный контракт и вложат свои сбережения в не облагаемые налогом акции пелинных земель.

Роланд склонился над панелью управления.

— Я тут все настроил. Лучше убраться подальше с дороги: ведь за нами едет Сэм, и он может оказаться на линии огня.

— Похоже, что впереди как раз такая местность, какая нам требуется,— сказал я.

На поверхности земли впереди уже не было никаких складок или рытвин. Дорога проходила через подстриженный травяной газон мирового масштаба. Эта часть планеты выглядела так, словно кусок ее оставили нетронутым для будущей застройки. Кругом была девственная пустошь. Впереди был портал, его черные цилиндры возвышались над горизонтом. Они казались невероятно высокими небоскребами, словно призрачный немислимый город стоял на равнине.

Я свернул с дороги на траву. Ехать было очень удобно: только время от времени нам под колеса попадалась рытина.

«Дьявол» мчался за нами.

Роланд сказал:

— Есть вероятность того, что, когда встретятся два «дьявола», будет чудовищный взрыв.

— Ты этого точно не знаешь?

— Такое никогда раньше не случалось, поэтому знать все заранее невозможно.

— Ребята, вы же вне времени и пространства, вы же вечные. Почему бы вам не заглянуть в будущее и не посмотреть?

— Мы так и делали, — сказал Роланд, — но это сперва должно случиться.

— Что? Как? Ты что такое говоришь?

— Ну, понимаешь, если мы знаем, что случается, когда сталкиваются такие штуки, тогда незачем пытаться так сделать и посмотреть, какой получится эффект. А в этом случае, если мы заглянем в будущее, то не увидим, как это происходит, потому что этого никогда и не было. Правда же?

— А-а-а...

Есть такие дни, когда бесполезно спорить или пытаться дискутировать — все равно ничего не получится.

Это как раз и был один из таких дней.

— Ну ладно, — сказал Роланд, — поехали... только не мы, конечно, а эта штуковина.

Он ткнул пальцем в кнопку, и из-под машины выскочил клуб оранжевого огня, немедленно превратившийся в близнеца той сволочи, которая отражалась на экране прицела как расплывчатое оранжевое пятно. Новый «дьявол» покрутился секунду на месте, подхлестывая себя самого и издавая такой вой, которого не услыхать в тех местах, где обитают смертные. Потом он рванулся вперед.

Я завопил ему вслед:

— Наддай им жару, парень!

Роланд предложил:

— Советую убраться от них подальше.

Я уже с большим усердием именно этим и занимался, летя сломя голову обратно на дорогу. Когда мы там оказались, Сэма нигде не было видно. Я замедлил скорость, остановив-

шись совсем, когда мы снова оказались на дороге. Я оглянулся, посмотрел через заднее стекло.

— Уж очень хочется посмотреть, что произойдет,— сказал я.

«Дьяволы» встретились. Казалось, они проглотили друг друга, слившись в одно облако, похожее на циклон. Оно стояло на месте, но вращалось в два раза быстрее, чем каждое из предыдущих в отдельности. Потом что-то стало происходить в центре облака. Извивающиеся тени поблекли, на их месте возникла все ярче и ярче разгоравшаяся звезда раскаленного добела света. Звезда росла и разгоралась до тех пор, пока на нее стало невозможно смотреть. Я закрыл глаза, потом снова открыл их, когда свет начал меркнуть. Звезда подверглась коллапсу, и все явление вместе распалось на огненные ленты, которые вихрились вокруг меркнувшего ядра. Потом «дьявол» стал преобразоваться, слившись в огромное облако, которое было в два раза больше, чем каждый из «дьяволов», но темнее по цвету. Облако было нестойким. Части его по-прежнему отлетали пылающими комьями, постепенно испуская излучение, которое рассеивалось в воздухе.

— Долго оно не просуществует,— сказал Роланд.— В результате взрыв может разнести всю планету.

Я хлопнул себя ладонью по лбу.

— Замечательные идеи приходят тебе в голову, Роланд. Когда ты смотрел в будущее, там вообще было будущее?

Роланд потер подбородок.

— Мне кажется, нам надо быстро найти что-то, на что можно было бы навести и сосредоточить разрушительную энергию этой дряни. Нечто почти неразрушимое, что проглотило бы большую часть энергии «дьявола», прежде чем разрушилось бы.

— Не шевроле же,— сказал я почти безнадежно.

— Боюсь, что да.

Поэтому я развернул волшебную карету Карла на сто семьдесят градусов и поехал напрямик в ворота ада.

«Дьявол» встретил нас на полдороге. Кипящее облако проглотило нас, и мы жарились в радиации, пока окна не потемнели и не отрезали нас от этого ужаса. Мы сидели, словно в середине ядерного взрыва.

Я сказал:

— Надо полагать, у тебя есть лазейка, через которую ты нас отсюда выведешь?

— Нам придется бросить машину,— сказал Роланд, положив руку мне на плечо.— Готовься!

В шевроле было страшно жарко. Очень жарко. Сиденье стало припекать мне спину и ноги, когда Роланд хлопнул меня по плечу.

— Ну,— сказал он,— вставай и иди.

Я так и сделал. Машина исчезла. Мы шли по проселочной дороге. Была почти весна, закат дня. Дорога была глинистой, красной и холодной, по сторонам торчали остатки прошлогодних сорняков. Голый ветвистый лес рос справа от дороги, налево был луг с почерневшей травой, откуда там и сям торчали полужаросшие черные валуны. Небо было серым. Пенсильвания.

— Очень красиво, — сказал Роланд. — Только немного холодно и неуютно.

Холодный пронизывающий ветер доставал меня даже через куртку. Бурные листья лежали вокруг, втоптаные в гравий дороги. Солнце казалось рыжим мазком за горизонтом. В воздухе пахло ранней весной. За холмами прокричала птица, ветер прошелся по остаткам травы на холме.

— Ты никогда не ходил по каким-то особым частям Субстрата, — сказал Роланд, — ты всегда идешь по своим желаниям и мечтам. Знаешь, ведь Субстрат бесконечен. Но и по настоящей вселенной тоже можно так ходить.

— Да? А разве это не Земля? Мне-то показалось, что это настоящая Земля.

— Может быть, но, скорее всего, это обобщение разных мест, которые ты знал в своей жизни.

— Может быть, ты и прав. Это похоже на Пенсильванию, но не похоже ни на одно конкретное место, которое я помню.

Мы все шли и шли. Почему-то мне казалось, что я обязательно должен идти. Воздух был чистым и свежим, и я пил его большими глотками.

— Прекрасно, — сказал я. — Но я должен вернуться обратно к Сэму.

— У нас сколько угодно времени, — сказал Роланд. — Не волнуйся. Найди ту дорогу, которую тебе хочется. Если она окажется не той, какую нужно выбрать, найди другую.

Я находил дороги, что верно, то верно. Дороги, которые вели нас через такие места, в которых не хотелось и глаз открывать, не говоря уже о том, чтобы провести там выходной.

Мне казалось, что мы шли целыми днями. Что прошло уже очень много дней...

Мы пришли к широкой автостраде, которая была сделана из серебристого металла. Она простиралась между голубыми скалами. Я огляделся на ней. Я и понятия не имел, куда и откуда она ведет.

— Роланд, где мы, черт возьми?

— Не знаю. Найди другую дорогу.

Я искал и находил дороги. Все они были мне совершенно не нужны.

Я нашел еще одну дорогу, и она была просто замечательная, вот только не вела туда, куда мне хотелось бы поехать. Еще одна дорога — и я немедленно ее покинул.

— Сдаюсь, — сказал я.

— Как насчет вот этой?

Дорога выглядела неплохо, поэтому я пошел по ней, и она превратилась во что-то, похожее на Космостраду, но не так, чтобы очень. Поэтому я изменил ее вид, потом пригляделся к ней повнимательнее. И тут я понял, как нужно поступать. Тут мы сразу оказались снова на Микрокосмосе, а за нами тормозил тяжеловоз. Мы сошли на обочину. Сэм с визгом шин остановил тяжеловоз и открыл люк.

— Что случилось? — спросил он, когда я взобрался по лесенке и сел на сиденье.

Сэм встал и уступил мне водительское место.

Я повернулся и увидел, что Роланд уходит вдаль, оглядывается и машет мне рукой.

— Счастливого пути, Джейк! Удачи тебе, — крикнул он.

Я смотрел, как он уходит. Он не исчез. Он просто уходил вдаль.

— Интересно, справится ли он, — заметил я, закрывая люк.

— Кто? — спросил Сэм.

— Роланд.

— А что тебя заставило про него вспомнить?

— Что меня... ты хочешь мне сказать, что ты его не видел?

— Я никого не видел на дороге, кроме тебя.

— Он же вон там!

Он исчез. Или во-о-н та серая точка — это он? Солнце стояло низко над горизонтом, и трудно было сказать.

— Ладно, это не имеет значения, — ответил я.

Глава двадцать седьмая

Я взял на себя управление, и мы снова тронулись в путь.

— Как бы там ни было, — говорил Сэм, — ты как раз вовремя. Мы засекли у себя на хвосте кого-то.

— Надеюсь, не летающие кубики или прочую там всякую гадость?

— Похоже просто на стандартную машину.

Я взял микрофон и переключил радио на космострадовскую частоту.

— Что случилось, Мур? — спросил я. — Впал в немилость? Ай-яй-яй, какое несчастье. Богиня — жестокая владычица. Она никогда в жизни тебе и хрена моржового не дала, а, Мур?

После минутной паузы радио снова крикнуло:

— Нет, она была не очень благосклонна.

— Так в какие игрушки ты теперь играешь, Мур?

— Игрушки? Никаких игрушек. Домой еду.

— А? Так, значит? И как ты собираешься это сделать?

— Ехать за вами, — просто ответил Мур.

Я бросил микрофон.

— Через мой труп,— сказал я.— Сэм, у тебя есть какие-нибудь идеи?

Сэм покачал головой.

— Мы не можем отвязаться от него только на вспомогательном моторе, а это не такая местность, где можно легко затеряться из виду.

Значит, все, что ему надо делать— это просто плестись за нами в хвосте и получить тем самым бесплатный проезд домой. Это для меня все равно, что кость в горле. Я бы хотел, чтобы он тут сгнил. Или, что еще лучше, чтобы он проскочил через такой портал, который бы загнал его на кошмарную планету в шести миллиардах лет от прошлой среды, откуда ему совсем назад не выбраться.

— Мы можем развернуться и схватиться с ним.

Я подумал и ответил:

— Нет. Нам придется расправиться с ним на другой стороне портала. Где бы это ни было. Компьютер? А, черт, как мы уговорились, какой пароль включает его?

— Тикондерога.

— Хелло,— раздался ровный бесцветный голос компьютера. Искусственный интеллект не отличался эмоциональностью.— Я многоканальная операционная система искусственного интеллекта, которая находится в вашем распоряжении для различных функций обработки данных...

— Заткнись! Сэм, найди, как нам добраться до портала, хорошо?

— Хорошо.

Сэм задал маршрут. Искусственный интеллект обработал его по таблице данных дороги.

— Трудновато будет,— сказал Сэм.— Портал тут, в этой страшной путанице, как раз посередине,— он указал на перекрестье дорог на экране.— Нам придется тут пробираться чуть ли не на цыпочках. Цилиндры тут ведут куда только угодно. Понятия не имею, как у нас все это получится. Мне всегда казалось, что невозможно поставить цилиндры настолько близко друг от друга. Они же взаимно уничтожатся.

— Надеюсь, что они будут себя вести нормально, пока мы не проскочим.

Сэм крикнул.

— За это я не волнуюсь. Что меня действительно беспокоит, так это то, как вообще проскочить через портал на вспомогательном моторе, и только. Всегда в таких случаях хорошо иметь полную мощность и вспомогательную в запасе.

— Не удалось тебе выяснить, в чем там дело с программой?

— Я как раз начал до чего-то докапываться, когда началась вся эта свистопляска с «дьяволом». И мне как раз этим и надо бы заняться снова.

Сэм снова сел за терминал компьютера.

— Может быть, нам удастся сбросить с хвоста мистера Мура, если мы сможем заставить нашего старичка как следует поддуть водорода в сопло?

— Мое замечание насчет того, что ты лучше всех в этом разберешься, по-прежнему остается в силе.

— Все дело в том, — смущенно сказал Сэм, — что человеку свойственно ошибаться, а чем больше я остаюсь в этом новом теле, тем более человеком я становлюсь. Всего несколько дней назад я бы смог немедленно разрешить этот вопрос. А теперь... черт, я даже никогда и не любил особо возиться с компьютерами.

— Делай все, что можешь.

Дарла вышла из кормовой каюты и встала за моей спиной, положив руки мне на плечи.

— Джейк, ты уверен, что с тобой все в порядке?

— Да, любимая.

— Мы увидели впереди вспышки — а потом просто так, ниоткуда, возник ты. Что случилось? Где машина Карла?

Как раз в тот момент, когда она произносила эти слова, я увидел нечто примерно в полклике от нас на дороге. Это был выжженный остов шевроле, но силуэт все еще можно было узнать. От него поднимался к небу черный дымок. Тасманийского дьявола нигде не было видно. Я показал на него пальцем.

— Вот она, — сказал я, — она пришла к концу временной петли. Теперь для нее где-то, в потоке времени, все начинается сначала.

— Но что случилось?

Сэм сказал:

— Я уже перестал его спрашивать. Он уходит куда-то в Зазеркалье, а потом возвращается и спрашивает, пора ли уже обедать или нет, как будто ничего не случилось.

— Все это ты прочтешь в моих мемуарах, — сказал я.

— Я лучше буду по-прежнему читать детективчики. Эти, по крайней мере, можно понять. Есть!

— Что ты там нашел? — спросил я.

Прежде чем Сэм мог ответить, все приборы переключились на зеленый свет, а главный мотор взревел с удвоенной силой.

— Ур-р-ра! — вскричал я. — Теперь посмотрим, сможем ли отвязаться от нашего непрошеного пассажира!

— Спасибо за тонкий намек на толстые обстоятельства, — проорал Кларк из кормовой кабины.

— Да не ты, Кларк, лапочка, — сказала ему Дарла, направляясь обратно в кабину, чтобы пристегнуться.

— Спасибо, солнышко.

Я прибавил газу. Главный мотор действовал, но почему-то я ощущал, что там есть какая-то неправильность. У меня на миг возник такой образ: внутри мотора с бешеной скоростью

ударяются друг о друга атомы, но никак не могут точно попасть друг в друга — им приходится сталкиваться не серединой, а боками.

Однако и это было слишком уж много для мистера Мура. Он стал отставать.

Я рассмеялся:

— Он на вспомогательной тяге. Его Богиня даже не починила ему его развалюху.

На экране заднего обзора машина Мура превратилась в крохотную серую точку.

— Он все еще сможет проследить за нами, — сказал Сэм. — Он сможет проследить, какой портал мы проскочим.

— Нет, если мы сможем прилично оторваться от него, — сказал я, протягивая руку, чтобы снова включить вспомогательный мотор. Я наблюдал, как поднимается стрелка измерителя скорости.

— Ну, поехали, — сказал я. — Даже если он включится на полную катушку, мы его все равно стряхнем.

Мы смотрели, как все меньше и меньше становится на экране обзора машина Мура.

— Отлично, — сказал я. — Сердце радуется.

Сэм наклонился над терминалом компьютера.

— Если вернуться снова к карте, Джейк, то похоже, что скорость, необходимая для прохождения этого портала, должна быть несколько больше средней. Если судить только по количеству цилиндров и их расположению, то конфликтные и противоположно направленные силы должны быть незаурядно велики. Проскочить через эту штуковину — все равно, что попытаться провести слона по веревочному канату.

— Что ты предлагаешь?

Длинные пальцы Сэма пробежали по клавиатуре.

— Мне кажется, надо ехать примерно со скоростью пятьдесят метров в секунду. Скажем, пятьдесят пять, на всякий случай. Это составит 198 километров в час.

— Хорошая скорость, но мы можем столько выжать, — ответил я, — если только там нет головоломных поворотов и зигзагов.

— Вот их-то я как раз и проверяю.

— О-о-о...

— Для «дорожного жука», наверное, это все не проблема, но для нас — по меньшей мере, рискованно. Это потребует водительской виртуозности. Может быть, потребуется помощь компьютера.

— Ерунда.

— Ерунда? Вот как? Кларк, скажи на милость, почему эти порталы тут так перепутаны и перекорежены?

— А мне почем знать?

— Не знаю, кого еще спрашивать.

— И я тоже не знаю. Я знаю, что обычно случайно заблудившиеся туристы не проскакивают этот портал сами. Их сопровождают «дорожные жуки».

Сэм был изумлен.

— Как это? Ты хочешь сказать, что мы не первые тут заблудились?

— Нет, вы первые. Вы также и первая группа кандидатов. Я хотел сказать, что, по моему разумению, сопровождение «дорожных жуков» через этот портал должно стать обязательной процедурой.

Я жалобно сказал:

— Почему, черт побери, ты нам никогда не говорил, что мы были первыми? И если ты скажешь в ответ, что мы никогда тебя не спрашивали, то я тебя самолично разберу на составные части ржавой отверткой.

— Вы мне выбора не оставляете, правда? Хорошо, я отвечу так: я потому вам ничего не сказал, что вот такой уж я сукин сын. Доволен?

Дарла заметила:

— Это правда. Мы его никогда не спрашивали.

— Спасибо, лапушка, — ответил Кларк.

— А как это получается, что мы не заслужили эскорта «жуков»? — спросил Сэм.

— А с вами, ребята, не получилось ничего по стандартным канонам.

— Охотно верю, — ответил Сэм. — Не было бы счастья, да несчастье помогло.

— Тревога, — сказал бесстрастно компьютер, — навстречу движется баллистический объект. Рекомендуется уклоняться от столкновения.

Я резко повернул руль налево и съехал на траву, рванув широкой дугой трейлер. Однако мне не удалось совсем избежать столкновения со снарядом, поэтому сзади донесся взрыв и ровный царапающий звук.

— Сильно нам досталось? — спросил я, направляясь обратно на дорогу.

— Похоже на повторение последнего спектакля. Заднюю дверь покорежило, нет герметизации... — он наклонился к приборной доске, чтобы повнимательнее присмотреться к показаниям приборов. — Господи. Похоже, спущен трап. Наверное, взрыв включил спусковой механизм.

— А вот это плохо, — сказал я. — Я его чувствую. Он тащится за нами, и из-за этого трудно вести машину. Ладно, — я посмотрел на измеритель скорости. — Он нас не слишком затормозит.

— Придется мне пойти назад и поднять трап. Нельзя же, чтобы эта штуковина все время там колотилась.

— Посиди минутку, Сэм. У него в запасе еще мог остаться снаряд.

Дарла сказала:

— Мур готов заплатить собственной жизнью за то, чтобы нас увидеть мертвыми.

В том, как она это сказала, был тревожный для меня оттенок фатализма.

Мне стало не по себе. Если Муру было суждено оставаться на этой планете, он готов был рискнуть чем угодно, лишь бы мы тоже с нее не смогли уйти. Я не улучшил положения тем, что специально ткнул его носом в то, что ему суждено тут остаться.

Портал быстро рос перед нами. Лес черных цилиндров доставал до неба, он походил на возникший на горизонте город темных богов. Не самое подходящее место для того, чтобы провести выходные. Но если они меня пропустят, то я хотел бы уехать.

Тут главный мотор внезапно скис, и наша скорость резко снизилась.

Сэм ударил по компьютерному терминалу и стал лихорадочно нажимать на кнопки.

— Программа тут петляет. Мои быстрые поправки не зафиксировались.

— Надо же, какой момент выбрали, — сказал я, глядя на дорогу и видя на ней наш приговор.

Две широкие белые линии уже отмечали начало вхождения в зону портала. Это были направляющие, безопасный коридор, и, как только мы в него войдем, обратно пути уже не будет.

Если тот, кто оказывался между этих двух линий, уклонялся от середины дороги, ему приходилось очень и очень плохо.

Но останавливаться было еще хуже, а времени отъехать от коридора безопасности практически не было, даже если бы сзади не было Мура. Я взглянул на приборы. Скорость у нас падала по-прежнему, и при таком положении вещей мы скоро снизим ее до уровня меньше требуемого. Это все из-за волоочащегося за нами трапа. Вспомогательный мотор не мог компенсировать этот тормоз.

— Джон! — завопил я. — Ты знаешь, где ручное управление трапом?

— Боюсь, что нет, — ответил Джон, отстегивая ремни. — Но я его найду.

— С правой стороны, там, сзади, — сказал я. — Там есть панель и четыре защелки.

— Ему понадобится я, — сказала Дарла.

— Нет, Дарла, — сказал я, но понял, что лишенному механических способностей Джону все-таки понадобится помощь. — Осторожно!

Даже при том, что мы проехали начало зоны вхождения,

портал все еще был не близко. Я надеялся, что это даст нам какую-то возможность маневра, что скорость и направление не будут столь отчаянно важны, пока мы не приблизимся к этому лесу порталов. Но этот портал резко отличался от остальных, которые мне приходилось проезжать на Космостраде. Невозможно сказать, какой водительской точности и виртуозности он мог требовать. Я знал только, что он не для любителей.

— Сэм, как дела?

Он не ответил.

Все чаще и чаще мне попадались ответвления главной дороги, которые шли влево и вправо к другим порталам.

— Компьютер! — позвал я.

— Слушаю! — откликнулся тот.

— Покажи на экране маршрут следования и то место, где мы сейчас.

— Готово.

— Помогай в ведении машины, будь готов взять на себя управление в случае опасности.

— Команды закодированы.

Хотя голос был ровный и чересчур бесстрастный, я был рад, что Сэм приглушил большую часть «личности» искусственного интеллекта. Я как-то устал от бестелесных личностей, дружеских или враждебных, в своей машине.

— Готовься повернуть влево, — предупредил компьютер, когда перед нами появился поворот.

Я поехал влево. Теперь мы были в середине лабиринта дорог. Лес цилиндров был немного правее нас, а та дорога, по которой я поехал, объезжала их, делая немалый крюк. Небо теперь было темным, и я сообразил, что солнце за это время померкло. Облаков не было — сумерки были результатом взаимодействия мощных гравитационных полей, которые порождались цилиндрами. Они-то и искажали пространство вокруг нас.

— Левее, — командовал компьютер.

Я рискнул взглянуть в маленький монитор, который показывал, что творится внутри трейлера, но ничего не увидел. Потом я заметил, что наша скорость падает, хотя и не так резко, как раньше. И все же прибавлять или убавлять скорость во время прохождения портала не рекомендовалось ни в коем случае.

— Сэм?

— Почти готов, — ответил Сэм.

— Внимание! — объявил компьютер. — На нас летит объект. Возможно, ракета. Рекомендуются избегать столкновения. Начат оборонительный огонь.

Это нам не очень-то и поможет, потому что ракеты Мура были весьма сильны даже для Сэма. А я вообще не мог уйти из-под обстрела. Если только компьютер удивительным стече-

нием обстоятельств не сможет сбить эту проклятую ракету, нам придется ее принять. Как только прозвучало предупреждение, я включил связь с прицепом.

— Дарла! — заорал я. — Ложись! Ракета! Всем в переднюю часть прицепа и лечь!

Страшный взрыв потряс тяжеловоз. Прицеп занесло влево, и я лишь огромным усилием смог удержать его на прямой между белыми линиями. Я видел, как сзади несется дым и летят куски.

Как только я выровнял машину, я немедленно включил связь. Монитор прицепа не показывал ничего, кроме полос.

— Дарла! Джон! — вопил я. — Отзовитесь!

Молчание. Я оглянулся, Зоя вскочила на ноги.

— Я пойду туда! — сказала она.

— Нет! Пристегнись!

Она пристегнулась, и я не знал, чего мне стоило немедленно не отменить собственный приказ. Но мне не хотелось потерять еще и Зою.

— За нами летит воздушный объект, — объявил компьютер.

— Что?! — прохрипел я. — Еще одна ракета?

— Нет. Неопознанный объект, возможно, вражеский.

Я понятия не имел, что за бред несет компьютер, а времени посмотреть самому у меня не было. Наверняка сканнеры полетели от взрыва.

Лицо Сэма было изборозжено тонкими мрачными морщинами, а на лбу появился внезапный пот, словно выступила роса. Пальцы его бегали по клавишам бешено, но целенаправленно и ловко.

— Трудный поворот впереди, — монотонно долдонил компьютер.

Я понимал, что если замедлить ход для поворота, то наша скорость снизится до минимальной, поэтому я взял этот поворот с полного хода, надеясь, что трейлер не занесет и нас не перевернет. Я снова проверил показания скорости. Мы ехали ровно. Может быть, взрыв совершенно сорвал трап. Если так, то это удача.

— Дарла, ответь! — закричал я в микрофон. — Ответь!

Снова — нет ответа. Теперь мне не хотелось даже об этом думать.

Я снова проверил сканнеры. Мур догонял нас. Я не видел ничего, что объясняло бы предупреждение компьютера насчет какого-то летающего объекта. Лес цилиндров стал густеть. Я вилял между ними, выбирая дорогу, а темнота вокруг отражала мой собственный страх и отчаяние, сердце мое превратилось в комок льда.

Машина Парадокса работала быстро, колеса ее, шестерен-

ки были снабжены острыми блестящими зубьями, которые вот-вот меня перемелют.

Теперь мы были в самом сердце черного города, а свет был рассеянным и тусклым. Дорога потерялась в сумерках, но белая направляющая линия была хорошо видна. Фары тяжеловоза включились автоматически, но впереди почти ничего не было видно, только направляющие белые линии и размытые куски дороги. Цилиндры были черным лесом на фоне темного неба. И... совершенно неожиданно кусочек красочного пейзажа, окружавшего портал, появился перед нами, как в калейдоскопе, появился, искаженный полями гравитации, и пропал. Снова тьма... Осталась только ровная дорога, которая катилась под колеса машины.

— Впереди очень резкий поворот влево, — предупредил компьютер.

Резкий, это верно, но я его одолел.

— Вычислить время до портала! — приказал я.

— Время — три минуты тридцать три секунды на теперешней скорости. На следующем перекрестке будь готов резко свернуть вправо.

Впереди дорога расходилась под страшными углами. Свернуть вправо оказалось почти невозможно из-за слишком острого угла, приходилось замедлить ход. Но посреди портала ход не замедляют, поэтому я взял его на полном ходу, на молитве и на одном крыле. Мы едва не перевернулись.

— Сэм, нам надо поднять скорость, — мне пришлось в голову, что у меня есть еще время, чтобы медленно поднять скорость, не прибегая к резким рывкам. Это делало машину нестабильной перед лицом резких гравитационных скачков внутри портала.

— Почти, почти готов, — выдохнул Сэм, продолжая колдовать над клавиатурой.

И я продолжал ехать по улицам темного страшного города.

Тут на плече у меня оказалась чья-то рука, неожиданно, вероятно. Спокойная рука, спокойный голос, который сказал:

— Джейк.

Я знал, кто это. Почему-то я не удивился.

— Юрий, — сказал я, не оглядываясь.

— Подумай, Джейк, — сказал он, — каждый угол — это путь к проходу в разные эпохи истории вселенной.

— Это ты об этом подумай, Юрий. Я занят.

— Разумеется. Но тебе снова понадобится Субстрат.

— Я бы с удовольствием воспользовался.

Тяжеловоз завихлял, словно что-то ударило нас сзади.

— Господи, — сказал я, — он же совершенно сошел с ума. Он пытается нас всех убить. — Машина Мура еще раз налетела на трейлер, откатилась назад, потом с размаху снова наехала

на нас. Трейлер задрожал, завилял из стороны в сторону, потом снова выровнялся.

— Впереди резкий поворот влево, — флегматично сказал компьютер. — Очень опасный поворот при нынешних обстоятельствах.

Он говорил так, словно докладывал прогноз погоды.

— Не сейчас, Джейк, — мягко сказал Юрий.

— Нет?

— Попал!!! — завонил Сэм, когда главный мотор снова взревел.

Я рванул вперед, предпочитая уж скорее рискнуть, чем дать Муру возможность натолкнуть нас прямо на цилиндр. Но я проиграл этот раунд. Что-то приподняло тяжеловоз, подняло нас с полотна дороги... потом передумало и опустило нас снова. Часть тяжеловоза при этом опустилась за пределами линии безопасности, кабина оказалась под углом сорок пять градусов к прицепу. Я сражался с рулем, пока все механизмы машины пытались выровнять наше положение на дороге. Прицеп встал на дыбы с такой же легкостью, как приподнимается на ветру брошенный наземь листок бумаги, потом снова мягко опустился, на сей раз в пределах коридора безопасности, но его занесло вправо. Я рванул рычаги управления, снова выровнял машину. Трейлер лепиво выправился, потом его занесло вправо, мне снова пришлось выравнивать его.

Теперь тяжеловоз вихлялся, как змея, решившая скинуть старую кожу. Он не мог остановиться. Каждый корректирующий маневр вызывал к жизни новую противодействующую силу, сбивая настройку на ровный ход. Казалось, я уже ничего не мог сделать, чтобы остановить машину, прекратить ее виляние, извивание, прыжки, я ничего не мог сделать, исчерпав возможности корректировки.

— Ты пропустил поворот налево, — сказал мне компьютер.

Мы уже не ехали назад в земной лабиринт. Нам никогда уже не попасть в земной лабиринт.

— Он едет рядом с нами! — заорал Сэм, выглянув в окно слева.

Я не видел его, но чувствовал, как Мур намеренно ударялся о бок нашего тяжеловоза, чтобы столкнуть его с дороги. Видимо, коридор безопасности был настолько широк, что оставалось еще место для машины Мура, и он мог протиснуться рядом с нами. Я не мог управлять тяжеловозом и не мог ничего сделать с Муром.

— Он не в коридоре безопасности! — закричал Сэм. — Он...

Тут я увидел машину Мура. Она поднялась над дорогой, поднятая невидимой гравитационной ладной. На краткий миг я увидел через стекло улыбку Мура, и от нее у меня кровь похолодела в жилах. Он смотрел прямо на меня.

Встретимся в аду — казалось, говорила его физиономия.
Потом машина исчезла.

— Закрой глаза!

Очень странная команда, если учесть, что она обращена к звездному толкачу, пока он ведет машину. Но я-то знал, почему. Атомы машины Мура, после того, как их разорвет, еще несколько раз покрутятся вокруг цилиндра, прежде чем их засосет, а в это время они испускают синхронную радиацию, что означает множество света.

Вспышка не ослепила меня, но сверкающие звездочки прыгали у меня перед глазами довольно долго. Поэтому, наверное, я не увидел, что дорога впереди резко поворачивает вправо. Компьютер это углядел, попытался предупредить меня, но было слишком поздно. Сэм выскочил со своего сиденья и попытался перехватить управление.

Слишком поздно. Мы вылетели из коридора безопасности, совсем сошли с дороги, но все еще были на земле. Чудовищные кулаки, казалось, колотили нас, невидимые силы тянули и толкали. Мне все чуднее было, что мы по-прежнему живы, все еще путешествуем. Я все еще пока был в своей машине, в тяжеловозе. Теперь все мои чувства обострились, в последние моменты моего существования. Я все еще был там, где хотел быть, делал то, что мне всегда нравилось, Сэм был рядом, а мы ехали по ровной красивой дороге.

Тут Юрий сказал мне:

— Ты вот-вот войдешь в историю, Джейк. Причем в буквальном смысле.

Вдруг тяжеловоз полетел по воздуху, влетая в портал, словно неуклюжий самолет в своем первом и последнем полете, он пронесся через портал, через дыру в небе — эта дыра с размытыми краями вырастала перед нами, готовая засосать нас. Я сказал в пространство, что это похоже на дыру во временно-пространственном континууме — мы как раз через похожие и проскакиваем в порталах. Оно так и было. Я решил, что когда-нибудь спрошу, что эта порталная дыра делает так высоко над землей, в небе, они же обычно гораздо ниже, словно на уровне дороги, чтобы в них могли проехать машины. Я как раз думал об этом, когда тяжеловоз торжественно въехал в эту дыру ровненько и плавно.

И тут больше ничего не было. Абсолютно ничего.

Глава двадцать восьмая

Ничего. Я подумал, что такого не может быть, поэтому я заполнил пустоту тем, что мне пришлось в голову.

— Пусть хоть что-нибудь будет, — попросил я.

И на тебе. Возле меня был Юрий.

— Рассматривай следующие события как события, происходящие вообще вне времени,— сказал он.

— Ну, знаешь, мне это не по зубам,— ответил я.

Он рассмеялся.

— Я тебя знаю очень мало времени, Джейк, но могу сказать, что ты один из самых примечательных людей, какие только попадались мне на веку.

— А мне это все говорят.

— Так и должно быть. Пойдем?

— Куда? Тут же ничего нет, куда можно было бы пойти. Собственно говоря...— я обнял его за плечи.— Слушай, Юрий, старина. Ты же не собираешься мне сказать, что ты — дух прошедшего рождества, как у Диккенса, или что-нибудь в этом роде?

Он на миг задумался.

— Диккенс? Да, Диккенс. Боюсь, что я очень плохо знаю английскую литературу.

— А я, наоборот. Я всегда обожал Достоевского. Могу тебе построчно и постранично цитировать «Идиота».

— Я его никогда не читал.

Я был потрясен.

— И ты еще называешь себя образованным человеком?

— Вряд ли. Вселенную надо защищать от ученых, чьи интересы связаны с литературой.

— Ну хорошо, ты выполнил свой долг. Ну, а что ты хотел сказать?

— Давай пройдемся, Джейк.

— По чему именно мы собираемся пройти? Не понимаю... Ох! — Тут я почувствовал под ногами пол, слегка скользкий, словно свеженатертый. Я посмотрел. Пол блестел.

Мы пошли. Пока мы шли, я чувствовал, что нас как будто окружает огромный зал. Невидимый, словно черное на черном, но он чувствовался. Крыша его была где-то в нескольких километрах над нами. Наши шаги отдавались эхом.

— Это мой собственный спектакль? — спросил я.

— Частично. Мне нравится то ощущение пространства, которое ты создал.

— Огромный домик,— сказал я.— А что это?

— Может быть, конференц-зал. Может быть, что-нибудь еще.

— У меня есть вопрос.

— Давай.

— Он довольно приземленный. Насчет порталов. Они создают не один проход?

— А, ты имеешь в виду тот портал, через который как раз сейчас проезжаешь?

— Ну, пусть так...

— Да, обычно проход не один. Комплекс цилиндров со-

здает целое множество пространственно-временных искажений. Большая часть вторичных проходов на самом деле непроходима. Они не используются. Это уже какое-то время известно. Разумеется, результаты этих исследований широкой публике неизвестны. Как ты понимаешь, колониальные власти подвергают строгой цензуре все публикации. Вторичные эффекты довольно трудно увидеть, если не знаешь, что искать.

— Ясно. Спасибо.

Вдалеке я что-то увидел. Мы подошли поближе, и я увидел, что это был Прим, вернее, какая-то огромная его статуя. Если это и была статуя, то она говорила.

— Теперь мы пришли к заключению, — сказала статуя, а голос звучал, как голос Прима. Статуя была километра два в высоту.

— Воистину, — раздался голос Богини.

Прим сказал:

— Ты удовлетворена конструкцией? Его логические элементы больше не оскорбляют тебя?

Я повернулся и посмотрел. Богиня надвигалась на нас из такой огромной дали, что я мог протянуть руку и коснуться ее.

— Не столько логика меня оскорбляет, сколько отсутствие элегантности решения, — ответила Богиня.

— Тогда ответ — что важнее? Элегантность или действительность?

— И то, и другое — первостепенной важности.

— Тогда в том, что ты говоришь, есть правда. И все же я нахожу изъяны в твоём цветовом решении мыслеразветвления.

Я наклонился к уху Юрия.

— Кто что в чем находит?!

— Не каждая идея может быть выражена словом, увы, — ответил Юрий. Он говорил шепотом. — Ну, это очень трудно передать.

— А о чем они вообще, черт побери, говорят?

— О тебе.

— Н-да.

И снова голос Прима разнесся в темном зале.

— Неужели это решение так трудно принять?

— Оно абсолютно неприемлемо.

— Так же неприемлема негибкость, косность и слепой отказ позволить водам течь туда, куда они текут. (Последнее, наверное, лингвистически неправильно.)

— И столь же зловредна непоправимая небрежность. Сила, которая протекает через наше сознание, подчиняется каналам, которые все же сдерживают ее в нужном русле. Самый сильный стебель сгибается под ветром.

Я наклонился и прошептал:

— Я знаю, что она имеет в виду. Сила, которая выталки-

вает росток сквозь землю из зерна, ведет мою машину через день.

Юрий поморщился.

— Извини, что все так туманно и загадочно. Действительно, звучит, как чушь.

— Значит, я больше не имею никакой власти над тем, что тут сейчас творится? Это больше не мой спектакль?

— Ну, не совсем. По крайней мере, не содержание. Может быть...

Видения исчезли.

— Так что же все это значит, Юрий?

Он рассмеялся.

— В этом весь вопрос, правда? Возможно, это связано с тем, что вселенная сама с собой схватилась. Что же касается Космострады — моего личного занятия и головной боли, — то достаточно сказать, что во вселенной, полной тайн, это еще одна тайна. Космострада не существовала, следовательно, ее надо было изобрести. Миллионы разумных рас, на миллиардах миров, а между ними немислимые расстояния и неумолимые законы физики. Одиночество! Невозможная проблема, которую существа, создавшие Дорогу, решили с помощью науки, которой потребовались миллиарды лет, чтобы развиться. Науки, которая перегнула и сломала все известные законы...

— Юрий, — сказал я, — позволь тебе кое-что сказать. Я по уши сыт метафизикой. Мне совершенно неинтересно. Я хочу знать только одно: что случилось с Дарлой?

— Мне очень жаль, Джейк. Сочувствую твоему горю.

Мне хотелось его ударить.

— А моему гневу ты тоже сочувствуешь?

— Да, конечно... но...

Лицо Юрия стало расплывчатым, потом снова сфокусировалось.

— Не надо, Джейк. Не надо ни грустить, ни гневаться. Ты можешь мне поверить?

— Что? С ней все в порядке?

— Разреши мне употребить выражение, которое, по-моему, родилось в Америке: потом все всплывет.

— Это успокаивает. Я снова спрашиваю тебя: что случилось с Дарлой?

— Это все, что я пока могу сказать. Джейк, пожалуйста, поверь. Пусть у тебя будет немного веры, совсем немного. Если у тебя и есть недостаток, так это то, что ты не можешь ни во что поверить.

Я кивнул.

— Ага. И еще я ковыряю в носу.

— У тебя еще нет никакого почтения ни к чему.

— Нет, жизнь для меня — свята.

— Разумеется.

— Еще одно. Я, если бы не верил, что жизнь абсолютно бессмысленна, немедленно сошел бы с ума.

— Это очень интересно,— ответил Юрий.— Очень немногие люди так думают.

— Я — думаю. А теперь слушай. Я должен вернуться к жизни — вернее, к смерти. Я должен был как раз помереть, когда ты так ловко подвернулся. Извини, не люблю быть невежливым, но мне опять пора туда же.

Юрий дружески улыбнулся, протягивая мне руку.

— Не смею тебя задерживать, удачи тебе, Джейк. Так приятно было с тобой познакомиться.

Я пожал ему руку.

— Спасибо, и напиши, когда устроишься на работу.

Я повернулся и пошел прочь, не оглядываясь. Но идти было некуда.

Снаружи не было ничего.

Тяжеловоз не двигался, ни на сантиметр, ни на дюйм. Не было даже звука, только слабое жужжание мотора, которое немного сотрясало пол.

— Что, черт побери, случилось? — спросил Сэм. — Где мы?

Я повернулся.

— А все...

И надо же, тут же, на сиденье Дарлы, сидел Шон. Он ухмыльнулся мне.

— С нами все в порядке. Только шок, — ответила Зоя.

— Нам было очень дискомфортно несколько секунд назад, — сказал Рагна. Возле него сидела Они. Она кивнула. — Но теперь все о'кей.

Я не мог оторвать глаз от Шона. Казалось, никто больше его не замечает.

— Да, — сказал я. — Замечательно. М-м-м... хорошо.

— Ты забыл обо мне, — отозвался из кормовой кабины Кларк.

— Не могу понять, — сказал Сэм, прижимаясь лицом к стеклу и пытаясь увидеть, что же происходит снаружи. — Ни черта не видно.

— С тобой все в порядке, Кларк? — спросил Кларк сам себя и потом издевательски-весело ответил: — Замечательно! Я здоров, как бык, не беспокойся обо мне, лапочка!

Я попытался выглянуть за окно, но видел только собственное отражение в стекле.

Я притушил свет в кабине. Не помогало. Странные звезды, которые, как мне казалось, сияли за окном, оказались только отражениями огоньков с приборной доски.

Сэм сказал:

— Что ж, мы и этого достигли. Промчались через портал, за которым вообще ничего к чертовой матери нет.

— А ведь по Космостраде всегда гуляли байки подобного рода,— сказал я.— Стоит только проехать через портал неправильно — и окажешься между вселенными или где-нибудь в гиперпространстве. Что-то в таком роде.

— Ну да, слышал. Все горе в том, что мы не знаем, как проехать дальше с того места, которое ни тут, ни там?

Я закрыл глаза — и только потому, что мне этого очень хотелось, я увидел перед собой дорогу.

— Правильно, Джейк, молодец,— подбадривал меня Шон.

Но прежде чем мы покинули это странное место, которое не было реальным пространством, бешено сильный свет вспыхнул где-то снаружи. Свет заполнил кабину — слепящая вспышка, взрыв неземного излучения. Я пригнулся, вжав лицо в мягкую кожу моей куртки. Потом я почувствовал, как спадает волна жара, и поднял глаза. Ничто исчезло... а мы были на дороге, которой я никогда не видел. Она была широка, как во сне, серебряная — вся серебряная — и она сияла в свете десяти миллиардов звезд. Это была серебряная ночь под захватывающим дух невероятным небом, равного которому нет во всей вселенной. Дорога бежала ровно и прямо между двумя черными горными вершинами, которые силуэтами виднелись на горизонте, где-то бесконечно далеко. Я дал полный газ, и под рулеры покатила роскошная дорога, бесконечные ее мили.

— Ты его нашел, Джейк,— рассмеялся Шон.— Путь обратно во времени.

— Он мне очень нравится,— ответил я.

Странные знаки чертили в небе кометы, огненные лучи. Циклы развития, которые проходила вселенная, развертывались перед нами, отмечая годы биением гигантского сердца, отмечая тысячелетия, завершая одни события началом других, ровным и гладким ритмом.

Я смотрел в окно на все это. Сэм даже не поднял головы. Со своей всегдашней практичностью он проверял инструменты.

— Господи Иисусе,— сказал он,— ну и досталось же нам по части радиации. Дозиметр аж зашкалило. Не смертельно, но нам всем лучше принять сульфатидрит.— Он отстегнул ремни и вышел из-за терминала.

— Сэм, пройди в прицеп. Посмотри, как...

— Как раз туда я и направлялся. Сын, тебе лучше приготовиться к самому худшему. Тебе с твоего сиденья самое худшее не видно. А там, сзади, такой кавардак...

И он оставил меня, чтобы я рулил сквозь время, что я и делал. Я даже не стал спрашивать Сэма насчет Шона, и теперь мне даже не хотелось оглядываться. Я просто вел машину. Вел, вел и вел. Долго-предолго. Потом вернулся Сэм.

— Джон жив,—сказал он.—Ожоги второй степени, контузия, но в основном с ним все в порядке. Джейк, Дарлы там, сзади, нет. Она просто исчезла из трейлера.

Я кивнул.

— Так и должно было быть, Сэм. От начала. Так написано в звездах вон там, на небе.

— Нет-нет, ты все перепутал,—сказал Сэм.— Ни при чем тут звезды. Это я...

— Нет, Сэм. Я никого не виню.

Он не знал, что и сказать. Я тоже. Я просто вел и вел машину.

Наконец у меня появилось чувство, что я проехал столько, сколько мне хотелось, сколько мне нужно было проехать. Мне нужна была новая дорога, поэтому я попытался представить себе тут Космостраду, но у меня ничего не получилось.

— Ты же знаешь, где Космострада,—сказал мне Шон из-за спины.— Ты знаешь, где она, Джейк. Это твой дом, единственный дом, где ты и чувствуешь себя, как дома. Найди ее.

Я искал. Я искал и тут, и там, и еще в тысяче разных мест, на этой автостраде, и на той, на ровных и ухабистых дорогах, но ни одна из этих дорог не была такой, какой надо. Я проехал по миллионам пейзажей, морских побережий, звезд, перебирал их одну за другой, проносясь по ним единым мысленным взором. Мимо меня мчались миры и вселенные. Дороги расходились в стороны, и я умудрялся ехать по нескольким сразу.

Наконец я ее нашел. Невозможная Космострада, вечная тайна, такая же твердая и реальная, как порожек, о который спотыкаешься и больно ушибаешь палец. Вот она, прямо тут, свистит под роллерами тяжеловоза. Но я еще не покончил с перелистыванием миров, точно книг. У меня в мыслях был конкретный мир, определенная планета, и я настроился на ее пространственно-временные координаты, а потом вел машину, пока не оказался именно там и тогда.

— Ты меня удивляешь, Джейк,—сказал Шон.— Мне кажется, я понимаю, в чем дело, но я думаю, что мне это не понравится.

Этот мир был Высокое Дерево, родная планета Шона.

Сэм вколол мне тонизирующее, потом выглянул наружу.

— Очень и очень знакомое место,—сказал он.

Это была планета огромных лесов, деревья были невероятно высоки, а листва у них была странной окраски.

— Ну что же,—сказал Сэм,—имея карту Космострады, мы сможем отсюда выбраться домой.

— Мне не нужна карта,—сказал я.

Было почти темно. Солнце планеты, бронзового цвета звезда, оставила на горизонте розовые и фиолетовые потеки света. Несколькими километрами дальше по дороге автостраду пересекала грунтовая дорога, почти тропинка, и я повернулся и по-

ехал по ней. Я раньше уже проезжал по ней, случалось... Но теперь мне надо было быть очень осторожным, потому что здесь был я сам, мое предыдущее я. Теперь я был путешественником во времени, двойником, призраком из будущего. Может быть, такого будущего, которого никогда не будет — если я вмешаюсь в это.

Джон на самом деле чувствовал себя прекрасно. Он ничего не помнил после того, как ракета ударила в прицеп, но смог рассказать нам вот что: он побежал в переднюю часть прицепа, когда услышал по внутренней связи мое предостережение, он повернулся и увидел, что Дарла все еще сражается с механизмом, который поднимает трап. Он закричал ей, чтобы она убежала оттуда. Она помчалась к нему, и как раз в этот момент и ударила ракета. Она сорвала заднюю дверь и проделала огромную дыру в левой обшивке, как раз там, где стояла у стены Дарла. Наверное, ее просто сдуло из трейлера или выбросило взрывной волной. Мы ехали со скоростью больше двухсот километров в час. Не было никакой надежды, что она осталась в живых, даже если взрыв не убил ее мгновенно.

Я остановил тяжеловоз на полянке, которая, как мне показалась, была примерно в километре от «Хливкого Шорька», гостиницы и ресторана Мура. Я отправился в трейлер и посмотрел, какие повреждения мы получили, потом отошел в кормовую каюту и стал искать себе, во что бы переодеться. Там не было ничего особенного, но мне удалось найти свитер, очень старый и грязный, с кожаными заплатками на локтях, и какие-то синие джинсы. Наверное, Карла.

Мне и нужен был какой-нибудь камуфляж. Я вытащил из-под койки вязаную шапочку-колпачок, к которой прилипли комья пыли, а на дне шкафа с одеждой я набрел на пару поляризующих очков — они облегчают трудности разглядывания размытой дыры портала, когда ты в нее въезжаешь. Они, правда, довольно бесполезны, потому что, если ты не находишься уже перед самым порталом и не едешь точно по цели, они тебе не помогут. Но сейчас эти очки замечательно меня выручат.

Из шкафчика с оружием я выбрал двенадцатизарядный скорчер.

— Ты это куда? — хотел узнать Сэм.

— Через два часа вернусь. Если не вернусь через четыре, у тебя есть карта Космострады.

— Джейк, по-моему, ты сошел с ума.

— Наверное. Я вернусь, Сэм.

Кларк странно посмотрел на меня.

— Не могу себе представить, что ты задумал.

— Я Хозяин Времени и Пространства.

Кларк медленно кивнул.

— Угу. Ясно,— он посмотрел на Сэма, ища поддержки.

Увы, Сэм ничем не мог ему помочь. Я прошел через кабину, слез по лесенке, закрыл дверь и пошел в лес.

Я хорошо помнил этот лес, шумы, ночные звуки. Я теперь снова их слышал. В первый раз они меня пугали. Более того, должен сказать. За мной гнался какой-то оскаленный ночной кошмар — я удрал и никогда не узнал, что это была за тварь. Но это было глубоко в лесу, на тропинке. А это была хорошая дорога, которую, наверное, использовали для вывоза бревен.

И я был не один. Я чувствовал, что рядом со мной идет Шон.

— А, Джейк, молодец. Есть в тебе перец.

Я ничего не сказал.

— Тебе наверняка придется пойти в субботу на исповедь.

— Не хочу грубить полубогу, Шон, но отвяжись, ладно?

— Ах, Джейк, Джейк...

Я оставил его позади.

Идти пришлось совсем недолго. Теперь было уже темно, но яркие теплые огни «Шорька» горели впереди. Я слышал звуки веселой пирушки. Я остановился, спрятался за деревом и посмотрел на стоянку. Там стоял тяжеловоз. Мой тяжеловоз. Это была ночь, наша первая ночь на Высоком Дереве. Сэм был в этом тяжеловозе, в своем втором воплощении, в сложном переплетении магнитных импульсов. А чем он был теперь?

Я обошел стоянку и пошел к черному ходу. Там было окошко...

Кто-то выходил через черный ход из гостиницы.

Лори! И Карл! И еще Винни. Я нырнул за огромное дерево. Они прошли мимо меня, рука об руку. Я выглянул из-за дерева и жадно наблюдал за ними. Они остановились, пока Винни обследовала раскидистый куст. Я глядел на них во все глаза. Тут оправдалась старая поговорка насчет того, что если смотреть кому-то в спину, то человек непременно обернется. Лори внезапно повернулась ко мне. Я снова отскочил за дерево, проклиная свою неосторожность, но тут же вспомнил, что уже темно, а я переодет.

Я помню, что Лори и Винни вышли из гостиницы, чтобы поискать чего-нибудь для Винни, чтобы и она могла поесть. Но это было раньше, если память мне не изменяет. Чуть позже на них напали и похитили вместе с Винни и из-за Винни. Но, если я смогу сделать то, что нужно сделать, этого никогда не случится. Я пошел к заднему окну бара.

Только взгляд, только один короткий миг. Я не мог заставить себя это сделать. Не мог заставить себя на нее посмотреть. Она сидела там и пила, веселилась, глядя, как я прохожу все нелепые ритуалы посвящения в общество «Братство Буджума». Как раз сейчас, наверное, она с трудом сдерживает смех... Или она уже ушла наверх? А может быть, Мур уже...

Может быть, мне не хотелось смотреть от страха, что я увижу самого себя. От страха, что стану тем самым демоном, который иногда злобно глядит на вас с той стороны из зеркала. Я не чувствовал себя настоящим. Это не могло происходить в реальности. Вот именно. Все, что стало происходить со мной с того момента, как начался весь Парадокс, казалось мне самым длинным ночным кошмаром в истории человечества. Я не мог бы поверить, если бы мне такое рассказали. Это не могло быть частью потока жизни — это был пузырь в гладком потоке континуума, блестящий, радужный пузырь, который отбрасывал искаженные отражения во все стороны. Проткни его где-нибудь — и он взорвется миллионом радужных невероятных брызг и исчезнет в пустоте.

Убить Мура прямо тут и сейчас — и прервется поворот очередного цикла, все кончится. Дарла погибла — нет никакой возможности вернуть ее. Но ей не пришлось бы умереть, если бы она никогда не встретила меня. Если она никогда не встретит меня. И это я и сделаю. Впервые в своей жизни я чувствовал такую отчаянную решимость. Я хотел видеть кровь Мура, и я это осуществляю еще до того, как закончится ночь.

Я шатался в темноте позади «Шорька». Я нашел дверь, над которой вращался вентилятор, гнавший воздух из гостиницы наружу и всасывавший внутрь свежий. Дверь не была заперта, и я тихо открыл ее и вошел внутрь. Человек в фартуке и поварском колпаке резал у противоположной стены капусту. Он был страшно занят, поэтому даже не оглянулся, когда я прошел через кухню. Я остановился у вращающихся дверей и прошел сквозь двери в коридор, который в конце концов привел меня в холл гостиницы. Всюду было пусто, за столом в холле никого не было, даже портье. Из бара доносились вопли всеобщего празднования. Я зашел за барьер администратора и увидел, что дверь, ведущая в комнатку за барьером, слегка приотворена. Оттуда доносились голоса. Я подкрался к двери, прижался к стене и прислушался.

— ...Прендергаст...

Это был голос Мура. Я старательно прислушивался, потихоньку все ближе подкрадываясь к двери.

— ...на корабле, но они удрали. Они говорят, что у их твари, похожей на мартышку, есть карта Космострады — у нее есть карта, или она сама карта — не разбери-поймешь. Во всяком случае, ему нужна наша помощь. Громадные деньги, если все получится. Очень большие.

— И прямо у нас под носом? — спросил еще какой-то голос.

— Только что поселился тут. Что-то около пяти вечера.

По описанию — он и есть.

— Менты его заметут, что ли?

— Нет, если только мы возьмем инициативу в свои руки.

Можно его где-нибудь запрягать на время. Все дело в том, что их семеро... Всех в мешок не засунешь...

Кто-то у стола портье звонил в колокольчик. Нет, скорее, это звонил телефон на столе. Я замер. На всякий случай я вытащил скорчер из кармана и снял его с предохранителя. Ну, теперь все. Пора...

— Я снимаю трубку, Зейк.

— Хрен с ним, с телефоном,— ответил Мур.— Это важнее. Я хочу, чтобы ты и Джофф...

Телефон снова зазвонил.

— Плевать я хотел, я сказал же! Слушайте сюда. Он будет участвовать в церемонии Братства. Когда он окажется в лесу...

Я отошел от двери. Лучше избавиться от назойливого звонящего, а потом вернуться и закончить начатое дело.

— Клерк занят,— ответил я в трубку,— перезвоните попозже...

Это была Дарла.

— Я просто хотела узнать...

Я не успел ничего предпринять. Наш номер был слишком близко. Она выскочила из него, пулей пронеслась по коридору и застыла передо мной.

Рот ее приоткрылся от изумления, когда она окончательно уверилась, что не ошиблась.

— Джейк! Что...— она изумленно посмотрела на дверь, ведущую в бар, потом на меня. Рот ее по-прежнему был приоткрыт. Она опомнилась, закрыла рот и посмотрела на меня с легким испугом.

— Джейк,— прошептала она,— это ты.

Я сам замер на месте. Время на миг остановилось, и я мог видеть только ее лицо — самое прекрасное, что только было создано творением.

Я опомнился, перескочил через барьерчик, схватил Дарлу за руку и повел ее обратно через кухню. Повар на сей раз заметил и пробормотал что-то насчет того, что кухня — не вокзал.

Выйдя на улицу, я прижал Дарлу к себе и поцеловал. Она сперва удивилась, потом поддалась и ответила на мой поцелуй.

— Дарла... любимая...— сказал я.

Глаза ее снова наполнились испугом, и она отпрянула.

— Ты — Джейк? То есть — это ты? Ты каким-то образом путешествуешь во времени. Точно так, как рассказывают легенды.— Она снова посмотрела в сторону гостиницы и сказала: — Значит, так оно и есть. Я только что видела тебя в баре, не прошло и минуты — как ты тут и в совсем другой одежде. Я еле тебя узнала,— она покачала головой и прислонилась к стволу дерева, под которым мы стояли.— Почти невозможно поверить.

— Только помни одно,— сказал я.— Ты не смеешь ни словом обмолвиться...— я не знал, как сказать это.

Она кивнула.

— Понимаю. Нет, он не поверит, правда же? Да и как он сможет, после всего того вранья, которое между нами было... так много раз. Но ты знаешь, Джейк, правда? Ты же знаешь? Теперь ты знаешь так много. Так обязательно должно быть. И...

— И я люблю тебя.

Она улыбнулась и обняла меня. Мы снова поцеловались.

Она прижалась ко мне.

— Джейк, мне страшно. Мы потерялись, Джейк. Но мы вернемся обратно, правда же? Ты же вернулся, вернулся обратно. Мы снова окажемся дома, да?

— Мы уже почти дома, Дарла, любимая.

— Джейк, родной мой. Так мало времени. Я люблю тебя. Я любила тебя с самого начала. Теперь ты это знаешь, мы попались в это страшное сплетение событий, и мне иногда кажется, что мы никогда из него не освободимся.

— Освободимся, освободимся,— сказал я.

— Я тебе верю. Не могу представить себе, как это может произойти, но я тебе верю.

Мы стояли в этой волшебной ночи, держась за руки, и молчали.

За моей спиной раздались шаги.

— Вот ты где,— сказал кто-то, кого я не узнал.— Ну что же, уютное местечко. Что это за осел с тобой?

Передо мной стоял кто-то смутно знакомый. Еще один лесоруб— наверное, тот, с кем Дарла разговаривала в баре. Я не мог точно сказать. Я был так пьян в ту ночь... то есть, в эту ночь, что не помнил.

— Сейчас приду к вам,— ответила Дарла.— Сейчас вернусь в «Стрижающий меч».

— Иди гуляй, парень,— сказал мне лесоруб.

Я врезал ему как следует по челюсти, и он навзничь повалился в траву. Но мне надо было бы вовремя оглянуться.

С этим у меня всегда проблемы.

Глава двадцать девятая

Подобрал и привел меня в себя Лайем.

— Что, сцепился с кем-то, Джейк?— он рассмеялся.

Башка у меня дьявольски болела.

— Э? А?— только и мог я сказать.

— С тобой все в порядке, парень?

— Угу,— ответил я, прислонясь к дереву и придерживая голову, причем обеими руками: она вот-вот грозила отвалиться. Невозможно поверить, но это чистейшая правда: второй раз на той же самой планете, в ту же ночь, меня вырубili намертво.

Хорошо, что тут появился Лайем: что бы Мур стал делать с двумя Джейками? Это разорвало бы петлю времени так, как мне не хотелось бы. Хорошо. Но разве Лайем не вышел только что из бара? Разве он меня там не видел?

— Похоже, тебе как следует вlepили по башке,—сказал Лайем.— Ты уверен, что с тобой все в порядке, Джейк?

— Ага, только погоди минутку, дай мне прийти в себя.

Может быть, второго Джейка уже вывели из бара и послали охотиться на Буджума, и Лайем просто решил, что я потерялся и оказался тут? Но как он объяснил себе другую одежду?

Меня вдруг озарило.

Я посмотрел на него. Он улыбнулся в ответ, и я понял.

— Ты ведь Лайем из Кульминации, да?

— Он самый. Шон подумал, что мне стоит тебе помочь. Я прогнал прочь парнишек Мура. И мне кажется, что они тебя не узнали. Тут очень темно.

Я кивнул. Я понял, что мне повезло.

Лайем хохотнул:

— Ты уже сыт по горло тем, как пытался копать в той ткани, из которой сшита вселенная?

— Да. Я оставлю эту ткань в покое к чертовой матери.

Он засмеялся:

— Необязательно это все, Джейк. Все в порядке. Все хорошо.

— Но ты же не можешь сказать, как именно хорошо, верно?

— Не совсем. Я не мог бы детально тебе описать, что именно хорошо.

Я выпрямился.

— Ладно. Спасибо тебе, спасибо.

— Ты едешь домой?

— Да, если смогу добраться обратно. Мне же надо еще высадить по дороге Рагну и Они.

— Смотри, помощь еще может тебе понадобиться.

— Может быть. Если мы поедem и проскочим портал в их мир, то они вернутся раньше, чем уехали. Опять та же самая петрушка. Такого нельзя допустить, правильно? Я единственный, у кого на это есть благословение папы римского.

— Если захочешь, я тебе кого-нибудь пошлю,—предложил Лайем.

— Отлично. Ценю вашу помощь, ребята. До свиданья, Лайем.

— Удачи тебе, Джейк. Будь здоров.

Я убрался оттуда. Я чувствовал угрызения совести. Не за то, что хотел убить Мура, а за то, что не подумал. Если бы я взорвал этот многоцветный шарик, искажавший и множивший действительность в сотни раз, я бы тем самым уничтожил

шанс Сэма на вторую жизнь, на новое тело. Я ведь об этом не подумал. Нет. А Карл? Перерыв в петле времени его пощадил бы, а как насчет Лори? Во Внешних Мирах она была сиротой. Тяжелая жизнь. А теперь она... Нет, нет. Теперь она давно мертва. Правильно?

Я шел дальше через лес, а из каждого куста на меня кричали, хрюкали и вякали местные твари.

Ей-богу, не знаю. А Дарла? Какая судьба была бы ей уготована как беглецу из колониальных владений? Погибла бы она в перестрелке с милицией или умерла бы за свое великое дело? За диссидентское движение? Не знаю.

Не говоря ничего уже о Сьюзен, Шоне, Роланде, Лайеме и Юрии.

А как насчет тебя, Джейк? Как насчет человека, который все это испытал, который жив вне пузыря краткий миг? Что станет с этими воспоминаниями? Что станет с твоей любовью к Дарле? Неужели все будет стерто с доски? Неужели просто так: палец сотрет черточку и пойдет писать дальше?

Откуда мне знать. Я не полубог, так его мать...

Я знал, что Дарла и я наверняка были единственными людьми в истории человечества, которые смогли преодолеть бездну между живыми и мертвыми и говорить через эту бездну. В этом смысле любовь бессмертна.

Крохотный тихий голосишко в лесу:

— Джейк!

Я узнал голос, но не мог поверить в это.

— Винни?

Это была она, и она осторожно вышла из темноты.

— Привет, Джейк, — сказала она самым четким и чистым языком. Пропал всякий след ее детского акцента.

— Привет, Винни, — ответил я.

— Можно, я пройду с тобой?

— Конечно, лапочка. Господи, как ты переменялась.

— Я по-прежнему — я, Джейк. А как дела у тебя?

— Все кручусь, Винни, все кручусь.

— Мне очень грустно из-за тебя, Джейк.

Она вложила свою лапку с двумя большими пальцами в мою, и мы молча шли по лунной дорожке. Я спросил:

— Расскажи мне о Расе Проводников.

— Они были выбраны среди Великих Рас, чтобы они могли быть проводниками и спутниками в путешествиях. Личность из такой расы сама не знает, кто она, пока не достигает Дома.

— Понятно. И ты достигла Дома.

— С твоей помощью, Джейк. Большое тебе спасибо. И от Джорджи тоже.

— Ты говоришь, как Винни, хотя теперь я тебя понимаю.

— А я и есть Винни, Джейк.

— Я понимаю, но по-моему, ты нечто большее.

— И это тоже правда.

Она забрала у меня свою руку и остановилась.

— Я тебе помогу потом, Джейк, если тебе понадобится моя помощь. Я буду с тобой.

— Спасибо, Винни.

— До свиданья, Джейк.

— До свиданья, Винни.

Когда я вернулся обратно в тяжеловоз, Сэм приветствовал меня мрачной физиономией.

— Это розово-лиловое привидение отправилось следом за тобой,— сказал он.

— Кларк?

— Ага. Он все нервничал и нервничал, потом сказал, что не может позволить тебе все напаскудить,— так и сказал,— и слинял в кусты. И пошел-то без фонарика. Я никак не мог его остановить.

Я отлично знал, куда он ушел. Я и не знал, надо ли мне его останавливать. Но я взял фонарик и бросился к «Шорьку», надеясь, что ткань вселенной выдержит, если я еще немного испытую ее на прочность.

Через полчаса я полз по траве, пригасив фонарик. Я был где-то с нужным местом, но не знал, где именно.

Я встал на колени под небольшим деревцем и прислушался. Слева от меня кто-то продирался через кусты.

Я ждал. В кустах по-прежнему кто-то шуршал.

Потом я услышал:

— Ох! Господи! Батюшки светы!

Краткая возня в кустах и подлеске, потом что-то очень большое бегом помчалось по тропинке ко мне. Я на миг включил фонарик.

— Ай-й-й! — взвизгнул Кларк.

— Ш-ш-ш-ш!

— Джейк? Это ты? Я хочу сказать, настоящий? То есть...

— Да, это я. Заткнись. Нам сюда.

Мы выбрались оттуда. Когда все стало более или менее безопасно, я включил фонарик.

— Ох, господи, как ужасно все это было,— причитал Кларк.— Я подумал, что это ты, и оказалось, что это твой двойник. Я понял свою ошибку в тот же миг, когда подошел к нему поближе! Ты же ушел в этой тряпке, которую называешь свитером, и в этой страшной шапке...

— Ты что, смеешься? Это же новая мода на ближайшую осень.

— Ох ты, господи! Как ты думаешь, я все испортил? Я хочу сказать, он меня **ВИДЕЛ!**

— Забудь об этом. Я тебя видел. Я помню.

— Да, конечно, я понимаю, что ты меня видел, а как же иначе, но я хочу сказать...

— Оставим это: Я тебя помню.

— Ты его нашел,— сказал Сэм, всем своим тоном давая понять, что лучше было бы не найти.

— Поехали с этой навозной кучи,— ответил я.

Мы ехали всю ночь и уехали с этой навозной кучи, но по-прежнему оставались во Внешних Мирах, где нам все равно оставаться не хотелось, поэтому мы проскочили куда-то через неизвестный портал и воспользовались картой, чтобы найти родную планету Рагны и Они.

Прежде чем мы проскочили портал, я устроился снова на сиденье водителя и снова создал маршрут обратно во времени. Пока я вел машину, я почувствовал снова присутствие Винни в тяжеловозе. Но я не оглядывался, чтобы посмотреть.

Мы приехали в ясный день, солнце пустыни светило немилосердно ярко.

— Лучше всего поступить как можно осторожнее,— сказал мне Рагна.— В те пещеры, где мы живем, есть еще один вход, которым нам надо воспользоваться, если мы не хотим никого увидеть. Направо сюда, пожалуйста, Джейк.

Я съехал с дороги на сыпкий песок и с трудом пробирался, пока под колесами не оказалась твердая земля. Потом мы и вовсе выехали на скальные породы, и путь стал просто прекрасный. Второй вход оказался у основания высоченного обрыва. Его едва можно было заметить, но Рагна углядел его. Он сказал, что знает, как пройти отсюда к главным пещерам, где живут ахгирры, и я ему поверил. Однако нам пришлось столкнуться с проблемой: мы не знали, в каком времени мы оказались. Рагна не мог пойти к кому-нибудь, похлопать по плечу и спросить, какое число сегодня—это влекло за собой риск нарушить парадокс.

— Мы пока посидим в нижних пещерах, а потом выйдем и спросим.

Сэм предложил подъехать к ближайшему фальну и узнать дату там—но тут существовал риск для нас. В последний раз, когда мы посетили эти огромные города ахгирров, нам здорово досталось. Нет, Рагна считал, что в его родных пещерах будет безопаснее. Я не мог ничем тут помочь, потому что мое путешествие во времени было чисто интуитивным. У меня не было никакого чувства относительно того, насколько мы продвинулись во времени вперед или назад. Можно было сказать, что я представлял себе это с погрешностью примерно на месяц. Мы покинули Высокое Дерево через несколько дней после нашего приключения там, а потом пробыли здесь недель пять. Оказалось, что мне еще понадобится практика, чтобы научить-

ся аккуратно ездить по временно-пространственным трассам.

Сэм сидел в машине вместе с Джоном, который поправлялся после своего легкого ранения, пока я и Кларк вошли в пещеры вместе с нашими друзьями ахгиррами. Мы несли с собой все продукты и припасы, которые только могли. Мы прошли, казалось, несколько километров, но это было приятно. Пещеры были спокойными и прохладными, как я помнил. В этом подземном мире Сьюзен и я провели немало приятных минут.

Сьюзен. Мне ее очень не хватало.

Рагна выбрал очаровательный маленький грот возле одного из подземных ручьев, протекавших через эти пещеры. Мы разбили лагерь. Делать нам особенно было нечего, но с нами были две походные армейские койки — они поступали с фабрики разобранными на части, и их надо было сложить. Наверное, раньше они принадлежали Шону и Лайему, которые, уезжая из дому, прихватили, наверное, все свои мирские пожитки. Они вычистили свою ферму до последней нитки. В трейлере до сих пор полно было их хлама. После того, как я собрал койки, я обратил внимание на то, что Кларка поблизости не было.

— Это существо отправилось на все четыре стороны, — сказала Она, и я не мог удержаться от улыбки: ахгирры любили красиво и бойко говорить, но знание языка их явно подводило. — Оно, наверное, неплохо видит в темноте. Интересно, почему оно отправилось прочь.

Я почесал в затылке.

— А, ладно. Рагна? Что ты такое говорил насчет аварийных запасов пищи, которые спрятаны в различных пещерах?

— Их спрятали в нескольких стратегически важных пещерах. Это старая традиция ахгирров: если нападут неприятели и прочие враждебные личности — спрятаться и выжить.

— Ага. И ты знаешь, где эти запасы?

— Разумеется.

— Отлично. Тогда надеюсь, что тебе тут будет удобно.

— Мы будем просто как эти... огурчики. И большое тебе спасибо за все, Джейк.

Я рассмеялся и взял гладкую руку Рагны. Я узнал и полюбил этих инопланетян, и мне их очень будет не хватать.

Мы услышали кудахтанье. Я оглянулся и увидел Кларка, который несся к нам из темноты. Он был крайне взволнован.

— Не могу поверить, но это случилось снова! — завопил он.

— Что? — спросил я.

— ТЫ ЗДЕСЬ!!! Ты. Это снова случилось. Он меня увидел.

— Да, я знаю, — ответил я. — Я и это помню.

— Ради бога, это же просто издевательство!

— А что ты бегаешь повсюду, куда тебя не звали?

— Я просто хотел посмотреть, что тут такое. Это первые каникулы, которые у меня были за шесть миллионов лет. Мне

нравится наше маленькое приключение, и мне очень захотелось посмотреть, что тут такое.

— Ну и пожалуйста, увидел еще одно привидение. Считай, что тебе повезло. Трудно заполучить себе место на экскурсии с привидениями.

Рагна и Они прошли вместе с нами до выхода. Теперь они точно знали, сколько времени им придется таиться. Когда они наконец вылезут из пещеры, им придется очень многое объяснять своим согражданам.

— Все будут вежливо слушать, — сказал Рагна, — потом будут думать: ну вот, Рагна, наконец, достиг полного помешательства. Но Они и я будем писать мемуары и продавать издателем за сумасшедшие деньги.

Мы попросились. Они заплакали, и я тоже прослезился.

Что может быть более человеческим?

Глава тридцатая

Осталось рассказать не так много.

Среди прочих незаконченных дел оставалось спасти себя самого из лап колониальной милиции на планете, которая называлась Голиаф. Я помнил, как кто-то, у кого было мое собственное лицо, стоял надо мной в камере, вкалывая мне какой-то наркотик, который должен был вывести меня из квазигипнотического состояния.

Тут снова представилась возможность бросить палку в колесо Парадокса. Мы могли просто решить этого не делать. Теоретически это могло прервать всю цепь событий, которые разворачивались с момента этого спасения... но нет. Я не мог устоять перед возможностью протянуть руку своему двойнику в зеркале. В конце концов, он был в тяжелом положении, и, если я ему помогу, он, глядишь, может то же самое сделать для меня.

Но тут существовали свои проблемы. Я вообще не понимал, как мы могли это сделать без того, чтобы возникли нежелательные парадоксы, причем тихо и эффективно. У нас были для этого средства. Ретикулянский жезл, прибор для контроля психики, который мы отобрали у Уилкса на борту «Лапуты», все еще лежал у меня в бардачке. Ясно было, что кто-то использовал этот жезл или такой же для того, чтобы вырубить все отделение милиции.

Но как нам привести все к общему знаменателю и аккуратно воплотить в жизнь?

Ответ пришел тогда, когда Кларк объявил, что космический корабль починился.

— Теперь он в полном порядке. Я проверил его, и он отлично работает.

Мы обсудили операцию по спасению, и Кларк сразу высказал несколько замечательных идей.

— Ничего не стоит приспособить вспомогательные системы корабля к тому, чтобы они продублировали эффект жезла,— сказал он,— если ты хочешь это осуществить именно так.

— Это будет просто здорово,— ответил я,— есть несколько сложностей. Нам придется быть неподалеку, и мы тоже окажемся под воздействием того же самого излучения. Единственное противоядие, которое я знаю, это доза умеренного транквилизатора, а наша аптечка почти пуста.

— А, это не проблема. Я же сказал, что мы можем продублировать этот эффект так, как ты его описал. Это не означает, что нам придется использовать те же самые средства, хотя они могут и быть подобными. Я просто-напросто настрою луч так, что он не будет резонировать с твоим мозговым излучением. Ты окажешься неподвластным лучу и сможешь выполнять свою миссию, как захочешь.

— Ну, тогда все великолепно,— сказал я, потом прищелкнул пальцами.— Нет, совсем не отлично. Тогда и мой двойник окажется неподвластным этим лучам, а история гласит, что он им поддался.

Кларк пожал своими почти несуществующими плечами.

— Ну, а может, немного пренебречь историей? Вселенная не хватится двух-трех исторических фактов.

— Не знаю,— сказал я, почесывая щетину. У меня подходили к концу и бритвенные лезвия тоже.— Ей-богу, не знаю.

— Кларк,— сказал Сэм,— ты должен настроить эту штуковину к моему котелку в такт, и я пойду и сделаю все, что нужно.

— Нет, Сэм. Это не пойдет. Я тебя в отделении не видел.

— Погоди минутку.

Он на миг пошел в кормовую каюту, потом вернулся обратно. Он что-то сделал с волосами — причесался иначе, что ли, или зачесал на сторону. Мне трудно было сказать, что именно.

Зоя посмотрела на него долгим взглядом, потом повернулась ко мне.

— Можно было бы сказать, что вы близнецы.

Я попытался вызвать в памяти сцену спасения, увидеть таинственное лицо, нависшее надо мной. Как мог я не узнать лицо родного отца? Или же я просто не мог заставить себя в то время поверить в такой факт? Может быть, все объясняется тем, что мои воспоминания были не слишком четкими. В конце концов, это воспоминание всегда останется в гипнотическом тумане. Ну и пусть.

— Как насчет транквилизатора? — спросил я.

— Нам он не понадобится, — ответил Сэм.

— Тогда зачем тебе вообще идти? — спросил я.

— Ну, твой двойник нуждается в чем-нибудь, что бы его встряхнуло,— сказал Кларк.— Не знаю, как насчет этого таин-

ственного прибора, но моя техника требует определенного химического средства, чтобы облегчить состояние того, кто попал под гипноз. Если, конечно, ты хочешь, чтобы твой двойник ходил, говорил и выполнял то, что ему положено.

Да уж, ему будет положено сделать кучу вещей. У нас осталась только одна ампула сульфата амфетамина. Этого вполне хватит.

И все же оставался вопрос того, как подобраться поближе к отделению милиции, не вызывая кучу проблем-парадоксов. Кларк предложил, чтобы мы подлетели туда в корабле, и мы согласились. Мне не хотелось снова пользоваться обратным временным маршрутом. Кроме того, я чувствовал, что моя связь с Кульминацией все слабеет.

На пыльной планете без названия Кларк выгрузил корабль и надул его до надлежащих размеров. Я загнал в него тяжеловоз, и мы полетели. Мы потратили много времени, пытаясь дать Кларку самые точные временные данные о событии. С помощью Карты Космострады мы смогли как следует указать место, где находилась планета. Голиаф был частью земного лабиринта, и звезда этой планеты была известна астрономам Земли, хотя только по номеру в каталоге. Но мы в конце концов прибыли.

— Так быстро? — спросил я с удивлением, потому что мы едва успели поставить тяжеловоз в грузовой отсек и запереть его.

— Ну, корабль делает все прыжки — переходы — в нуль времени. Да и Голиаф не так далеко, и я сделал все это за один чистый прыжок. — Кларк гордо глядел на нас.

Я смотрел на грязно-бурого цвета планету, которая вращалась под нами. Планета казалась жестокой, неукротимой. Огромное чудовище.

— Ну, теперь предстоит искать город, — сказал Кларк, а его туповатые пластиковые пальцы бегали по пультам управления. — А, вот он. Как он называется?

— Максвеллвилль.

— Настоящий очаг культуры, а? Ладно, поехали.

Навстречу нам рванулась планета, потом превратилась в огромную выжженную пустыню, небо над которой горело голубовато-белесым огнем.

Нам было не совсем понятно, в какое время дня нам надо прибыть. Насколько я помнил, допрашивали меня ранним утром, потом я попытался бежать, меня снова бросили в тюрьму где-то на рассвете. Я провел там около двух часов, потом вырубился и, как мне показалось, был без сознания только несколько минут. Кажется, мы попали в точку. Солнце Голиафа еще стояло совсем низко над горизонтом, и мы не опоздали. Кларк завис над городом. Несколько минут мы искали на пере-

плетении улиц отделение милиции. Город кипел ранним утром, жизнь была ключом, движение машин уже начиналось. Все приходилось делать среди бела дня, на глазах многочисленных свидетелей.

— Корабль могут увидеть? — спросил я.

— Только если ты уж очень будешь стараться смотреть, — сказал Кларк. — Не беспокойся. Сэм, однако, произведет фурор, если я его буду спускать с небес, как ангела.

— А ты можешь растянуть действие лучей на несколько кварталов?

— Ты хочешь сделать так, чтобы под действие прибора попали и другие люди?

— Да, чем меньше свидетелей, тем лучше.

— Ну, конечно, могу. Как хочешь, так и сделаем. Но все будут удивляться, что же такое случилось.

— Да пусть себе удивляются. Я просто не хочу, чтобы они хоть что-нибудь видели.

— Отлично, дружок.

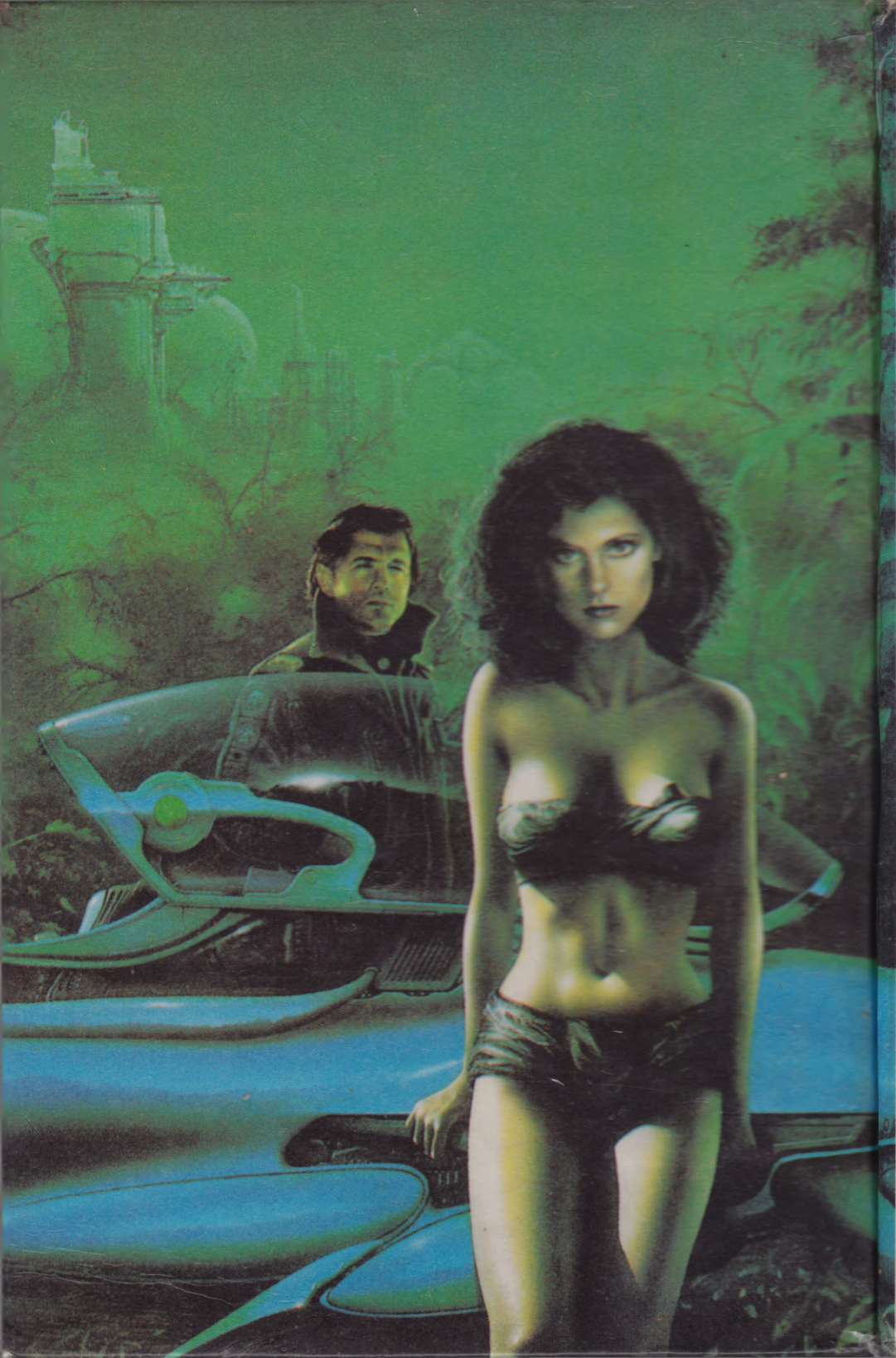
Я готов был нарисовать по памяти карту милицейского участка, но Кларк волшебным образом вытащил из своего пульты управления кусочек тонкой бумаги с профессионально сделанным планом.

— Приборы этого корабля сделаны так, что от них и в милиции не укроешься, — сказал Кларк.

Сэм ознакомился с расположением комнат на этажах. Потом он сложил план и сунул в карман брюк.

— Ладно, я готов. Нужно мазать лицо жженой пробкой, делать татуировки? Еще что-нибудь?

— Погоди минутку, — сказал я. — Кларк, разве импульсы мозга человека с годами не меняются?

Э. Д. ДЕНСИ. КОСМИЧЕСКИЙ
ДАЛЬНОБОЙЩИК